ИСТОРИЧЕСКАЯ

ХРЕСТОМАТІЯ

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

для

учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и преподавателей.

ВЫПУСКЪ II.

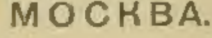
составилъ

В. Покровскій.

Цѣна 1 р. 50 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
М. Д. НАУМОВА.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа
Арбатъ, домъ Платонова.
1887.

УЧЕБНЫЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ

МОСКОВСКИМЪ КНИГОПРОДАВЦЕМЪ

М. Д. НАУМОВЫМЪ

ВЪ МОСКВѢ,

Мясницкая улица, домъ Духовной Консисторіи.

Вертоградскій, І., преподаватель Реальнаго училища св. Михаила. Практическій курсъ элементарной грамматики, составленный по руководству „Русское Правописаніе" академика Грота. М. 1885 г. Ц. 40 к. Одобренъ Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр., какъ руководство.

— Методическія замѣтки для учителей. М. 1885 г. Ц. 40 к.

Гика, Д. Задачи для начальнаго обученія ариѳметикѣ — цѣлыя числа. Изданіе. 2-е, исправленное и дополненное, одобрено Учен. Комит. М. Н. Пр. и Духовно-Учебн. Комит. при Святѣйшемъ Синодѣ. М. 1885 г. Ц. 45 к.

Гика, Д. и ***Муромцевъ, А.*** Элементы геометріи; курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, расположенный по способамъ доказательствъ. Ц. 1 р.

— Геометрическія задачи. Часть 1-я. Задачи плоской геометріи (1750 задачъ). Ц. 75 к.

— Геометрическія задачи. Часть 2-я. Задачи геометріи въ пространствѣ. (Задачи 1751 до 2768). Ц. 75 к.

Ивановъ, В., преподаватель Смоленскаго реальнаго училища. Учебникъ русской грамматики (курсъ среднихъ учебныхъ заведеній), вып. 2-й. Уч. К. М. Н. Пр. одобренъ, какъ учебное пособіе при преподаваніи русскаго языка для гимназій и реальныхъ училищъ, и какъ учебное руководство для учительскихъ семинарій. М. 1882 г. Ц. 40 к.

Козьминъ, К., преподаватель Московскаго учительскаго института. Русская хрестоматія для среднихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній, городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Курсъ II, изданіе 4-е, исправленное и дополн. 2-е изд. одобрено Учен. Ком. М. Н. Пр. 1886 г. Ц. 75 коп.

— Грамматика церковно-славянскаго языка, новаго періода. Съ приложеніемъ образцовъ для этимологическаго и синтактическаго разбора текста Евангелія. Пособіе для городскихъ училищъ. Изданіе 3-е. Одобрена Учен. Комит. М. Н. Пр., какъ руководство. М. 1885 г. Ц. 50 к.

— Церковно-славянская хрестоматія, пособіе для сельскихъ и городскихъ училищъ. Книга эта служитъ приложеніемъ къ „Грамматикѣ церковно-славянскаго языка". М. 1885 г. Ц. 40 к.

— Образцы систематическаго диктанта для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Этимологія. Сост. согласно съ руководств. „Русское Правописаніе" Якова Грота. М. 1886 г. Ц. 75 к.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРЕСТОМАТІЯ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРЕСТОМАТІЯ

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

для

учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и преподавателей.

ВЫПУСКЪ II.

составилъ

В. Покровскій.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
М. Д. НАУМОВА.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа
Арбатъ, домъ Платонова.
1887.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Второй выпускъ Исторической хрестоматіи, какъ и первый, преслѣдуетъ одну и ту же цѣль — расширить, углубить, тверже запечатлѣть познанія учениковъ средне-учебныхъ заведеній по исторіи русской словесности. Рядъ послѣдующихъ выпусковъ, которые будутъ безостановочно выходить одинъ за другимъ, обойметъ собою весь курсъ русской литературы, полагаемый программами средне-учебныхъ заведеній, и будетъ служить вышеупомянутой цѣли. Во второмъ выпускѣ Исторической хрестоматіи находятся объ одномъ и томъ же памятникѣ разностороннія статьи, охватывающія его, по возможности, со всѣхъ сторонъ. При изученіи, напр., Слова о полку Игоревѣ, ученикъ найдетъ статьи — о содержаніи его, о характеристикѣ князей, объ исторической сторонѣ Слова, о поэтической, объ образныхъ выраженіяхъ Слова, о личности и міросозерцаніи пѣвца его. Для знакомства съ лѣтописью Нестора хрестоматія представляетъ рядъ статей — объ источникахъ лѣтописи Нестора, о составѣ и характерѣ, о литературномъ и общественномъ значеніи ея, объ убѣжденіяхъ лѣтописца.

Впрочемъ, нѣкоторые изъ литературныхъ памятниковъ сравнительно освѣщены меньше. Это, съ одной стороны, зависитъ отъ того, что ученая литература не давала отвѣтовъ [на тѣ вопросы, которые естественно возникаютъ при всестороннемъ изученіи даннаго произведенія. Съ другой стороны, составитель считалъ, по педагогическимъ соображеніямъ, нецѣлесообразнымъ помѣщать статьи чрезмѣрно спеціальныя, касающіяся нерѣдко вопросовъ, далеко стоящихъ отъ литературнаго освѣщенія памятника. Поэтому, напримѣръ, помѣщая статьи о Кіево-печерскомъ патерикѣ: «Симонъ и Поликарпъ», «Посланіе Симона и Поликарпа» и «Значеніе Кіево-печерскаго патерика», составитель не воспользовался тѣми прекрасными изслѣдованіями, въ которыхъ обозрѣваются редакціи Кіево-печерскаго патерика (Макарій) и его источники (Кубаревъ). Само собою понятно, что эти статьи далеко выходятъ за предѣлы нуждъ и требованій средне-учебныхъ заведеній.

Къ этому считаю не лишнимъ присоединить, что второй выпускъ Исторической хрестоматіи, по общей задачѣ, предлагая статьи нашихъ ученыхъ словесниковъ въ извлеченіяхъ и сокращеніяхъ, составленныхъ и расположенныхъ съ цѣлью опредѣлить особенности, духъ, значеніе того или другого памятника, прямо вводитъ учениковъ, по нашему мнѣнію, въ суть дѣла, давая имъ полную возможность оріентироваться. Нельзя, думается, того же сказать, если бы статьи предлагались цѣликомъ или съ незначительными сокращеніями.

Различіе объема помѣщенныхъ въ хрестоматіи статей, ихъ неравномѣрность, иногда довольно значительная, обу-

словливалась содержаніемъ самыхъ изслѣдованій. Мало давало изслѣдованіе, въ виду опредѣленно поставленнаго вопроса по изученію памятника — небольшая выходила и статья. Такъ «Паломничество на Руси» Тихонравова — коротенькая статейка, вслѣдствіе того, что взята изъ его ученаго изслѣдованія о духовныхъ стихахъ, гдѣ паломиничества авторъ касается мимоходомъ.

Если же изслѣдованіе давало возможность составителю расчленить трудъ ученаго, въ виду опредѣленныхъ отвѣтовъ на частные вопросы, то онъ составлялъ нѣсколько самостоятельныхъ статей. Такъ, изъ изслѣдованія Иконникова о монастыряхъ онъ извлекъ три разныя заглавія: «Культурное значеніе монастырей», «Образовательное значеніе монастырей» и «Нравственное вліяніе монастырей». Подобнымъ расчлененіемъ, мнѣ кажется, ученикъ лучше вводится въ опредѣленный кругъ мыслей. Тамъ, гдѣ изслѣдованіе не поддавалось расчлененію, составитель помѣщалъ статью въ большомъ видѣ, имѣя въ виду годность ея для внѣкласснаго чтенія.

Преслѣдуя опредѣленную задачу знакомить учениковъ съ духомъ и характеромъ литературныхъ памятниковъ, составитель во второмъ выпускѣ хрестоматіи счелъ необходимымъ помѣстить не мало статей, излагающихъ содержаніе памятниковъ, по возможности, ихъ же языкомъ. Къ такого рода статьямъ относятся «Повѣсть о Царьградѣ» въ прекрасномъ изложеніи Срезневскаго, «Житіе Юліаніи Лазаревской» въ изложеніи Буслаева, сохранившемъ всѣ оттѣнки древняго благочестиваго стиля, и др. Необходимость помѣщенія такого рода статей будетъ болѣе очевидна, если мы примемъ во вниманіе

отсутствіе въ хрестоматіяхъ, которыми пользуются ученики, надлежащихъ данныхъ для подробнаго и обстоятельнаго знакомства съ содержаніемъ памятниковъ.

Составитель хрестоматіи, пользуясь различными источниками, постоянно имѣлъ въ виду, чтобы помѣщенныя статьи не ставили бы ученика въ недоумѣніе, не возбуждали бы никакихъ сомнѣній. Поэтому и во второмъ выпускѣ дано мѣсто такимъ изъ изслѣдованій ученыхъ, авторитетный голосъ которыхъ признанъ наукой; далѣе, составитель не предвносилъ такихъ статей, которыя не выдерживаютъ строго-научной критики и преждевременно знакомятъ учениковъ съ разнорѣчивыми взглядами на одинъ и тотъ же вопросъ.

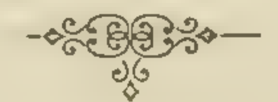
Въ заключеніе высказанныхъ мною замѣчаній, считаю умѣстнымъ сказать и о томъ, что во второмъ выпускѣ, какъ и въ первомъ, помѣщено не мало ученыхъ статей, рѣдкихъ въ библіографическомъ отношеніи. Къ числу такихъ, между прочимъ, относятся: «Блестящій вѣкъ болгарской письменности», Палаузова; «Библейское и византійское вліяніе въ сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго», Сухомлинова; «Паломничество на Руси», Тихонравова.

В. Покровскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИЖНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стран.

КНИЖНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Великое значеніе въ исторіи нравственныхъ силъ и значеніе первоучителей славянскихъ въ исторической жизни и развитіи племенъ.

Весьма поучительно бываетъ среди многоразличныхъ проявленій исторической жизни человѣчества останавливать вниманіе на такихъ явленіяхъ, въ которыхъ по преимуществу обнаруживается торжество нравственной силы надъ силою матеріальною. Такими явленіями по преимуществу питается нравственное чувство и возбуждается нравственная доблесть, духъ вѣры, упованія, мужества и самоотверженія. Между тѣмъ нельзя не сказать, что большая часть людей обыкновенно склонны бываетъ болѣе надѣяться и опираться на матеріальную силу, нежели на силу нравственную. Мы обыкновенно останавливаемся на ближайшихъ причинахъ и послѣдствіяхъ всякаго явленія, и здѣсь часто, на первый взглядъ, матеріальная сила представляется какъ будто торжествующею надъ силою нравственною. Но при болѣе широкомъ и цѣлостномъ взглядѣ на исторію человѣчества, несомнѣнно оказывается, что самыя матеріальныя силы такъ или иначе являются въ исторіи орудіемъ нравственныхъ силъ, и вся жизнь человѣчества въ глубочайшихъ основаніяхъ своихъ зиждится и приводится въ движеніе нравственными силами. Такъ, нравственныя силы имѣютъ въ жизни человѣчества несомнѣнное, неизмѣримое превосходство предъ матеріальными силами! Это доказываетъ вся исторія человѣчества и преимущественно исторія христіанства, которое, само явившись въ міръ высочайшею нравственною силою, было встрѣчено самою ожесточенною враждой со стороны всѣхъ возможныхъ матеріальныхъ стихій міра, было

угнетаемо и преслѣдуемо ими въ продолженіе вѣковъ, и не только не уступило имъ, но само одержало надъ ними полнѣйшую побѣду, подчинило ихъ себѣ, утвердило свое владычество въ исторіи и преобразовало всю жизнь человѣчества.

Болѣе тысячи лѣтъ назадъ, въ IX вѣкѣ, предшествовавшемъ благословенной дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія, наши предки славяне, хотя и составляли очень многочисленное племя, не имѣли почти никакого историческаго значенія въ средѣ другихъ народовъ. Не было у нихъ ни науки, ни искусствъ, ни даже письменности. Не было у нихъ ни своей внутренней прочной государственной организаціи, ни даже прочной осѣдлости. Неорганизованными массами, въ смѣшеніи съ другими племенами, населяли они огромныя, но мало обработанныя пространства земли въ восточной половинѣ Европы, двигаясь съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ, наводя громадами страхъ на другія племена, но нигдѣ не успѣвая создать себѣ твердаго государственнаго центра и часто подвергаясь то внутреннимъ междоусобіямъ, то въ столкновеніяхъ съ другими болѣе сплоченными и развитыми племенами. Это была громадная масса, богатая естественными силами, но не имѣвшая крѣпкихъ внутреннихъ нравственныхъ связей, не имѣвшая духа жизни. Св. Кириллъ и Меѳодій поистинѣ вселили въ эту неорганизованную массу духъ жизни. Христіанская проповѣдь съ богослуженіемъ на народномъ языкѣ и славянская грамота, изобрѣтенная св. солунскими братьями, не только положили начало религіозному, нравственному и умственному развитію славянскихъ племенъ, но и двинули впередъ ихъ политическое образованіе. Проходитъ нѣсколько времени послѣ св. Кирилла и Меѳодія, и въ славянскомъ мірѣ между неорганизованными доселѣ массами одно за другимъ возникаютъ крѣпкія и дѣятельныя государства. На югѣ образуются сильныя въ свое время царства болгарское и сербское, которыя скоро не только по своей политической силѣ, но и по своему умственному развитію становятся опасными соперниками уже много вѣковъ жившей и унаслѣдовавшей сокровища древней цивилизаціи Византіи. На западѣ, въ сосѣдствѣ съ сильною Германской имперіей образуются также сильныя славянскія государства — моравское, чешское, польское. Наконецъ, и на отдаленномъ отъ всего тогдашняго образованнаго міра сѣверо-востокѣ мало-по-малу растетъ и крѣпнетъ русскій народъ, подъ благодатнымъ вли-

ніемъ той же проповѣданной св. солунскими братьями христіанской вѣры и вмѣстѣ съ нею принятой Кирилловской грамоты. Такъ великая эпоха проповѣднической дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія сдѣлалась для славянскихъ племенъ началомъ не только религіозно-христіанскаго просвѣщенія, но и вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ умственнаго образованія и политическаго развитія.

Въ настоящее время всѣ славянскія племена съ благоговѣніемъ чтутъ имена св. Кирилла и Меѳодія. Ни одинъ изъ могущественныхъ царей, управлявшихъ славянскими народами, ни одинъ изъ славныхъ законодателей, устроявшихъ государственный бытъ славянъ, ни одинъ изъ знаменитыхъ полководцевъ, расширявшихъ предѣлы земель славянскихъ, не пріобрѣлъ себѣ такого великаго значенія въ общеславянской исторіи, такой славы, благодарности, любви и почитанія, какъ Кириллъ и Меѳодій.

Попнаго-Платонов.

Кириллъ и Меѳодій въ ихъ апостольской дѣятельности.

Кириллъ и Меѳодій явились провозвѣстниками великаго принципа усвоенія евангелія и совершенія христіанскаго богослуженія на родномъ языкѣ славянскихъ народовъ. Съ побѣдоноснымъ проведеніемъ этого великаго принципа глубочайшимъ образомъ связана вся послѣдующая судьба и образованіе всего славянскаго міра. Устроеніе славянскихъ письменъ, переводъ Священнаго Писанія на родной языкъ, зарожденіе и первые опыты славянской письменности, преобразованіе языка, распространеніе и укрѣпленіе между славянами христіанской вѣры, собраніе славянскихъ племенъ въ государства и, наконецъ, вообще пробужденіе и возвышеніе въ нихъ народнаго самосознанія и первый шагъ ихъ на поприщѣ общечеловѣческой образованности — всѣ эти событія внутренно связаны съ указаннымъ великимъ принципомъ. Проведеніе этого начала въ жизнь было новымъ крещеніемъ славянскаго духа путемъ образованія родной мысли и родного слова.

Но возвѣщать этотъ принципъ въ тогдашнемъ греко-римскомъ мірѣ значило становиться наперекоръ его понятіямъ, преданіямъ и законамъ. Гордый Римъ, заботившійся больше

о своемъ господствѣ, чѣмъ о спасеніи подвластныхъ ему христіанскихъ душъ, еще въ самомъ началѣ VII вѣка объявилъ лишь три языка: еврейскій, греческій и римскій, значившіеся на надписи креста, достойными быть языками Церкви. Но не въ одномъ Римѣ были подобные „пилатники“. Были затѣмъ и въ Византіи люди, поносившіе славянское слово и славянское письмо. По крайней мѣрѣ не разомъ черноризецъ Храбръ долженъ былъ доказывать, что славянскій языкъ, какъ и другіе, созданъ Богомъ и славянская грамота не только не ниже, но и выше греческой по своему происхожденію: „Словенскыя письмена святѣйша суть и честнѣйша, святъ бо мужъ сотворилъ я есть, а греческая — еллини погани“. Какое же нужно было величіе ума, чтобы стать провозвѣстниками этого великаго принципа? Какая потребна была сила духа, чтобы доставить ему побѣду въ греко-римскомъ мірѣ? Какія же особенныя силы совершили этотъ необыкновенный богатырскій историческій подвигъ, невольно привлекающій къ себѣ вниманіе?

На добрыхъ дѣтяхъ прежде всего отражается вліяніе доброй матери; она своимъ мыслящимъ взоромъ зажигаетъ въ ихъ очахъ первыя искры разумѣнія; она своимъ ласковымъ лобзаніемъ зарождаетъ въ ихъ сердцахъ первые порывы и стремленія. Въ жизни славянскихъ первоучителей мы замѣчаемъ именно глубокіе слѣды вліянія на нихъ [illegible] ихъ матери. Говоря о Кириллѣ, преданіе живописуетъ эту нравственную связь эпическимъ пріемомъ: тотчасъ по рожденіи младенецъ Кириллъ отвернулся отъ груди кормилицы и припалъ къ груди матери: онъ хотѣлъ кормиться отъ корени добраго и быть отображеніемъ ея высоко-нравственной личности. А когда онъ умеръ на чужой сторонѣ въ Римѣ, братъ его Меѳодій вспомнилъ завѣтъ своей матери и горячо со всею ревностію духа хлопоталъ его исполнить. Тяжкимъ казалось ему лишить любящую мать старушку послѣдняго утѣшенія видѣть гробъ родимаго сына. „Святой отецъ! сказалъ онъ къ папѣ. Когда мы покидали родную землю ради нашего служенія, мать, проливая горячія слезы, умоляла насъ, что если кто-либо изъ насъ умретъ на чужбинѣ, то братъ, переживающій, долженъ привезти тѣло умершаго брата въ его монастырь и похоронить его тамъ. Да соизволитъ же твоя святость мнѣ прискорбному выполнить этотъ долгъ, чтобы не казалось, что я противлюсь мольбамъ и заклинаніямъ матери“.

Изъ этихъ явленій глубочайшей любви солунскихъ братьевъ къ своей матери видно, кто впервые зажегъ въ ихъ сердцѣ божественное пламя и сочувствіе къ дѣлу Божьему. Мы не колеблясь принимаемъ афонское преданіе, гдѣ жили и подвизались солунскіе братья, что если отецъ ихъ и былъ грекъ, то по матери они были славяне. Они не были только учителями, проповѣдниками, миссіонерами среди славянъ; нѣтъ, любовь ихъ къ славянству — это была любовь прирожденная, кровная. Она, какъ огонь, била въ ихъ душѣ; она звучала, какъ тонкій, серебристый звукъ, въ самыхъ живыхъ струнахъ живого сердца. Языкъ славянскій братья знали, какъ родной, а греческому, по мнѣнію преданія, они должны были еще учиться.

Св. Кириллъ былъ образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени. Ребенкомъ онъ учился въ солунской школѣ благородныхъ дѣтей, гдѣ являлся онъ дивомъ по изумительной остротѣ и живости своей памяти: „спѣяше паче всѣхъ ученикъ въ книгахъ памятію велми скоро, яко и диву ему быти". Затѣмъ, благодаря связямъ и знакомствамъ при дворѣ, онъ попалъ въ число учениковъ цареградскаго придворнаго училища. Здѣсь онъ изумлялъ всѣхъ своими дарованіями не менѣе, чѣмъ и въ родной солунской школѣ. Здѣсь онъ скоро усвоилъ грамматику и геометрію, Гомера и діалектику, риторику и ариѳметику, астрономію, музыку и всѣ другія еллинскія художества. Итакъ, онъ получилъ самое высшее по тому времени научное и эстетическое образованіе. Но для насъ не довольно знать того, что онъ былъ человѣкъ образованный, намъ хотѣлось бы узнать его ближе; намъ желалось бы проникнуть въ личный укладъ его духа, въ самое направленіе его образованности, въ настроеніе его познаній и чувствъ, въ характеръ его убѣжденій и стремленій. Эпоха, въ которую онъ учился въ цареградской школѣ, отчасти объясняетъ для насъ, откуда вынесъ онъ глубокое сочувствіе къ идеямъ и идеаламъ жизни, то воодушевленіе, съ которымъ проводилъ онъ въ жизнь свой великій принципъ, и которое не покидало его до конца его подвига. Въ то время преподавателемъ философіи въ цареградской школѣ былъ Фотій, впослѣдствіи цареградскій патріархъ, подавлявшій современниковъ своею громадною ученостью и знаніемъ древне-христіанской литературы. Самъ Фотій всегда потомъ вспоминалъ о своей педагогической дѣятельности въ этой школѣ, какъ о лучшихъ годахъ своей жизни, и эти воспоми-

намъ всего лучше вводятъ насъ въ интересы и настроенiя, окрылявшiе умы и сердца его юныхъ и даровитыхъ слушателей. Друзья мои, говоритъ Фотiй, вѣроятно, съ чистою совѣстiю будутъ *добромъ поминать меня*. Могу ли и самъ я безъ слезъ вспомнить объ этомъ? Когда я бывалъ дома, то съ величайшимъ наслажденiемъ смотрѣлъ, съ какою ревностiю ученики окружали меня: съ какимъ вниманiемъ вопрошали меня: какъ упражнялись въ разговорахъ, съ помощью которыхъ прiобрѣтается навыкъ и правильно выражается мысль. Радовался я, видя, какъ одни изощряли свой умъ математическими выкладками, какъ другiе изслѣдовали истину съ помощью философскихъ методъ, а третьи, изучая Священное Писанiе, устремляли свой умъ къ благочестiю, этому плоду всѣхъ прочихъ знанiй. Такова была сфера, въ которой я постоянно вращался. Бывало пойду я во дворецъ, а ученики мои провожаютъ меня до самаго входа и просятъ, чтобы я скорѣе вернулся. Считая подобную привязанность высшею для себя наградою, я старался оставаться во дворцѣ не болѣе, какъ того требовали дѣла. Когда я возвращался домой, то мое ученое общество уже ожидало меня у дверей. Тѣ изъ моихъ учениковъ, кои своими превосходными качествами прiобрѣли нѣкоторое право на короткое со мною обращенiе, замѣчали мнѣ, что я слишкомъ замѣшкался, другiе радостно меня привѣтствовали; были и такiе, которые довольствовались тѣмъ, что выражали свое усердiе. Ученiе въ такой школѣ не представляетъ бездѣлья для учащихся. Уроки, выносимые изъ такой школы, не разсѣиваются по стогнамъ града. Знанiя сливаются съ убѣжденiями, въ юныхъ умахъ зарождаются идеалы жизни; въ молодыхъ сердцахъ зажигаются искры возвышенныхъ стремленiй и на поприщѣ исторiи являются великiя нравственныя силы. Понятно, откуда св. Кириллъ вынесъ то одушевленiе, съ какимъ онъ неустанно всю свою жизнь проводилъ свой великiй принципъ распространенiя среди славянскихъ народовъ Божьяго **Слова на родномъ ихъ славянскомъ языкѣ.**

Онъ усвоилъ, какъ мы сказали, всѣ знанiя, математическiя, философскiя и богословскiя, преподававшiяся въ этой школѣ. Главное его сочувствiе сосредоточивалось, конечно, на предметахъ богословскихъ. Но и въ этой области его ученыхъ интересовъ сказывалась одна существенная и особенная черта его личнаго духа. Творенiя древнихъ греческихъ отцовъ,

съ которыми знакомилъ своихъ учениковъ Фотій, такъ всестороннее знавшій древнюю христіанскую литературу, безъ сомнѣнія возбуждали особенный интересъ. Въ этихъ твореніяхъ христіанское вѣроученіе отражалось какъ въ призмѣ, сообразно нравственной природѣ и духовнымъ настроеніямъ ихъ творцовъ. Григорій Нисскій это былъ *умъ*, и потому въ своихъ твореніяхъ онъ является философомъ; Григорій Богословъ былъ *сердце*, и потому въ своихъ твореніяхъ является поэтомъ и созерцателемъ; Василій Великій былъ самое *дѣло*, и потому въ своихъ твореніяхъ является естествоиспытателемъ. Самая жизнь ихъ, сообразно особенностямъ личнаго усвоенія христіанскаго вѣроученія, сказалась въ самыхъ разнообразныхъ христіанскихъ направленіяхъ.

Скажи мнѣ, говоритъ практическая мудрость, кто твой другъ, и я скажу тебѣ, кто ты таковъ. Недаромъ, конечно, излюбленнымъ отцомъ первымъ для св. Кирилла является не Григорій Нисскій, не Василій Великій, не Златоустъ, но именно Григорій Богословъ. Преданіе передаетъ намъ, что съ ранняго дѣтства читалъ онъ и училъ наизусть его творенія; имъ пользовался онъ въ борьбѣ съ еретиками, его словами и образами выражалъ онъ свои мысли и своё вѣроученіе. Эта любовь его къ Григорію Богослову освѣщаетъ и самый характеръ его христіанскаго міросозерцанія и направленія его богословской мысли. Стоитъ лишь воспроизвести намъ въ сознаніи образъ Григорія Богослова, этого свѣтлаго друга его, излюбленнаго отца, на которомъ онъ воспитался, и тогда станетъ для насъ понятнымъ многое и въ жизни самого Кирилла.

Григорій Богословъ былъ съ душой высокою и прямою, не умѣвшею примиряться къ чему бы то ни было наполовину и чувствовать что бы то ни было слегка. Главная и существенная особенность его умозрѣнія состояла въ томъ, что, о чемъ бы онъ ни разсуждалъ, о Богѣ, или мірѣ, или человѣкѣ, у него мысль объ умѣ и созерцаніи, о свѣтѣ и озареніи всегда стояла на первомъ мѣстѣ. Высоко цѣня умъ, онъ столько же дорожилъ и даромъ слова; онъ обыкновенно говоритъ, какъ вдохновенный, сильно и рѣшительно, выработалъ свой оригинальный возвышенный языкъ и заботился о томъ, чтобы каждое его слово было достойнымъ выраженіемъ его мыслей. Богъ для него былъ умъ или свѣтъ. Но этотъ Высочайшій умъ или Свѣтъ созерцалъ онъ въ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ — какъ

солнце, лучъ и свѣтъ, которыхъ Божество въ соотвѣтственности и единомъ нераздѣльномъ существѣ. Сладость созерцанія, наполнявшая его душу священнымъ восторгомъ, дѣлала для него пустыню раемъ, и онъ выступалъ на общественное служеніе лишь только тогда, когда требовали того [illegible] нужды церкви, и затѣмъ снова удалялся въ свою любимую пустыню. Въ жизни славянскаго апостола Кирилла мы видимъ тѣ же прекрасныя черты. [illegible] Богословія какъ [illegible] слова, представляетъ [illegible] особенность его личнаго богословскаго [illegible] и ученіе о св. Троицѣ, служившаго главною темою въ борьбѣ его съ еретиками и жидами. Онъ, подобно Григорію Богослову, обладалъ созерцательнымъ и лирическимъ дарованіемъ, писалъ и хорошія стихи, [illegible] Онъ и [illegible] является подобнымъ Григорію Богослову: то онъ выступаетъ на общественное служеніе, то [illegible] и скрывается въ пустынѣ.

Совсѣмъ иного направленія умъ [illegible] былъ братъ его, другой апостолъ славянскаго народа, Меѳодій. [illegible] онъ получилъ свое образованіе [illegible] высшей школѣ, но рано выступилъ на служебное [illegible] поприще; онъ не занимался [illegible] углубился въ [illegible], но исключительно былъ [illegible] съ [illegible] правоставъ; и если Кириллъ былъ богословомъ-созерцателемъ и поэтомъ, подобно Григорію Богослову, то братъ его Меѳодій былъ дѣятелемъ практическимъ, подобно Василію Великому. Кириллъ обладалъ творческимъ умомъ, Меѳодій былъ человѣкомъ крѣпкой и непоколебимой воли. Такимъ образомъ, въ этихъ двухъ самобратахъ чудеснымъ образомъ сочетались великія двѣ силы, совокупностію которыхъ успѣшно создалось цѣлое великое дѣло. Безъ Кирилла дѣло славянскаго образованія не могло бы имѣть своего начала; безъ Меѳодія оно скоро замерло бы и не получило своего продолженія. Это были богатырскія историческія силы, восполнявшія одна другую.

Съ молодыхъ лѣтъ Меѳодій былъ воеводою въ одной изъ славянскихъ областей, подвластныхъ Византійской имперіи. 10 лѣтъ провелъ онъ на воеводствѣ и затѣмъ сложилъ свой санъ предъ царемъ и ушелъ на Аѳонскую гору, гдѣ сталъ монахомъ, строго выполняя иноческій обѣтъ послушанія. Эта именно служебная дѣятельность, ставившая его лицомъ къ лицу

съ текущими вопросами и разнообразными отношеніями жизни, выработала въ немъ практическій тактъ и твердость въ своихъ ясно сознанныхъ дѣйствіяхъ; преданіе доводитъ до насъ, что онъ обладалъ двоякимъ словомъ, сильнымъ и кроткимъ, сильнымъ на враговъ и кроткимъ на пріемлющихъ наказаніе, онъ умѣлъ строго говорить съ своими противниками и мягко съ тѣми, кои внимали его наставленіямъ; онъ переживалъ праведныя движенія горячности, но умѣлъ подчинять ихъ своей непоколебимой волѣ.

Труденъ и тяжелъ былъ жизненный путь Меѳодія; со времени смерти своего брата Кирилла, въ теченіе 15 лѣтъ, онъ долженъ былъ вести постоянную борьбу съ врагомъ сильнымъ и дѣятельнымъ; ему выпало на долю вынести на своихъ плечахъ всѣ честолюбивыя козни латино-нѣмецкаго духовенства. Латино-нѣмецкое духовенство постоянно, въ теченіе 15 лѣтъ, оскорбляло его цѣлымъ рядомъ несправедливостей и мучило его всякаго рода искушеніями. Не нужно исчислять всѣхъ невзгодъ, вынесенныхъ Меѳодіемъ, всѣхъ бореній, имъ испытанныхъ, всѣхъ обидъ, имъ пережитыхъ. Достаточно вспомнить его предсмертныя слова, обращенныя къ своимъ ученикамъ, чтобы понять, какъ ясное и спокойное сознаніе пережитой имъ неправды, такъ и все величіе и мужество его духа. „Возлюбленныя чада моя, говорилъ онъ, вы знаете, какъ сильны еретики въ злобѣ; вы знаете, какъ, искажая слово Божіе, они стараются наполнить ближнихъ ученіемъ ложнымъ; вы знаете и ихъ средства, которыя они для того употребляютъ: убѣжденіе для неразумныхъ и жестокость для боязливыхъ. Я же надѣюсь и молюсь за васъ; надѣюсь, что основанные на камнѣ апостольскаго ученія, на которомъ основана и сама Церковь, вы не соблазнитесь лестію и не отступите предъ страхомъ жестокости. Я не молчалъ изъ страха; я всегда бодрствовалъ на стражѣ и вамъ завѣщаю: будьте осторожны; охраняйте сердца братій вашихъ. Дни мои сочтены; послѣ моей кончины придутъ къ вамъ лютые волки, которые будутъ соблазнять народъ, но вы противустойте, будьте тверды въ вѣрѣ; это завѣщаетъ вамъ св. апостолъ Павелъ устами моими. Всемогущій Богъ Отецъ и предвѣчно рожденный отъ него Сынъ, и Св. Духъ, отъ Отца исходящій, да научитъ васъ всякой истинѣ и да сохранитъ васъ непорочными“. Таковъ былъ св. Меѳодій въ его нравственной природѣ, въ мощи и крѣпости своей воли, въ трезвой ясности своихъ воззрѣній и въ своихъ завѣтахъ!

Воеводское званіе и общественное положеніе промѣнялъ онъ на затворническую монашескую келію. Скоро пришелъ къ нему и Кириллъ, оставившій византійскую столицу и скрывавшійся до того еще въ какомъ-то неизвѣстномъ уединеніи. Стоитъ только вспомнить, до какого низкаго упадка дошла общественная мораль тогдашней византійской имперіи, и мы поймемъ, какъ тяжело было этимъ великимъ и нравственно высокимъ людямъ пребываніе въ тогдашнемъ мірѣ, безъ мира и безнравственной морали.

Въ теченіе цѣлаго вѣка до того времени мысль у грековъ была въ области интеллектуальныхъ интересовъ — въ борьбѣ съ иконоборцами, и народное чувство было въ религіозной сферѣ, въ области чистой морали. Теперь же настала въ обществѣ усталость отъ религіозныхъ дебатовъ. Съ окончаніемъ борьбы имъ овладѣло холодное равнодушіе къ религіознымъ вопросамъ, такъ долго занимавшимъ умы, которое смѣнилось еще болѣе глубокимъ упадкомъ нравственной жизни. Общество стало ни тепло, ни хладно къ своей вѣрѣ, и само собою пало въ немъ усердіе. Удовольствіе стало цѣлью жизни; пороки прикрывались невиннымъ именемъ наслажденій, стали потребностью общества; суевѣріе было сильнѣе религіи. Наступилъ глубокій упадокъ морали не только въ высшихъ слояхъ, но и въ средѣ народной. Изъ столицы разносились по византійской имперіи самыя мрачныя и ужасающія вѣсти. Императоръ Михаилъ III, развращенный своимъ воспитаніемъ, безсовѣстно ругался надъ всѣмъ священнымъ для всякаго христіанина чувствованіями и публично смѣялся надъ христіанскою вѣрою своего народа. Всегда комедіантъ и царь, въ числѣ народныхъ увеселеній, онъ организовалъ съ своими маскарадныхъ процессіи изъ области христіанскаго обряда и водилъ по улицамъ Царьграда, на потѣху константинопольскаго населенія. Идетъ однажды придворный шутъ въ патріаршемъ облаченіи, за нимъ одиннадцать константинопольскихъ епископовъ въ ризахъ, шитыхъ золотомъ, и, наконецъ, толпа придворной челяди, переодѣтая въ костюмы священниковъ и дьяконовъ; самъ императоръ соучаствуетъ въ этомъ кощунственномъ шествіи. Маскарадъ несетъ зажженныя свѣчи, куритъ ѳиміамъ и поетъ стихи, въ коихъ прославляются безпутство и пьянство.

Таковъ былъ потокъ столичной общественной жизни, по обычаю далеко разливавшійся по угламъ и закоулкамъ ви-

зантийской имперіи. Придворные и чиновники заявляли подобнымъ потѣхамъ свое удовольствіе; купцы потирали руки отъ своихъ барышей, доставляемыхъ общественною расточительностью. Темная чернь забавлялась подобными безумствами. Но что должны были чувствовать при этомъ люди съ высокимъ нравственнымъ міросозерцаніемъ, съ глубокими благочестивыми чувствами и честными правилами жизни? Что долженъ былъ переживать при этомъ такой великій человѣкъ, какъ Кириллъ, въ глубинѣ своего духа носившій „вѣдѣніе и созерцаніе“ подобно Григорію Богослову, какъ великое христіанское откровеніе и какъ божественное призваніе человѣчества къ истинѣ? Что должна была чувствовать его душа, углублявшаяся въ созерцаніе, творчески-вдохновенная, среди этого царства лжи, видя, какъ всюду ликуетъ грѣхъ противъ истины, тотъ единственный грѣхъ, который не прощается ни въ сей жизни, ни въ будущей? Что было дѣлать и куда дѣваться Меѳодію, при его высокой и благочестивой настроенности, при его порывахъ къ честности и подвигу нравственной жизни? Спасеніе предстояло одно: бѣжать, уйти скорѣе отъ этого темнаго и развращеннаго міра, скрыться въ самыя уединенныя мѣста, какъ можно дальше, на Аѳонъ, въ монастырскія кельи, и тамъ, вдали отъ людей, посвятить себя самоуглубленію и служенію святой истинѣ. Константинъ въ это время, по свидѣтельству житія, посвящая себя молитвамъ, *„съ книгами бесѣдоваше“*, Меѳодій, братъ его, выполняя требованія монастырскаго устава, *„прилежаше книгамъ“*. Можете себѣ представить, какъ должны были подымать ихъ духъ аѳонскія преданія о подвигахъ св. апостоловъ, и тѣ аѳонскія книги, коимъ они прилежали, открывавшія для нихъ возможность „собесѣдовать“, безъ сомнѣнія, съ глубокою христіанскою древностію. Здѣсь созрѣла и окрѣпла въ нихъ навсегда апостольская задача ихъ жизни. По крайней мѣрѣ, съ этого времени оба самобрата являются для насъ на поприщѣ миссіонерскихъ подвиговъ среди славянскихъ народовъ и въ этихъ подвигахъ вечеряютъ дни свои.

Итакъ, на нашъ взглядъ, въ солунскихъ братьяхъ глубокую любовь къ славянству зажгла мать-славянка; идеалы жизни зародила царьградская школа; къ апостольскому подвигу воззвалъ ихъ Аѳонъ.

Е. Барсовъ.

Значеніе славянскихъ первоучителей для русскаго народа.

Вся апостольская дѣятельность Кирилла и Меѳодія, всѣ просвѣтительные труды ихъ учениковъ, вся болгарская образованность, созданная ихъ школой, совершились какъ будто для того, чтобы перейти въ душу и исторію славянскаго народа болѣе юнаго, болѣе мощнаго и крѣпкаго, того народа, который искони назывался Русью. Не имѣя [illegible] славянскаго [illegible], въ коемъ [illegible] спасеніе другія славянскія племена, не [illegible] страданій, [illegible] народы [illegible], въ насъ благословенное чествованіе славныхъ апостоловъ. Ихъ великое дѣло было перенесено нами въ нашей собственной исторіи, въ русской мысли, въ русскомъ чувствѣ и русскомъ [illegible]. Съ какимъ [illegible] переломомъ [illegible] исторіи ихъ образы и [illegible] выступали въ отечественномъ сознаніи. Ихъ помнила, имъ молилась, ихъ чествовала и Русь кіевская, и Русь монгольская, и Русь московская.

Во всѣ эти эпохи наша исторія [illegible] въ обиліи [illegible] жизни [illegible] стороны христіанства и своимъ просвѣтительнымъ дѣйствіемъ обязана лишь славянской грамотѣ и книгѣ, данной намъ славянскими апостолами.

Кіевская Русь была [illegible] христіанства. Я не буду говорить о томъ, что явившаяся къ намъ болгарская письменность стала основою литературнаго языка, который при воздѣйствіяхъ на него великорусскаго и малорусскаго нарѣчій переродился въ самостоятельный *языкъ церковно-русскій*. Я не намѣренъ распространяться и о тѣхъ кіевскихъ мужахъ, *[illegible] словомъ и дѣломъ*, которые создавали у насъ послѣ перевода съ греческаго и положили основаніе кіевской литературно-просвѣтительной школѣ. Я желалъ бы въ настоящемъ случаѣ остановить вниманіе лишь на томъ всенародномъ значеніи, которое придавала [illegible] общество книга, [illegible]. Она всѣмъ доступна и всѣмъ понятна. *Это славянская книга*, которую можно было и слышать въ храмѣ и читать у себя дома.

Нужно отрѣшиться на минуту отъ того понятія, которое мы имѣемъ о книгѣ. Книга въ то время была своего рода чудомъ, болѣе изумительнымъ, чѣмъ въ наши дни телеграфъ и

терпѣнія. Глядитъ человѣкъ въ книгу и видитъ, что было въ минувшіе вѣка, какъ долженъ смотрѣть человѣкъ на самого себя, какъ онъ долженъ жить и дѣйствовать, и что послѣдуетъ за его гробомъ. Книга являлась внезапнымъ свѣтомъ, который разомъ далъ почувствовать обществу его нравственную слѣпоту, и съ этой минуты всерадостный человѣкъ сталъ на Руси человѣкомъ книжнымъ. Книга — это была мудрость, предъ которою казались ничтожными всѣ хитрости языческихъ волхвовъ и мудрецовъ. Книга — это были глаголы самого Бога, и кто ее читаетъ, тотъ бесѣдуетъ съ самимъ Господомъ. Если мы наглядно представимъ себѣ жизненное сознаніе тогдашняго кіевскаго общества, тогда для насъ станетъ ясно, почему христіанство въ тогдашнюю эпоху сказалось въ образѣ Софіи, въ образѣ мудрости. Безъ сомнѣнія, подъ воздѣйствіемъ этого образа въ Кіевѣ и Новгородѣ созидаются соборные храмы въ честь св. Софіи. Эти храмы, какъ и святыя книги, являли вѣрующимъ людямъ, гдѣ является истинная Божественная мудрость. Понятнымъ для насъ становится и то, почему самая Софія въ древнѣйшемъ ея образѣ писалась въ формѣ „книги", возложенной на престолъ. Книга и Божественная мудрость отождествлялись въ сознаніи. Въ этомъ-то образѣ „книги" кроется первый возбудитель русскаго духа къ свѣту и образованію. Онъ — этотъ образъ — увлекалъ любознательную мысль къ списыванію и переписыванію святой и понятной для всякаго книги **въ первые годы появленія христіанства на Руси.**

Въ этомъ-то для насъ сказывается [illegible] всей кіевской Руси. Имя первоучителя было занесено въ святцы Остромирова евангелія; это значитъ, что было и церковное празднованіе въ честь его въ кіевской Руси. Самое крещеніе Руси преданіе сильно связало съ дорогими именами славянскихъ апостоловъ. По нѣкоторымъ спискамъ лѣтописей философъ Константинъ учитъ св. Владиміра православной вѣрѣ и вразумляетъ его, показывая ему картину *„страшнаго суда"*.

Иначе сказалось значеніе родной и святой книги для Руси монгольской. Если въ кіевскую эпоху она пробудила русскую мысль и направила ее къ истинной мудрости, то въ періодъ монгольскій она содѣйствовала развитію въ русскомъ сердцѣ христіанскаго чувства. Явилась сила вражья, сила несмѣтная, сила татарская; подъ нею погибла торговая, удалая кіевская Русь богатырская. Тяжелая настала година: среди вѣко-

кой истомы и лютыхъ мученій; хлѣбъ не шелъ въ уста и самая земля вздыхала; отцы и матери плакали о своихъ чадъ, разоряемыхъ и умерщвляемыхъ; рыдали и чада о разлученіи родителей своихъ: и не было помилующаго, ни избавляющаго, ни помогающаго.

Со страхомъ и трепетомъ заносилъ на свои хартіи лѣтописецъ описаніе этихъ страшныхъ событій, и въ отчаяніи воскликнулъ: о, Господи помилуй!

Горе усиливалось сознаніемъ, что все сіе было за грѣхи наши, и гроза, и страхъ, и трепетъ были за беззаконія наша.

Жестокость и грубость враговъ, властвовавшихъ надъ Русью цѣлые вѣка, готова была исказить самую нравственную природу русскаго человѣка.

И если Русь скоро спаслась и не погибла подъ гнетомъ этихъ ужасовъ и страданій, если русскій народъ не совершенно загрубѣлъ среди всеобщаго варварства, то этимъ обязанъ церковнымъ пѣснопѣніямъ, которыя раздавались въ понятномъ для него словѣ, прямо падали на душу и смягчали его чувства упованіемъ на силу Божью, наполняли его сердце милосердіемъ Христа и направляли его къ любви, сострадающей и соучаствующей своимъ ближнимъ. Вотъ почему въ монгольскій періодъ у насъ появилось такъ много храмовъ. Благодаря богослуженію на родномъ славянскомъ языкѣ, народъ скоро понялъ, что для той скорби, которой не въ силахъ онъ разсѣять ни въ лѣсахъ темныхъ, ни въ поляхъ чистыхъ, онъ встрѣтитъ утѣшеніе лишь въ святомъ храмѣ, въ моленіяхъ церкви и ея пѣснопѣніяхъ, которыя то возводятъ его на небо, то низводятъ его въ глубину его собственной совѣсти. Въ развитіи церковнаго обряда церковь въ этотъ періодъ ступала впередъ. Такъ, въ богослуженіе въ честь Бориса и Глѣба введены были пареміи, составленныя въ честь ихъ изъ лѣтописныхъ сказаній, молитвы Кирилла Туровскаго также были внесены въ богослужебные сборники съ иными моленіями. Не удивительно, если въ это время появилась у насъ и молитва съ именемъ Кирилла философа, учителя словѣнамъ и болгарамъ, иже греческую грамоту на русскую преложи.

Но если въ эпоху монгольскую эта славянская священная книга перелила въ народное сердце христіанскія чувства и воспитала его въ упованіи и любви, созидающей и сострадающей, то въ эпоху московской Руси она научила народъ аске-

тическому подвигу. И если тогда имѣли главное значеніе славянскія пѣснопѣнія, то теперь выступили съ преобладающею силою „Жітія святыхъ". Уроки практическаго христіанства въ этихъ послѣднихъ для грамотнаго люда предлагались въ самыхъ опытахъ и дѣйствовали на воображеніе. Правила, кои въ отвлеченномъ видѣ могутъ понимать лишь только немногіе, привыкшіе къ разсужденію, здѣсь представлялись со всею увлекающею силою въ живыхъ примѣрахъ. Въ темныхъ лѣсахъ и дебряхъ, среди финскихъ населеній, появлялись носители вѣры, и даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не ступала нога человѣка. Съ молитвою на устахъ и крестомъ въ рукахъ эти отшельники выступали противъ дикой силы, обитавшей въ тѣхъ мѣстахъ и пугавшей народъ своими страхованіями. Выстроивъ часовню и келью, они своими подвигами стягивали разрозненное населеніе, своими порядками обучали ихъ правильнымъ формамъ гражданственности и своими книгами вносили въ нихъ свѣтъ христіанской истины. Эти отшельники не были восточными анахоретами, — они были большаки — настоятели и устроители общиннаго хозяйства. Пустыни, бывшія прежде жилищами бѣсовскими, наполнялись градами, какъ выражается церковь, богоподобными и душеполезными. Я не буду распространяться объ ихъ значеніи для русской колонизаціи и культуры. Замѣчу лишь только то, что это были нравственно — властныя общины, сослужившія громадную службу московскому государству. Глухія населенія на окраинахъ Руси, съ благоговѣніемъ глядя на этихъ свѣтильниковъ, съ уваженіемъ относились и къ московскому самодержцу, — и вмѣстѣ съ ними душею тянули къ Москвѣ. Сѣверная земля наполнялась русскими подвижниками, и создалась затѣмъ русская агіографія, дорогая не только для исторіи нашего нравственнаго направленія, но и для уразумѣнія помысловъ и чувствъ древне-русскаго общества.

Е. Барсовъ.

Значеніе церковно-славянскаго языка для русскаго литературнаго.

Языкъ гражданскій, принятый теперь русскою литературою и образованными людьми всѣхъ классовъ, по всѣмъ краямъ нашего великаго отечества, есть необходимый результатъ исто-

рической жизни русскаго государства и русскаго просвѣщенія, ведущаго свое начало отъ церковнаго преданія славянскихъ первоучителей. Церковно-славянская письменность была главнымъ, почти единственнымъ источникомъ для русскихъ писателей до XVII столѣтія, которые иначе не могли понять языка литературнаго, какъ въ его классической формѣ церковнаго стиля, выработаннаго переводчиками Св. Писанія по образцу греческихъ оригиналовъ. Правда, что кое-гдѣ, въ юридическихъ актахъ, даже въ лѣтописяхъ, слышатся звуки разговорной рѣчи, но главный строй и складъ древне-русской литературы держится языкомъ Церкви, который служилъ для русскихъ писателей какъ бы канвою или основою, которую они забирали живыми нитями разговорнаго языка съ его мѣстными областными оттѣнками. Такимъ образомъ составился искусственный литературный языкъ древне-русскій, который одинаково былъ понятенъ на всѣхъ и въ Кіевѣ, и Львовѣ, и Смоленскѣ, и Новгородѣ, и Ростовѣ, и, наконецъ, въ Москвѣ. Каждая область чувствовала родственную симпатію къ этому искусственному единству, благодаря внесеннымъ въ него своихъ мѣстныхъ домашнихъ особенностей; но эти особенности поглощались общимъ теченіемъ церковно-славянской рѣчи и, такимъ образомъ, теряя характеръ провинціальной исключительности, вмѣстѣ съ языкомъ Церкви пріобрѣтали право на общее всероссійское господство.

Москва, собравъ около себя всѣ когда-то раздробленныя удѣлы и области, вмѣстѣ съ тѣмъ внесла къ себѣ основу и цѣнныя древне-русской письменности, сначала преимущественно изъ Суздаля и Ростова, потомъ изъ Новгорода и Пскова и, наконецъ, въ XVII столѣтіи — изъ Кіева. Средоточіе государственной жизни стало средоточіемъ русской литературы и языка. Москва, превзошедшая всѣ области въ политическомъ отношеніи, не могла дѣйствовать деспотически въ отношеніи умственномъ и литературномъ. Образовавшись позднѣе старыхъ городовъ, она отъ нихъ брала плоды древне-русскаго просвѣщенія и грамотности; она налагала печать своей областной рѣчи на другія провинціи, но изъ нихъ брала себѣ все то, что было необходимо для умственной жизни всей русской земли. Такимъ образомъ Москва стала хранительницею церковно-славянскаго преданія славянскихъ первоучителей, но уже вполнѣ сливавшагося съ родными, домашними особенностями всѣхъ обла-

стей нашего отечества. Болгарскій языкъ св. Кирилла и Меѳодія въ московской печати XVII вѣка потерялъ уже всѣ ненужные для русскихъ читателей болгаризмы.

Это сталъ языкъ не церковно-болгарскій, а церковно-русскій, какимъ онъ является напримѣръ въ Четьихъ-Минеяхъ Димитрія Ростовскаго и въ другихъ произведеніяхъ конца XVII столѣтія и начала XVIII в. Оставалось только исключить *аще, абіе, иже* и т. п., чтобы сдѣлать естественный переходъ къ чисто русскому литературному языку Ломоносова. И этотъ переходъ былъ тѣмъ возможнѣе, что и въ древней Руси, при церковно-славянской грамматикѣ, въ массѣ церковныхъ писаній все же, время отъ времени, прорывалась въ искусственной письменности живая струя разговорной рѣчи. Надобно было дать ей только болѣе широкій исходъ, который теперь не могъ уже принести вреда, наводнивъ искусственный церковнославянскій языкъ неизвѣданнымъ сырьемъ провинціализмовъ. Нашъ современный литературный языкъ до того окрѣпъ и созрѣлъ, до того сжился съ русскою цивилизаціей, постоянно внося въ свою область, въ теченіе многихъ столѣтій, и грецизмы, и болгаризмы церковныхъ переводовъ, и новгородскую областную рѣчь, и полонизмы южно-русской печати, и, наконецъ, всевозможныя нововведенія изъ западной Европы, — этотъ, можно сказать, классическій языкъ до того покорилъ своему цивилизующему вліянію всякую областную, провинціальную отсталость, до того провелъ объединяющую свою силу черезъ всю мелкую рознь тысячи мѣстныхъ отличій русскаго населенія, что сталъ главнымъ отличительнымъ признакомъ всякаго образованнаго на Руси человѣка. Словомъ, гражданскій языкъ, признанный теперь всѣми русскими, непосредственно изъ церковно-славянскаго языка, какъ своего источника, заимствовалъ то объединяющее могущество, то цивилизующее и ведущее впередъ вліяніе, которому должны были подчиниться всѣ мѣстныя особенности (какъ нѣкогда подчинялись онѣ языку церкви).

Буслаевъ.

Вліяніе христіанства на нравы и вѣрованія народа.

Первый примѣръ нравственнаго перерожденія подъ вліяніемъ православія представляетъ намъ самъ Владиміръ. Изъ удалого

вождя дружины, чуждаго земли, какими были и отецъ и всѣ преж-
ніе князья, онъ сталъ первымъ земскимъ княземъ-народникомъ, который думалъ съ дружиной, епископами и старцами о строѣ земскомъ, который и воспѣвался уже не изъ одной богатырской удали, а для защиты своей страны, сталъ краснымъ солнышкомъ народа. Его широкая натура, которая вела его прежде къ излишествамъ языческаго разгула, теперь проявлялась въ необыкновенномъ благодушіи и ласковости, о которыхъ говорятъ и лѣтопись и старыя былины. Это былъ ласковый князь, у котораго всѣмъ былъ радушный пріемъ и привѣтъ, добрый кормилецъ нищихъ, покровитель слабыхъ. Всякъ смѣло шелъ на его княжескій дворъ и бралъ кушанье, питье и деньги. Этого мало, хромые и больные, сами не могущіе доходить до двора, получали все нужное: князь велѣлъ развозить для нихъ по городу. Въ праздники онъ ставилъ трапезы себѣ съ дружиной, духовенству и нищимъ. Въ своемъ церковномъ уставѣ онъ тоже позаботился о богадѣльняхъ и больницахъ. 15 іюля 1015 года умеръ этотъ князь и плакали по немъ всѣ, знатные и убогіе. Мощи его положены въ Десятинной церкви. Владиміръ былъ неграмотенъ. Сыны его являются уже представителями новаго христіанскаго поколѣнія, таковы: Ярославъ, Мстиславъ, Изяславъ, Борисъ и Глѣбъ. Послѣдніе двое особенно прославлены благочестіемъ; они и умерли мучениками за новыя христіанскія понятія въ борьбѣ съ старымъ языческимъ обществомъ, представителемъ котораго явился братъ ихъ Святополкъ. Христіанство не замедлило высказаться образцами высшаго совершенства въ монастыряхъ, которые были основаны при Владимірѣ въ Кіевѣ и Новгородѣ. Понятно, впрочемъ, что дѣйствіе христіанства могло обнаружиться въ жизни пока только немногихъ лучшихъ людей. Восходящее солнце озаряло еще только вершины; низменности оставались въ прежнемъ мракѣ.

Народъ крестился большею частію, или изъ повиновенія властямъ, или же будучи привлекаемъ къ новой вѣрѣ одною ея внѣшностію, обрядностію. Къ нравственному перевоспитанію этого множества крещеныхъ людей церковь не имѣла еще ни времени, ни средствъ. Оттого послѣ крещенія Руси мы видимъ въ нашей церковной исторіи длинный періодъ грубаго двоевѣрія, въ которомъ сначала язычество даже преобладаетъ надъ христіанствомъ. Послѣ обязательной молитвы въ христіанскомъ

храмъ двоевѣръ отправлялся въ священную дубраву, къ озеру, студенцу, къ старому дубу, подъ овинъ, гдѣ жили его старые боги, и творилъ тутъ другую молитву по обычаю отцовъ и дѣдовъ; на ряду съ священниками, и даже болѣе ихъ, почиталъ своихъ прежнихъ волхвовъ. Христіанскій пастырь, преслѣдовавшій суевѣріе, гнавшій волхва, былъ даже зломъ для полувѣрца, бѣгалъ отъ него этотъ полувѣрецъ, какъ отъ врага своей старины и самую встрѣчу съ нимъ считалъ злосчастіемъ. При недостаткѣ просвѣтительныхъ и воспитательныхъ мѣръ церковь могла бороться съ язычествомъ только внѣшними мѣрами, истребленіемъ языческихъ святынь, запрещеніемъ языческихъ обрядовъ. Но если гдѣ, то именно у русскихъ славянъ эти мѣры не вели ни къ какимъ важнымъ результатамъ. Славяно-русское язычество было религіей преимущественно домашней съ слабыми только началами общественнаго богослуженія въ игрищахъ между селами и обрядахъ на священныхъ урочищахъ, безъ храмовъ и жрецовъ. Храмомъ ея была изба, жрецомъ — глава семьи, да еще знахарь, волхвъ, къ которому прибѣгали въ крайнихъ случаяхъ, гдѣ казались недостаточными домашнія религіозныя средства. Оттого христіанскій храмъ у насъ строился не на развалинахъ языческаго, а на пустомъ мѣстѣ, особо; христіанскій священникъ не отнималъ себѣ общественнаго положенія у жреца, а тоже являлся на пустое мѣсто. Оттого христіанство распространялось у насъ несравненно мирно и сразу заняло господствующее общественное положеніе. Но этого было мало для его торжества. Ниспровергая кумиры, разгоняя рѣдкія языческія собранія, оно задѣвало несущественныя стороны славяно-русскаго язычества; для полной побѣды надъ старою вѣрою ему нужно было проникнуть въ самое святилище ея, въ темный уголъ семейнаго быта, а для этого внѣшнія мѣры были недостаточны, нужна была борьба нравственными средствами, нужно было произвести замѣну однихъ вѣрованій другими черезъ воспитаніе народа. Такой нравственной борьбы церковь долго не въ состояніи была предпринять и послѣ крещенія народа, такъ что язычество имѣло возможность не только цѣликомъ сохраниться въ семейномъ быту, но даже оказывать значительное вліяніе на самыя христіанскія вѣрованія народа, вносить въ нихъ замѣтную долю нечистой примѣси изъ области своихъ вѣрованій. По своей неразвитости оно не успѣло выяснить миѳовъ

о высшихъ божествахъ, Сварогѣ, Перунѣ, Дажбогѣ, Волосѣ, и создало только слабые образы ихъ; эти боги скоро были забыты или слились съ христіанскими святыми — Перунъ съ прор. Иліею, Волосъ съ св. Власіемъ и т. п. Но зато въ народныхъ вѣрованіяхъ цѣликомъ остались образы низшихъ божествъ, жившихъ вмѣстѣ съ человѣкомъ въ его избѣ, на его очагѣ, въ овинѣ, въ рѣкѣ, гдѣ онъ ловилъ себѣ рыбу, въ лѣсу, куда онъ ходилъ съ своимъ топоромъ, косой и сохой — божествъ съ рѣзко очерченными характерами, — домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ, русалокъ и проч. Цѣликомъ остался и языческій взглядъ на природу съ его примѣтами, повѣрьями, чародѣйными средствами, обрядами, которыми обставлены были каждый шагъ славянина, каждый предметъ его домашняго обихода.

Знаменскій.

Общій характеръ и направленіе древне-русской книжной словесности.

Обстоятельства, при которыхъ возникло у насъ образованіе и появилась письменность, сообщили всей древней словесности **особенный характеръ и направленіе.**

Образованіе возникло у насъ изъ христіанской вѣры и въ ней имѣло главный источникъ. Оно сосредоточивалось въ монастыряхъ и въ училищахъ при церквахъ, совершалось лицами духовными и монашествующими, по книгамъ церковнымъ и духовнымъ. Это сообщило какъ древней русской жизни, такъ и древней словесности *религіозно-церковное направленіе*. Не говоря о томъ, что большая часть памятниковъ древней словесности состоитъ изъ сочиненій духовныхъ: словъ, поученій, посланій, житій святыхъ, — даже сочиненія описательныя и историческія, какъ напр. путешествія и лѣтописи, имѣютъ религіозный характеръ. Основный духъ, которымъ они проникнуты, точка зрѣнія, съ которой смотрятъ и оцѣниваютъ всѣ явленія въ природѣ и событія въ жизни лѣтописцы и путешественники, отличаются религіознымъ направленіемъ. Литературой занимались лица духовныя; а если, по особымъ случаямъ и обстоятельствамъ, становились писателями лица изъ другихъ сословій, княжескаго или боярскаго (напр. Владиміръ Мономахъ, Іоаннъ Грозный, князь Курбскій и др.), то и они писали въ томъ же религіозномъ направленіи, такъ какъ вос-

писывались также на церковныхъ и духовныхъ книгахъ. Произведеній свѣтской литературы мы встрѣчаемъ чрезвычайно мало: какъ особаго отдѣла, свѣтской науки и литературы въ древней книжной словесности и не было. Научныя и литературныя потребности были мало развиты: имъ удовлетворяли произведенія литературъ иностранныхъ, въ которыхъ переходили къ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія по разнымъ наукамъ и литературѣ.

Христіанскую вѣру мы приняли отъ грековъ, изъ Византіи: *греческій* или частнѣе *византійскій* характеръ получила и наша словесность. Христіанское ученіе мы усвоили подъ руководствомъ греческихъ учителей и по сочиненіямъ греческой и византійской литературы. Византійской литературой называется періодъ греческой словесности отъ Юстиніана до паденія Константинополя (529—1453). Эта литература была съ одной стороны продолженіемъ христіанской литературы первыхъ вѣковъ церкви, съ другой стороны — наслѣдницей древняго греко-римскаго образованія. Греко-римская наука и греко-римская литература, съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства, были приняты отцами и учителями церкви въ пособіе при распространеніи и утвержденіи христіанскаго ученія. Большая часть отцевъ и учителей церкви воспитывались въ школахъ разныхъ философовъ и ораторовъ. Поставленные въ борьбу съ язычествомъ и сознавая, какую пользу можетъ принести, какъ для успѣшной борьбы съ нимъ, такъ и вообще для христіанскаго образованія, правильное изученіе древней языческой мудрости, они не только сами знакомились съ греко-римскою наукою и литературою, но совѣтовали и другимъ знакомиться съ ними. Въ Византіи изученіе древнихъ греческихъ писателей вошло въ составъ преподаванія въ школахъ, вмѣстѣ съ изученіемъ св. Писанія и отеческихъ твореній. Подъ вліяніемъ, съ одной стороны, отеческихъ твореній первыхъ вѣковъ христіанства, съ другой — древнихъ греческихъ писателей и сложился характеръ византійскаго образованія и литературы. Главное значеніе византійской литературы заключается въ томъ, что она въ темные средніе вѣка поддерживала образованіе и сохранила плоды древней науки и литературы до того времени, когда западные христіанскіе народы, освободившись отъ мрака невѣжества и варварства, созрѣли и сдѣлались способными для воспріятія этихъ плодовъ; но сама она не произвела ни-

такихъ оригинальныхъ трудовъ, которые могли бы дать новое направленіе наукѣ и подвинуть ее впередъ на пути развитія. Правда, въ ней являлись по временамъ замѣчательные ученые и писатели; таковы напр. были: въ началѣ VII вѣка Іоаннъ Грамматикъ, ученый объяснитель Аристотеля и авторъ многихъ сочиненій по части грамматики и философіи; въ VIII в. св. Іоаннъ Дамаскинъ, основатель христіанскаго систематическаго богословія; въ IX в. константинопольскій патріархъ Фотій, образованіе коего показываютъ его сочиненія, обширными свѣдѣніями въ литературѣ, исторіи и древностяхъ. Но такихъ лицъ было немного. Большая часть писателей занимались перечитываніемъ сочиненій греческихъ языческихъ и христіанскихъ писателей, составляли изъ нихъ извлеченія и сборники, писали словари. Вообще эта литература потеряла свѣжести и жизни. Отъ христіанскихъ и языческихъ образцовъ были усвоены ученые и литературные пріемы и формы сочиненій, которые и самую мысль заковывали въ одномъ извѣстномъ направленіи. Не обращая вниманія на потребности современной дѣйствительной жизни, писатели повторяли то, что было сказано въ прежнія времена, при другихъ условіяхъ и потребностяхъ жизни. Языкъ и слогъ отличаются искусственностью и напыщенностью; наклонность къ символизму и аллегоріи, употребленіе длинныхъ рѣчей и разговоровъ, постоянныя сравненія, противоположенія, вопросы, восклицанія, обращенія и другія риторическія формы составляютъ отличительныя свойства византійскаго слога. Все сказанное о византійской словесности относится не только къ свѣтскимъ ученымъ и литературнымъ произведеніямъ, но и къ духовнымъ. Съ VI вѣка также и богословская литература начала упадать; съ этого времени уже не появляется такихъ оригинальныхъ произведеній, каковы были произведенія Аѳанасія Александрійскаго, Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста; стали собирать прежнія творенія, дѣлали изъ нихъ извлеченія и составляли сборники. Съ VII в. появляются *антологіи*, особаго рода сборники, которые состояли изъ выписокъ о разныхъ предметахъ не только изъ св. Писанія, отцевъ и учителей церкви, но и изъ разныхъ свѣтскихъ писателей: философовъ и историковъ, ораторовъ и поэтовъ. Такой характеръ имѣютъ сборники Максима Исповѣдника и два сборника инока Антонія, прозваннаго *μέλισσα* (*пчела*), каковое названіе осталось

какъ за ея, такъ и за послѣдующими сборниками. Форма сборника, сдѣлавшаяся господствующею формой византійской письменности, перешла и въ нашу древнюю письменность; мы встрѣчаемъ въ ней также множество сборниковъ съ разными названіями и безъ названій. Древнѣйшимъ, послѣ Остромирова Евангелія, памятникомъ славянской письменности служитъ сборникъ Святослава (1073), который былъ переведенъ съ греческаго сборника еще въ Болгаріи. Сборники, подъ названіемъ *Пчелъ*, хотя явились позднѣе въ нашей письменности, но также очень были распространены въ ней. Очень видное мѣсто въ византійской литературѣ занимаютъ произведенія историческія, или лѣтописныя, такъ называемыя *хроники* и *хронографы*. Эти хроники и хронографы имѣли большое вліяніе на нашу лѣтописную словесность: первый нашъ лѣтописецъ Несторъ уже ссылается въ своей лѣтописи на хронику Георгія Амартола (IX в.). Кромѣ богословскихъ и историческихъ сочиненій, въ Византіи было довольно разныхъ повѣстей и сказаній литературнаго характера полудуховнаго, полусвѣтскаго и чисто свѣтскаго и даже сказочнаго содержанія; особенно сильно распространены были такъ называемыя апокрифическія сказанія. Всѣ эти произведенія переходили къ намъ и имѣли вліяніе на нашу словесность. Наконецъ изъ византійской же словесности, принявшей въ себя элементы греко-римскаго образованія, перешли въ нашу древнюю словесность и нѣкоторыя свѣдѣнія по разнымъ наукамъ и литературѣ, — свѣдѣнія историческія, географическія и физическія, изреченія древнихъ философовъ, ораторовъ и поэтовъ.

Какъ христіанство изъ Греціи, такъ вмѣстѣ съ нимъ и греческое образованіе стали распространяться въ другихъ странахъ славянскихъ еще задолго до крещенія Россіи. Въ этихъ странахъ прежде всего начала развиваться, подъ вліяніемъ греческаго образованія, и славянская письменность. Средоточіемъ этой греко-славянской письменности сдѣлались Болгарія и Сербія, и особенно Болгарія, которая вѣрнѣе всѣхъ странъ славянскихъ сохранила славянскую письменность, полученную отъ Кирилла и Меѳодія. Въ X в., при болгарскомъ царѣ Симеонѣ, который за любовь къ просвѣщенію былъ прозванъ книголюбцемъ, мы встрѣчаемъ въ Болгаріи уже свою собственную письменность. Заботясь о распространеніи христіанскаго просвѣщенія, Симеонъ самъ занимался переводомъ сочиненій Златоуста и составилъ изъ нихъ сборникъ, извѣстный подъ

именемъ Златоструя. Кромѣ Симеона, изъ болгарскихъ писателей этого вѣка извѣстны: ученикъ св. Кирилла и Меѳодія Климентъ, епископъ величскій, составившій до XV словъ и поученій на разные церковные праздники; Константинъ, епископъ болгарскій, составившій воскресныя поученія; Іоаннъ, экзархъ болгарскій, переводившій сочиненія Іоанна Дамаскина и написавшій Шестодневъ; пресвитеръ Григорій, перевевшій хронику Іоанна Малалы; пресвитеръ Косма, составившій книгу противъ ереси богомиловъ, и черноризецъ Храбръ, написавшій сказаніе о письменахъ славянскихъ. Сочиненія этихъ писателей распространялись въ Сербіи, гдѣ была также и своя переводная и оригинальная письменность, и въ другихъ странахъ славянскихъ. Къ намъ эти сочиненія начали переходить съ самыхъ первыхъ временъ христіанства, вмѣстѣ съ учеными болгарами, которые, несомнѣнно, были у насъ первыми учителями въ училищахъ и первыми переводчиками книгъ съ греческаго. Впрочемъ, вліяніе болгарской и сербской словесности на нашу словесность не ограничивалось только первыми временами: и въ послѣдующія времена изъ Болгаріи и Сербіи приходили къ намъ ученые иноки; таковы напр. были въ XIV в. митр. Кипріанъ, въ XV в. Григорій Цамблакъ и Пахомій Логоѳетъ. При постоянныхъ сношеніяхъ съ этими странами, конечно, переходили къ намъ и разныя сочиненія; по крайней мѣрѣ въ старыхъ нашихъ библіотекахъ множество разныхъ рукописей болгарской и сербской редакціи. Таковы, между прочимъ, разныя повѣсти, легенды и апокрифическія сказанія, языкъ которыхъ показываетъ, что большая часть изъ нихъ перешла къ намъ изъ Болгаріи и Сербіи. Такимъ образомъ, вліяніе Болгаріи и Сербіи на наше образованіе было весьма значительно: онѣ были посредницами между Греціею и Россіею и помощницами Россіи въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія.

Греческое или византійское вліяніе на нашу словесность продолжалось въ теченіи всего древняго періода; но особенно оно сильно было до XVI в., т. е. до паденія Константинополя. Съ конца XVI в., чрезъ Польшу, начало проникать къ намъ западно-европейское образованіе. Оно, впрочемъ, не измѣнило сущности древне-русскаго религіознаго образованія; оно внесло только въ древнюю словесность научные и литературные элементы, пріемы и формы и сообщило ей такъ называемое *схоластическое* направленіе.

Порфирьевъ.

Блестящій вѣкъ болгарской письменности.

Смерть Меѳодія и гоненіе, поднятое католическимъ духовенствомъ на его учениковъ и преемниковъ, заставило послѣднихъ удалиться въ Болгарію, гдѣ сосредоточилась вся ихъ духовная дѣятельность, положившая начало быстрому развитію славяно-болгарской литературы при Симеонѣ. Ученики ап., извѣстные въ нашей церкви вмѣстѣ съ Кирилломъ и Меѳодіемъ подъ именемъ св. седмичисленниковъ, οἱ ἅγιοι ἑπτάριθμοι, были родомъ изъ разныхъ странъ. Гораздъ былъ изъ Моравіи, Климентъ изъ Болгаріи; происхожденіе Наума, Ангелара и Саввы неизвѣстно. Принятые въ Болгаріи съ радостію, они своими подвигами оставили по себѣ память, освященную болгарскою церковью, такъ что и теперь еще находятся нѣкоторые храмы, воздвигнутые во имя этихъ св. мужей.

Съ Климентомъ, какъ писателемъ, начинается блестящій періодъ времени царя Симеона. Но прежде, чѣмъ обратимся къ разсмотрѣнію трудовъ св. Климента, посмотримъ, чѣмъ замѣчателенъ на литературномъ поприщѣ самъ двигатель славяно-болгарскаго просвѣщенія — Симеонъ Великій. Сравнивая его современниковъ, взвѣшивая умственное развитіе сосѣднихъ государствъ и ту энергію, съ какой дѣйствовалъ онъ для славы своей родины, тѣмъ рѣзче выдвигается впередъ образъ вѣнценосца Болгаріи, тѣмъ болѣе уяснится и столь отдаленная древность. Свидѣтельство современника въ этомъ случаѣ, и что важнѣе, современника отечественнаго, можетъ подтвердить слова наши: „Что лучше, что и слаще для боголюбцевъ, говоритъ І. Экзархъ, которые искренно жаждутъ обрѣсти жизнь вѣчную, не отступаютъ никогда отъ мысли о Богѣ и всегда помнятъ Его высокое твореніе? Яко и се ты, господи мой, княже славный Сумеоне Христолюбче! не престаеши възискаа повелѣніи Его и твари, хотя ся ими красити и славити". Покровительство, которое Симеонъ оказывалъ просвѣщенію, открывается и изъ другихъ писателей его времени. Къ нему, по словамъ жизнеописателя св. Климента, приходилъ сей послѣдній на совѣтъ и поученіе. По его желанію, переводилъ епископъ Константинъ слова Аѳанасія Александрійскаго на Аріанъ; ему несли плоды своихъ трудовъ и Іоаннъ Экзархъ, и Григорій попъ, и составитель Изборника (переписаннаго позднѣе въ Россіи для Святослава въ 1073 г.).

Симеонъ еще съ юныхъ лѣтъ былъ посланъ отцомъ своимъ въ Константинополь. О воспитаніи, какое получилъ онъ въ Царьградѣ, мы имѣемъ свидѣтельство одного западнаго писателя Луитпранда, бывшаго въ Константинополѣ въ 948 году посломъ императора Оттона. Луитпрандъ говоритъ, что Симеонъ за свою ученость былъ прозванъ полугрекомъ. Ему приписываютъ собраніе словъ Іоанна Златоуста, которому Симеонъ далъ названіе Златоструя.

Разсмотримъ теперь, что именно написалъ или перевелъ Климентъ. Изъ жизнеописанія св. Климента открывается, что имъ написаны слѣдующія сочиненія: 1) Проповѣди, написанныя языкомъ простымъ и яснымъ, такъ что каждый болгаринъ могъ понимать ихъ; 2) Похвальное слово Пресвятой Дѣвѣ на всѣ Ея торжественные дни въ году; 3) Похвала Іоанну Крестителю; 4) Житія многихъ пророковъ и апостоловъ; 5) Житія и подвиги мучениковъ; 6) такъ называемая Цвѣтная Тріодь. Однимъ словомъ, говоритъ житіе, все, что относится у насъ къ церковнымъ книгамъ, по которымъ понимаемъ и славимъ Бога и чествуемъ святыхъ, все это получили мы, болгаре, отъ Климента. Вотъ перечень книжныхъ трудовъ этого святителя, отмѣченныхъ его жизнеописателемъ.

Однимъ изъ плодовитѣйшихъ писателей времени царя Симеона есть, несомнѣнно, Іоаннъ Экзархъ Болгарскій, какъ онъ и самъ себя именуетъ, пресвитеръ Экзархъ. Намъ извѣстны его нижеслѣдующія: 1) Переводъ Богословія Іоанна Дамаскина подъ заглавіемъ *Небеса*; 2) *Шестодневъ*, заключающій толкованіе первыхъ главъ первой книги Моисея о шестидневномъ твореніи міра. Сочиненіе это составлено по Северіану Гевальскому, св. Василію и св. Іоанну Златоусту. Тѣ мѣста, которыя не принадлежатъ ни одному, ни другому, ни третьему, написаны самимъ Іоанномъ; 3) переводъ греческой грамматики Іоанна Дамаскина, примѣненной къ языку славянскому; 4) переводъ діалектики, или философіи того же Дамаскина, въ семидесяти главахъ и 5) нѣсколько Словъ.

Переводъ Богословія Іоанна Дамаскина былъ сдѣланъ І. Экзархомъ по истеченіи не болѣе 150 лѣтъ послѣ того, какъ оно было написано.

Основная мысль и планъ Шестоднева составлены по св. Василію Великому, Северіану Гевальскому и Іоанну Златоусту, писавшихъ о шестидневномъ твореніи міра. Кромѣ того, Іоаннъ

Экзархъ, при составленіи своего Шестоднева, пользовался руководствомъ и другихъ писателей, какъ это видно изъ заглавія древнѣйшаго сохранившагося списка: „Шестодневъ, съписано Іоанномъ Презвитеромъ Ексархомъ отъ святаго Василія, Іоана, и Севиріана, и Аристотель философа и инѣхъ". Неизвѣстно, какимъ путемъ списокъ этотъ, составленный на Аѳонѣ, перешелъ въ Россію. Должно полагать, что не одно греческое духовенство посѣщало, послѣ паденія восточной римской имперіи, Россію для сбора милостыни; но что нерѣдко могли являться въ Москву и иноки двухъ славянскихъ обителей Святыя Горы, Зографской и Хиландарской. Пользуясь сочиненіями своихъ предшественниковъ о томъ же предметѣ, Іоаннъ съ своей стороны излагаетъ въ Шестодневѣ также и свои мысли о мірозданіи, касается предметовъ, которые относятся прямо къ его эпохѣ; однимъ словомъ, онъ является въ этомъ произведеніи переводчикомъ-сочинителемъ. Все то, что не находится ни у Василія Великаго, ни у Северіана Гевальскаго, ни у Іоанна Златоуста, — все это принадлежитъ Іоанну Экзарху. Начиная, по обычаю времени, прологомъ, Іоаннъ обращается сначала къ царю Симеону и, изложивъ въ короткихъ словахъ величіе и красоту міротворенія, заключаетъ: „**Си же словеса шесть, господи мои, не ѿ себе мы ѥсмъ съставили, нъ ово отъ ѥксамера святаго Василия истовая словеса, ово же и разоумъ ѥго възимающе, такожде и отъ Іоанна, а другое отъ другыихъ**". Изучая глубже этотъ памятникъ старины, нельзя не видѣть въ Іоаннѣ одного изъ ученѣйшихъ мужей своего времени, который, зная въ совершенствѣ языки славянскій, греческій и даже еврейскій, какъ это явствуетъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Шестоднева, имѣя глубокія познанія въ книгахъ св. Писанія, коротко знакомый съ твореніями св. отцовъ православія, не пренебрегалъ и философами древней Эллады, изучалъ Платона, Аристотеля, Ѳалеса (у него Талла), Парменида, Демокрита, Діогена и другихъ, обличая ихъ ложныя понятія о началѣ міра и сравнивая Аристотелеву мудрость въ этомъ случаѣ съ морской пѣной. Третій трудъ І. Экзарха есть переводъ грамматики І. Дамаскина *о осмихъ частехъ слова*. Справедливо замѣтилъ Калайдовичъ, что Кириллъ и Меѳодій, при составленіи первыхъ переводовъ съ греческаго языка на славянскій, должны были брать въ руководство для формъ своего языка правила языка греческаго.

Это видно изъ тѣхъ грецизмовъ, которые такъ часто встрѣчаются въ древнихъ переводахъ книгъ св. Писанія. Переводъ I. Экзарха, судя по сохранившемуся отрывку, можно подвести подъ категорію перевода Шестоднева, т. е. что онъ не есть буквальное переложеніе и примѣненіе правилъ греческаго языка къ славянскому, а руководство, по которому Экзархъ хотѣлъ дать грамматическія правила своему отечественному языку. Если бы эта грамматика дошла до насъ въ цѣлости, то возстановленіе древнѣйшихъ формъ славянскаго языка много бы облегчило его изученіе. Названіе осьми частей рѣчи въ грамматикѣ I. Экзарха поставлены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) имя *ὄνομα*, 2) рѣчь *ῥῆμα*, 3) причастіе *μετοχή*, 4) различіе (членъ) *ἄρθρον*, 5) мѣстоименіе *ἀντωνυμία*, 6) предлогъ *πρόθεσις*, 7) нарѣчіе *ἐπίρρημα*, 8) съузъ *σύνδεσμος*. Затѣмъ разсматривается каждая изъ этихъ частей рѣчи отдѣльно, и рукопись прерывается различіемъ или членомъ, который, хотя и былъ заимствованъ переводчикомъ изъ языка греческаго, но такъ какъ употребленіе его было несвойственно славянскому языку, то переводчикъ сочинитель не примѣнилъ его къ этому языку. Что Іоаннъ Экзархъ не переводилъ буквально грамматику Дамаскина, а старался приспособить ее къ языку славянскому, это видно не только изъ нѣкоторыхъ правилъ, но и изъ приводимыхъ примѣровъ, которые по духу и даже по собственному названію не могли принадлежать языку греческому. Четвертый трудъ I. Экзарха есть переводъ философіи Дамаскина или, какъ переводчикъ называетъ ее по славянски, *Любомудріе*. Какъ въ греческомъ подлинникѣ, такъ и въ спискѣ митрополита Даніила, философія раздѣлена на нѣсколько главъ. Слѣдуя непосредственно за грамматикой, можно было заключить, что обѣ эти науки составляютъ у Іоанна одно твореніе; но отличіе въ содержаніи заставляетъ почитать каждое изъ этихъ твореній трудомъ отдѣльнымъ. Сочинитель говоритъ вначалѣ о разумѣ, о мысли, опредѣляетъ науку, какъ наставницу жизни, даетъ ея раздѣленіе, излагаетъ ея пользу и заключаетъ свое сочиненіе краткимъ обозрѣніемъ явленій природы. Экзархъ при переводѣ сдѣлалъ только нѣкоторыя примѣненія въ расположеніи подлинника, какъ это видно изъ заключенія о философіи.

Кромѣ этихъ произведеній Іоанну Экзарху приписываютъ еще нѣсколько словъ на разные праздники, показывающихъ

въ немъ и древнѣйшаго славяно-болгарскаго проповѣдника Слово *на Вознесеніе Господа нашего Іисуса Христа*, дошедшее до насъ въ рук. XV и XVI в., не потеряло слѣдовъ своего южно-славянскаго происхожденія: Слово *на Преображеніе Господа нашего Іисуса Христа*, и на евангельскій текстъ: *отъидоста паки къ себѣ ученика, дивящася.*

Современникъ Іоанна Экзарха былъ епископъ Константинъ, ревностный ученикъ св. первоучителей. Сохранившіяся и досель открытыя произведенія его слѣдующія: а) Четыре слова Аѳанасія Александрійскаго на Аріанъ; b) Выборъ словъ на недѣльныя евангелія, т. е. 37 словъ І. Златоуста и 5 — Исидора Пелусіотскаго, одно собственное его слово съ прологами и послѣсловіями, сочиненными самимъ Константиномъ. Наконецъ c) приписываемая ему молитва о недавно совершившемся крещеніи славянъ. Изъ словъ на Аріанъ, особенно же замѣчательно послѣсловіе четвертаго слова, изъ котораго открывается, какъ мы видѣли, что Константинъ переложилъ эти книги по повелѣнію царя Симеона, въ 6014 (906) г. индикта 15-го. Изъ другого его труда, т. е. изъ выбора словъ на недѣльныя евангелія, открывается весьма вѣрное обстоятельство, что епископъ Константинъ перевелъ эти слова по настоянію старца Наума, одного изъ седмочисленниковъ, и что переводъ этотъ сдѣланъ при царѣ Симеонѣ въ 898 году. Онъ самъ говоритъ, что былъ убѣжденъ другими въ необходимости переводить на славянскій языкъ сказанія евангельскія. Въ томъ же самомъ *Прологѣ* есть молитва, извѣстная уже изъ другихъ хронографовъ, приписанная тому же Константину епископу. Молитва эта, написанная въ азбучномъ порядкѣ, начинается такъ:

Азъ словомъ симъ молюся Богу,
Боже всея твари, Зиждителю
Видимыя и невидимыя.

Къ числу дѣятелей въ Болгаріи во время царя Симеона принадлежитъ также *Григорій Пресвитеръ*. Кромѣ имени, сана и труда его, болѣе ничего неизвѣстно объ его жизни. Повелѣніемъ *христолюбиваго* царя болгарскаго, хотѣвшу ему чести вся книги, Григорій перевелъ для него съ греческаго языка церковную и гражданскую исторію, т. е. хронику византійца Малалы, гдѣ весьма замѣчателенъ подробный разсказъ о взятіи и разореніи греками Трои. Важность славяно-болгарскаго

перевода хроники Малалы заключается не въ одномъ только литературномъ его достоинствѣ, не въ одномъ новомъ доказательствѣ ревности къ просвѣщенію царя Симеона, но болѣе появленіе самаго греческаго подлинника, въ которомъ, какъ извѣстно, недостаетъ начала и даже нѣсколькихъ предложеній въ самомъ текстѣ, даетъ славянскому переводу Григорія важное преимущество.

Кромѣ того, кто бы могъ подумать, что нашъ Григорій, пресвитеръ мнихъ, дѣйствовавшій на извѣстномъ поприщѣ во время царя Симеона, есть одно лицо съ Григоріемъ мнихомъ, переводчикомъ книги Царствъ, и съ Григоріемъ, переводчикомъ хроники Георгія Амартола. Благодаря ревностнымъ занятіямъ и открытіямъ К. М. Оболенскаго, нѣтъ болѣе сомнѣнія, что всѣ эти переводы, находящіеся теперь большею частію въ позднѣйшихъ русскихъ спискахъ, перешли въ Кіевъ изъ Болгаріи, и что Несторъ пользовался не подлинниками греческихъ лѣтописцевъ, а ихъ славяно-болгарскими переводами. Въ хронику Малалы переводчикъ Григорій внесъ такъ называемую *Александрію*, или жизнь и похожденіе Александра Македонскаго. Объ этой повѣсти уже Востоковъ замѣтилъ, что она представляетъ древній болгарскій переводъ съ греческаго. Герой Македонскій и походъ Ахиллеса съ мирмидонами подъ Трою были любимымъ чтеніемъ болгаръ. Не сверхъестественныя приключенія и героическіе подвиги Ахиллеса и Александра воспламеняли воображеніе читателей, но мысль, проникавшая въ народъ и переходившая по преданію отъ самой отдаленной древности, будто мирмидоны и македоняне были предками болгаръ, заставляла послѣднихъ полюбить и героя царя, и гордиться своимъ происхожденіемъ.

Слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ писателяхъ времени царя Симеона. Одинъ изъ двухъ этихъ писателей, котораго имя еще не открыто, есть переводчикъ двухъ житій: *житія Антонія Великаго*, составленнаго Аѳанасіемъ, и *житія Панкратія*, ученика Петрова. Эти переводы недавно найдены въ одномъ Сборникѣ, гдѣ, въ заключеніи, самъ безыменный переводчикъ говоритъ: „Не на свой же умъ надѣющійся, ни собою дерзнувшимъ на дѣло сіе, толь велико суще, но принужденъ отъ строителя церковнаго Іоанна, Болгарскія земли“. Это достаточно указываетъ на время и мѣсто перевода. Другой писатель этого времени *Черноризецъ Храбръ*, замѣчательный своимъ сказа-

ніемъ о письменахъ, гдѣ онъ подробно излагаетъ изобрѣтеніе свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ славянской азбуки.

Пыпинъ

Вліяніе болгарской письменности на русскую.

Кромѣ собственно поучительныхъ книгъ въ Болгаріи былъ цѣлый рядъ книгъ историческихъ, именно рядъ переводныхъ византійскихъ хронографовъ. Такова хроника Іоанна Малалы, „Изложеніе о лѣтѣхъ міру“; славянскій текстъ не есть, впрочемъ, чистый переводъ греческаго подлинника, но особая компиляція, гдѣ Малала дополненъ изъ другихъ источниковъ: дополненіе составляютъ Палея, или исторія ветхаго завѣта, и Александрія, или баснословная исторія Александра Македонскаго. Переводчикомъ Малалы считали обыкновенно пресвитера Григорія, но имя его стоитъ въ томъ мѣстѣ компиляціи, гдѣ нѣтъ вовсе текста Малалы, и указаніе его труда можетъ относиться скорѣе къ ветхо-завѣтнымъ дополненіямъ. Но переводъ, вѣроятно, принадлежитъ вѣку Симеона, и въ XII столѣтіи имъ уже пользовались русскіе лѣтописцы. Еще болѣе отразилась въ русской лѣтописи хроника Георгія Амартола. Онъ имѣлъ два различные старо-славянскіе перевода: одинъ болгарской редакціи („Временникъ вкратцѣ“ и пр.), другой — сербской („Лѣтовникъ вкратцѣ“ и пр.); первая послужила однимъ изъ источниковъ для русской древней, такъ называемой Несторовой, лѣтописи, и есть мнѣніе, что самый переводъ ея сдѣланъ былъ не въ Болгаріи, а на Руси. Отношеніе самыхъ редакцій Амартола таково, что главный изслѣдователь ихъ, Ундольскій, предположилъ для нихъ два разные греческіе оригинала, и отличалъ „Георгія грѣшника“ (Амартола) болгарской редакціи отъ „Григорія мниха“ сербской. Окончательное выясненіе затруднено тѣмъ, что славянскій Амартолъ, какъ и Малала, остается и доселѣ неизданнымъ. Не изданъ также еще одинъ замѣчательный болгарскій переводъ греческаго хрониста Константина Манассіи, принадлежащій, впрочемъ, средне-болгарскому періоду, именно половинѣ XIV в. На югѣ былъ сдѣланъ и переводъ хроники Симеона Метафраста: „Списаніе міра отъ бытія и лѣтовникъ“. Въ компиляціи изъ Малалы находятся значительные отрывки изъ Іосифа Флавія, которые заставляютъ предполагать, что этотъ историкъ

также рано явился въ славянскомъ переводѣ. Далѣе, краткая хронологія Никифора (напечатанная при изданіи рус. лѣтописей). Памятники, сейчасъ указанные, уже открываютъ намъ историческое значеніе болгарской литературы, какъ основательницы литературы православнаго славянства въ древнемъ періодѣ. Какому бы племени ни принадлежалъ бы первоначально старославянскій языкъ, болгарамъ несомнѣнно принадлежитъ историческая заслуга основанія на этомъ языкѣ обширной литературы, которая цѣликомъ перешла къ русскимъ и сербамъ и составила готовую опору для развитія ихъ собственной письменности. Эта связь установилась на много вѣковъ: произведенія старо-болгарскихъ писателей сохраняли свое значеніе во всемъ старомъ періодѣ православно-славянской литературы; языкъ сталъ общимъ литературнымъ языкомъ, видоизмѣняясь, конечно, подъ вліяніемъ мѣстныхъ нарѣчій въ звукахъ и формахъ, но сохраняя общую основу.

Историческое значеніе содержанія этой литературы можно указать слѣдующими словами одного изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ славянской литературной древности, Ягича: «Если за византійцами почти единогласно признаютъ по крайней мѣрѣ то хорошее, что они были прилежными хранителями умственныхъ сокровищъ своихъ предковъ, то ихъ славянскимъ ученикамъ, если когда-нибудь въ Европѣ получатъ понятіе объ ихъ средневѣковой литературѣ, конечно, столь же охотно отдадутъ, по крайней мѣрѣ, ту скромную похвалу, что они съ своей стороны были прилежными переводчиками византійской учености. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ латинской, нѣтъ другой европейской литературы, которая наравнѣ съ старославянской (т. е. старославянской съ ея болгарской, сербской и русской отраслями) могла указать въ очень древнемъ періодѣ весь огромный запасъ библейско-богословско-литургическихъ произведеній христіанскихъ грековъ. Если оставить въ сторонѣ современную оцѣнку этихъ произведеній и если представить себѣ воззрѣнія тогдашнихъ временъ, то въ то время не было занятія священнѣе, чѣмъ это. То, что ревностно переводила трудолюбивость славянскихъ среднихъ вѣковъ, никакъ не могло оказаться безъ высокаго культурнаго значенія».

Для общей исторіи литературы изученіе старо-славянской письменности имѣетъ еще тотъ особенный интересъ, что пе-

редавая византійскую литературу, она сохраняетъ отголоски другого движенія, котораго мы еще не можемъ прослѣдить; по греческимъ произведеніямъ сохраняетъ памятники, исполненные интереса вообще для изученія общеевропейскихъ средневѣковыхъ сказаній.

Старая русская рукописная письменность и въ особенности средняго періода представляютъ множество памятниковъ — отеческихъ поученій, повѣстей, житій, апокрифовъ, книжно-народныхъ преданій, византійскихъ историковъ, которые или несомнѣнно идутъ изъ болгарскаго источника, или, по крайней мѣрѣ, носятъ слѣды южно-славянскаго происхожденія. Болгарскіе протографы этихъ произведеній теперь очень рѣдки, потому что болгарскія рукописи терялись въ бѣдствіяхъ позднѣйшей болгарской исторіи, или даже были намѣренно истребляемы греками со времени турецкаго покоренія; но русскіе списки, ихъ сохранившіе, даютъ возможность судить о распространеніи старо-болгарской литературы во всей области стараго православнаго славянства. Большею частью мы не знаемъ и хронологіи этихъ памятниковъ, такъ что исторія ихъ можетъ быть опредѣляема пока только самыми общими чертами.

Характеръ древней и потомъ средней болгарской литературы, какъ онъ выразился уже у первыхъ писателей, былъ церковно-догматическій, легендарный, историческій, въ византійскомъ смыслѣ. Это были, большею частію, переводы церковныхъ писателей греческихъ, а также собственныя произведенія въ той же общей манерѣ, которая, большею частію, не даетъ возможности открыть спеціальныя народныя черты писателя. Церковный языкъ, установившійся прочно послѣ трудовъ первыхъ болгарскихъ писателей, дѣлалъ эти произведенія общедоступными для всѣхъ грамотниковъ славянскаго православія. Церковныя сношенія русскихъ съ болгарами и съ Аѳономъ, ближайшее сосѣдство сербовъ съ болгарами установили между ними мѣну рукописей. Аѳонъ игралъ чрезвычайно важную роль въ этой литературной взаимности: каждый славянскій православный народъ имѣлъ тамъ свой монастырь (Зографъ — болгарскій, Хиландарь — сербскій, Пантелеймоновъ — русскій); эти монастыри были предметомъ благочестивыхъ странствій, собирали значительныя богатства и привилегіи и принимали дѣятельное участіе въ литературномъ движеніи: здѣсь собиралось и переписывалось множество рукописей, от-

[illegible] имѣлъ и нѣсколькихъ своихъ писателей.

[illegible]

На югѣ не было и этого; самый переводъ греческихъ хронистовъ не пробудилъ историческаго интереса: въ нихъ ви- [illegible] только хроника съ религіозной окраской. Мы не находимъ

Въ болгарской письменности любопытства ни къ свѣтской политической исторіи Византіи, ни даже къ тѣмъ писателямъ, которые говорили объ исторіи самихъ славянъ, какъ Константинъ Порфирогенетъ.

Отсюда по преимуществу церковный или церковно-поучительный характеръ литературы происходилъ и другой ея недостатокъ — пренебреженіе къ народной жизни. Литература относилась къ ней пренебрежительно: жизнь народная вначалѣ была слишкомъ языческая; затѣмъ книжникъ смотрѣлъ свысока на невѣжественныя и грубыя массы; наконецъ, проповѣдникъ аскетической нравственности считалъ всякіе нравы и обычаи народа бѣсовскими и грѣховными. Книжники оставались глухи и къ лучшимъ чертамъ этой жизни и не нисходили къ простымъ народнымъ понятіямъ, [illegible] истинныхъ христіанскихъ, удаляясь отъ народа. Одна народная поэзія [illegible] сохранилась въ литературѣ, которая въ общемъ [illegible] искусственной [illegible] церковныхъ грамотниковъ. Тотъ же разрывъ съ народной жизнью представляла сербская литература (особенно) и русская (меньше).

Гдѣ не [illegible] поэтическія потребности не могли быть совсѣмъ заглушены и дѣйствительно [illegible] рядомъ [illegible] книжныхъ по [illegible], но получавшихъ популярность, и затѣмъ съ одной стороны оставившихъ свой слѣдъ въ народномъ преданіи, а съ другой — воспринимавшихъ [illegible] преданіе. Здѣсь опять произведенія старо-болгарскія и средне-болгарскія (указанныя или предполагаемыя) [illegible] славянской и особенно въ русской письменности. Это — повѣсти и сказки, церковнаго и романическаго содержанія, источникомъ которыхъ также была Византія. Здѣсь почти [illegible] исторія [illegible] южныхъ и западныхъ славянъ — существовали и въ греческой литературѣ, — и [illegible] переходили въ письменность южныхъ славянъ.

Пыпинъ и Спасовичъ.

Вліяніе Византіи на Русь.

Весьма важно въ образовательномъ отношеніи было непосредственное вліяніе Византіи. Въ Константинополѣ и на Аѳонѣ [illegible] обширная [illegible] дѣятельности [illegible]

переводили на славянскій языкъ греческія книги, а другіе списывали ихъ. Въ Студійскомъ монастырѣ, по словамъ Стефана Новгородца (1350 г.), жили русскіе, искусные въ списываніи книгъ, и посылали оттуда въ Россію много книгъ: уставы, тріоди и иныя книги. Какъ видно, русскіе имѣли постоянное пребываніе въ Константинополѣ, потому что, болѣе вѣка спустя, другой путешественникъ (Игнатій, 1391 г.) говоритъ, что его упокоили въ монастырѣ Предтечи, жилище бѣ ру-ское. Въ XIV вѣкѣ въ монастырѣ св. Предтечи въ Константинополѣ, по волѣ Аѳанасія, игумена его, списанъ былъ сборникъ святоотеческихъ сочиненій. Въ Студійскомъ монастырѣ жилъ митрополитъ Кипріанъ, который усердно трудился въ переводѣ на славянскій языкъ сочиненій отцевъ церкви. Тамъ онъ перевелъ Лѣствицу съ толкованіями, а въ одной своей книгѣ говорится вообще, что онъ переводилъ много святыхъ книгъ съ греческаго на русскій языкъ. [illegible] въ Константинополѣ переводная дѣятельность шла [illegible] правильно. На Аѳонѣ же она была шире, потому что [illegible] столько раньше появленіе славянскихъ монастырей. Въ XI вѣкѣ тамъ упоминается русскій монастырь, въ XII — сербскій, въ XIII — болгарскій. Уже въ XII вѣкѣ, въ описи имущества русскаго монастыря Ксилургу, упоминаются русскія книги, именно: апостолы, прологи, синаксари, паремейники, минологи, творенія Ефрема Сирина и номоканоны. На Аѳонѣ занимались списываніемъ книгъ русскіе монахи: Савва, игуменъ [illegible], Досиѳей, игуменъ печерскій, Митрофанъ [illegible], Іона, игуменъ угрѣшскій, и особенно Нилъ Сорскій. Савва принесъ съ собою съ Аѳона Кормчую, которою пользовался Вассіанъ, архіеп. ростовскій. Изъ переводовъ, сдѣланныхъ на Аѳонѣ, извѣстны слѣдующіе: въ 1371 году монахъ Исаія перевелъ съ греческаго на славянскій языкъ Діонисія Ареопагита, съ толкованіями Максима Исповѣдника; въ 1389 монахъ Іоаннъ перевелъ «Пѣснь Іерусалима» и книгу Іоанна [illegible]; Гавріилъ хиландарскій (1412) — толкованіе [illegible] на книгу Іова. Венедиктъ и Іаковъ (1426) [illegible] Іоанна Златоуста. Григорій хиландарскій перевелъ Паралипоменонъ Зонары и дополнилъ его изъ Амартола (1408). Изъ древнихъ рукописей получены съ Аѳона: толкованія [illegible] Григорія Богослова и [illegible] Георгія [illegible] [illegible] XIII вѣка — [illegible]

въ 1397 г. Галичаниномъ Никономъ Черногорцемъ, списанныя въ Но-вгородѣ. Онъ имѣлъ большое значеніе для русскихъ книжниковъ того времени, потому что заключаетъ въ себѣ много отрывковъ, весьма значительныхъ по объему, изъ отцовъ церкви. Отсюда почерпали свои богословскія доводы писатели и сочинители и ихъ сборники, не указывая источника тѣхъ отдѣльныхъ статей, какія встрѣчаются въ ихъ сочиненіяхъ. Аѳонская гора постоянно сохраняла для Россіи значеніе книжнаго источника. Въ XVI вѣкѣ оттуда принесъ съ собою въ Россію греческія книги Максимъ Грекъ. Съ его именемъ встрѣчается у насъ и сочиненіе Іоанна Дамаскина: Ихнилатъ и Стефанитъ. При патріархѣ Никонѣ, по поводу исправленія книгъ, посылался на Аѳонъ, для пріобрѣтенія греческихъ рукописей, Арсеній Сухановъ; тамошніе монастыри, а съ тѣмъ вмѣстѣ и русскіе, принесли съ нимъ 498 книгъ, весьма древнихъ; по указанію самихъ книгъ, которымъ считалось 1050, 700, 600, 500 и 400 лѣтъ.

Результатомъ переводной дѣятельности южныхъ славянъ, въ Болгаріи и Сербіи, въ Россіи было значительное количество не только отцовъ церкви, но православныхъ сочиненій и славянскихъ сочинниковъ, которые сообщили русской письменности чисто религіозное направленіе, сохранявшееся въ ней вплоть до петровскаго періода почти преобладающимъ. Въ исторіи славянской литературы болгарскій царь Симеонъ, прозванный за свою любовь къ просвѣщенію книголюбцемъ, собралъ около себя цѣлое общество людей, которымъ поручено было перевести на славянскій языкъ необходимыя творенія отцовъ церкви. Самъ онъ перевелъ съ греческаго 136 избранныхъ словъ Іоанна Златоуста и назвалъ свой сборникъ „Златоструемъ". Его сотрудникъ Іоаннъ, экзархъ болгарскій, перевелъ богословіе и философію (діалектика) Іоанна Дамаскина и написалъ Шестодневъ, или исторію творенія міра по книгѣ Бытія, руководствуясь бесѣдами Василія Великаго и Іоанна Златоуста.

Эти книги встрѣчаются у насъ въ раннюю эпоху (XII — XIII вѣкъ), кромѣ философіи, списокъ которой принадлежитъ XVI вѣку въ рукописи митрополита Даніила. По повелѣнію того Симеона переведенъ съ греческаго языка сборникъ, содержащій въ себѣ по преимуществу догматическіе вопросы изъ разныхъ отцовъ церкви (о Св. Духѣ, о Троицѣ, объ ико

[illegible]

Антіоха объ инокахъ и о лаврѣ св. Саввы, затѣмъ идетъ [illegible]

восточныхъ отшельниковъ.

[illegible]

[illegible] Григорія Синаита о восьми главныхъ страстяхъ [illegible]

[illegible] Ефрема и помѣщено слово о мірской суетѣ и бесѣда о [illegible]. Къ этому же времени Апокалипсисъ съ толкованіемъ Андрея Кесарійскаго, которое вмѣстѣ съ толкованіемъ Ипполита [illegible] при богословіи [illegible]. [illegible] Авраамія Смоленскаго [illegible]. Эта книга, заключающая въ себѣ [illegible] основъ [illegible]. Здѣсь [illegible] поученія [illegible] о правой вѣрѣ (Чтимъ [illegible] вѣру праву въ Бога Отца, Сына и Св. Духа потомъ же послушанье св. апостоламъ, св. отцамъ), о при[illegible] о святой службѣ, объясненіе [illegible] частей храма, о [illegible] о ветхомъ и новомъ завѣтѣ, о молитвѣ; 100 главъ о томъ, что любовь [illegible] основаніе добрыхъ дѣлъ; слово о [illegible] Іоанна Предтечи [illegible]. Рядомъ съ этими статьями помѣщено нѣсколько словъ о постѣ, поученіе о суетѣ [illegible] поученіе одного старца о [illegible] душевномъ; слово Петра Дамаскина о [illegible] [illegible] жизни; Ефрема Сирина о мірской суетѣ.

Въ слѣдующемъ вѣкѣ, кромѣ толковыхъ [illegible] части [illegible] мы встрѣчаемъ еще болѣе [illegible] догматическихъ, нравственныхъ и аскетическихъ. Таковы [illegible] Даніила [illegible] съ толкованіями [illegible] Максима Исповѣдника въ [illegible] переводѣ [illegible]; слова Аѳанасія александрійскаго противъ аріанъ въ переводѣ [illegible] пресвитера Константина (X в.); поученія аввы Дорофея въ четырехъ спискахъ; поученія Ефрема Сирина въ трехъ спискахъ; поученіе Исаака Сирина въ спискахъ XIV и XV вв. съ прибавленіями изъ Петра Дамаскина, Максима Исповѣдника и др. — переводъ сербскаго происхожденія, по [illegible] рукописи. Въ XVI вѣкѣ эти поученія пользовались также [illegible] уваженіемъ, судя по количеству списковъ (по описи Синод. библ. 10 рук.); Діоптра Филиппа Пустынника въ четырехъ спискахъ XV вѣка; постническія слова В. Великаго (XV в.); поученія Θеодора Студита въ спискахъ XIV и XV вв.; подвижническія главы Максима Исповѣдника, Θеодора Едесскаго и Нила [illegible] XIV или XV в. Она состоитъ изъ 400 правилъ или главъ Максима, 100 глав. Θеодора и 100 гл. Нила. Въ рукописи Синод. библіотеки, на ряду съ сочиненіями Максима, помѣщены 100 главъ, составленныхъ [illegible]

[illegible] Филиппа, передѣланный христіанскими писателями съ примѣненіемъ къ иноческой жизни; подобныя передѣлки встрѣчаются и между сочиненіями Нила. [illegible] сочиненіями [illegible] писателей. Далѣе въ спискахъ XV и XVI вв. встрѣчаются соч. Нила [illegible] посланіяхъ, творенія Симеона новаго богослова и Петра Дамаскина, и различныя слова Григорія Синаита, [illegible] пользовались большимъ уваженіемъ у болгаръ и сербовъ. Отъ XVI в. сохранился переводъ сочиненія [illegible] очень древнихъ и важныхъ въ томъ отношеніи, что на греческомъ языкѣ они утеряны. По своему направленію [illegible] относятся къ духовно-нравственнымъ. Наконецъ къ XVI вѣку относятся вопросы и отвѣты [illegible] о разныхъ [illegible] вопросахъ [illegible] скаго происхожденія.

Въ этомъ [illegible] встрѣчается нѣсколько [illegible] переводныхъ поученій и бесѣдъ [illegible] 16 словъ Григорія Богослова; Маргаритъ — сборникъ поученій Іоанна Златоуста, его же бесѣды къ антіохійскому народу; бесѣды [illegible] Григорія Двоеслова; [illegible] І. Златоуста, [illegible] александрійскаго, Ефрема Сирина, Феодора Студита, Григорія Богослова, Аѳанасія александрійскаго. [illegible] аскетическихъ и житій [illegible] Лѣствица. Въ 1431 году на Аѳонѣ было [illegible] русскимъ монахомъ 25 житій, которыя списаны [illegible] въ Россіи. Кромѣ того отдѣльно извѣстны житія [illegible] Феодора Студита, Симеона Столпника, [illegible] Варлаама и Іоасафа индѣйскихъ, Іоанна Златоуста и Андрея Юродиваго.

[illegible] относятся [illegible] въ спискахъ XIII—XV в., около 20 житій, [illegible] патерикъ въ нѣсколькихъ спискахъ XIV—XV в., патерикъ римскій XIV—XV в. [illegible] XV в. Отъ XV и XVI вв. сохранилось еще нѣсколько сборниковъ съ преобладающимъ характеромъ созерцательнымъ и въ духѣ иноческой жизни.

[illegible] Пчела [illegible] Максима Исповѣдника [illegible] сборника [illegible] Писанія и греческихъ [illegible] въ Россіи списки [illegible] XIV [illegible]

Всматриваясь въ содержаніе этихъ книгъ, легко замѣтить, что въ нихъ въ сильной степени преобладаетъ созерцатель-но-аскетическое направленіе. Большая часть переведенныхъ сочиненій принадлежитъ аскетической литературѣ. Распростра-неніе образованія преимущественно въ монастыряхъ чрез-вычайно и общее уваженіе къ иночеству и жизни, какъ высшему проявленію на землѣ совершенства христіанскаго, были при-чиною, что болѣе переводились творенія иноческаго характера. Надо замѣтить, что эти переводы сочиненій были на востокѣ и, главнымъ образомъ, на Аѳонѣ, гдѣ какъ преимущественно жи-ли и были славянскіе монахи, знавшіе греческій языкъ. Это вполнѣ является и указанными примѣрами систематическаго списыванія книгъ въ Византіи и на Аѳонѣ. Но, переведенныя въ Россіи, они также имѣли большое вліяніе на общество. «Переводныя сказанія и свитки, говоритъ Буслаевъ, проник-нутыя самою восторженною поэзіею отшельнической жизни, были любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ отъ XI в. и вплоть до XVII включительно. Исторія о Варлаамѣ и Іоасафѣ ца-ревичѣ, вся основанная на прославленіи пустынножительства, пользовалась въ древней Руси такою популярностію, что даже отразилась въ народной поэзіи стихами объ Асафѣ-царевичѣ и о похвалѣ пустыни. Эти аскетическія книги, отрывками вне-сенныя въ прологъ, имѣли громадное вліяніе на древне-русскую литературу. Въ значительномъ числѣ и всегда онѣ заучивались наизусть и незамѣтно входили въ воззрѣнія и убѣжденія не только грамотныхъ предковъ, и отразились въ практической ихъ дѣятельности учрежденіемъ и распространеніемъ пустынно-жительства въ безлюдныхъ захолустьяхъ русской земли».

Иконниковъ.

Вліяніе Византіи на Русь.

Пути, которыми дѣйствовала Византія на старую русскую жизнь, были очень разнообразны и приводятся къ основному факту — принятію христіанства изъ этого восточнаго источника. Этотъ фактъ подкрѣпленъ былъ потомъ и другими историческими обстоятельствами, которыя еще усилили его значеніе. Съ приня-тіемъ византійскаго христіанства въ древнюю Русь перешло вмѣстѣ множество элементовъ чисто византійскихъ: на ряду съ церковными учрежденіями, перенесенными языкомъ, прони

[illegible] князей, странствіями паломниковъ, и т. д.

[illegible] (мозаики) и т. д.

[illegible]

вооружаться противъ паломничества, которое повидимому переходило уже въ злоупотребленіе.

Кромѣ сношеній церковныхъ и торговыхъ, съ Византіею велись и теперь военныя и политическія дѣла. Русскіе отряды не разъ отправлялись въ Греческую землю въ качествѣ наемнаго войска; князья роднились съ семьей императоровъ; бывали даже претенденты, заходившіе на Русь; русскіе князья не одинъ разъ уходили въ изгнаніе въ Грецію и т. д. и т. д.

Для новой народной жизни особенное значеніе получили церковныя связи, съ которыми соединялась и первая письменность. Греческая церковь при самомъ началѣ стала передавать и русской свои главныя особенности — строгое храненіе предписаній соборныхъ постановленій и преданія, враждебное отношеніе къ западной церкви и ея догматическимъ и инымъ послѣдователямъ, свое церковно-гражданское законодательство. Русская литература складывалась подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ византійскихъ образцовъ: въ догматикѣ, въ поученіяхъ, книжные русскіе писатели принимали византійскую манеру. Византійская риторика повторяется съ точностью и догматическая тонкость ея изучивается въ поучительныхъ словахъ: русскіе писатели достигали иногда замѣчательнаго риторическаго совершенства, какъ напр. Кириллъ Туровскій; въ житіяхъ святыхъ съ самаго начала устанавливается условный стиль, перенятый у грековъ и соблюдавшійся потомъ цѣлые вѣка [illegible]. Главнымъ источникомъ историческихъ свѣдѣній о древнемъ мірѣ былъ византійскій хронографъ.

Успѣхъ церкви былъ несомнѣнный и обширный: ея авторитетъ оставался неоспариваемымъ; духовенство со времени Владиміра получило быстро извѣстное незыблемое нравственное и матеріальное положеніе; князья строили по собственному усердію церкви и привлекали строителей, искали поученія и руководства у игуменовъ и епископовъ; сами вступали въ монашество и высоко ставили его съ замѣчательной ревностью. Благодаря этому покровительству, духовенство стало [illegible] богатымъ и привилегированнымъ сословіемъ и [illegible] со множествомъ своихъ чиновниковъ и управителей.

Такъ какъ вообще распространеніе грамоты шло вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанства и первыя книги были церковныя, то и

[illegible]
никали въ Москву...

[illegible]
ревность къ новому просвѣщенію.

Старое и новое были такъ не сходны, что преобладаніе и [illegible]
ной жизни.

[illegible]

мѣсто языческаго, отчасти уничтожая его совсѣмъ, отчасти мирясь съ нимъ. Давно указано, что еще въ первые вѣка христіанства церковь старалась замѣнять языческія преданія и предметы поклоненія христіанскими, превращая языческіе храмы въ церкви, замѣщая память о языческихъ божествахъ христіанскими святыми, языческія празднества христіанскими торжествами и т. д.

Церковь начала противодѣйствовать и бытовымъ обычаямъ, и нравственнымъ понятіямъ народа: она возставала противъ многоженства или отсутствія брака, противъ языческихъ праздниковъ. Проповѣдь этого рода была настолько дѣйствительна, насколько новые христіане успѣвали проникнуться церковнымъ ученіемъ: всего сильнѣе она была въ княжеской обстановкѣ и въ городскомъ населеніи, ближе къ офиціальной церковной власти и духовному поученію. Дѣйствительно, уже вскорѣ являются въ этомъ кругу примѣры большой религіозной ревности; церковное освященіе сопровождаетъ крупныя событія ихъ жизни; въ удѣльныхъ раздорахъ и войнахъ городскія дружины идутъ „за Спаса и Пречистую", „за св. Софію", которыя олицетворяютъ для нихъ родной городъ и землю. Обличенія язычества начинаютъ относиться болѣе къ „украйнамъ" — далекимъ отъ центровъ краямъ русской земли.

Съ христіанскимъ ученіемъ входило новое понятіе о природѣ. Если, какъ надо полагать, наше язычество не представляло достаточно опредѣленной космогоніи, исторіи божествъ и творенія міра, то тѣмъ легче могло привиться новое представленіе о мірѣ, основанное на библейскомъ разсказѣ, посвоему — весьма точное, особенно украшенное средневѣковой символикой и легендой. Здѣсь преподаваемый новымъ ученіемъ утверждалъ исторію шестидневнаго творенія міра („Шестодневъ" является однимъ изъ древнѣйшихъ произведеній старославянской литературы), низверженіе непокорныхъ духовъ въ бездну, строеніе ада и рая, затѣмъ исторію первыхъ людей и человѣчества, пришествіе Спасителя. Изображеніе природы, полученное изъ византійскихъ книгъ, во всякомъ случаѣ далеко было превышать старыя народныя понятія объ этомъ предметѣ: то, что оставалось неизвѣстнымъ и непонятнымъ, восполнялось подобной фантастикой, безсильной тамъ, гдѣ для испытанія ея не было никакихъ знаній. Впослѣдствіи, когда въ русскую письменность проникла цѣлая масса такъ называемыхъ апо-

[illegible]
природы и вели между собою споръ о человѣкѣ, желая пріобрѣсти его для рая или ада и т. д.

[illegible]
нія, предзнаменованія, угрозы.

[illegible]
поклоненія, множествомъ мощей святыхъ и всевозможныхъ
[illegible]
ныхъ рѣдкостей, находившихся въ св. Софіи и другихъ хра-

махъ до завоеванія Царьграда крестоносцами. Здѣсь были многочисленные памятники исторіи ветхаго и новаго завѣта, памятники исторіи святыхъ и мучениковъ, чудотворныя иконы, мощи и изображенія. Вотъ, напримѣръ, что собственными глазами видѣлъ русскій паломникъ въ святой Софіи, въ царскихъ золотыхъ палатахъ и въ иныхъ церквахъ Царьграда: тамъ была трапеза, на которой праотецъ Авраамъ [illegible] хлѣба съ [illegible], то-есть Св. Троицею; крестъ изъ той лозы, которую посадилъ Ной послѣ потопа, и масличный сучекъ, принесенный голубемъ въ ковчегъ; палица Моисеева, которою онъ раздѣлилъ Чермное море и провелъ черезъ него людей израильскихъ; скрижали Моисеева закона, и ковчегъ, а въ немъ манна; труба мѣдная іерихонскаго взятія Іисуса Навина, въ которую вострубилъ ангелъ [illegible]; [illegible] пророка Ильи и его пояса, и т. д. Отъ земной жизни Іисуса Христа сохранились многочисленные священные воспоминанія: здѣсь были пелены Христовы; златые сосуды, принесенные младенцу Христу въ даръ волхвами; свѣрдла и пилы, которыми дѣланъ былъ крестъ Господень; честной крестъ, терновый [illegible], губа, трость, копье — орудія страданія Іисуса Христа [illegible] и Пресвятой Богородицы: сорочка, пелены [illegible] (обувь) Христа, мраморная лохань, въ которой онъ умылъ ноги своимъ ученикамъ, его трапеза; мраморный камень отъ колодца, у котораго Христосъ говорилъ съ Самарянкою; камень отъ гроба Господня; Нерукотворенный образъ и проч. Здѣсь было множество частей и цѣлыхъ мощей святыхъ угодниковъ и мучениковъ, начиная отъ Іоанна Крестителя. Здѣсь были чудотворныя иконы, какъ, напримѣръ, икона Богородицы, держащей Христа, въ которую жидовинъ ударилъ ножомъ въ горло Христа и изъ нея истекла кровь; икона Спасова, которую св. Германъ послалъ безъ корабля посольствомъ въ Римъ; икона Богородицы, изъ очей которой шли слезы; икона или изображеніе „Борьба“ (т. е. [illegible] императора Льва Мудраго), и у него камень дорогой въ челѣ, и много святынь по святой Софіи и т. д. Русскаго паломника поражали и необычайныя богатства, которыя собраны были для украшенія храма [illegible] — золото, серебро, мраморъ, драгоцѣнные камни. [illegible]

[illegible] значеніе [illegible] разсказываетъ, что одинъ изъ [illegible] и первоначально служенія въ немъ убѣдило послѣ [illegible] Владиміра, что здѣсь у грековъ должна быть истинная вѣра. Эти данныя лѣтописныя страницъ, безъ сомнѣнія, не менѣе [illegible] ученія и проповѣди содѣйствовали успѣху христіанства. Царьградъ получилъ народную славу: легенда, принесенная странниками священныхъ памятниковъ, получала полную убѣдительность.

Русское христіанство въ руководящемъ классѣ народа уже теперь пріобрѣтаетъ значительную самобытность. Благодаря болгарамъ и сербамъ оно получило переводъ Писанія, богослужебныхъ книгъ и нѣкоторыхъ христіанскихъ писателей и произведенія писателей южно-славянскихъ, такъ что располагало съ самаго начала обширной церковной и легендарной литературой. Произведенія первыхъ русскихъ писателей свидѣтельствуютъ, что этотъ литературный запасъ былъ хорошо усвоенъ. Церковь начинаетъ обнаруживать собственную дѣятельность, довольно независимую отъ византійскаго вмѣшательства и руководства. Эта независимость рѣзко обнаружилась въ примѣрѣ Иларіона митрополита безъ всякаго сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ. Церковь имѣла уже русскихъ святыхъ, признанныхъ и славянскими [illegible] имѣла [illegible] признанныхъ греческимъ святымъ, и существовавшихъ у самихъ грековъ.

Съ теченіемъ времени христіанское сознаніе стало господствующимъ; народъ еще въ древнемъ періодѣ сталъ считать [illegible] вѣру однимъ изъ тѣхъ основныхъ качествъ, которыя отличали его отъ нехристіанскаго восточнаго сосѣдства: это были „крестьяне“ и „поганые“.

Но успѣхи христіанства, какъ ни были значительны, имѣли и свою оборотную сторону. Не смотря на [illegible] [illegible] обвиняли [illegible], что [illegible]. Масса [illegible] отъ нихъ было невозможно [illegible] и они [illegible] въ народѣ долгое время. [illegible] христіанство [illegible] старое суевѣріе, то сохраняло [illegible]. Народное сознаніе [illegible] [illegible], но оно сохранялось какъ [illegible]. Обычаи удерживались и распространялись, [illegible] [illegible] не только [illegible]

шое, или символъ, но имъ самимъ приписывалась божественная и чудодѣйственная сила. Доброе и злое, начало нравственное, поняты были прямо какъ двѣ враждующія силы, которыя спорятъ о человѣкѣ, и съ которыми онъ самъ можетъ вступить въ союзъ и договоръ. Извѣстно, что средневѣковая, особенно монашеская, легенда сама воспитывала подобное воззрѣніе, и оно было воспринято съ особенной охотой и доводимо до послѣдней осязательности. Старинные моралисты не обращали вниманія на подобныя извращенія религіозныхъ понятій, потому что и сами были къ нимъ очень близки, или даже вполнѣ раздѣляли ихъ; зато они сурово вооружались противъ всего, что напоминало суевѣрія языческія. А такихъ было не мало. Главныя божества языческой религіи были забыты: въ древнѣйшихъ обличеніяхъ еще называются имена Перуна, Волоса и т. п., но потомъ они исчезаютъ, какъ, вѣроятно, въ самомъ дѣлѣ исчезли изъ народной памяти; зато сберегалось множество божествъ второстепенныхъ и частныхъ повѣрій и обычаевъ: рядомъ съ добрыми и злыми духами христіанства, но отдѣльно отъ нихъ, существовали домовые, лѣшіе, водяные, русалки; въ пѣсняхъ помнились языческіе обряды, заклинанія; по сказкамъ памятна была яга баба, живая и мертвая вода, говорящія птицы и деревья, волшебное прыганіе черезъ двѣнадцать ножей и т. п. Жизнь домашняя и земледѣльческая обставлены были и теперь, какъ прежде, множествомъ спеціальныхъ обрядностей, примѣтъ, смыслъ которыхъ заключался, съ одной стороны, въ расчетѣ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ условій земледѣльческаго труда, съ другой — въ волшебномъ удаленіи зловредныхъ силъ. Къ христіанской молитвѣ примѣшалось прежнее колдовство и заговоры; въ этихъ послѣднихъ, какъ они сохранились теперь, не подлежитъ сомнѣнію основа давняго и народнаго происхожденія, но къ ней мирно присоединяются имена христіанскихъ святыхъ, авторитетъ которыхъ призывался на помощь языческому волхвованію.

Самъ народъ, очевидно, не отдавалъ себѣ отчета въ этой двойственности вѣры; онъ, вѣроятно, скоро воспринималъ понятіе о христіанскомъ всемогущемъ Богѣ, о будущей жизни, о грѣхѣ, о наградѣ и наказаніи, но никогда не умѣлъ отчетливо раздѣлить старыхъ и новыхъ понятій, которыя не совсѣмъ умѣли дѣлить и его руководители; онъ наивно принималъ и то, что было стародавнимъ преданіемъ, и то, къ чему убѣждало его

церковное ученіе; воображеніе и чувство одинаково населялись и тѣми страхами, какіе внушало старое суевѣріе, и тѣми, какими угрожало грѣшнику церковное ученіе. По преданію, не однажды прибѣгавшее къ картинамъ страшнаго суда для убѣжденія язычниковъ; въ особенности народъ не могъ дѣлить стараго и новаго въ области фантастическаго и поэтическаго и простодушно вѣрилъ чудесному и христіанскому и языческому одинаково. Понятно, что эти старыя мнѣнія и привычки всего сильнѣе держались именно въ народѣ. Въ первое время церковь не имѣла, конечно, никакихъ средствъ обязательнаго христіанскаго обученія; это продолжалось и потомъ: если въ XV столѣтіи церковные правители жаловались на недостатокъ сельскихъ священниковъ, порядочно знающихъ грамоту, то прежде народная масса, безъ сомнѣнія, еще больше бывала предоставлена случаю. Извѣстно, что въ народѣ въ то время держалась даже мысль, что церковный обрядъ предназначенъ только для высшаго класса, напримѣръ, что вѣнчаніе браковъ нужно только для бояръ. Понятно, что въ сельскомъ быту далекихъ отъ центра краевъ свободно могли жить остатки язычества въ самыхъ очевидныхъ формахъ.

Это было то „двоевѣріе“, которое ревностно обличали старинные моралисты: для нихъ, успѣвшихъ усвоить аскетическій идеалъ, невыносимо было зрѣлище народнаго быта, въ которомъ языческія воспоминанія были несомнѣнны. Еще въ первое время, вѣроятно, поминались въ пѣсняхъ поименно языческія божества и продолжали совершаться языческіе обряды и праздники.

Это старое „двоевѣріе“ удержалось надолго: мы увидимъ далѣе, какъ до времени самого Петра продолжалось осужденіе народнаго обычая. Извѣстно очень хорошо, что въ сущности двоевѣріе, въ формѣ очень туманнаго представленія о древнихъ истинахъ или въ формѣ крайняго суевѣрія, продолжается и до настоящей минуты. Языческая старина еще не вымерла окончательно въ народныхъ преданіяхъ, пѣсняхъ, заговорахъ, [illegible]

ему не совсѣмъ симпатичной „цивилизаціи“. Но ревнители правовѣрности, какіе ратовали за ея чистоту въ XII—XVII столѣтіяхъ, и теперь могъ бы съ той же нетерпимостью вооружиться противъ „поганскихъ“ игрищъ, скаканія, противъ пѣсенъ и сказокъ (старинные моралисты нападали и на тѣхъ, кто „сказки сказываютъ небылыя“).

Что же означала эта борьба съ двоевѣріемъ? Очевидно, что двоевѣріе было состояніемъ огромнаго большинства народа, и что извѣстный „разладъ“, который находятъ теперь между образованнымъ классомъ и народной массой, и изъ котораго выводятъ столь тяжелый упрекъ образованному классу, начался въ сущности очень давно, именно въ тѣ вѣка, когда съ принятіемъ христіанства и усиленіемъ государства впервые рѣзко выдѣлились высшія сословія и стали надъ народной массой какъ своимъ общественнымъ, матеріальнымъ значеніемъ, такъ и своей долей тогдашняго образованія; у нихъ явился, такъ или иначе, другой складъ жизни, въ которомъ имъ легче было отказаться отъ стараго обычая; народъ, въ силу простѣйшихъ условій своей жизни, захолустнаго деревенскаго быта, недостатка церковнаго обученія, оставался съ старыми обычаями. Книжники не думали отличать въ этихъ обычаяхъ то, что могло быть вреднымъ заблужденіемъ и что было только невинной поэтической принадлежностью народнаго увеселенія; они не думали и о томъ, что вина сохраненія старины (если она была вредна) было не злокачественное упорство народа, а недостатокъ обученія, доставить которое обязаны были они сами и руководившая ими власть; вмѣсто того, чтобы приблизиться къ народу и дать ему недостающее просвѣщеніе, они презрительно осуждали его образъ жизни — и съ теченіемъ времени все усиливался высокомѣрный тонъ, съ какимъ книжники относились къ народной темнотѣ.

Недостатокъ правильной школы производилъ то, что въ народной массѣ вмѣстѣ съ распространеніемъ фантастическихъ суевѣрій, облекавшихся въ христіанскія формы, шло слишкомъ внѣшнее пониманіе религіи, приверженность къ обряду и къ буквѣ. Этотъ особый народный культъ вѣками дошелъ, наконецъ, до степени непоколебимаго убѣжденія, и когда въ XVII вѣкѣ начались попытки церковнаго исправленія, давно необходимаго, и коснулись этого культа, результатомъ народнаго неудовольствія явился расколъ въ видѣ защиты старыхъ

кины. Начинателями и приверженцами раскола были, какъ извѣстно, вовсе не одни изувѣры изъ простого народа, но и множество духовныхъ лицъ, священниковъ и монаховъ, напримѣръ, цѣлая Соловецкая обитель.

Въ какомъ же отношеніи стояло просвѣщеніе древней Руси къ тогдашнему содержанію образованности европейской, къ которой она стала такъ враждебно къ концу московскаго періода и съ которой должна была считаться со времени Петра?

Исторія западнаго просвѣщенія не есть исторія католицизма и не исчерпывается господствомъ его догмата. Западное просвѣщеніе въ своихъ начаткахъ дѣйствительно связывается съ католицизмомъ, но имѣло однако свою особую исторію. И замѣчательнѣйшая фаза образованности съ давнихъ временъ не только совершилась внѣ католицизма, но состояла именно въ отрицаніи того, что католицизмъ заключалъ въ себѣ превратнаго и стѣснительнаго для человѣческой мысли. Если это превратное и стѣснительное мы назовемъ клерикальнымъ, то этотъ клерикальный элементъ представляла въ той или другой степени и сама Византія. На католицизмѣ, какъ богословской системѣ, лежитъ вина крайняго извращенія религіи для политическихъ цѣлей, церковнаго подлога и обмана. Восточная церковь хранила вѣрно догматъ, но сохраненіе догмата не предотвратило многихъ печальныхъ церковныхъ явленій, которыя представляетъ и исторія самой Византіи и которыя также способны были производить и производили деморализующее дѣйствіе. Въ смыслѣ народной цивилизаціи, католицизмъ справедливо винятъ въ томъ, что онъ не допускалъ національныхъ церквей, запрещалъ народный языкъ въ богослуженіи, не дозволялъ перевода св. Писанія; но это не устраняло въ немъ проповѣди на народныхъ языкахъ, а единство церковнаго языка имѣло свою историческую выгоду какъ общеніе народовъ западной Европы въ литературѣ и образованности, впослѣдствіи облегчило развитіе Возрожденія, которое стало многозначительной эпохой европейскаго образованія.

Изъ сказаннаго вовсе не слѣдуетъ, чтобы значеніе [illegible] было ограничено въ исторіи образованности; напротивъ, [illegible] въ исторіи Запада [illegible] стѣсненія церкви и отвращенія къ католицизму. [illegible] и древняя Русь и Византія имѣли свое благотворное [illegible] русскаго народа [illegible]

[illegible] но Византія не замѣнила вполнѣ помощи [illegible] строгимъ католическимъ [illegible] консерватизмъ, мало по малу заключила въ себѣ всѣ во[illegible] его прогресса: Византія отучила древнюю Русь не только отъ католицизма, но вообще отъ Запада. И, сдѣлавъ невозможными правильныя связи съ Западомъ, сама ни мало не [illegible] даровала этого собственными источниками образованія.

Въ теченіе древняго періода религіозная нетерпимость русскихъ къ католическому Западу еще далеко не имѣла такого [illegible] развитія, какое она имѣетъ въ послѣдующую эпоху, [illegible] чѣмъ болѣе также незамѣтно въ духовномъ сословіи. Но греки уже [illegible] съ самаго начала требовали ея съ самымъ [illegible] рвеніемъ: по лѣтописному преданію объясняя [illegible] вѣры Владиміромъ, греческій философъ предупреждалъ [illegible] Владиміра ([illegible], ничего не сказавшаго обо всемъ [illegible]), что не слѣдуетъ принимать вѣры латинъ, потому что [illegible] на опрѣснокахъ. На первый разъ это по[illegible] Владиміра обвиненіе противъ латинъ было [illegible]; потомъ оно разъяснено было далѣе, и [illegible] въ нашей древней литературѣ является цѣлый рядъ произведеній, направленныхъ противъ латинъ и писанныхъ отчасти греками митрополитами, отчасти русскими іерархами. Тонъ обличеній уже съ перваго времени обнаруживаетъ сильную [illegible], которая потомъ возрастаетъ еще болѣе, пока наконецъ доходитъ до послѣдняго предѣла въ московскомъ періодѣ. Достопримѣчательно вообще въ томъ [illegible], что въ московскій періодъ, когда сношенія съ Западомъ были затруднены самымъ историческимъ положеніемъ государства, латинство стало предметомъ благочестиваго ужаса, — имѣть съ ней дѣло значило осквернить себя и подвергнуть великой опасности свое спасеніе въ будущей жизни. Вслѣдствіе этого древняя Русь была связана въ умственныхъ интересахъ только съ одной Византіей, и это было великой потерей для ея просвѣщенія и причиной крайней неразвитости науки и образованія.

Защитники Византіи ставятъ обыкновенно очень высоко ея просвѣщеніе и утверждаютъ даже, что она была тѣмъ источникомъ, откуда и самый Западъ почерпалъ свою науку. Но это большая историческая ошибка. Византія въ сравненіи съ древне[illegible] Западомъ имѣла дѣйствительно сильное преимущество — въ возможности непрерывнаго наслѣдованія отъ древ-

[illegible] пулярнаго міровоззрѣнія.

Въ нашей исторической литературѣ [illegible]

вѣчно не болѣе дошло, чѣмъ гнилыя дебри схоластики и мистики, и легендарные мифы, пріобрѣтенные древнею Русью изъ Византіи. И когда съ успѣхами европейской мысли эта вѣковая форма схоластики была отвергнута, это было новымъ научнымъ пріобрѣтеніемъ, которое у насъ осталось неизвѣстно. Въ этомъ смыслѣ русская образованность вовсе не миновала схоластики, не была она вѣдь свободна, а напротивъ только дольше оставалась въ ней; именно оставалась и тогда, когда въ Европѣ схоластика отжила уже свое время. Весь кромѣ западнической средневѣковой школы. Вмѣсто XII—XIV-го вѣка схоластика пришла къ намъ въ XVI—XVIII вѣкахъ. Когда мы, усвоивши византійскую традицію, обратились къ западной образованности, мы попали въ заднія ея ряды. Но, кромѣ того, было ошибочно думать, что средневѣковая мысль заключилась въ одной схоластикѣ, въ стилѣ Ѳомы Аквината. Наоборотъ, средневѣковой мракъ на Западѣ былъ вовсе не такъ великъ, какъ о томъ говорятъ. Самобытная дѣятельность мысли обнаруживается съ первыхъ вѣковъ европейскихъ обществъ. Изученіе античнаго міра было началомъ старой образованности; стремленія лучшихъ людей поглощены были разрѣшеніемъ нравственнаго вопроса, принесеннаго христіанствомъ; старыя знанія, старое научное движеніе были забыты; вообще народы принимали съ христіанствомъ новое міровоззрѣніе, въ которомъ понятіе о природѣ было не плодомъ размышленія и изученія, а легендою; первая схоластика была стремленіемъ отдать себѣ отчетъ въ этихъ понятіяхъ о мірѣ, привести ихъ въ систему, найти для нихъ логическое оправданіе; схоластика приняла на вѣру легенду, которая имѣла за себя могущественный авторитетъ, но самая попытка логическаго построенія была началомъ критики, изслѣдованія; въ помощь ему уже теперь взятъ былъ Аристотель; къ нему присоединились потомъ другія вѣтви античной науки черезъ посредство арабской учености. Тогдашняя мысль долго блуждала при этомъ въ дебряхъ казуистики и суевѣрія вмѣстѣ, но нерѣдко производила замѣчательныя и смѣлыя построенія. Эта философія, говорившая на латинскомъ языкѣ, становилась общеевропейскимъ достояніемъ, общимъ умственнымъ интересомъ западныхъ народовъ, который полагалъ основаніе и ихъ дальнѣйшему солидарному движенію къ другимъ областямъ науки.

Отрицаніе того, что мы назвали выше церковнымъ ос-

[illegible] Так называемое Возрожденіе XIV—XV вѣка [illegible] справедливо начинають отыскивать его первые источники [illegible] не въ силахъ были обновить у себя дома).

[illegible] путь научнаго сознанія.

[illegible] маніе и возбуждать любознательность.

[illegible]

древняя Русь приняла отъ Византіи и осталась чужда ея постороннему знанію: тѣсная связь съ Византіей въ политическомъ и особенно въ церковномъ отношеніи не давала ей элементовъ жизни и науки; отношенія къ Западу еще не были затруднены той религіозной и національной нетерпимостью, которая развилась впослѣдствіи; но Западъ былъ далекъ, и его возбуждающая дѣятельность не отражалась почти ничѣмъ въ жизни древней Руси. Преобладающимъ вліяніемъ осталась византійская церковность, которая развила свое полное дѣйствіе въ слѣдующемъ періодѣ.

Но во всякомъ случаѣ, древняя Русь не представляетъ той замкнутости отъ Европы, какая была послѣ, и была бы способна къ болѣе широкому образованію, если бы обстоятельства были болѣе благопріятны: древняя Русь не могла сравниться съ народами Запада потому уже, что не имѣла той болѣе близкой и непосредственной связи съ остатками древней цивилизаціи, какая была не только въ романскихъ, но отчасти и въ германскихъ земляхъ; единственнымъ путемъ и опорой образованія была Византія, которая, въ ея церковныхъ и политическихъ отношеніяхъ, не имѣла никакого интереса къ русскому народу и его просвѣщенію. Характеръ византійскихъ вліяній обозначился уже въ первомъ періодѣ нашей исторіи; въ полной мѣрѣ онъ выразился въ московскомъ періодѣ. Тяжелая исторія разъединила сѣверъ и югъ Россіи: послѣдній провелъ нѣсколько вѣковъ въ борьбѣ за религію и національное существованіе; первый сталъ новымъ центромъ русской народности, который сталъ господствующимъ представителемъ русскаго племени. Великорусскій сѣверъ былъ еще болѣе отдаленъ отъ всякихъ соприкосновеній съ европейскимъ міромъ, и въ своей борьбѣ съ татарствомъ, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, поглощенный построеніемъ государства, тѣмъ болѣе могъ уйти въ крайнюю національную и религіозную исключительность и полувосточную умственную неподвижность. Съ паденіемъ Византіи, московское царство осталось единственнымъ представителемъ восточнаго православія, и это еще увеличило его самодовольство, но не увеличило образованности. Восточные патріархи, вызванные въ Москву для устраненія внутреннихъ неурядицъ московской религіозной жизни, замѣчали недостатокъ просвѣщенія; византійцы не сознавали, что прежде всего это была ихъ собственная вина.

Пыпинъ.

Переводная и вообще заимствованная письменность.

Переводная литература съ греческаго была у насъ въ періодъ до-монгольскій весьма не бѣдна. Мы поставлены были въ счастливую возможность воспользоваться трудами другихъ, которые были совершаемы до насъ въ продолженіе почти цѣлыхъ *полутора* столѣтія. Начало переводамъ съ греческаго положилъ въ половинѣ IX вѣка Константинъ Философъ, или первоучитель славянскій, изобрѣтатель славянской азбуки, которому всѣ православные славяне обязаны тѣмъ, что стали имѣть богослуженіе и письменность на своемъ собственномъ языкѣ съ самаго начала христіанства. Самъ Константинъ Философъ, жившій послѣ начала своего труда весьма недолго (†869), успѣлъ перевести богослужебныя книги въ ихъ цѣломъ составѣ и богослужебную часть книгъ библейскихъ. Оставшійся послѣ него и трудившійся довольно долго братъ его Меѳодій, архіепископъ моравскій (†885), съ помощію своихъ учениковъ перевелъ всю библію (за исключеніемъ книгъ Маккавейскихъ), Номоканонъ (въ редакціи Схоластика) и положилъ начало переводу книгъ отеческихъ, или собственно учительныхъ, неизвѣстно пока, что именно сдѣлано въ этомъ послѣднемъ отношеніи. Послѣ Константина и Меѳодія дѣло перевода книгъ продолжали болгары. Принявъ христіанство почти одновременно съ тѣмъ, какъ была изобрѣтена славянская азбука, заимствовавъ отъ моравовъ славянскія богослужебныя книги вскорѣ послѣ того, болгары имѣли въ лицѣ своего третьяго христіанскаго государя — знаменитаго Симеона — такого человѣка, который хотѣлъ было водворить въ своей землѣ на славянскомъ языкѣ не только греческую письменность, но и настоящее византійское образованіе. Попытка эта, подобно тому, какъ послѣ случилось у насъ, не имѣла успѣха. Но въ частномъ случаѣ, что касается до перевода книгъ, то, конечно, самъ Симеонъ собралъ около себя кружокъ способныхъ людей и поручалъ имъ переводить тѣ или другія наиболѣе важныя книги. Сдѣлано въ семъ отношеніи весьма много, и вообще онъ далъ толчокъ, вслѣдствіе котораго и послѣ него дѣло осталось продолжаться постепенно и непрерывно. Въ Болгаріи, которая была рядомъ съ Греціей и была пере-

Болгаріи, въ своихъ границахъ, которая съ 971 года въ значительной своей части, а съ 1019 г. и въ полномъ своемъ составѣ на долгое время подпала господству грековъ, всегда могли быть отдѣльные люди, настолько знающіе греческій языкъ и настолько немного образованные, чтобы быть въ состояніи переводить съ греческаго на славянскій. Такъ и послѣ Симеона болгарскіе люди и продолжали мало-по-малу что-нибудь переводить во все время нашего періода до-монгольскаго. Кромѣ переводовъ съ греческаго у болгаръ въ правленіе Симеона явилось нѣсколько и самостоятельныхъ литературныхъ трудовъ ([illegible] исторія компиляція на основаніи греческихъ источниковъ).

Получивъ сначала при Владимірѣ, а главнымъ и собственнымъ образомъ при Ярославѣ, заимствовавъ отъ болгаръ все то, что было у нихъ переведено и не въ переводѣ ко времени этого получено, мы и *въ послѣдующее* время постепенно продолжали заимствовать отъ нихъ все, что у нихъ вновь было переводимо.

Не перечисляя съ библіографической обстоятельностью всѣхъ произведеній переводной и вообще заимствованной литературы, бывшихъ въ распоряженіи нашихъ предковъ *до-монгольскаго* періода, мы представимъ здѣсь ея наличность въ произведеніяхъ наиболѣе важныхъ, чтобы видѣть, насколько помянутые предки наши имѣли средствъ для книжной начитанности или для самообразованія.

Вся помянутая литература, за исключеніемъ самой Библіи, можетъ быть раздѣлена на четыре отдѣла: 1) догматическій, 2) библейско-истолковательный, 3) нравоучительный и 4) историческій.

По отдѣлу догматическому существовали въ періодѣ до-монгольскомъ въ славянскомъ переводѣ: 1) Точное начертаніе православной вѣры Іоанна Дамаскина, которое у *грековъ* занимало первое мѣсто между произведеніями данной категоріи, представляя собою единственное, бывшее у нихъ, полное и систематическое изложеніе христіанскаго православнаго вѣроученія. Древній болгарскій переводчикъ *Небесъ*, называемаго имъ *Словомъ о правой вѣрѣ*, или самъ сократилъ его, или, можетъ быть, взявъ уже готовое сокращеніе, существовавшее на греческомъ, далъ его въ такомъ видѣ, что въ немъ опущено очень многое, что не представляется необходимымъ и не можетъ представляться легкимъ для разумѣнія людей новопро-

[illegible] **сеній Меѳодія Патарскаго.**

[illegible] **толкованіе на апокалипсисъ Андрея Кесарійскаго.**

[illegible]

преимуществу нравоучительнаго содержанія, главы о молитвѣ Нила Синайскаго, нѣсколько такъ называемыхъ Патериковъ или Отечниковъ, представляющихъ собою сборники нравоучительныхъ повѣстей о знаменитыхъ подвижникахъ и нравоучительныхъ словъ сихъ подвижниковъ. б) Изъ словъ церковныхъ: нѣкоторый выборъ нравоучительныхъ словъ Григорія Богослова (очень небольшой), огромный выборъ словъ Іоанна Златоустаго, простирающійся числомъ до двухсотъ съ половиною словъ, если не болѣе, собраніе 106 словъ Ефрема Сирина, извѣстное подъ именемъ Паренезиса, собраніе 124 словъ Ѳеодора Студита, извѣстное подъ именемъ Малаго Катихизиса, поученія на всѣ воскресные дни года, числомъ 51, составленныя Константиномъ, епископомъ болгарскимъ, на основаніи греческихъ отцовъ, преимущественно Златоустаго. в) Житія святыхъ на греческомъ языкѣ существовали въ двухъ видахъ: въ видѣ первоначальныхъ пространныхъ жизнеописаній, помѣсячные сборники которыхъ суть Минеи, и въ видѣ сокращеній сихъ пространныхъ житій, сборники которыхъ суть Прологи или Синаксари. Что касается до пространныхъ жизнеописаній, составляющихъ Минеи, то въ настоящее время отъ періода до-монгольскаго въ славянскомъ переводѣ извѣстно весьма немногое, а именно — два мѣсяца полныхъ и нѣсколько отдѣльныхъ житій изъ другихъ десяти мѣсяцевъ; не имѣемъ пока достовѣрныхъ свѣдѣній, но есть вся и рѣшительная вѣроятность предполагать, что эти Минеи были у насъ въ періодъ до-монгольскій въ полномъ переводѣ всѣхъ мѣсяцевъ. Прологовъ или Синаксарей несомнѣнно были у насъ въ періодъ до-монгольскій полные славянскіе переводы. Такимъ образомъ, вообще нужно думать, что жизнеописательной греческой литературой наши предки этого періода обладали болѣе или менѣе всей.

По отдѣлу историческому у насъ были въ періодъ до-монгольскій въ переводѣ съ греческаго: 1) такъ называемая Палея (греч. Παλαιά съ подразумѣваемымъ существительнымъ διαθήκη — Ветхій Завѣтъ), содержащая священную исторію Ветхаго и отчасти Новаго Завѣта, полемически направленную противъ іудеевъ и магометанъ, при описаніи шести дней творенія представляющая свѣдѣнія по астрономіи, физикѣ, зоологіи и другимъ естественнымъ наукамъ (изъ Шестоднева Василія В.) и дополненная апокрифами; 2) хронографы или лѣтописцы

Георгія Амартола, доведенный авторомъ до 842 года, продолженный послѣ него Симеономъ Логоѳетомъ или неизвѣстнымъ до половины Х вѣка и содержащій, во первыхъ, священную исторію Ветхаго и Новаго Завѣта и древнюю греческую исторію, во-вторыхъ, новую гражданскую и церковную исторію; 3) хронографъ Іоанна Малалы Антіохійскаго, начинающійся отъ сотворенія міра, содержащій по преимуществу гражданскую исторію, но отъ переводчика дополненный [illegible] славянской (Палеи) и оканчивающійся въ переводѣ временами первыхъ римскихъ императоровъ. Къ хронографу въ переводѣ приложена такъ-называемая Александрія (Книга Александрова), содержащая баснословное сказаніе объ Александрѣ Македонскомъ, а въ самомъ хронографѣ читается весьма подробная повѣсть о плѣненіи греками Трои.

Мы не включаемъ въ наше обозрѣніе статей по реторикѣ и философіи. Статьи по той и другой, весьма впрочемъ немногочисленныя (и всего двѣ — одна по реторикѣ, другая по философіи), случайнымъ образомъ переведенныя въ Болгаріи (въ одномъ сборникѣ, такъ-называемомъ Святославовомъ, вмѣстѣ съ другими статьями), еще случайнѣе попавшія къ намъ, несомнѣнно вовсе не были у насъ читаемы.

Представленное нами обозрѣніе важнѣйшихъ произведеній греческой письменности до-монгольскаго періода, по всей вѣроятности, значительно не полно. Мы указали только то, что или несомнѣнно уже было у насъ въ этотъ періодъ, или можетъ быть относимо къ нему со всею вѣроятностію; но весьма возможно, что иное, и даже многое, что мы знаемъ теперь по рукописямъ только позднѣйшимъ, также являлось у насъ еще въ помянутый періодъ. Какъ бы то ни было, и изъ представленнаго обозрѣнія видно, что до-монгольскіе предки наши имѣли совершенно достаточно книгъ для того, чтобы читать, и совершенно достаточно средствъ для того, чтобы пріобрѣтать книжную начитанность.

Е. Голубинскій.

Поученіе Луки Жидяты.

Поученіе къ братіи новгородскаго епископа Луки Жидяты важно для насъ не по одной своей древности; нѣтъ, а особенно потому, что [illegible]

пастырства, потому, что оно, сколько донынѣ извѣстно, есть первое, собственно русское, церковное слово, которое судя по содержанію его и тону, святитель новгородскій произнесъ едва ли не при самомъ вступленіи на свою паству (1035 г.). Не отличается это поученіе ни искусственнымъ краснорѣчіемъ ни глубиною и плодовитостію мыслей; напротивъ, дышитъ совершенною простотою и кратко излагаетъ самыя общія, первоначальныя наставленія въ истинахъ вѣры и нравственности. Но зато оно вполнѣ соотвѣтствовало настоятельнымъ потребностямъ времени и мѣста, вполнѣ приспособлено было къ понятіямъ тѣхъ младенцевъ по вѣрѣ, къ которымъ было направлено.

„Прежде всего, братіе, — говоритъ проповѣдникъ, — вотъ какую заповѣдь всѣ мы христіане должны содержать непремѣнно: вѣровать во единаго Бога, въ Троицѣ славимаго, во Отца и Сына и Святаго Духа, какъ научили апостолы и утвердили святые отцы: вѣрую во единаго Бога... до конца. Вѣруйте также воскресенію и жизни вѣчной и вѣчной мукѣ (уготованной) грѣшникамъ. Не лѣнитесь ходить въ церкви и на заутреню и на обѣдню, и на вечерню; и въ клѣти своей, отходя ко сну, прежде помолись Богу, и тогда возлегай на постелю. Въ церкви предстойте со страхомъ Божіимъ, не говори ничего и ни о чемъ не мысли, но всею мыслію моли Бога, да отпуститъ тебѣ Богъ грѣхи“.

Указавъ, такимъ образомъ, главныя обязанности христіанина по отношенію къ Богу, проповѣдникъ начинаетъ преподавать своимъ слушателямъ христіанскія обязанности и къ ближнимъ: „любовь имѣйте со всякимъ человѣкомъ, а особенно съ братіею, и да не будетъ иное на сердцѣ, а иное на устахъ. Не рой ямы предъ братомъ, да не ввергнетъ тебя Богъ еще въ большую; но будь такъ правдивъ, чтобы ради правды и закона Божія быть готовымъ положить свою главу, да сочтетъ тебя Богъ со святыми. Прощайте братъ брату и всякому человѣку, а не воздавайте зломъ за зло; похваляйте другъ друга, да и Богъ васъ похвалитъ. Не смущай, да не наречешься сыномъ діавола; но примиряй, да будешь сыномъ Богу. Не осуди брата даже мысленно, поминая грѣхи свои, да и тебя Богъ не осудитъ. Помните и милуйте странныхъ и убогихъ и заключенныхъ въ темницахъ, и будьте милостивы къ своимъ сиротамъ“.

Послѣ сего проповѣдникъ обращаетъ вниманіе своихъ слу-

шателей преимущественно на самихъ себя и наставляетъ, какъ они должны вести себя по христіански". Неприлично вамъ, братіе, имѣть лицемѣріе и гнѣваться на всякъ день. Не злобствуй, не смѣйся ни надъ кѣмъ; въ напасти терпи, возлагая упованіе на Бога. Не имѣйте дерзости, ни гордости, не прилѣпляйтесь къ чему нибудь иному подобному, помня, что завтра мы будемъ смрадъ и гной, и черви. Будьте смиренны и кротки, и послушливы будьте и творцы Божіимъ заповѣдямъ; ибо въ сердцѣ гордаго обитаетъ діаволъ, и слово Божіе не можетъ утвердиться въ немъ".

Наконецъ, проповѣдникъ излагаетъ еще нѣсколько общихъ наставленій касательно обязанностей христіанина въ отношеніи къ Богу, къ ближнимъ и къ самому себѣ, особенно въ быту семейномъ, гражданскомъ и церковномъ, и тѣмъ заключаетъ свое поученіе. „Чтите стараго человѣка и родителей своихъ; не клянитеся именемъ Божіимъ, ни иного заклинайте, ни проклинайте. Судите по правдѣ, мзды не емлите, не отдавайте въ лихву. Бога бойтеся, князя чтите; мы рабы, во-первыхъ Бога, а потомъ государя. Чтите отъ всего сердца іереи Божія, чтите и слуги церковныя. Не убій, не укради, не солги, не будь довѣрчивъ лжи, не ненавиди, не завиди, не клевещи; не пей безвременно, но пей въ мѣру и не до пьянства. Не будь гнѣвливъ и дерзокъ; съ радующимися радуйся, а съ печальными будь печаленъ. Не ѣдите скверныхъ; святые дни чтите. Богъ же мира со всѣми вами! Аминь".

Повторяемъ: просто это поученіе и безыскусственно. Но оно показываетъ въ авторѣ пастыря мудраго, ясно понимавшаго, какою пищею ему надлежало питать свое духовное стадо, — пастыря ревностнаго и попечительнаго, который, какъ видно, хотѣлъ напутствовать своими наставленіями ввѣренныхъ его попеченію во всѣхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ жизни; пастыря кроткаго и любвеобильнаго, умѣвшаго говорить съ духовными чадами голосомъ убѣжденія и сердца. Оно уже отчасти объясняетъ намъ, почему Ярославъ, несмотря на преобладаніе въ то время власти греческаго духовенства въ Россіи, первый рѣшился возвести на новгородскую каѳедру русскаго Луку Жидяту, и предпочелъ его ученику прежняго новгородскаго епископа Іоакима Корсунянина, тогда какъ послѣдній, по лѣтописи, просто упоминается, ничего не говоря о дѣятельности его учительства.

Пр. Макарій.

Біографическія свѣдѣнія объ Иларіонѣ.

Свѣдѣнія объ Иларіонѣ, митрополитѣ кіевскомъ, мы имѣемъ очень мало. Пр. Несторъ, повѣствуя въ лѣтописи о началѣ Печерскаго монастыря, пишетъ: „Боголюбивому князю Ярославу, любящу Берестовое, и церковь ту сущу святыхъ апостолъ, и попы многы снабдящу, въ нихъже бѣ пресвитеръ, именемъ Иларіонъ, мужъ благъ и книженъ, и постникъ; и хожаше съ Берестоваго на Днѣпръ на холмъ, гдѣ нынѣ монастырь Печерскій, и ту молитву творяше; бѣ бо лѣсъ ту великъ; ископа печерку малу двусажену, и приходя съ Берестоваго отпѣваше часы и моляшеся Богу ту втайнѣ. Посемъ же вложи Богъ въ сердце князю, и постави его митрополитомъ святѣй Софіи, а си печерка тако оста.“ О семъ поставленіи въ митрополита выше Несторъ говоритъ такъ: „Въ лѣто 6559 (1051) постави Ярославъ Иларіона митрополитомъ русина во святой Софіи, собравъ епископы.“ Вотъ все, что извѣстно объ Иларіонѣ.

Итакъ Иларіонъ былъ родомъ русскій. Первое образованіе, конечно, онъ получилъ въ томъ училищѣ, которое завелъ въ Кіевѣ еще св. Владиміръ, и куда приказалъ брать дѣтей знатныхъ лицъ. Особенныя его дарованія, или другія какія-нибудь обстоятельства, доставили ему мѣсто священника въ селѣ Берестовѣ (близъ нынѣшней Лавры), гдѣ былъ дворецъ великокняжескій. Ярославъ, покровитель просвѣщенія, щедрый къ духовенству, часто бывая въ своемъ загородномъ дворцѣ, зналъ тамошнихъ священниковъ, и особенно обратилъ его вниманіе своими познаніями, своимъ благочестіемъ Иларіонъ. Ревностный служитель Христовъ не довольствовался обыкновеннымъ исправленіемъ своихъ обязанностей, но, устремляясь къ высшимъ подвигамъ, часто оставлялъ свой домъ и уходилъ въ сосѣднюю гору, покрытую лѣсомъ, чтобы тамъ въ уединеніи предаваться молитвѣ и богомыслію, устроилъ тамъ себѣ другое жилище, убогое, тѣсное, въ пещерѣ. Такіе подвиги должны были еще болѣе расположить къ нему благочестиваго Ярослава.

И вотъ, когда не стало въ Кіевѣ митрополита Ѳеопемпта, великій князь вознамѣрился поставить на его мѣсто Иларіона. Лѣтописецъ не говоритъ, по какому побужденію Ярославъ не отправилъ его въ Константинополь для рукоположенія. Но, конечно, не съ тѣмъ, чтобы прервать зависимость церкви кіевской

[illegible]

(Изъ Творенiй св. отцовъ, 1844 г.)

Слово Иларiона „О законѣ и благодати“.

[illegible]

такъ что первая часть служитъ самою твердою основою для [illegible]

[illegible] дань же и истина всю землю исполни и вѣра во вся языки [illegible] къ Богу отъ всеа земля наша“.

«Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, Богъ христіанскій, — такъ начинается первая часть слова, — иже посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ (Лук. 1, 68), не презрѣвъ твари своея до конца и не попустилъ ей быть одержимою мракомъ идолопоклонства и бѣсовскимъ служеніемъ, но оправдалъ сперва племя Авраамово чрезъ скрижали и законъ, а послѣ чрезъ Сына своего спасъ всѣ народы евангеліемъ и крещеніемъ, введши ихъ въ обновленіе пакибытія, въ жизнь вѣчную. Итакъ, восхвалимъ и прославимъ Его, непрестанно хвалимаго отъ ангеловъ; поклонимся Ему, которому непрестанно кланяются херувимы и серафимы; ибо Онъ призрѣлъ на людей своихъ, — и не ходатай, ниже ангелъ, но самъ спасъ насъ (Ис. 63, 9), пришедъ на землю не призрачно, но истинно пострадавъ за насъ плотію, до гроба, и воскресивъ насъ съ Собою. Соединивъ плоть, пришелъ Онъ къ живущимъ на землѣ человѣкамъ, а бывъ распятъ и положенъ во гробѣ, сошелъ къ находившимся во адѣ, чтобы тѣ и другіе, живые и мертвые, познали посѣщеніе и пришествіе къ нимъ Божества, и уразумѣли, что Богъ имѣетъ власть и силу надъ живыми и мертвыми. Ибо кто такъ великъ, какъ Богъ нашъ? Онъ единъ творитъ чудеса. Онъ положилъ законъ для приготовленія людей къ принятію истины и благодати, чтобы человѣческое естество, при руководствѣ закона, уклоняясь отъ идольскаго многобожія, приучилось вѣровать въ единаго Бога, чтобы человѣчество, какъ сосудъ оскверненный, бывъ омыто закономъ, какъ водою, могло принять млеко благодати и крещенія: законъ былъ предтечею и служителемъ благодати и истины; истина же и благодать служатъ вѣку будущему, жизни безсмертной. Ибо законъ приводилъ подзаконныхъ къ благодатному крещенію; крещеніе же препровождаетъ сыновъ своихъ въ вѣчную жизнь. Моисей и пророки проповѣдали о пришествіи Христовомъ, а Христосъ и Его апостолы — о воскресеніи и будущемъ вѣкѣ*.

Послѣ этой общей мысли о законѣ и благодати, составляющей какъ бы вступленіе къ первой части, авторъ подробно разсматриваетъ ихъ взаимное отношеніе подъ символическими образами сперва Агари и Сарры, потомъ Манассіи и Ефрема, и раскрываетъ преимущество благодати и истины, во-первыхъ, ту, что законъ данъ былъ только на время, служилъ только приготовленіемъ къ благодати, сѣнію грядущихъ благъ и долженъ

[illegible]
покрыла ее, какъ вода морская, и спасаетъ всѣхъ.

[illegible]
Галилейскую, и какъ Богъ преложилъ воду въ вино; какъ
[illegible]
о Лазарѣ, и какъ Богъ воскресилъ его изъ мертвыхъ; какъ
[illegible]

былъ во гробѣ, и какъ Богъ разрушилъ адъ и освободилъ души; какъ человѣкъ запечатанъ былъ во гробѣ, и какъ Богъ исшелъ, сохранивъ печати въ цѣлости; іудеи стараются утаить Его воскресеніе, какъ человѣка, подкупая стражу, но, какъ Бога, Его познали всѣ концы земли. Воистину, кто Богъ велій, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ, творяй чудеса крестомъ и страданіями на лобномъ мѣстѣ. Онъ содѣлалъ спасеніе посреди земли (Пс. 73, 12), вкусивъ оцта и желчи, чтобы горькимъ вкушеніемъ уничтожить преступленіе и грѣхи, порожденные сладкимъ адамовымъ вкушеніемъ отъ древа“.

„Но, — продолжаетъ ораторъ, — столкнувшіеся съ Нимъ сіи сами преткнулись, какъ бы о камень, и сокрушились“. — И показываетъ, почему и какъ іудеи не приняли Спасителя и сами зато были отвергнуты, и законъ, какъ вечерняя заря, погасъ, почему и какъ благодать распространилась между новыми народами и достигла народа русскаго. Останавливаясь особенно на послѣднемъ событіи, русскій пресвитеръ говоритъ: „Вотъ уже и мы со всѣми христіанами славимъ святую Троицу, а Іудея молчитъ; Христосъ прославляется, а іудеи проклинаются; язычники приведены, а іудеи отринуты... Уже не идолослужителями именуемся мы, а христіанами; мы уже не безъ упованія (Еф. 2, 12), но уповаемъ на жизнь вѣчную. Уже не капища строимъ, но созидаемъ церкви Христовы; не закалаемъ другъ друга бѣсамъ, но Христосъ за насъ закалается и раздробляется въ жертву Богу и Отцу. Уже не кровь жертвъ вкушаемъ и погибаемъ; но вкушаемъ пречистую кровь Христову и спасаемся. Всѣ народы помиловалъ благій Богъ, и насъ не презрѣлъ: восхотѣлъ — и спасъ насъ и привелъ въ познаніе истины. Пуста была земля наша и изсохла, зной идолослуженія изсушилъ ее; но внезапно потекъ источникъ евангельскій и напоилъ всю землю нашу... Такъ, вѣруя въ Него и содержа преданіе святыхъ отецъ седми соборовъ, молимъ Бога, да посѣтитъ насъ еще и еще, и направитъ насъ на путь заповѣдей своихъ“, и проч.

Если хороша первая часть разсматриваемаго нами слова, то еще лучше, вдохновеннѣе и краснорѣчивѣе вторая. Здѣсь прежде всего ораторъ призываетъ соотечественниковъ восхвалить своего равноапостола и начертываетъ картину, какъ онъ насадилъ св. вѣру въ землѣ русской. „Хвалитъ похвалами римская страна Петра и Павла, чрезъ которыхъ увѣровала

во Іисуса Христа Сына Божія: Азія, Ефесъ и Патмосъ — Іоанна Богослова; Индія — Оому, Египетъ — Марка. Всякая страна, городъ и народъ чтутъ и славятъ своихъ наставниковъ, которые научили ихъ православной вѣрѣ. Прославимъ и мы по силѣ нашей хотя малыми похвалами совершившаго великія и чудныя дѣла, нашего учителя и наставника, великаго князя земли нашей Владиміра. Когда жилъ онъ на земли, сердце уловлено съ правдою, мужествомъ и смысломъ, пришло на него посѣщеніе Вышняго, призрѣло на него всемилостивое око благаго Бога и возсіялъ въ сердцѣ его разумъ; онъ уразумѣлъ суету идольскаго заблужденія и взыскалъ единаго Бога, сотворившаго все видимое и невидимое. Особенно — онъ всегда слышалъ о православной христіанской и святой вѣрою земли греческой, какъ чтутъ тамъ единаго Бога въ Троицѣ и поклоняются Ему, какъ творятся тамъ силы, чудеса и знаменія, какъ церкви полны людей, какъ во всѣхъ городахъ всѣ пребываютъ въ молитвѣ, всѣ предстоятъ Богу. Слыша все это, возгорѣлся онъ духомъ и возжелалъ сердцемъ быть христіаниномъ и обратить всю землю въ христіанство. По благоволенію и любви Божіей къ роду человѣческому это и исполнилось. Совлекся князь нашъ одежды, а съ нею и ветхаго человѣка, сложилъ одежду тлѣнную, отрясъ прахъ невѣрія и, вошедши въ святую купель, возродился отъ Духа и воды. Во Христа крестившись, во Христа облекся, и вышедъ изъ купели убѣленнымъ, сталъ сыномъ нетлѣнія, сыномъ воскресенія; принялъ имя вѣчное и славное въ роды и роды — Василій, по которому и написанъ въ книгѣ животной въ вышнемъ градѣ, въ нетлѣнномъ Іерусалимѣ. Но онъ не остановился однимъ подвигомъ благовѣрія, и не въ этомъ только явилъ свою любовь къ Богу, но простеръ ее и повелѣлъ всему народу своему креститься во имя Отца и Сына и Святаго Духа, чтобы открыто и громогласно славилось во всѣхъ городахъ имя святыя Троицы, и всѣ были христіанами: малые и великіе, рабы и свободные, юные и старые, бояре и простые, богатые и убогіе. И ни одинъ человѣкъ не противился его благочестивому повелѣнію: крестились — если и не по любви, то по страху къ повелѣвшему, ибо благовѣріе въ немъ соединено было со властію. Такимъ образомъ вся земля наша въ одно время стала славить Христа со Отцемъ и Святымъ Духомъ. Тогда мракъ идольскій началъ [illegible]

утвердилось и водворилось у насъ благовѣріе. Тогда тьма служенія бѣсовскаго исчезла, и евангельское солнце осіяло нашу землю; капища разрушены, и церкви воздвигаются; идолы низвергаются и являются иконы святыхъ; бѣсы убѣгаютъ, крестъ освящаетъ города; пастыри словесныхъ овецъ Христовыхъ, епископы, пресвитеры и діаконы стали возносить безкровную жертву, и клиръ украсилъ и облекъ въ благолѣпіе святыя церкви. Труба апостольская и громъ евангельскій оглашаютъ всѣ города; еиміамъ, возносимый Богу, освящаетъ воздухъ. Поставлены на горахъ монастыри; явились черноризцы; мужи и жены, малые и великіе, всѣ люди наполнили святыя церкви, прославили Господа".

Затѣмъ начинается самая похвала. „Тебя же какъ восхвалимъ, достопочтимый и славный отецъ нашъ, премужественный между владыками земными, Василій? Какъ можемъ надивиться твоей доблести, крѣпости и силѣ? Какую воздадимъ благодарность за то, что чрезъ тебя познали мы Господа и избавились заблужденія идольскаго, что по твоему повелѣнію по всей землѣ нашей славится Христосъ?... Не видѣлъ ты Христа и не ходилъ по Немъ: какъ же сталъ ты ученикомъ Его? Другіе, видѣвъ Его, не вѣровали; а ты, не видѣвъ, увѣровалъ... Знавшіе законъ и пророковъ, распяли Христа, а ты, не читавъ ни закона, ни пророковъ, распятому поклонился. Какъ разверзлось сердце твое? Какъ вошелъ въ тебя страхъ Божій? Не видѣлъ ты апостола, который бы, пришедъ въ землю твою, своею нищетою и наготою, гладомъ и жаждою, преклонилъ твое сердце къ смиренію. Не видѣлъ, какъ изгоняли бѣсовъ именемъ Христовымъ, возвращали здравіе больнымъ, какъ превращался огонь въ холодъ, воскресали мертвые. Не видѣвъ всего этого, какъ же ты увѣровалъ? Дивное чудо! Другіе цари и властители, видя, какъ все это совершилось святыми мужами, не вѣровали, но еще самихъ ихъ предавали страданіямъ и мученіямъ. Но ты, блаженный, безъ всего этого притекъ ко Христу; руководствуясь только своимъ добрымъ смысломъ и острымъ умомъ, ты постигнулъ, что единъ есть Богъ, Творецъ невидимаго и видимаго, небеснаго и земнаго, и что Онъ послалъ въ міръ для спасенія людей своего возлюбленнаго Сына. И съ сими помыслами вступилъ ты въ священную купель".

Послѣ этого проповѣдникъ прославляетъ щедроты и милостыни Владиміра и доказываетъ на основаніи слова Божія

что за свои милостыни и за свою великую ревность обращенія безчисленныхъ грѣшниковъ отъ идолопоклонства и насажденія благовѣрія во всей странѣ своей онъ, безъ сомнѣнія, подобно Константину великому, удостоился славы на небесахъ. „Подражатель великаго Константина, равный ему умомъ, равный любовью ко Христу и почитаніемъ служителей Его! Тотъ со святыми отцами Никейскаго собора полагалъ законъ людямъ, а ты, часто собираясь съ новыми отцами, нашими епископами, съ великимъ смиреніемъ совѣщался съ ними, какъ уставить законъ сей среди людей, недавно познавшихъ Господа. Тотъ покорилъ Богу царство еллинское и римское: а ты, блаженный, тоже сдѣлалъ въ Россіи: ибо какъ у тѣхъ, такъ и у насъ уже Христосъ именуется Царемъ. Тотъ съ матерью своею Еленою утвердилъ вѣру, когда принесъ крестъ изъ Іерусалима и разослалъ части его по всему міру своему: а ты утвердилъ вѣру съ бабкою твоею Ольгою, принесши крестъ изъ новаго Іерусалима, града Константинова, и поставивъ его на земли своей. И, какъ подобника Константину, Богъ сдѣлалъ тебя участникомъ славы и чести на небесахъ за благовѣріе, которое имѣлъ ты въ этой жизни[4].

Какъ на свидѣтеля благовѣрія равноапостольнаго князя, онъ указываетъ на Десятинный храмъ, созданный Владиміромъ, гдѣ покоится и честное тѣло его, и на сына его Ярослава — продолжателя его благочестивыхъ дѣлъ. И при этомъ въ порывѣ ораторскаго воодушевленія восклицаетъ: „Встань отъ гроба твоего, честная глава, встань, отряси сонъ! Ты не умеръ, но спишь до общаго всѣмъ востанія. Встань! ты не умеръ. Не свойственно умереть тебѣ, когда увѣровалъ ты во Христа, Жизнь всего міра. Отряси сонъ, возведи очи и посмотри, какъ Господь, сподобивъ тебя почестей небесныхъ, не оставилъ тебя безъ памяти и на землѣ въ сынѣ твоемъ. Встань, посмотри на сына своего Георгія, посмотри на кровнаго своего, посмотри на своего возлюбленнаго, посмотри на чадо, которое извелъ Господь отъ чреслъ твоихъ, посмотри на украшающаго престолъ земли твоей, и возрадуйся, возвеселися! Посмотри и на благовѣрную сноху твою Ирину; посмотри и на внуковъ и правнуковъ твоихъ, какъ они живутъ, какъ Господь хранитъ ихъ, какъ содержатъ они благовѣріе, тобою преданное, какъ часто посѣщаютъ святые храмы, какъ славятъ Христа, какъ поклоняются Его имени. Посмотри и

на городъ, сіяющій величіемъ; посмотри на процвѣтающія церкви, посмотри на возрастающее христіанство; посмотри на городъ, освящаемый и блистающій иконами святыхъ, благоухающій оиміамомъ и оглашаемый хвалами святыми и божественными пѣснопѣніями. И видѣвъ все сіе, возрадуйся, возвеселись и восхвали благаго Бога, строящаго все сіе".

Наконецъ, Иларіонъ обращается къ Владиміру, какъ уже прославленному на небесахъ, съ хвалебными восклицаніями: радуйся, и съ молитвою, чтобы онъ, получивъ за свои добрыя дѣла тамъ на мѣстѣ небесномъ возмездіе, помолился Господу о землѣ своей и о людяхъ, надъ которыми благовѣрно владычествовалъ, и въ особенности о сынѣ своемъ каганѣ Георгіи (Ярославѣ).

Послѣ этой краткой молитвы къ равноапостольному Владиміру слѣдуетъ обширная молитва къ Богу, составляющая третью часть и какъ бы общее заключеніе всего слова. Въ ней служитель первый отъ лица всей земли русской взываетъ: "Ты еси, Владыко, Царю и Боже нашъ, высокій и славный! Человѣколюбецъ, воздающій по трудамъ славу и честь и творящій причастниками Твоего царства! Помяни, какъ благій, и насъ убогихъ твоихъ; яко имя Тебѣ человѣколюбецъ. Хотя и не имѣемъ мы добрыхъ дѣлъ, но спаси насъ по великой твоей милости. Мы бо людіе твои и овцы пажити твоея; мы стадо, которое недавно Ты началъ пасти, исторгши изъ пагубнаго идолослуженія. Пастырю добрый, положившій душу свою за овцы! Не оставь насъ, хотя мы и доселѣ блуждаемъ, не отвергни насъ, хотя мы и доселѣ согрѣшаемъ предъ Тобою, какъ рабы новокупленные, ни въ чемъ не умѣющіе угодить господину своему... Каемся о злыхъ дѣлахъ своихъ; просимъ, да пошлешь страхъ твой въ сердца наши, молимъ, да помилуешь насъ на страшномъ судѣ... Ты Богъ нашъ, и мы люди твои, твоя часть, твое достояніе. Не воздѣваемъ рукъ нашихъ къ богу чуждому, не послѣдуемъ какому-либо пророку, не держимся ученія еретическаго; но призываемъ Тебя, Бога истиннаго... Доколѣ стоитъ міръ сей, не наводи на насъ напасти и искушенія и не предай насъ въ руки иноплеменниковъ, да не назовется градъ Твой градомъ плѣненнымъ, и стадо твое — пришельцами въ землѣ не своей; да не скажутъ вопреки намъ народы: гдѣ есть Богъ ихъ? Не попускай на насъ скорби, глада, внезапной смерти, огня, потопленія, чтобы

не отпали отъ вѣры, невѣрные бо суть. Немного накажи, немного помилуй, не сильно порази, но милостиво исцѣли, не надолго оскорби, но вскорѣ утѣши. Прогони мятежъ Господи, [illegible] враговъ прогони: миръ утверди: народы укроти: голодъ [illegible] Государей нашихъ [illegible] боляръ умудри: города расши-ри. Церковь Твою возрасти: достояніе Твое соблюди, мужей, жены и дѣтей спаси: находящихся въ рабствѣ, въ плѣненіи, въ заточеніи, въ путешествіи, въ плаваніи, въ темницахъ, въ алчбѣ, жаждѣ и наготѣ всѣхъ помилуй, всѣхъ утѣши, всѣхъ обрадуй, подавая имъ радости тѣлесную и душевную и проч. Въ доказательство того, какъ высоко цѣнили предки наши эту молитву, довольно припомнить, что она принята была въ церковное употребленіе и еще въ XVI вѣкѣ произносилась при общественныхъ службахъ.

Пр. Макарій.

Слово Иларіона „О законѣ и благодати".

Задача и предметъ сочиненія — изобразить и прославить божественное домостроительство о спасеніи людей вообще и въ частности о спасеніи нашего народа русскаго, совершенномъ чрезъ избранника великаго князя Владиміра. Родъ человѣческій, начинаетъ ораторъ, послѣ райскаго паденія своего уклонившійся въ мракъ идолослуженія, милосердый Господь Богъ предопредѣлилъ спасти посредствомъ ниспосланія Своего Единороднаго Сына: но къ принятію сего Сына Божія нужно было приуготовленіе людей. Посему божественное домостроительство объ ихъ спасеніи осуществилось въ двухъ завѣтахъ: ветхомъ — приготовительномъ и новомъ — совершительномъ. Къ симъ двумъ завѣтамъ, составляющимъ планъ божественнаго домостроительства о спасеніи людей, онъ и обращается [illegible]. Образъ закону и благодати Агарь и Сарра, рабыня Агарь и свободная Сарра, говоритъ онъ и соотвѣтственно чертамъ сихъ образовъ представляетъ взаимное отношеніе закона и благодати, или ветхаго завѣта и новаго. Какъ [illegible] [illegible] [illegible] отсылаетъ [illegible] [illegible] Агарь раба съ сыномъ ея Измаиломъ, и Исаакъ, сынъ свободныя, наслѣдникъ [illegible] отцу своему Аврааму: такъ [illegible] и расточена по странамъ, [illegible] христіане наслѣдники

вшіа Богу и Отцу*. Засимъ отчасти лишь образами (сыновей Іосифа — Манассіи и Ефрема), отчасти безъ образовъ ораторъ изображаетъ преимущество новаго завѣта, который для всего рода человѣческаго и который не только временно оправдываетъ, но и вѣчно спасаетъ, передъ ветхимъ, который былъ только для іудеевъ и который только оправдывалъ въ семъ мірѣ, но не спасалъ. Временное должно было уступить мѣсто непреходящему, ветхій завѣтъ — новому. — Такъ это и случилось по божественному опредѣленію и предустановленію, говоритъ ораторъ, и затѣмъ изображаетъ, какъ Господь, явившись на землю въ образѣ Богочеловѣка и показавши божескія и человѣческія, совершилъ наше спасеніе, какъ іудеи, не познавшіе Его, были отвергнуты, какъ вино новое было влито въ мѣхи новые — въ благодати и истинѣ призваны новые люди — язычники. Вѣра благодатная, распространившись по всей землѣ, дошла и до нашего языка русскаго. Всѣ страны благій Богъ помиловалъ и насъ не презрѣлъ, но восхотѣ человѣколюбіемъ своимъ, говоритъ ораторъ и вмѣстѣ съ симъ обращается къ проявленію божественнаго домостроительства въ частности на насъ русскихъ. Мы были язычниками и по милости Божіей стали христіанами. Здѣсь онъ прекрасно изображаетъ, чѣмъ мы были, находясь во мракѣ язычества, и чѣмъ стали, принявши свѣтъ христіанства, и къ тому присовокупляетъ, какъ и на насъ сбылись пророческія предсказанія о томъ, что всѣ языки, люди и племена истинному Богу поработаютъ.

Всѣ страны и грады и люди чтутъ и славятъ коегождо ихъ учителя, иже научиша (ихъ) православной вѣрѣ. Похвалимъ же и мы малыми похвалами великая и дивная сотворшаго нашего учителя и наставника, великаго кагана нашея земли, Владиміра*, призываетъ своихъ слушателей ораторъ. И, обращаясь къ сей похвалѣ, онъ говоритъ о томъ, какъ Владиміръ, водворившій духомъ, принялъ христіанство отъ священнаго благодатія земли греческой, не остановился на томъ, чтобы только самому просвѣтиться свѣтомъ его, но подвигся къ крещенію и просвѣщенію и всей своей земли. И какъ эта его земля, омрачаемая прежде тьмою язычества, его стараніями совсѣмъ и во всемъ стала христіанскою; за симъ онъ высказываетъ удивленіе, какъ Владиміръ, никѣмъ и ничѣмъ не предваряемый къ христіанству, дошелъ отъ благаго (своего) смысла и остроумія разумѣть, что единъ Богъ истинный — Богъ христіан-

сти; снова убѣждаетъ Владимира въ то, что онъ обрѣлъ [illegible] заблужденія идольскія лести [illegible] области слава. Сравнивъ его съ Константиномъ Великимъ, онъ восхваляетъ далѣе его христіанскія добродѣтели и въ особенности его милостыни и щедроты; воздавши хвалу Владимиру, что было имъ недо[illegible], то усердно продолжаетъ и довершаетъ его доблестный преемникъ, сынъ его Георгій — Ярославъ, ораторъ обращается къ похвалу. Въ заключеніе всего слѣдуетъ молитва за новопросвѣщенныхъ людей русскихъ, въ которой испрашивается Божіе милосердіе къ слабостямъ и снисхожденіе къ недоутвержденнымъ въ вѣрѣ людей и въ которой призываются на нихъ Его милости и щедроты.

Сочиненіе митр. Иларіона несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что онъ былъ ораторъ, по настоящему образованный въ наукѣ ораторства и знавшій ее въ совершенствѣ. Чрезвычайно замѣчательно своими ораторскими достоинствами, — это есть возможно безукоризненное и блестящее ораторское произведеніе и въ цѣломъ, и въ частностяхъ. Цѣлое совершенно умѣлою рукою скомпановано такъ, что представляетъ собою весьма стройное цѣлое. Равнымъ образомъ въ частномъ изложеніи своихъ мыслей ораторъ отъ начала до конца блестящимъ образомъ красноречивъ. Надѣленный отъ природы отличнымъ ораторскимъ талантомъ и взявъ вполнѣ научное ораторское умѣнье, онъ отъ начала до конца является въ этомъ изложеніи мастеромъ самаго высокаго разбора. Между лучшими ораторами, принадлежа къ избраннѣйшимъ, Иларіонъ обнаруживаетъ полное чувство мѣры: постоянно оставаясь красноречивымъ и образованно изящнымъ, онъ нигдѣ не становится слишкомъ красноречивъ до излишества. Возможно хорошо. Но въ мѣру Иларіонъ учился искусству ораторства по греческой риторикѣ XI вѣка, ему слѣдовало бы потому быть ораторомъ со всѣми недостатками греческаго ораторства этого позднѣйшаго времени; но силою своего природнаго ораторскаго таланта, силою своего внутренняго ораторскаго инстинкта и чувства, онъ возвысился надъ этими недостатками и представляетъ не ораторъ худшихъ временъ греческаго ораторства, а настоящаго оратора временъ его процвѣтанія.

Е. Голубинскій.

Значеніе словъ Иларіона и Луки Жидяты.

Первые митрополиты наши были греки, но вотъ уже при Ярославѣ видимъ мы въ Кіевѣ перваго митрополита изъ русскихъ — Иларіона. Въ Новгородѣ послѣ Іоакима Корсунянина видимъ мы архіереемъ также русскаго — Луку Жидяту (1035—1059). Оба эти пастыря Церкви были и первыми духовными писателями изъ русскихъ; отъ каждаго сохранилось намъ по поученію. Слово Луки Жидяты, по всей вѣроятности, сказано при самомъ вступленіи его на паству, т. е. въ 1035 году; слово Иларіона, вѣроятно, нѣсколько позже, хотя и до избранія его въ митрополиты, совершившагося въ 1051 г. Совершенная простота, краткость и, такъ сказать, чисто наружное содержаніе перваго слова, и замѣчательное искусство въ изложеніи, обширность, глубокомысліе втораго — отражаютъ отчасти различную степень религіознаго просвѣщенія новгородской и кіевской паствы. Видно, что Лука обращался къ людямъ, только что начинающимъ ознакомляться съ христіанствомъ; Иларіонъ — къ такимъ, съ которыми можно было бы уже бесѣдовать объ основномъ, существеннѣйшемъ отличіи христіанства отъ іудейства, — предметъ, предполагающій уже привычку мыслить о предметахъ религіозныхъ (Подобно, впрочемъ, полагать, что слово Иларіона обращено было собственно къ духовенству, такъ какъ проповѣдникъ свидѣтельствуетъ, что имѣетъ дѣло не съ какими-нибудь невѣждами, а съ насытившимися сладости книжной*). Совершенно неудивительно для насъ, что поученіе Луки Жидяты для слушателей того времени имѣло значеніе, когда говорило: «Любовь имѣйте со всякимъ человѣкомъ», «не воздавайте зломъ за злое», «не оскорбляйте ближняго», «не отдавайте въ лихву» (т. е. не отдавайте въ ростъ, — проповѣдь правила, противъ которой и долго спустя приходилось вооружаться пастырямъ нашей Церкви). Въ словѣ Иларіона почти нѣтъ наставленій; но оно должно было производить на людей, уже знакомыхъ съ основными правилами христіанства, сильное и отрадное впечатлѣніе, указывая на преимущества христіанства, а на то, какое счастье было для Руси его принятіе. Самаго высокаго, существеннаго красноречія достигаетъ Иларіонъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ сравниваетъ состояніе Руси до крещенія съ тѣмъ, что совершилось въ ней послѣ него. Отселѣ совер-

[illegible] Руси — [illegible] къ Богу [illegible] Руси.

Можетъ быть это слово, произнесенное Иларіономъ еще [illegible] жизни.

О. Маллеръ.

Сочиненія Феодосія.

[illegible] выхъ, за ихъ ропотъ на то, что онъ, Феодосій, часто не хо- [illegible] большимъ.

[illegible]

часть перваго поученія, которое если не вполнѣ, то по слу-чаю какого-нибудь особеннаго обычая, постигшаго Русь, по-слѣ повѣсти о казняхъ, посылаемыхъ свыше на землю и на-родъ, отъ чего и все поученіе надписывается въ спискахъ поученіемъ о казняхъ Божіихъ. Сказавъ и показавъ, что казни эти, какъ-то болѣзни, голодъ, бездождіе, нашествіе иноплемен-никовъ, междоусобныя войны, посылаются Богомъ за грѣхи людей, онъ обличаетъ въ послѣднихъ современныхъ ему рус-скихъ и призываетъ ихъ къ покаянію. Далѣе въ поученіи слѣ-дуютъ обличенія современникамъ за языческія суевѣрія и язы-ческіе обычаи, которыхъ они продолжали держаться, а также недобрыя дѣла, которыми обличаетъ ихъ далѣе: обли-ченіе за худое стояніе въ храмѣ, со увѣщаніемъ стоять благо-говѣйно и помышлять въ церкви съ опасеніемъ, страхомъ и исполнять ... и постъ не только тѣломъ, но и ду-хомъ; далѣе сильное обличеніе пребывающимъ въ пьян-ствѣ съ показаніемъ, какъ оно противно Богу и како угодно діаволу.

Во второмъ поученіи преп. Ѳеодосій преподаетъ наставленія относительно того, что обѣду и великой трапезѣ въ домахъ, что будто установлено ставить въ честь святыхъ и за упокой, а не во оставленіе грѣховъ, что обѣды и ужины ставить за упокой не установлено, что въ алтарь не должно вносить ни-чего съѣстнаго, кромѣ просфоры, ладана и свѣчи; затѣмъ бо-лѣе пространно говорится о ... и честномъ ... обычаѣ, безъ пустошныхъ словесъ, ... смѣха и кощунства и пр. и, наконецъ, весьма пространно объясняетъ, что на Русь перенесенъ былъ изъ Греціи обычай пить на честныхъ и праздничныхъ обѣдахъ чаши Спасителя, Божией Матери и святыхъ празднуемыхъ съ произнесеніемъ передъ ними тропарей; желающіе пить какъ можно болѣе этихъ чашъ утверждали, что чѣмъ болѣе говорится тропарей, тѣмъ благо-честивѣе. Преп. Ѳеодосій, желая положить предѣлъ этому обы-чаю, дѣлаетъ свой отеческій указъ относительно количества чашъ на обѣдахъ: «въ пиру говорить чашамъ тропари только три: первый — началомъ обѣда: Славится Христосъ Богъ нашъ; передъ окончаніемъ прославляется Дѣва Марія, родшая Хри-ста Бога, а третья чаша князя; а больше не велимъ; если и послѣ въ первый при трезвомъ умѣ тропари не рождаютъ плача, то тропари, творимые у пьяна, не плачь рождаютъ.

а грѣхъ и муку; говорить въ пиру многие тропари устами не Богу, но чреву работники, желая много пить". Большую и главную часть поученія составляетъ весьма сильное увѣщаніе и обличеніе [illegible] [illegible]

Е. Голубинскій.

Значеніе поученій Θеодосія.

Всего болѣе высказывается Θеодосій въ своихъ поученіяхъ. Изъ дошедшихъ до насъ двѣ обращены вообще къ народу (о казняхъ Божіихъ и о пьянствѣ) [illegible] ства съ воинственными кочевыми народами, и голодъ, про- [illegible]

время междоусобныя брани представляется его воображенію дѣломъ дьявола, который съ особеннымъ удовольствіемъ восхищаетъ ихъ и радуется имъ. Больно христолюбивому проповѣднику видѣть въ своихъ слушателяхъ еще многіе остатки языческихъ суевѣрій (боязнь встрѣтиться съ чернецомъ, а что также со свиньей или лысой лошадью, вѣра въ волхвованіе, чародѣяніе и т. п.).

Но еще болѣе возмущался онъ поступками, недостойными христіанъ: рѣзоиманіемъ (лихоимствомъ), прикладами (отдачей въ ростъ на проценты), дубами (по всей вѣроятности, грабежомъ), скоморошествомъ, гуслями, сопелями и другими играми, въ родѣ, соединявшимися съ нѣкоторыми языческими суевѣріями... Старался Θеодосій внушить своимъ слушателямъ, чтобы чаще ходили они въ церковь Божію; но и тутъ указалъ его образъ дьявола, внушающаго имъ и во время богослуженія смѣхъ, шопотъ и другія непотребности. Хотѣлось бы Θеодосію, чтобы всѣ отъ чистаго сердца могли воззвать къ Богу: „да исправится молитва моя, яко кадило предъ тобою, воздѣяніе руку моею“; но опять удаляетъ его мысль о томъ, что у многихъ, можетъ быть, руки нечисты отъ грабежа. Наконецъ, заговоривъ о праздникахъ христіанскихъ, онъ вооружается противъ привычки праздновать ихъ не духовно, а тѣлесно, противъ той старой привычки, о которой Владиміръ говорилъ проповѣдникамъ магометанскимъ: „веселіе есть Руси пити, не можетъ безъ того жити“. Яркими красками рисуетъ онъ заботы дьявола объ умноженіи пьянства, но въ то же самое время позволяетъ пить въ мѣру и приличнымъ образомъ.

Другое слово Θеодосія, обращенное ко всему народу, дошло до насъ не вполнѣ: тутъ прежде всего проповѣдникъ вооружается противъ суевѣрнаго непониманія нѣкоторыхъ христіанскихъ обрядовъ (напримѣръ противъ того особеннаго значенія, какое придавали кутьѣ, считая ее къ очищенію грѣховъ); потомъ снова вооружается противъ главнаго современнаго ему порока — пьянства; особенно же противъ стремленія оправдать неумѣренность въ питіи вина тропарями, или церковными пѣснями, воспѣваемыми за чашею. Θеодосій позволяетъ спѣть за столомъ только три тропаря, т. е. другими словами, три чаши — во славу Божію, пресв. Богородицы и за здравіе Государя. Яркими красками обрисовывается у Θеодосія то унизительное положеніе, до котораго доходитъ пьяный, и не-

смотрѣть то, что преподобный и нынѣ, какъ другіе Отцы, приписываетъ наважденію бѣсовъ, онъ прямо прибавляетъ, что отъ самого человѣка зависитъ покориться или не подчиняться этому наважденію. Въ словѣ о пьянствѣ Өеодосій приводитъ примѣръ св. Василія, невидѣвшаго отъ пьянаго празд-ствія во время праздн. Богородичнаго. Замѣчательно, что объ этомъ слова свидѣтельствуютъ и цѣлый рядъ народныхъ духовныхъ пѣсенъ, и даже самое характерное описаніе состоянія пьяницы довольно сходно въ словѣ и въ народныхъ стихахъ.

О. Миллеръ.

Преподобный Өеодосій, какъ писатель.

Преподобный Өеодосій Печерскій, достопамятный въ исторіи русской церкви, какъ одинъ изъ величайшихъ ея подвижниковъ, являющійся, вмѣстѣ съ однимъ изъ основателей Кіево-Печерской обители, какъ основатель и начальникъ общаго монашескаго житія въ Россіи, достоинъ признательной памяти и въ исторіи русской словесности, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ и самыхъ плодовитыхъ нашихъ писателей. Только два русскихъ писателя нѣсколько упреждаютъ его по времени: это новгородскій епископъ Лука (ск. 1059), которому приписывается весьма краткое поученіе, и Иларіонъ, митрополитъ кіевскій (ск. 1054 г.), отъ котораго сохранились три небольшія сочиненія. Слѣдовательно Өеодосій въ хронологическомъ спискѣ нашихъ писателей занимаетъ третье мѣсто.

Сочиненія великаго игумена Печерскаго (1062—1074), которыя только остаются извѣстными, большею частію, тоже по имени, а изъ которыхъ одни сохранились въ полномъ своемъ составѣ, а другія въ отрывкахъ, можно раздѣлить на 4 класса. Къ первому принадлежатъ два поученія его, обращенныя вообще къ народу русскому; ко второму — десять поученій, сказанныхъ собственно Кіево-Печерскимъ инокамъ; къ третьему — два посланія къ великому князю Изяславу; къ четвертому — двѣ молитвы къ Богу.

Гдѣ и какъ образовался преподобный Өеодосій? Первоначальное образованіе получилъ онъ въ Курскѣ, въ одной изъ начальныхъ школъ, существовавшихъ въ первой половинѣ XI вѣка. Хотя, разумѣется, онъ изучилъ тамъ только грамоту. Впослѣдствіи же онъ самъ восполнялъ свое образованіе ...

чаю тѣхъ временъ, чрезъ чтеніе св. Писанія, церковно-богослужебныхъ книгъ, житій святыхъ и твореній св. отцевъ. Изъ отеческихъ твореній, кажется, всего болѣе на него имѣли вліяніе писанія препод. Ѳеодора Студита, котораго уставъ онъ ввелъ въ своей обители: по крайней мѣрѣ, поученія Ѳеодосія къ инокамъ и по тону, и по оборотамъ, и по всему очень похожи на такія же поученія пр. Ѳеодора Студита. Замѣчательно также, что преп. Ѳеодосій приводитъ въ своихъ сочиненіяхъ тексты изъ книгъ св. Писанія, особенно пророческихъ, не съ буквальною точностію и часто въ видѣ распространенномъ: знакъ, что св. отецъ или писалъ эти тексты прямо изъ своей памяти, или воспользовался св. текстомъ вмѣстѣ съ толкованіями на него, которыя тогда дѣйствительно существовали въ славянскомъ переводѣ. Какой характеръ самыхъ сочиненій Ѳеодосія? Всѣ они болѣе или менѣе кратки и почти всѣ содержанія нравственнаго. Они составлены не по правиламъ искусства и отличаются совершенною простотою, но проникнуты живою и пламенною ревностію о благѣ ближнихъ. Тонъ поученій часто обличительный, но вмѣстѣ глубоко-назидательный и нерѣдко умилительный и трогательный. Языкъ — церковно-славянскій, но имѣющій нѣкоторыя особенности въ словахъ и оборотахъ рѣчи и не чуждый вліянія языка народнаго...

Поученія Ѳеодосія къ народу указываютъ на нѣкоторые недостатки и пороки, господствовавшіе въ народѣ. Поученія къ братіи обнаруживаютъ и слабыя стороны иноческой жизни въ Кіево-Печерской обители, неизвѣстныя изъ писаній пр. Нестора, который желалъ выставить преимущественно свѣтлую сторону родной обители въ назиданіе потомству. Наконецъ посланія къ в. кн. Изяславу ясно обозначаютъ тѣ религіозные вопросы, какіе занимали тогда самихъ нашихъ князей. Вообще видно, что сочиненія пр. Ѳеодосія написаны не на какія-либо отвлеченныя темы, а соотвѣтственно современнымъ потребностямъ, и потому, изображая въ себѣ умъ и сердце самого писателя, пе мало обрисовываетъ и его время.

Пр. Макарій.

Кириллъ Туровскій и его проповѣди.

Непосредственно послѣ крещенія Руси перешло къ намъ изъ Болгаріи значительное число переводовъ и извлеченій изъ отцевъ

церкви: они усердно у насъ переписывались, къ нимъ присоединялись другія, отчасти вновь перешедшія къ намъ, отчасти у насъ же переводившіяся произведенія того же рода. Ихъ усердно читали, имъ и начинали подражать. Такимъ подражателемъ въ своихъ поученіяхъ является Кириллъ, епископъ туровскій. Сынъ богатыхъ родителей, подобно Θеодосію, не захотѣлъ пользоваться преимуществами богатства, а постригся въ монахи... Не удовлетворившись монастырскимъ отшельничествомъ, Кириллъ заключилъ себя въ столпъ, гдѣ оставался нѣкоторое время, упражняясь въ постѣ, молитвѣ и составленіи благочестивыхъ сочиненій. Слава его до такой степени распространилась, что сами жители, вмѣстѣ съ княземъ, упросили Кирилла занять въ ихъ городѣ только-что упразднившуюся епископскую каѳедру. Такимъ образомъ подобно Мономаху, онъ былъ призванъ самимъ народомъ. Жилъ онъ нѣсколько лѣтъ позже Мономаха, во время знаменитаго Андрея Боголюбскаго († 1174 г.), которому какъ сказано въ житіи Кирилла, писалъ „многія посланія отъ евангельскихъ и пророческихъ указаній“.

На словахъ Кирилла Туровскаго видно вліяніе проповѣдей отцовъ церкви и византійскихъ богослужебныхъ пѣснопѣній; его проповѣди заключаютъ въ себѣ рядъ образовъ, созданныхъ воображеніемъ. Каждая заключаетъ въ себѣ разсказъ о событіи, послужившемъ основаніемъ празднику, разсказъ, въ которомъ подробности событія развиты и дополнены фантазіей. Нерѣдко между лицами, участвовавшими въ событіи, завязываются у Кирилла Туровскаго цѣлые діалоги. Они высказываются другъ передъ другомъ въ патетическихъ рѣчахъ, сочиненныхъ, конечно, въ духѣ этихъ лицъ проповѣдникомъ. Слова Кирилла Туровскаго окончательнымъ перевѣсомъ воображенія отличаются отъ словъ Иларіона и Θеодосія, у которыхъ, какъ мы видѣли, кромѣ воображенія, въ значительной степени проявились: у перваго — глубокомысленный умъ, у второго — теплое и простое, безъ всякой искусственности выражающееся чувство. Въ иносказательномъ, символическомъ значеніи большинства образныхъ словъ Кирилла затеряется вся поучительная или нравственная сторона его проповѣди. Сторона эта въ нихъ развита вообще очень мало; менѣе замѣтно старанія его какъ-нибудь примѣнить нравственныя наставленія къ потребностямъ и нравамъ его времени.

Въ словахъ Кирилла рѣшительно нѣтъ ничего современнаго, кромѣ развѣ одного указанія въ Словѣ на Ѳомино воскресенье указанія на то, что въ числѣ даровъ, приносимыхъ людьми воскресшему Спасителю, ненавидящіеся должны приносить духовную любовь, какихъ ненавидящихъ въ то время междуусобій было не мало: время было вообще таково, что могло бы вызвать проповѣдника на прямое противодѣйствіе именно тому роду золъ, которыя тогда преобладали. Изъ словъ Кирилла Туровскаго особенно хорошо могутъ познакомить съ характеромъ его проповѣди слова на Ѳомину недѣлю, на недѣлю о разслабленномъ, на вознесеніе. Въ первомъ — сначала иносказательно излагается значеніе недѣли, или дня недѣльнаго (воскресенья), также значеніе недѣли новой, или первой по Пасхѣ, и раздаваемаго наканунѣ артоса; потомъ проводится довольно искусственнымъ образомъ сближеніе между весною и воскресеніемъ Христовымъ или вообще возрожденіемъ человѣчества; наконецъ излагается самое событіе дня — испытаніе Ѳомою язвъ Спасителя, при чемъ и Спаситель, и апостолъ говорятъ пространныя рѣчи. Слово на недѣлю о разслабленномъ кажется совершеннѣе всѣхъ прочихъ: иносказательный смыслъ, придаваемый тутъ разслабленному, какъ представителю всего разслабленнаго болѣзнью и Спасителемъ исцѣляемаго человѣческаго рода, и приданъ, и развитъ безъ всякой натяжки съ совершенною ясностью и безъ утомительныхъ длиннотъ. Слово на вознесеніе — самое замѣчательное по богатству и высотѣ образовъ: это распространеніе церковныхъ пѣснопѣній на этотъ день. Такія слова вмѣстѣ съ самыми пѣснопѣніями церкви не могли не дѣйствовать на воображеніе воспріимчивыхъ людей изъ народа. Подъ вліяніемъ ихъ развивался совершенно новый родъ народной поэзіи, въ которомъ, правда, многое уцѣлѣло изъ поэзіи богатырской, но, уцѣлѣвъ, переиначилось и пополнилось иносказательными, полученными отъ церковныхъ поэтическихъ образовъ, — это такъ называемые духовные народные стихи. Особенное вліяніе на образованіе ихъ должны были имѣть такія слова, предметъ которыхъ, выводя за точныя предѣлы св. Писанія, давалъ полный просторъ религіозной фантазіи.

О. Миллеръ.

Содержаніе и анализъ словъ Кирилла Туровскаго.

Слово въ недѣлю по Пасхѣ имѣетъ предметомъ объяснити значеніе воскресенія, замѣнившаго ветхую субботу, или прежней нашей недѣли, по имени которой названа послѣ и вся седмица, также объяснить обрядъ церкви, раздачу артуса въ этотъ день и, наконецъ, вспомнить Ѳомино испытаніе ребръ Господнихъ. Я приведу только тѣ части, въ которыхъ болѣе выдается его изобразительный характеръ.

Въ минувшую недѣлю (т. е. воскресенье) все измѣнилось: небомъ стала земля, очищенная Богомъ; обновились твари: не нарицаются уже богами стихіи. Отселѣ адъ не пріемлетъ младенцевъ, закалаемыхъ отцами; ни смерть не знаетъ уже почести; престало идолослуженіе; не только спасенъ человѣческій родъ, но и освятился Христовою вѣрою. Христосъ одинъ — жертва за всѣхъ. Пересталъ праздникъ субботы; царствуетъ во цѣлыхъ недѣля — день воскресенія. Увѣнчаемъ же, братіе, царицу дней, принесемъ же ей драгоцѣнные дары съ вѣрою; дадимъ по силѣ всякій, что можетъ: кто милостыню, безстрастіе и любовь, другіе вѣру правую и смиреніе великомѣрное; иные пѣніе псалмовъ, апостольское ученіе и молитву съ воздыханіемъ предъ Богомъ.

Далѣе слѣдуетъ параллель между временемъ года — весною и праздникомъ Воскресенія Христова во всемъ обширномъ его значеніи. „Все ветхое конецъ пріяло и стало новымъ: какъ видимое, такъ и невидимое. Нынѣ небеса просвѣтилися, совлекли съ себя темныя облака, какъ вретища, и свѣтлымъ воздухомъ исповѣдаютъ славу Господню; эти видимыя небеса — символъ небесъ разумныхъ или сіонской горницы, соединившей апостоловъ. Солнце восходитъ, красуется и радуется, землю согрѣваетъ: такъ возсталъ изъ гроба праведное солнце — Христосъ и спасаетъ всѣхъ вѣрующихъ. Луна уступила честь высшему свѣтилу: ветхій законъ — закону Христову. Зима языческаго кумирослуженія престала; ледъ Ѳомина невѣрія показаніемъ ребръ Христовыхъ растаялъ. Весна красная — то вѣра Христова, оживляющая естество человѣка; бурные вѣтры — грѣхотворенія помыслы, покаяніемъ претворенные въ добро, возращаютъ плоды душеполезные; земля естества нашего, пріявъ, какъ сѣмя, слово Божіе, рождаетъ духъ спасенія. Ново

рожденные агнцы и юнцы бѣгутъ съ веселіемъ на поляхъ къ матерямъ своимъ, и пастухи играютъ въ свирѣли: кроткіе изъ язычниковъ люди — агнцы, кумирослужители невѣрныхъ странъ — юнцы, возвращаются ко святой церкви и сосутъ млеко ея ученія; пастухи — учители Христова стада: они молятся о всѣхъ и славятъ Христа Бога, собравшаго и волковъ и агнцевъ въ единое стадо. — Деревья распускаются... Такъ мы были прежде древами дубравными, не приносили плода, а нынѣ привилась къ намъ вѣра Христова. Земледѣльцы — ратаи слова приводятъ словесныхъ юнцовъ къ духовному ярму, погружаютъ крестное рало въ браздахъ мысли, всыпаютъ сѣмя духовное и веселятся надеждами будущихъ благъ. Рѣки полны водъ, совершаются рыбные ловы: такъ апостолы, испытавъ глубину Божія вочеловѣченія, обрѣтаютъ церковную мрежу, полную ловитвы. Трудолюбивыя пчелы летятъ на цвѣты и творятъ медвяные соты: то иноки, которые въ пустыняхъ сами себя питаютъ, удивляютъ ангеловъ и человѣковъ и готовятъ сладость людямъ и потребное церкви. Наконецъ птицы — веселые лики въ сей церкви... На этотъ новый праздникъ Воскресенія приносятся разные дары: отъ язычниковъ — вѣра, отъ христіанъ — вѣра, отъ іереевъ — святыя жертвы, отъ миродержителей боголюбная милостыня, отъ вельможъ — церковное попеченіе, отъ праведниковъ — смиренномудріе, отъ грѣшниковъ — истинное покаяніе, отъ нечестивыхъ — обращеніе къ Богу, отъ ненавидящихъ — духовная любовь. Взойдемъ нынѣ и мы, братія, мысленно въ сіонскую горницу, гдѣ собрались апостолы и самъ Іисусъ"... Здѣсь слѣдуетъ пришествіе Ѳомы, слово Спасителя къ нему и отвѣтъ его, изображающіе переходъ отъ невѣрія къ полной и совершенной вѣрѣ[4].

Такъ все это слово въ главной мысли своей представляетъ символическій образъ: одухотвореніе всей видимой природы, во время самаго лучшаго ея расцвѣта, въ невидимую въ самомъ высшемъ проявленіи богочеловѣческаго ея начала. Краски византійскія особенно ярки на образахъ этого слова.

Слово о разслабленномъ имѣетъ другой характеръ и представляетъ яснѣе другую сторону проповѣди Кирилловой — сторону богословской мысли. Здѣсь проповѣдникъ распространяетъ только разсказъ о томъ, что̀ содержится въ Іоанновомъ благовѣстіи о разслабленномъ, но съ постоянною мыслію извлечь изъ простого повѣствованія евангельскаго все глубокое его

значеніе. Эта мысль обнаруживается все больше и болѣе въ разговорѣ между разслабленнымъ и Спасителемъ; потому я и представлю этотъ разговоръ въ сокращеніи.

Господь пришелъ къ Овчей купели и, увидѣвъ человѣка, разслабленнаго, долгое время лежавшаго на одрѣ въ недугѣ, спросилъ его: „хощеши ли здравъ быти?“ — „Ей, рече, Господи! хотѣлъ быхъ, но не имамъ человѣка, да бы по возмущеніи ангеловѣ ввергъ мя въ купель“. Разслабленный изображаетъ Спасителю свои недуги, подражая во многомъ словамъ Іова и Псалмопѣвца. Тридцать восемь лѣтъ на одрѣ семъ недугомъ пригвожденный, слезу, говоритъ онъ. Грѣхи мои разслабили всѣ члены тѣла моего. Богу молюся, — и не слушаетъ меня. Врачамъ роздалъ все мое имѣніе, но помощи получить не могъ. Нѣтъ у нихъ зелья, могущаго перемѣнить казнь Божію. Знакомые мои гнушаются мною: смрадъ мой лишилъ меня всякой утѣхи: ближніе мои стыдятся меня, и нѣтъ утѣшающаго. Мертвымъ ли себя назову? Но чрево мое пищи желаетъ, а языкъ изсыхаетъ отъ жажды. Живымъ ли себя помышляю? Но не только встать съ одра, ни подвинуть себя не могу: ноги мои не послушны, руки не только бездѣльны, но и тѣла осязать не могутъ: непогребеннымъ мертвецомъ разумѣюся, и одръ сей гробъ мнѣ есть. Мертвый я въ живыхъ и живой въ мертвыхъ. Какъ живой питаюся, какъ мертвый ничего не дѣлаю. Мучимъ я, какъ въ аду, безсудіемъ поносящихъ меня: смѣхъ юношамъ, притча старцамъ. Всѣ глумятся надо мною. Внутри болѣзнь тяготитъ меня, внѣ обиды... Обрящу ли брашно, но въ уста положить его не могу; всѣмъ молюсь, чтобы кто-нибудь накормилъ меня, и бываетъ дѣлимъ мои бѣдныя укруты съ питающими меня: стеню со слезами, томимъ болью недуга, и никто не придетъ посѣтить меня... Лежу лишь Божія покрова, не имѣю человѣка, кто бы не гнушаясь послужилъ мнѣ. Енохъ и Илія взяты на небо; Авраамъ съ Іовомъ преставились въ безконечную жизнь; Моисей — боговидецъ и законодавецъ не узрѣлъ обѣтованной земли. „Господи, человѣка не имамъ, вложити мя въ купель, вси убо уклонишася и неключими быша, и нѣсть творящаго блага, нѣсть ни единаго, и не разумѣютъ вси творящіи беззаконіе“.

И все сіе услышавъ изъ устъ разслабленнаго, благій нашъ врачъ Господь Іисусъ Христосъ отвѣчалъ ему: „Что глаголеши: человѣка не имамъ? Азъ тебе ради человѣкъ быхъ.

щедръ и милостивъ, не солгалъ обѣта Моего вочеловѣченія. Ты слышалъ пророка, говорящаго: отроча родится, сынъ Вышняго: той болѣзни и недуги наша понесетъ. Тебя ради, безплотенъ сый, оплотился Я плотію; Тебя ради, невидимый силамъ ангельскимъ, явился всѣмъ человѣкамъ. Не хотѣлъ Я презрѣть образа Моего, лежащаго въ тлѣніи, но хотѣлъ спасти его и въ разумъ истинный привести. И говоришь ты: „человѣка не имамъ“? Азъ былъ человѣкъ, да Богомъ человѣка сотворю, рѣхъ бо: богами будутъ и сынами Вышняго вси. И кто же иной вѣрнѣе Меня служитъ тебѣ? Тебѣ всю тварь на работу я сотворилъ: небо и земля тебѣ служатъ: небо — влагою, земля — плодомъ; для тебя солнце свѣтомъ и теплотою служитъ, и луна съ звѣздами „ночь облистаетъ“; для тебя облака напаяютъ землю дождемъ, и земля на твою службу возращаетъ всякую траву сѣменитую, древа плодовитыя; для тебя текутъ рѣки, и пустыня звѣрей питаетъ. И говоришь ты: человѣка не имамъ? И кто Меня вѣрнѣе человѣкъ? Я не солгалъ обѣта Моего вочеловѣченія. Я клялся Аврааму и сдержалъ клятву. Я послалъ въ крещеніи ту воду, которой жаждалъ Исаія: а ты жаждешь овчей купели. Встань, возьми одръ свой, да слышитъ Меня Адамъ, и обновится нынѣ съ тобою отъ истлѣнія: въ тебѣ исцѣляю Еввину клятву перваго преступленія. Встань, возьми одръ свой и иди въ домъ свой“! Внезапно вскочилъ разслабленный съ одра, здравый всѣми членами тѣла и силою мощный, и, взявши одръ, пошелъ посреди народа. Кто же этотъ разслабленный, исцѣленный Спасителемъ? Заключительныя слова Спасителя, обращенныя къ Адаму, показываютъ, что подъ нимъ разумѣется весь ветхій человѣкъ, на которомъ тяготѣла клятва паденія. Что знаменуетъ овчая купель? Купель крещенія, вода которой чрезъ освященіе Духомъ даетъ всѣмъ здравіе. Самъ проповѣдникъ свидѣтельствуетъ, что сказаніе евангельское имѣетъ всемірное значеніе слѣдующими словами: „Но да не мнимъ, яко тому единому се глагола Христосъ, но всѣмъ намъ, пріемшимъ крещенія благодать, имъ же праотеческія очистихомся скверны, и исцѣлени быхомъ отъ разстлѣвающаго ны грѣха“.

Наконецъ третье слово, самое блистательное изъ всѣхъ, слово на вознесеніе Господне соединяетъ съ глубиною христіанской мысли все изящество поэтическаго образа. Вдохновенный мыслію высочайшаго праздника послѣ Пасхи, пропо-

ѣднимъ, согласно съ первымъ, приглашаетъ пророка Захарію дать начало его слову, потому что онъ всѣхъ яснѣе пророчествовалъ о Вознесеніи Христовомъ, и припоминаетъ слово Исаіи, который всѣхъ явственнѣе предсказалъ, какая была брань на общаго врага, діавола, какъ Христосъ побѣдою крестною палъ вратами темными, извелъ первозданнаго Адама со всѣми народами міра и всѣ языки соединилъ въ имени любви, а сокрушившихся злобою нарекъ чадами, по слову пророка: не людіе ли Мои суть и чада Моя? Проповѣдникъ приглашаетъ христіанъ прійти умомъ на гору Елеонскую и узрѣть мысленно славное, что на ней совершилось. На ту гору самъ Христосъ Богъ сегодня пришелъ и собралися чины всѣхъ святыхъ: соборы праотцевъ, патріарховъ множество, полки пророковъ, лики апостоловъ, толпы вѣрныхъ. Тутъ въ небесахъ и на землѣ готовится торжество вознесенія. Собралисъ ангельскія силы и архангельскія воинства: одни приносятъ облака на крыльяхъ вѣтряныхъ, для взятія отъ земли Христа Бога нашего; другія готовятъ престолъ херувимскій. Богъ Отецъ ожидаетъ Того, Кого въ лонѣ Своемъ имѣлъ еще прежде съ Собою. — Небеса веселятся, украшая свои свѣтила, готовя ихъ къ тому, чтобы принять благословеніе отъ Творца, когда Онъ съ плотію Своею черезъ нихъ же врата на облакахъ вознесется. Земля радуется, видя на себѣ Бога, явственно ходящаго, и вся тварь красуется, просвѣщаемая отъ Елеонской горы, которая святостію превзошла Синайскую.

Началось пѣснословіе небесное, во славу вознесенія. Сначала, какъ громы, раздаются голоса пророковъ: вознесися силою Твоею, Боже! поемъ и воспоемъ силы Твоя. За ними поютъ ангелы... Патріархи начинаютъ пѣснь: Се Богъ нашъ возносится! Возглашаютъ преподобные, ветхозавѣтные праведные. Давидъ, какъ старѣйшина ликовъ, умножая пѣсненные голоса, говоритъ: вси языцы восплещите руками, воскликните Богу гласомъ радости, взыде Богъ въ воскликновеніи и Господь во гласѣ трубнѣмъ. Всѣ голоса заключаетъ апостолъ Павелъ, проповѣдуя также вознесеніе не по времени послѣдовательности сказанія повѣствователей, но по вѣчной мысли тайны Христовой, такъ ясно открывавшейся ему во всѣхъ событіяхъ Спасителевой жизни.

За этими ликами слѣдуетъ голосъ первой Христовой невѣсты, сія Жениха своего, возносимаго на небеса, скорбитъ и сте-

ная отъ сердца, вопіетъ съ Соломономъ: уязвлена я любовію Твоею, Женихъ мой небесный", и, провожая любезнаго, проситъ, да выдетъ Онъ ее отъ лобзанія устъ своихъ. За ней и апостольскій ликъ жалостно молитъ Владыку не оставить ихъ сирыхъ и послать имъ утѣшителя Духа.

Іисусъ произнесъ слово утѣшенія, воздвигъ руки, благословилъ ихъ и началъ возноситься на небо: апостолы поклонилися Ему, и свѣтлое облако подъяло Его отъ очей ихъ, и взошелъ Онъ на херувимахъ, и полетѣлъ на крылахъ вѣтреныхъ, и вознесъ съ собою души человѣческія въ даръ Отцу Своему.

Внезапно видѣнію проповѣдника открывается въ небесахъ пышная борьба между ангелами. Впереди Спасителя шествуютъ ангельскія силы со страхомъ и радостію и хотятъ отворить врата небесныя; но вышніе ратники возбраняютъ имъ, вопія: се врата Господни: никто изъ земныхъ ими не проходитъ, такъ положилъ самъ Богъ: нынѣ дивимся, зря человѣка, сидящаго на херувимскомъ престолѣ и хотящаго пройти чрезъ врата прежде серафимовъ. Ангелы повѣдали силу и санъ Сына Божія, человѣческимъ обложеннаго тѣломъ, и сказали: не пререкайте волѣ Божіей; никто не чулъ, какъ сошелъ Онъ на землю, и се, рабій нося образъ, восходитъ. Но небесные вратники отвѣчали: не покоримся, если не услышимъ слова Божія. Тогда возгласилъ Христосъ: отверзите мнѣ врата правды, да внидутъ въ нихъ, возвѣщу Отцу Моему, что сдѣлалъ и какъ пострадалъ на землѣ. И не знавши гласъ Господень, всѣ силы небесныя пали, поклонившись и говоря: если не видѣли, Владыко, Тебя сходящаго, то поклоняемся Тебѣ восходящему во славѣ. Тогда Духъ Святый исходитъ на срѣтеніе, вводитъ равнаго Себѣ Сына Божія, и почесть творя, глаголетъ: да поклонятся Ему всѣ ангелы Божіи. Самъ Богъ Отецъ возглашаетъ грядущему во плоти: Сынъ Мой еси Ты, сѣди одесную Мене: се престолъ Твой, Боже, во вѣки вѣковъ: Твои небеса и Твоя земля, и концы земли Ты основалъ. И, посадивъ Отецъ Сына на престолѣ, вѣнчаетъ Его десницею, воспѣвающимъ серафимамъ, положилъ еси на главѣ Его вѣнецъ отъ камене честна, славою и честію вѣнчалъ Его, силу и велелѣпіе возложилъ на Него.

Шевыревъ.

Построеніе и характеръ словъ Кирилла Туровскаго.

Въ числѣ уцѣлѣвшихъ словъ Кирилла находятся восемь на опредѣленные праздники и дни года, именно: а) въ недѣлю Ваій, б) на св. Пасху, в) въ недѣлю Ѳомину, г) въ недѣлю о мироносицахъ, д) въ недѣлю о разслабленномъ, е) въ недѣлю о слѣпомъ, ж) на Вознесеніе Господне и з) на соборъ 318 св. отецъ перваго вселенскаго собора, и одно слово не приспособленное ни къ какому празднику и изложенное въ видѣ притчи о слѣпцѣ и хромцѣ. Каждое изъ этихъ словъ начинается приступомъ, въ которомъ большею частію выражена какая-либо общая мысль, не всегда, однакожъ, удачно и ясно соглашенная къ послѣдующему изложенію слова. Въ самомъ словѣ обыкновенно изъясняется предметъ праздника, раскрываются обстоятельства воспоминаемаго событія, его значеніе и слѣдствія, или излагается притча. При изъясненіи подробностей событія или притчи проповѣдникъ почти всегда старается показать ихъ переносный, таинственный смыслъ, иногда естественно и вѣрно, иногда довольно принужденно и произвольно. Краткія евангельскія сказанія большею частію распространяетъ: нѣкоторыя простыя и несложныя событія представляетъ въ образной, драматической формѣ и въ уста дѣйствующихъ лицъ влагаетъ длинныя рѣчи и объясненія, которыя, хотя, разсматриваемыя отдѣльно, иногда прекрасны, но не всегда естественны и нерѣдко дѣлаются утомительными при чтеніи, нарушая единство слова.

Всѣ слова оканчиваются или краткимъ назиданіемъ слушателямъ, или краткимъ повтореніемъ прежде сказаннаго, или молитвою къ Богу, или похвалою угодникамъ Божіимъ и молитвою къ нимъ. Вообще о словахъ святителя Туровскаго можно сказать, что отдѣльныя мѣста въ нихъ есть весьма хороши, даже прекрасны, но цѣлаго, вполнѣ выдержаннаго и совершеннаго слова нѣтъ ни одного, что въ нихъ довольно искусственности и изысканности какъ въ сочетаніи мыслей, такъ и въ выраженіяхъ, и очень мало нравственныхъ наставленій. Слѣд. не достаетъ двухъ самыхъ главныхъ свойствъ проповѣди св. Златоуста: общедоступности и нравственнаго преобладающаго направленія.

Пр. Макарій.

Библейское и византійское вліяніе въ сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго.

Степень убѣдительности выводовъ о литературномъ значеніи Кирилла Туровскаго всего вѣрнѣе можетъ опредѣлиться посредствомъ сравненія сочиненій его съ произведеніями, служившими ему источниками. Рѣдкій писатель бываетъ въ разладѣ съ духомъ вѣка, съ общимъ направленіемъ литературы, и въ этомъ-то направленіи должно искать данныхъ для характеристики писателя...

Въ древній періодъ, до XVI—XVII в., словесность наша подвержена была двумъ вліяніямъ: библейскому и византійскому. Библейское вліяніе, проникающее во всѣ литературы христіанскихъ народовъ, является въ полномъ блескѣ и въ литературѣ византійской въ періодъ ея, обнимающій IV столѣтіе. Но у послѣдующихъ писателей обнаружилось иное направленіе, которое хотя и напоминало библейское вліяніе многочисленными цитатами изъ библіи, но въ сущности все болѣе и болѣе уклонялось отъ него. Византійская литература, постоянно и въ сильной степени подвергаясь библейскому вліянію, до такой степени измѣнила его, что трудно въ нѣкоторыхъ случаяхъ разграничить элементъ библейскій собственно и элементъ библейско-византійскій, проникшіе въ русскую письменность съ первыхъ, можно сказать, дней ея существованія. Тѣмъ не менѣе, существенныя черты отличія не могутъ ускользнуть отъ внимательнаго изслѣдователя. За библейскимъ вліяніемъ остается глубина воззрѣній, свѣжесть чувства, широкій взглядъ на человѣка и сочувственный на природу. Византійскій элементъ принесъ съ собою неглубокія идеи или поэтическое чувство, а исключительный односторонній взглядъ на человѣка и прозаическую холодность къ природѣ. Византійское вліяніе не поддерживало художественныхъ стремленій, не содѣйствовало литературному развитію народа, заставляя писателей чуждаться дѣйствительности и современности. Не находя умѣстнымъ подтверждать мысль свою многими доказательствами, которыя представятся сами собою изучающему нашу и родственную намъ старину sine ira et studio, скажу только, что по отношенію къ занимающему насъ вопросу о Кириллѣ Туровскомъ, вліяніе библейско-византійское

выразилось преимущественно въ сочувственномъ взглядѣ на природу и человѣка, въ символизмѣ и аллегоризмѣ, наконецъ въ литературныхъ пріемахъ вообще...

Символизмъ вытекаетъ изъ сочувственнаго взгляда на природу: между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ образуется таинственная связь, входящая въ представленія народа, независимая отъ чьего-либо личнаго произвола. Но къ живому представленію примѣшивается мало-по-малу произвольное, условное пониманіе и толкованіе. Здѣсь переходъ отъ символизма къ иносказанію, къ аллегорическому объясненію: въ послѣднемъ полное торжество византійскаго элемента.

Кириллъ Туровскій есть въ полномъ смыслѣ слова представитель византійскаго вліянія на нашу древнюю словесность, и съ совершенною справедливостью можно сказать, что опредѣлить направленіе Кирилла Туровскаго значитъ опредѣлить направленіе, господствовавшее въ нашей литературѣ въ теченіе цѣлыхъ шести столѣтій.

Библейское вліяніе обнаруживается во множествѣ текстовъ, приводимыхъ Кирилломъ Туровскимъ, но обнаруживается болѣе внѣшнимъ образомъ, нежели внутреннимъ. Между словами св. Писанія и словами и мыслями автора не всегда видна та живая связь, какая замѣтна напр. у Нестора. Библейскіе образы и выраженія не вытекаютъ свободно изъ религіознаго настроенія, а сопоставляются съ нѣкоторою искусственностью, отчасти наивностью. Не всѣ тексты приводятся умѣстно: иногда они служатъ только для распространенія мысли, нисколько не соотвѣтствуя ея изобразительности и живости производимаго ею впечатлѣнія. Гораздо удачнѣе тѣ мѣста у Кирилла Туровскаго, которыя, не состоя изъ подбора текстовъ, явились, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ библейскихъ образовъ, хотя и не имѣютъ буквальнаго сходства съ ними. Таковы, напр., жалобы страдальца, напрасно умоляющаго о помощи, картины ликующей природы и т. п.

Многія поученія Кирилла Туровскаго состоятъ изъ пересказа евангельскаго повѣствованія съ различными дополненіями и объясненіями. Тексты рѣдко приводятся съ точностью и опредѣлительностью. Обыкновенно нѣсколько текстовъ сводятся въ одинъ и связываются собственными словами автора. Многіе тексты приводятся въ сокращеніи, такъ что болѣе передается мысль библейскаго повѣствованія, а не слова его.

Свидѣтельства Библіи дополняются изъ другихъ источниковъ, частью же изъ самаго св. Писанія, но съ перерывомъ послѣдовательности библейскаго изложенія. Слова св. Писанія весьма часто перемѣшиваются съ собственными словами автора, такъ что иногда цѣлыя страницы состоятъ изъ словъ и выраженій св. Писанія, а между тѣмъ нѣтъ ни одного текста вполнѣ.

Частое, почти безпрестанное употребленіе Кирилломъ Туровскимъ текстовъ, или ихъ отрывковъ доказываетъ съ одной стороны начитанность автора въ св. Писаніи, давшую ему возможность съ большою легкостью выражать мысли словами, взятыми изъ нѣсколькихъ мѣстъ Библіи и искусно слитыми въ одно цѣлое. Съ другой стороны, привычка и желаніе говорить текстами препятствовала свободному выраженію мыслей автора и придали слогу его искусственность, заслонившую элементъ народный. А только въ народномъ, непринужденномъ слогѣ можетъ вполнѣ отразиться самобытный образъ мыслей, движеніе чувства, воззрѣніе народа...

Литературные пріемы усвоены Кирилломъ Туровскимъ подъ вліяніемъ византійскихъ образцовъ. Введеніе длинныхъ рѣчей, сравненія и противоположенія, вопросы и восклицанія, обращенія и олицетворенія, словомъ вся риторическая сторона его сочиненій объясняется условіями византійскаго краснорѣчія. Въ числѣ представителей его здѣсь могутъ быть названы: Іоаннъ Златоустъ и его подражатели: Проклъ константинопольскій, Титъ бострскій, Евлогій александрійскій, Кириллъ александрійскій, Епифаній кипрскій, Симеонъ Логоѳетъ и другіе. Большая часть этихъ писателей такъ сходны между собою и по направленію, и по выбору предметовъ и образовъ, что многія черты, замѣчаемыя въ ихъ произведеніяхъ, служатъ выраженіемъ не ихъ личнаго взгляда и таланта, а общаго литературнаго обычая, рутины. Одинъ и тотъ же образъ, одно и то же толкованіе, даже одни и тѣ же выраженія встрѣчаются у нѣсколькихъ изъ нихъ, такъ что нѣтъ никакой возможности сказать, откуда именно заимствовалъ нашъ авторъ общія всѣмъ черты. Впрочемъ, очевидно то, что онъ заимствовалъ не столько слова, сколько манеру вообще. Масса писателей, извѣстныхъ русскому книжнику XII в., не должна казаться удивительною. Почти всѣ они принадлежатъ къ отцамъ церкви, творенія которыхъ переводились на славянскій языкъ въ глубокой древности. Притомъ, такъ какъ изученіе ихъ пи-

сана, большею частію, по одному и тому же поводу — преимущественно на праздники церковные и располагались по порядку праздниковъ. То чтеніе „Соборника" или „Торжественника" могло уже достаточно ознакомить съ произведеніями византійскихъ писателей. Примѣръ Кирилла Туровскаго указываетъ на подобный путь заимствованія и служитъ однимъ изъ доказательствъ существованія такого рода сборниковъ въ XII столѣтіи, если не раньше.

Современные и ближайшіе потомки не безъ основанія могли называть святителя Туровскаго русскимъ Златоустомъ, конечно, не въ томъ смыслѣ, чтобъ сочиненія его равнялись по достоинству и характеру съ твореніями древняго златословеснаго учителя, а въ томъ, что св. Кириллъ былъ тогда у насъ самымъ лучшимъ витіею и отличался необыкновеннымъ краснорѣчіемъ; но въ словахъ его недостаетъ двухъ самыхъ главныхъ свойствъ проповѣди св. Златоуста: общедоступности и нравственнаго преобладающаго направленія".

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что пониманіе Златоуста во всей полнотѣ его литературнаго и общественнаго значенія, было рѣшительно недоступно писателю XII в., даже даровитому и начитанному. Ему оставалось только усвоить черты общедоступныя и внѣшнюю форму. Но какъ форма тѣсно связана съ содержаніемъ, то и Кириллъ Туровскій формальною стороною своихъ словъ сближается болѣе съ другими византійцами, а не съ Златоустомъ. У другихъ византійскихъ ораторовъ преобладаетъ аллегоризмъ, отчужденіе отъ современной имъ дѣйствительности, равнодушіе къ общественнымъ недугамъ Византіи. У Златоуста, даже въ словахъ, гдѣ нѣтъ болѣе догматизма, слышится то сочувствіе къ нуждамъ общества, то участіе къ горькой долѣ пролетарія, которое заставило его сказать незабвенныя глубокаго смысла слова: „Богъ не такъ скоро услышитъ слова праведныхъ, какъ бѣдныхъ".

Общій характеръ подражателей Златоусту и большей части византійскихъ ораторовъ состоитъ въ преобладаніи догматизма въ содержаніи ихъ сочиненій, а искусственности во внѣшней отдѣлкѣ. Искусственность выражалась въ продолжительныхъ объясненіяхъ, повтореніяхъ, въ растянутости, въ неумѣстныхъ и безконечныхъ рѣчахъ со множествомъ синонимовъ и изысканныхъ и неясныхъ образовъ... Изъ сочиненій Златоуста составлялись выборки, иногда болѣе или менѣе неудачныя, изобилую-

щія вставками, принадлежащими бездарной посредственности. Вмѣстѣ съ подлинными произведеніями Златоуста переводились и подложныя. Они должны быть принимаемы въ соображеніе при разборѣ поученій Кирилла Туровскаго.

Сухомлиновъ.

Поученія Серапіона, епископа Владимирскаго.

Серапіонъ былъ игуменомъ Кіево-Печерскаго монастыря; въ 1274 г. былъ поставленъ въ епископа владимирскаго, а въ слѣдующемъ 1275 г. скончался. Лѣтопись называетъ Серапіона „*зело учительнымъ и сильнымъ въ божественномъ писаніи*"; самъ онъ, обращаясь къ своимъ слушателямъ, употребляетъ такія выраженія: „*многажды глаголахъ вамъ*"; но намъ извѣстны пока только пять поученій Серапіона, которыя были написаны имъ, вѣроятно, во время епископства во Владимирѣ.

Почти сорокъ лѣтъ уже прошло послѣ того, какъ иго татарскаго владычества отяготѣло надъ Россіею (1237—1274). Нашествіе татаръ сопровождали разореніе городовъ, убійства и грабежи, пожары и опустошенія всякаго рода; за нимъ слѣдовали тяжкіе налоги, притѣсненія и порабощеніе. При такихъ обстоятельствахъ проповѣдывалъ Серапіонъ, и очень естественно, что его проповѣдь получила печальный тонъ. Съ глубокимъ чувствомъ скорби, во всѣхъ своихъ поученіяхъ, онъ указываетъ на бѣдственное состояніе страдавшей Руси, усматривая въ немъ наказаніе за грѣхи. „Сколько разъ, говоритъ онъ въ первомъ поученіи, мы видѣли солнце затмившимся, луну померкшею, видѣли перемѣны въ звѣздахъ!... Земля, отъ начала утвержденная и неподвижная, нынѣ движется, по повелѣнію Божію, колеблется отъ грѣховъ нашихъ, не можетъ носить нашихъ беззаконій. Мы не послушали евангелія, не послушали апостоловъ, не послушали пророковъ, не послушали великихъ свѣтилъ, т. е. Василія, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и другихъ святыхъ святителей... Вотъ и наказываетъ насъ за сіе Богъ знаменіями, землетрясеніемъ, бывшимъ по Его повелѣнію. Не говоритъ устами, но наказываетъ на дѣлѣ... нынѣ потрясаетъ и колеблетъ землю, хочетъ стрясти съ земли беззаконія и грѣхи многіе, какъ листья съ дерева... Но что потомъ было у насъ? не гладъ ли? не моръ ли неоднократный? не частыя ли войны? Однакожъ,

мы не покаялись, пока пришелъ на насъ, по Божію попущенію, народъ немилостивый, опустошилъ нашу землю, плѣнилъ города наши, разорилъ святыя церкви, избилъ отцовъ и братій нашихъ, поругался надъ нашими матерьми и сестрами". Послѣ этого Серапіонъ убѣждаетъ слушателей обратиться къ Богу съ покаяніемъ и отстать отъ своихъ грѣховъ, между которыми указываетъ „на скверные и немилостивые суды, и кровавое рѣзоимство (взиманіе роста съ рѣзовъ, т. е. процентовъ съ денегъ) и всякое грабленіе". „Много разъ я говорилъ къ вамъ, братія и чада; но вижу, что немногіе принимаютъ слова мои и исправляются поученіями нашими".

Второе поученіе также проникнуто чувствомъ глубокой скорби о бѣдствіяхъ и грѣхахъ народа. „Не такъ скорбитъ мать, видя дѣтей своихъ больными, какъ скорблю я, грѣшный отецъ вашъ, видя васъ больными дѣлами беззаконными. Многократно бесѣдовалъ я съ вами, но не вижу въ васъ никакой перемѣны... Всегда сѣю я на нивѣ сердецъ вашихъ сѣмя божественное, но никогда не вижу, чтобы оно прозябло и принесло плодъ... Чего мы не навлекли на себя? Какихъ не понесли мы наказаній отъ Бога? Не была ли плѣнена земля наша? Не были ли взяты города наши? Не въ короткое ли время отцы и братья наши пали мертвыми на землю? Не отведены ли въ плѣнъ жены и дѣти? А мы, оставшіеся, не порабощены ли были горькимъ рабствомъ отъ иноплеменниковъ? Вотъ уже сорокъ почти лѣтъ продолжается томленіе и муки, тяжкіе налоги не прекращаются, также голодъ и моръ скота нашего. Мы и хлѣба не можемъ ѣсть въ сладость. Отъ воздыханій и печали сохнутъ кости наши. Что же довело насъ до этого? Наши беззаконія и наши грѣхи, наше непослушаніе, наша нераскаянность". И Серапіонъ снова убѣждаетъ слушателей къ покаянію и исправленію.

Въ третьемъ поученіи Серапіона содержится превосходная картина татарскаго нашествія. „Мы ни въ чемъ, говоритъ Серапіонъ, не оказывались лучшими. Тогда Господь навелъ на насъ народъ немилостивый, народъ лютый, народъ, не щадящій ни юной красоты, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей; ибо мы подвигли на себя ярость Бога нашего... Разрушены Божіи церкви, осквернены священные сосуды, попрана святыня, святители сдѣлались добычею меча; тѣла преподобныхъ иноковъ брошены въ пищу птицамъ; кровь отцевъ и братьевъ

нашихъ, какъ *вода многа*, напоила землю. Исчезла крѣпость нашихъ князей, военачальниковъ; храбрые наши бѣжали, исполненные страха; а еще болѣе братьевъ и чадъ нашихъ отведено въ плѣнъ. Поля наши поросли травою, и величіе наше смирилось, красота наша погибла, богатство наше досталось въ удѣлъ другимъ, труды наши достались невѣрнымъ. Земля наша стала достояніемъ иноплеменниковъ, мы сдѣлались предметомъ поношенія для сосѣдей нашихъ, посмѣшищемъ для враговъ нашихъ. Ибо свели мы на себя гнѣвъ Господа, какъ дождь съ небеси, подвигли на себя ярость Его, отвратили отъ себя великую Его милость и довели себя до того, что на насъ смотрятъ съ сожалѣніемъ. Нѣтъ наказанія, которое бы не постигло насъ".

Четвертое поученіе было сказано Серапіономъ по особенному случаю. Необразованный и суевѣрный народъ вообразилъ, что голодъ, нѣсколько лѣтъ постигавшій его, происходитъ отъ наговоровъ волшебниковъ и волшебницъ. Во времена общественныхъ бѣдствій нѣтъ ничего легче, какъ привести народъ въ возмущеніе, указавъ ему на истинныхъ или мнимыхъ виновниковъ его страданій. Такъ и въ то время злонамѣренные люди возбудили простой народъ противъ нѣкоторыхъ людей, которые, вѣроятно, слыли у него за колдуновъ и волшебниковъ, и онъ началъ сожигать или бросать ихъ въ воду, чтобы испытать, виновны они, или нѣтъ, предполагая, что если они станутъ тонуть, то невинны, а если поплывутъ, то волшебники. Всею силою своего слова возсталъ просвѣщенный пастырь противъ такого грубаго суевѣрія и своеволія народа. „Я думалъ, говоритъ онъ, вы уже утвердились и съ радостію принимаете Божественное Писаніе... Между тѣмъ, вы еще держитесь языческихъ обычаевъ, вѣрите волхвованію и сожигаете невинныхъ людей, и дѣлаете виновными въ убійствѣ все общество и весь городъ... Изъ какихъ книгъ или какого писанія узнали вы, что отъ волхвованія бываетъ голодъ на землѣ, и опять — волхвованіемъ умножается хлѣбъ? Если сему вѣрите, то почему сожигаете волховъ? Вы молитесь и почитаете ихъ, приносите имъ дары, если они благоустрояютъ миръ, пускаютъ дождь, наводятъ теплую погоду, повелѣваютъ землѣ приносить плоды. Вотъ нынѣ, по три года, не родится хлѣбъ, не только на Руси, но и въ землѣ латинской; волхвы ли это сдѣлали? Не Богъ ли устрояетъ свою тварь, какъ хочетъ, на-

казнитъ насъ за грѣхи? Я знаю изъ Божественнаго Писанія, что чародѣи и чародѣйки дѣйствуютъ чрезъ бѣсовъ на людей, но только на тѣхъ, которые имъ вѣруютъ, потому что бѣсы дѣйствуютъ только по попущенію Божію, а Богъ попускаетъ имъ дѣйствовать только на тѣхъ, которые боятся ихъ. Но кто твердо вѣруетъ въ Бога, надъ тѣмъ чародѣи не имѣютъ силы. Скорблю я о вашемъ безуміи. Умоляю васъ, оставьте дѣла языческія. Божественныя правила повелѣваютъ осуждать человѣка по свидѣтельству многихъ. А вы поставляете въ свидѣтели воду, и говорите: если станетъ тонуть, то невинна; а если поплыветъ, то волшебница. Не можетъ ли дьяволъ, видя ваше маловѣріе, поддержать человѣка на водѣ, чтобы онъ не потонулъ, и тѣмъ вовлечь васъ въ душегубство? Потому что вы, оставивъ свидѣтельство богоподобнаго человѣка, обратились къ бездушному веществу — къ водѣ, и, принявъ такое свидѣтельство, прогнѣвляете Бога".

Въ пятомъ поученіи „о маловѣріи" Серапіонъ возстаетъ противъ другого суевѣрія народа. Народъ запрещалъ погребать удавленниковъ и утопленниковъ, и выгребалъ ихъ, приписывая имъ несчастія, постигавшія землю. „Это ли ваше покаяніе? говоритъ Серапіонъ. Тѣмъ ли Бога умилостивите, чтобы утопшаго или удавленнаго выгрести? Тѣмъ ли Божію казнь хотите утишить? Лучше, братія, перестанемъ отъ сего; отступимъ отъ всѣхъ злыхъ дѣлъ: разбоя, грабительства, пьянства, скупости, лихвы, обиды, воровства, лжи, клеветы, рѣзоиманія. Я грѣшный всегда учу васъ, ныне: всего вамъ каятися, вы же не перестали отъ злыхъ дѣлъ. А если какая на насъ казнь отъ Бога придетъ, то мы еще болѣе Его прогнѣвляемъ, дѣлая навьи: того ради вёдро, сего ради вѣтръ, того ради жито не родится. И далѣе строители Божія твари, а о безуміи своемъ не скорбите?" Обличаемое здѣсь суевѣріе, по которому перемѣны въ воздухѣ и вредныя явленія въ природѣ приписывались погребенію утопленниковъ и удавленниковъ, существовало въ народѣ и послѣ Серапіона. Въ XVI в. Максимъ Грекъ писалъ „посланіе на безумную прелесть и богомерзкую мудрствующихъ, яко погребаемаго тѣла ради утопленнаго и убитаго бываютъ плодоносныхъ студени земныхъ прозябеній".

Всѣ поученія Серапіона отличаются особенною простотою и задушевностію и глубокою любовію къ поучаемымъ.

[illegible]

Отъ епископа владимірскаго Серапіона, который, по словамъ лѣтописи, былъ зѣло учителенъ и силенъ въ Божественномъ Писаніи, дошло до насъ пять словъ или поученій; но несомнѣнно, что ихъ было гораздо больше: онъ самъ свидѣтельствуетъ, что училъ своихъ духовныхъ чадъ всегда, проповѣдывалъ имъ много и многажды, хотя, съ другой стороны, не должно забывать, что архипастырская дѣятельность его продолжалась не болѣе года (1274—1275). Уцѣлѣвшія поученія владимірскаго святителя не богаты содержаніемъ и очень сходны между собою, однообразны. Во всѣхъ онъ вооружается противъ господствующихъ пороковъ своего времени; во всѣхъ указываетъ на современныя казни Божіи, особенно на монгольское иго; во всѣхъ призываетъ слушателей къ покаянію и исправленію жизни. Пороки, которые онъ преслѣдовалъ, обыкновенные между людьми и встрѣчающіеся во всѣ времена; только въ четвертомъ словѣ онъ возстаетъ противъ частнаго языческаго обычая — сожигать волхвовъ, а въ пятомъ кромѣ того — противъ обычая выгребать изъ могилъ удавленниковъ и утопленниковъ. Впрочемъ, при всемъ сходствѣ и даже единствѣ главнаго содержанія, слова различаются между собою и по составу, и по формѣ, и нѣкоторыми частностями, и неодинаковымъ выраженіемъ однѣхъ и тѣхъ же мыслей. Проповѣдникъ говоритъ просто, ясно, кратко, безъ многословія и риторизма. Его рѣчь сильна убѣжденіемъ, проникнута пастырскою ревностію и любовію и отзывается современностію. Характеръ его рѣчей можно назвать обличительнымъ.

Пр. Макарій.

Хроники Малалы и Амартола, какъ источники лѣтописи Нестора.

Іоаннъ антіохійскій *Малала* (что значитъ въ переводѣ съ сирійскаго риторъ) жилъ, должно полагать, въ VI вѣкѣ, при императорѣ Юстиніанѣ, царствованіемъ котораго заканчиваетъ свою лѣтопись, описывая послѣднія событія съ живымъ чувствомъ очевидца. Хронографъ Малалы въ XVIII книгахъ содержитъ въ себѣ всемірную исторію отъ Адама до 36 года царствованія Юстиніанова или до 563 г. нашей эры. Хронографъ безъ заключенія обрывается на половинѣ разсказа.

Малала, какъ видно, былъ широко образованъ и многосторонне знакомъ съ исторической литературой: онъ любитъ цитовать источники, которыми пользуется при своемъ повѣствованіи, мудрѣйшихъ хронографовъ: Африкана, Приска, Домнина, Несторіана и т. д. Въ своихъ сужденіяхъ Малала отличается значительною терпимостью: онъ позволяетъ себѣ дѣлать добрые отзывы о языческихъ императорахъ, и даже о Юліанѣ не говоритъ худого слова, характеризуя его въ слѣдующихъ сдержанныхъ выраженіяхъ: „Онъ былъ извѣстенъ краснорѣчіемъ, но прозванъ отступникомъ за то, что, оставивъ ученіе своихъ предковъ христіанъ, сдѣлался эллиномъ. Былъ же другомъ и современникомъ Ливанія, знаменитаго софиста антіохійскаго". Можемъ думать поэтому, что Малала едва ли былъ духовнымъ лицомъ и что во всякомъ случаѣ христіанство не погасило въ немъ любви къ классической литературѣ и древности; это тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей хроники (напр. при описаніи антіохійскаго землетрясенія въ кн. XVIII) Малала высказываетъ мысли и чувствованія, вполнѣ свойственныя вѣрующему христіанину.

Какъ антіохіанинъ, любившій свою родину, Малала съ особенною охотою любитъ рисовать портреты историческихъ дѣятелей, обозначая вмѣстѣ физическія и нравственныя черты, которыми отличалась извѣстная личность. Вотъ напр. портретъ Юстиніана I-го: „Юстиніанъ былъ съ виду приземистъ, съ широкою грудью, съ красивымъ носомъ, бѣлъ, кудрявъ, круглолицъ, благообразенъ, плѣшивъ, свѣжъ лицомъ, съ просѣдью на головѣ и бородѣ, великодушенъ, преданъ христіанству". Эта особенность Малалы послужила причиною его важнаго значенія для иконографіи какъ греческой, такъ и русской. Другая особенность Малалы, стоящая въ связи съ первою, состоитъ въ томъ, что онъ всегда тщательно отмѣчаетъ, какой партіи въ циркѣ держался тотъ или другой византійскій императоръ.

Въ славянскомъ переводѣ Малала появился очень рано, именно при болгарскомъ князѣ Симеонѣ до 927 г. Древній славянскій переводчикъ, какъ видно, имѣлъ подъ руками гораздо болѣе полный списокъ Малалы, чѣмъ какимъ пользовались боннскіе издатели XI вѣка. Поэтому, въ славянскомъ переводѣ мы встрѣчаемъ болѣе любимыхъ Малалою подробностей объ Антіохіи и о наружномъ видѣ историческихъ дѣятелей, чѣмъ въ греческомъ печатномъ текстѣ боннскаго изданія

Въ составъ широко распространенныхъ на Руси компилятивныхъ хронографовъ вошли изъ Малалы слѣдующія выдержки касательно византійской исторіи: а) о царствованіи Юліана, б) о Іовіанѣ, в) о Маркіанѣ и Пульхеріи, г) о Львѣ великомъ, д) о Львѣ маломъ, е) о Зинонѣ, ж) объ Анастасіи Диррахитѣ, з) о царствованіи Юстина и паденіи Антіохіи, и) о царствованіи Юстиніана.

Въ византійской, а еще болѣе въ переводной древне-славянской письменности, видное мѣсто занимаетъ хроника Георгія Амартола. Составитель ея жилъ въ 1-й половинѣ IX вѣка и довелъ свое бытописаніе до 842 г., непосредственно за коимъ помѣчено: „до здѣ хроника Георгія“. О жизни Георгія лѣтописателя мы знаемъ мало. Только въ одномъ мѣстѣ своей лѣтописи Георгій выступаетъ съ заявленіемъ, бросающимъ немного свѣта на его біографію.

Повѣствуя о египетскомъ монашествѣ IV в. Амартолъ говоритъ: „Особенно въ пустыняхъ нитрійскихъ были мужи, живущіе и дѣйствовавшіе не по образу прочихъ людей, но посредствомъ вѣры имѣвшіе общеніе въ жизни и дѣятельности съ ангелами небесными. И я уже самъ лично видѣлъ таковое житіе, и говорю о такихъ дѣлахъ, въ которыхъ сподобился быть общникомъ и сподвижникомъ“. Отсюда заключаемъ, что Георгій былъ монахъ и, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую часть своей жизни провелъ въ Египтѣ. Это подтверждается и общимъ монашескимъ міросозерцаніемъ его бытописанія и тѣмъ, что онъ повѣствуетъ о Египтѣ и Александріи, если не съ такимъ усиленнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ, какъ Малала объ Антіохіи, то во всякомъ случаѣ съ большею подробностію, чѣмъ о какой-нибудь другой греческой мѣстности, за исключеніемъ Константинополя. Въ надписаніяхъ хроники, сдѣланныхъ, быть можетъ, рукою современника, Георгій также называется монахомъ и даже архимандритомъ. Что же касается до прозванія Амартолъ (грѣшникъ), то должно думать, что это было не фамильное прозвище Георгія, а скорѣе эпитетъ, принятый имъ на себя изъ смиренія.

Переходимъ къ самой хроникѣ. Она раздѣляется на 4 книги, изъ коихъ только одна послѣдняя излагаетъ исторію византійской имперіи отъ Константина до Михаила (319—842) и, слѣдовательно, подлежитъ нашему разсмотрѣнію. Для характеристики историческаго міросозерцанія Амартола весьма важно указать его отношеніе къ современной ему эпохѣ. Амартолъ

жилъ въ эпоху иконоборства и относится къ ней самымъ живымъ и опредѣленнымъ образомъ, какъ защитникъ иконъ и монашества и какъ врагъ иконоборства. Тонъ его лѣтописи здѣсь рѣзкій, желчный, пристрастный, нерѣдко переходящій въ тонъ памфлетиста или памфлета. Напр. перваго иконоборца императора Льва Исавра (716—741) Амартолъ обзываетъ „богоборцемъ, взбѣсившимся противъ правой и древней вѣры, лютѣйшимъ звѣремъ и худороднымъ мѣдникомъ, немилосерднымъ львомъ или дракономъ, всескверным". О сынѣ — преемникѣ Льва Константинѣ (741—775 г.) еще болѣе рѣзкіе отзывы. Вотъ извѣстіе о его воцареніи (741): „Послѣ Льва Исавра царствовалъ сынъ его Константинъ Каваллинъ 34 года, отъ страшнаго Льва происшедшій пестрообразный леопардъ — согласно съ словомъ пророка говорящаго, что отъ сѣмени змиева происходятъ аспидъ и змии летающіи — и сущій отъ Дана антихристъ". Льва армянина (813—820) Амартолъ называетъ „отступникомъ, Сауломъ, обнаженнымъ отъ божественной благодати и преданнымъ злому духу, тираномъ, звѣронравнымъ, паче нежели звѣроименнымъ" и т. д. Феофила послѣдняго иконоборнаго императора (829—842) Амартолъ называетъ „новымъ Валтасаромъ и отступникомъ, богоненавистникомъ и святыхъ иконъ поругателемъ и разрушителемъ и оскверненнымъ". Поборники иконопочитанія, напротивъ того, ублажаются щедрыми похвалами. При Константинѣ и матери его Иринѣ, говоритъ Амартолъ, „благочестивый догматъ началъ съ дерзновеніемъ возглашаться и слово Божіе многилось и монастыри со всякою безбоязненностію и тщаніемъ возсозидались, и возсіяло всякое церковное устроеніе". О самой императрицѣ Иринѣ (803) Амартолъ отзывается такъ: „она была весьма благочестива и любила добродѣтель, и устроила многія страннопріимницы и сиропитательницы, и монастыри, сдѣлала облегченіе податей и множество другихъ исправленій". Хвалитъ Амартолъ и царицу Феодору „вѣрную и православную" и сына ея Михаила, провозгласившихъ „изрядно богоутвержденную, священную и правѣйшую вѣру", и заканчивая свою лѣтопись описаніемъ торжества православія на константинопольскомъ соборѣ 842 г. Кажется склоненъ видѣть въ этомъ событіи не только завершеніе своего личнаго труда, но и общій результатъ, къ которому промыслъ Божій привелъ человѣчество путемъ многовѣковой исторической жизни.

Закончивъ свой трудъ эпохою иконоборства, которую, какъ очевидецъ и близкій свидѣтель, описываетъ сравнительно болѣе подробно, Амартолъ остается чуждъ тѣхъ воззрѣній, какими проникнуты были греки слѣдующаго поколѣнія, — современники великаго раздѣленія церквей: онъ отзывается о Римѣ и папахъ съ почтеніемъ и сочувствіемъ, безъ малѣйшаго признака раздраженія и даже сообщаетъ факты, которыми оправдываются позднѣйшія папскія притязанія. Эпоха иконоборства, хотя описываемая въ концѣ хроники, тѣмъ не менѣе служитъ исходнымъ пунктомъ для историческихъ воззрѣній Амартола и придаетъ всему бытописанію его извѣстную тенденціозность. Такъ вездѣ, гдѣ можно, Амартолъ старается исторически обосновать законность иконопочитанія, вездѣ является жаркимъ апологетомъ монашества и восхвалителемъ монашескихъ добродѣтелей. Приписывая устроеніе первыхъ монастырей евангелисту Марку, поставивъ монаховъ въ историческую связь съ ессеями, восхваляя высоту монашеской жизни и оправдывая монашескіе идеалы даже авторитетомъ языческихъ мудрецовъ, Амартолъ разсказываетъ нѣсколько случаевъ, когда монашескія доблести возблистали даже предъ глазами язычниковъ.

Какъ монахъ по званію и убѣжденію, Амартолъ любитъ вращаться въ кругѣ идей, которыми аскетизмъ питается и поддерживается. Загробныя приключенія составляютъ любимую тему эпизодическихъ разсказовъ, вставленныхъ въ бытописаніе Амартола.

Элементъ чудеснаго далеко не чуждъ хроникѣ Амартола. Чуть не на каждой страницѣ встрѣчаются разсказы о видѣніяхъ, знаменіяхъ и разнаго рода необыкновенныхъ событіяхъ, передаваемые съ полною вѣрою въ ихъ дѣйствительность. Какъ будто въ изображеніи этихъ событій бытописатель полагаетъ свою прямую задачу, поставляя обыкновенный ходъ дѣлъ человѣческихъ ниже своего вниманія. Обиліе такихъ разсказовъ придаетъ всему бытописанію фантастическій и вмѣстѣ съ тѣмъ печальный колоритъ: читая Амартола, мы какъ бы прислушиваемся къ голосу человѣка, который наполовину живетъ въ другомъ мірѣ.

Вотъ немногіе изъ многихъ разсказовъ о знаменіяхъ. Въ Іерусалимѣ (въ 166 г. до Р. Х.) случилось, что передъ цѣлымъ городомъ въ теченіе почти 40 дней видимы были на воздухѣ вооруженные всадники въ златотканныхъ одѣяніяхъ

и сшибки съ обѣихъ сторонъ, и движеніе оружія, и блистаніе золотыхъ уборовъ на воинахъ, закованныхъ въ разнообразные доспѣхи; всѣ думали, что это знаменіе на добро; а оно предвѣщало злое нашествіе Антіохово. Въ другое время (при Неронѣ) въ Іерусалимѣ же явилась звѣзда надъ городомъ, подобная копью, и въ иное время восточная мѣдная дверь города, запираемая желѣзноокованными засовами и съ трудомъ отворяемая 30 мужами, около 6 часу ночи найдена отворенною[4].

По своему историческому міросозерцанію Амартолъ служилъ полнымъ первообразомъ подражавшаго ему Нестора и другихъ русскихъ лѣтописцевъ, которые были тоже, большею частію, монахи, проникнутые аскетическими идеалами, жившіе предчувствіемъ загробной жизни, видѣвшіе въ исторіи дѣйствіе двухъ силъ — Божьяго предопредѣленія и дьявольскихъ искушеній, охотно описывавшіе чудеса, видѣнія и знаменія съ полною вѣрою въ ихъ дѣйствительность. Этимъ тождествомъ основныхъ воззрѣній объясняется и значительная аналогія, существующая, какъ увидимъ, между хроникою Амартола и русскими бытописаніями.

Не маловажнымъ достоинствомъ лѣтописи Амартола служитъ то, что она читается легко и съ интересомъ. Этотъ интересъ поддерживается разсказами о чудесахъ, знаменіяхъ и загробныхъ приключеніяхъ, также и сообщеніемъ остроумныхъ изреченій и занимательныхъ анекдотовъ иногда и о неважныхъ предметахъ.

Благодаря занимательности разсказа или вслѣдствіе согласія историческаго міросозерцанія автора со вкусами читателей, а, можетъ быть, и по случайнымъ обстоятельствамъ, Амартолу посчастливилось и въ греческой, и славянской письменности.

Не говоря о значительномъ количествѣ греческихъ списковъ Амартола, которыхъ, по исчисленію Муральта, до нашего времени сохранилось 27, изъ Амартола главнымъ образомъ черпали другіе византійскіе историки, въ особенности Георгій Кедринъ, писавшій въ половинѣ XI вѣка, и Левъ Грамматикъ, писавшій въ началѣ XII в. Еще болѣе посчастливилось Амартолу въ славянскомъ мірѣ. Прошло около ста лѣтъ отъ написанія подлинника и въ новорожденной славянской письменности появились переводы Амартола сербскій и болгарскій.

перешедшие впослѣдствіи на Русь. Изъ уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени славянскихъ переводовъ Амартола, кромѣ другихъ, заслуживаютъ упоминанія: харатейный списокъ лѣтописи Георгія Амартола съ лицевыми изображеніями самого Георгія Амартола и современнаго ему гр. царя Михаила, хранящійся въ библіотекѣ Троицко-Сергіевой лавры, и неизвѣстный досель библіографамъ списокъ Амартола, хранящійся на Аѳонѣ въ Свято-Павловскомъ монастырѣ. Конечно, одинъ изъ древнѣйшихъ списковъ Амартола былъ подъ руками у нашего лѣтописца Нестора и, быть можетъ, далъ ему идею о его историческомъ трудѣ, во всякомъ случаѣ послужилъ ему первообразомъ. Но всего болѣе Амартолъ доходилъ до свѣдѣнія русскихъ читателей чрезъ посредство многочисленныхъ хронографовъ. Въ хронографахъ различнаго состава различной степени и заимствованія изъ Амартола. Иные хронографы составлены исключительно по Амартолу; въ другихъ редакціяхъ есть вставки и изъ другихъ византійскихъ лѣтописцевъ, но во всякомъ случаѣ Амартолу принадлежитъ первенствующее положеніе.

Несторъ самъ не скрываетъ своего источника, когда предъ началомъ выписки изъ Амартола о нравахъ разныхъ народовъ говоритъ: „глаголетъ Георгій въ лѣтописаніи". Сличеніе между Несторомъ и Амартоломъ съ несомнѣнною очевидностью даетъ намъ знать, что Несторомъ заимствованы слѣд. мѣста изъ Амартола: 1) о нравахъ различныхъ народовъ — сирійцевъ, бактріанцевъ, халдеевъ, британцевъ, амазонокъ; 2) о раздѣленіи земли сыновьями Ноевыми и о странахъ, доставшихся въ удѣлъ Симу, Хаму и Іафету; 3) о захватѣ потомками Хама чужого удѣла и объ изгнаніи ихъ оттуда; 4) объ Аполлоніи Тіанскомъ и о волшебныхъ дѣлахъ; 5) о зловѣщихъ знаменіяхъ предъ нашествіемъ Антіоха на Іерусалимъ.

Несторъ относился къ Амартолу не рабски, но совершенно свободно и какъ слѣдуетъ мыслящему человѣку. Видно, что онъ не разъ и не два прочелъ славянскій переводъ Амартола прежде, чѣмъ принялся за свою историческую работу. Самыя выписки изъ Амартола Несторъ дѣлаетъ съ большимъ толкомъ, съ яснымъ пониманіемъ цѣли, для которой дѣлается выписка, а иногда съ искусными дополненіями и обобщеніями. Такъ 1) приведши изъ Амартола выписку о нравахъ разныхъ народовъ, Несторъ добавляетъ ее изображеніемъ обычаевъ

половецкихъ и заканчиваетъ превосходнымъ указаніемъ на даруемый христіанствомъ высшій нравственный законъ, которымъ объединяются всѣ народности. „Мы же, христіане, елико земль, иже вѣруютъ въ святую Троицу, въ едино крещеніе, въ едину вѣру, законъ имамы единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся“.

2) Сказаніе о раздѣленіи земли между сыновьями Ноевыми, находящееся у Амартола далеко не въ началѣ хроники, Несторъ выдвигаетъ впередъ, полагаетъ въ основу своего бытописанія, присоединяетъ отъ себя въ составъ удѣла Іафетова славянъ и затѣмъ легко и естественно переходитъ къ самостоятельному изложенію этнографіи и географіи Россіи и странъ сосѣдственныхъ. Такимъ образомъ Несторъ пользуется сказаніемъ о раздѣленіи земли между сыновьями Ноевыми для того, чтобы сразу же связать исторію своей отечественной страны съ исторіею библейско-всемірной.

3) Заключеніе сказанія Амартолова о раздѣленіи земли, состоящее въ томъ, что потомки Хамовы завладѣли Палестиною, частью удѣла Симова и, по повелѣнію Божію, были изгнаны оттуда, Несторъ опускаетъ, предоставляя себѣ воспользоваться имъ впослѣдствіи. И дѣйствительно пользуется при описаніи удѣльныхъ распрей, чтобы показать, что „не добро есть преступати предѣла чюжего“.

4) Смерть Олега, свершившаяся, по преданію, согласно предсказанію кудесника, заставила Нестора призадуматься о причинахъ чародѣйской силы. И вотъ для разъясненія своихъ недоумѣній онъ выписываетъ изъ Амартола сказаніе о чудесахъ Аполлонія Тіанскаго и, кажется, остается доволенъ предлагаемымъ у Амартола объясненіемъ подобныхъ чудесъ. Объясненіе же, предлагаемое Амартоломъ, таково: „всѣ такие чудеса совершаются по попущенію дьявольскому, дабы чрезъ нихъ искушалась наша православная вѣра, бодра ли она, и крѣпко ли привержена къ Господу и не колеблется ли вражьими мечтательными чудесами и сатанинскими дѣлами, совершаемыми чрезъ рабовъ и служителей злобы“.

5) Необыкновенныя явленія въ природѣ, при началѣ удѣльнаго періода, побудили Нестора выбрать изъ 5 различныхъ мѣстъ хроники Амартола извѣстія о подобныхъ же знаменіяхъ и закончить сводъ этихъ извѣстій слѣдующимъ общимъ замѣчаніемъ: „Знаменія въ небеси, или звѣздахъ, ли солнцѣ, ли

птицами, ли етеромь чимь не на благо бываютъ; но знаменья сице на зло бываютъ, ли проявленье рати, ли гладу, ли смерть проявляютъ".

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ одномъ весьма важномъ пунктѣ — именно въ своихъ сужденіяхъ о пользѣ книгъ Несторъ не только не слѣдуетъ Амартолу, но стоитъ съ нимъ въ прямой противоположности. Амартолъ не благоволилъ къ книжной учености, какъ вселяющей духовную гордость. Несторъ, напротивъ, не находитъ словъ для восхваленія книгъ, „кои суть рѣки, напояющи вселенную, исходища мудрости" и т. д. для доказательства того, что „велика бываетъ польза отъ ученья книжнаго". Конечно, эта разница во взглядахъ зависѣла отъ различія положенія грека Амартола, имѣвшаго подъ руками литературу не только церковно-христіанскую, но и языческую и еретическую, и славянина Нестора, знакомаго съ книгами, какъ съ проводниками ученія божественнаго.

Терновскій.

Составъ и характеръ лѣтописи Нестора.

Въ составъ Повѣсти временныхъ лѣтъ вошли лѣтописныя отмѣтки, видимо записанныя въ разныхъ мѣстностяхъ — въ Кіевѣ, Полоцкѣ, Новгородѣ, Псковѣ, слѣдовательно заимствованныя изъ разныхъ первоначальныхъ лѣтописей. Въ этомъ видѣ онѣ не дошли до насъ. Сказанія *печерскія* занимаютъ видное мѣсто въ Повѣсти.

Какъ отдѣльныя сочиненія, Житіе великаго князя Владиміра (приписываемое монаху Іакову), Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ (его же), Жизнеописаніе Кирилла и Меѳодія, Поученія Феодосія печерскаго и др. были также источниками Повѣсти временныхъ лѣтъ. Въ составъ ея вошли и договоры русскихъ князей съ греками, написанные первоначально на греческомъ языкѣ, также эпическія сказанія, составлявшія часть русскаго дружиннаго эпоса — объ Олегѣ, Ольгѣ, Святославѣ.

Весь этотъ матеріалъ Несторъ размѣстилъ по годамъ. Въ Повѣсти временныхъ лѣтъ *лѣтописи* предшествуетъ вступленіе, гдѣ годы не обозначены. Здѣсь исчисляются народы и царства, происшедшіе отъ потомковъ Ноевыхъ сыновей, разсказывается о разселеніи славянъ, о племенахъ славянъ русскихъ и объ ихъ сосѣдахъ. Собственно лѣтопись начинается 6360 (852)

годомъ. Этотъ годъ лѣтописецъ принялъ за исходный пунктъ своего лѣтописанія по соображенію съ византійскими хрониками: „Въ лѣто 6360 наченшю Михаилу (императору византійскому) царствовати, начася прозывати Руська земля; о семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишется въ лѣтописаньи гречьстѣмь; тѣмь отселѣ почнемъ и числа положимъ.

Съ этого года уже послѣдовательно и непрерывно выставляются года, но не подъ каждымъ изъ нихъ записано событіе: нѣкоторые изъ нихъ остаются пустыми, какъ напр.:

„Въ лѣто 6361. Въ лѣто 6362. Въ лѣто 6363. Въ лѣто 6364. Въ лѣто 6365. Въ лѣто 6366. Михаилъ царь изыде съ вои брегомъ и моремъ на болгары; болгаре же увидѣвше не могоша стати противу, креститися просиша и покоритися грекомъ; царь же крести князя ихъ и боляры вся и миръ створи съ болгары. Въ лѣто 6367. Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словѣнахъ, на мери и на всѣхъ кривичѣхъ... и проч.

Въ лѣто 6368. Въ лѣто 6369. Въ лѣто 6370. Изгнаша варяги за море и не даша имъ дани и почаша сами въ собѣ володѣти и не бѣ въ нихъ правды и воста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ и воевати почаша сами на ся... и проч.

Въ лѣто 6371. Въ лѣто 6372. Въ лѣто 6373. Въ лѣто 6374. Иде Аскольдъ и Диръ на греки и прииде въ 14 лѣто Михаила царя... и пр.

Въ лѣто 6375. Въ лѣто 6376. Поча царствовати Василій.

Въ лѣто 6377. Крещена бысть вся земля болгарьская.

Въ лѣто 6378. Въ лѣто 6379. Въ лѣто 6380. Въ лѣто 6381. Въ лѣто 6382. Въ лѣто 6383. Въ лѣто 6384. Въ лѣто 6385. Въ лѣто 6386. Въ лѣто 6387. Умершю Рюрикови, предасть княженье свое Олгови, отъ роду ему сущу, вдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря; бысть бо дѣтескъ вельми.

Въ лѣто 6388. Въ лѣто 6389. Въ лѣто 6390. Поиде Олегъ, поимъ воя многи, варяги, чюдь, словѣни, мерю... и проч.

Послѣдній годъ „Повѣсти" 6618 (1110).

Характеръ изложенія лѣтописи можно назвать *эпиче-скимъ*: авторъ подробно разсказываетъ событіе, приводитъ самые разговоры лицъ, ихъ думы, чувства. Образцомъ здѣсь могли ему служить русскія эпическія пѣсни и библейскіе разсказы.

При литературномъ изученіи лѣтописи особенное вниманіе привлекаютъ сказанія, заимствованныя изъ эпическихъ пѣсенъ. По нимъ можно отчасти судить и о характерѣ самыхъ пѣсенъ. Такъ какъ въ нихъ выражаются подвиги князей и дружины, то отсюда мы можемъ заключить, что онѣ и слагались въ дружинной средѣ, тѣмъ болѣе, что и лѣтописи намъ называютъ имена нѣкоторыхъ дружинныхъ пѣвцовъ, которые въ своихъ пѣсняхъ, конечно, изображали интересы дружины. Притомъ же и сходство нѣкоторыхъ русскихъ сказаній съ эпическими сказаніями норманскими (исландскими сагами) указываетъ на первоначальное варяжское происхожденіе дружины.

Эпическія сказанія важны для насъ по тѣмъ *идеальнымъ представленіямъ*, которыя изображаются въ образѣ первыхъ русскихъ князей и по которымъ мы судимъ объ интересахъ самой жизни.

Въ той же лѣтописи вниманіе привлекается и чертами *религіознаго идеала*, который сталъ у насъ слагаться подъ вліяніемъ религіозныхъ стремленій духа. *Аскетическій идеалъ жизни*, развивавшійся въ византійскихъ монастыряхъ въ противоположность матеріальнымъ стремленіямъ жизни языческой, перешелъ и въ русскіе монастыри. И въ нихъ стали являться своего рода герои, витязи и богатыри, которые вступали въ сильную борьбу со всѣми плотскими требованіями, отдаваясь исключительно духовнымъ созерцаніямъ и заботамъ сохранить душу для грядущаго загробнаго блаженства. Религіозно направленная фантазія стала создавать и легенды, связывая ихъ съ именами тѣхъ или другихъ монастырскихъ борцовъ, которыхъ возводила въ идеалы христіанской жизни. Лѣтопись Нестора въ особенности занимается печерскими сказаніями, разъясняя, какое важное значеніе имѣлъ Печерскій монастырь для русскихъ религіозныхъ людей. Виновниками его славы были лица, посвятившія всѣ свои силы на то, чтобы утвердить въ жизни тотъ идеалъ, который они приняли отъ византійскихъ монастырей и который являлся высшею цивилизующею силою.

Неудивительно, что такія лица дѣлались героями религіозныхъ разсказовъ, которые, увлекая воображеніе набожныхъ людей, мало-по-малу развивались въ разныхъ письменныхъ редакціяхъ и становились любимымъ чтеніемъ русскихъ людей. Всѣ они интересны для насъ по тѣмъ идеаламъ, которые

усвоивала себѣ лучшая и болѣе нравственная среда, рѣзко отдѣлявшаяся отъ народной массы.

Имѣя въ виду, что лѣтопись Нестора представляетъ *сводъ* сказаній, заимствованныхъ изъ разныхъ источниковъ, и что ея позднѣйшіе списки (Никоновскій, Воскресенскій и друг.) представляютъ довольно прибавокъ и вставокъ, мы въ правѣ заключить, что и Лаврентьевскій списокъ не чуждъ примѣси къ дѣйствительному тексту Нестора. Такимъ образомъ и по древнѣйшему списку мы можемъ выводить не личныя черты автора, а черты *типическія* вообще начитанныхъ русскихъ людей, усвоившихъ себѣ тѣ книжные идеалы, которыми отличалась жизнь нравственная въ христіанскомъ духѣ. Чувство религіозное у такихъ людей сливалось съ чувствомъ патріотическимъ и одно какъ бы поддерживало другое. Такъ *вся русская земля* составляетъ главный предметъ, о которомъ лѣтописецъ говоритъ съ постояннымъ участіемъ. Подвиги для блага русской земли всегда находятъ въ немъ искреннее сочувствіе. Съ большимъ одушевленіемъ, напр., говоритъ онъ, что Ольга первая отъ Руси вошла въ царство небесное, „сію бо хвалятъ русстіи сынове, ибо по смерти моляше Бога за Русь“... Она была предтеча христіанской земли (русской), какъ денница передъ солнцемъ, какъ заря передъ свѣтомъ. Патріотическое и вмѣстѣ религіозное чувство заставляютъ его надолго остановиться и на подвигѣ великаго князя Владиміра, христіанскаго просвѣтителя русской земли. Пятую часть всей лѣтописи составляютъ разсказы о Владимірѣ, заимствованные изъ разныхъ источниковъ — русскихъ и византійскихъ; здѣсь видится особенно стремленіе доказать, что христіанскій Богъ есть единственный истинный Богъ и что восточное христіанство есть единственная истинная вѣра (въ библейскомъ разсказѣ философа, заимствованномъ изъ византійской Палеи, и въ исповѣданіи вѣры Владиміра послѣ крещенія, взятомъ изъ греческаго сочиненія „Исповѣданіе Михаила Синкелла“).

Чтеніе книгъ было единственнымъ просвѣтительнымъ средствомъ въ древней Руси, и люди нравственные съ особеннымъ сочувствіемъ относились къ нему; такъ и лѣтописецъ особенно цѣнитъ преемника Владиміра — Ярослава за распространеніе книжнаго просвѣщенія, указываетъ на неразрывную связь его заслугъ съ заслугами отца его; по этому случаю лѣтописецъ останавливается на разсужденіи о пользѣ чтенія:

„Яко же бо се нѣкто землю разоретъ, другый же насѣеть, инии же пожинають и ядять пищу бескудну, тако и сь: отець бо сего Володимеръ взора и умягчи, рекше, крещеньемъ просвѣтивъ, сь же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людий, а мы пожинаемъ ученье пріемлюще книжное. Велика бо бываеть полза отъ ученья книжнаго; книгами бо кажеми и учими есми пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и воздержанье отъ словесъ книжныхъ. Се бо суть рѣкы, напаяющи вселенную, се суть исходища мудрости; книгамъ бо есть неищетная глубина; сими бо въ печали утѣшаеми есмы; си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть, яко же и Соломонъ хваля глаголаше: азъ премудрость вселихъ свѣтъ, и разумъ и смыслъ; азъ призвахъ страхъ Господень... Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящеши великую ползу души своей; иже бо книги часто чтеть, то бесѣдуеть съ Богомъ или святыми мужи; почитая пророческыя бесѣды и евангельская ученья и апостольская, житья святыхъ отецъ, въсприемлеть душа велику пользу“.

Книги въ этомъ родѣ обязательно и читались русскими людьми.

Патріотическое чувство одинаково воодушевляло въ русскихъ книжныхъ людяхъ какъ временемъ славы (въ первой части лѣтописи), такъ и бѣдствіями русской земли (во второй части). Борьба съ половцами и княжескіе раздоры отражались въ ихъ сердцахъ скорбью; они оцѣнивали дѣла людей, руководствуясь тѣмъ же чувствомъ. Въ ихъ глазахъ тѣ были люди *смысленые*, которые думали о русской землѣ и заботились о томъ, чтобы уменьшить ея бѣдствія:

„Рѣша има мужи смыслении: почто вы распрю имата межи собою, а погании губять землю русьскую. последи ся уладита, а нонѣ поидита противу поганыхъ любо съ миромъ любо съ ратью“.

Равнымъ образомъ борьба съ врагами русской земли признается *доброю* мыслью.

„Вложи Богъ *въ сердце мысль благу* въ русьскыѣ князи — умыслиша дерзнути на половцѣ и поити въ землю ихъ“.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ приложеніе христіанской морали и словъ священнаго Писанія къ разнымъ явленіямъ жизни: въ нихъ и выказываетъ себя та цивилизующая сила, которая съ начала христіанства стремилась направить русскую

жизнь по извѣстному пути. Въ нихъ набожные люди находили причину событія и нравственныя правила для жизни, и выраженіе своихъ собственныхъ чувствъ, и, наконецъ, нѣкоторое успокоеніе при видѣ зла, отъ котораго страдала русская земля. Такъ въ лѣтописи въ разсказѣ о князьяхъ Олегѣ и Борисѣ, причинившихъ много зла землѣ русской и пролившихъ христіанскую кровь, прибавляется:

„Ея же крове взыщетъ Богъ отъ руку ею и отвѣтъ дати има за пагубленье душа хрестьяньскы“.

Въ разсказѣ о казни волхвовъ замѣчается устами Ярослава:

„Богъ наводитъ по грѣхамъ на куюждо землю гладомъ или моромъ, ли ведромъ, ли иною казнію, а человѣкъ не вѣсть ничто же“.

Или устами же умирающаго Ярослава проповѣдуется взаимная любовь, какъ главное основаніе нравственной жизни. По случаю побѣды половцевъ надъ русскими князьями приводится разсужденіе, что нашествіе иноплеменниковъ бываетъ по гнѣву Божію, а междоусобная рать отъ „сблазненья дьявола“ и въ примѣненіе къ этому приводятся разныя изреченія изъ священнаго Писанія. По случаю нашествія половцевъ берется для разсужденія тема: что ожидаетъ враговъ, разоряющихъ храмы Господни и оскверняющихъ иконы.

Заслуживаютъ также вниманія и отношенія къ разнымъ явленіямъ природы, особенно повторяющимся не часто, какъ напр., солнечное затменіе, комета, падающія звѣзды и проч. Всѣ такія явленія назывались знаменіями. Знаменія же, по лѣтописи, бываютъ „ово на зло, ово ли на добро“. Но лѣтописецъ отмѣчаетъ преимущественно тѣ, которыя бываютъ на зло, оно тогда же и указывается, какъ подтвержденіе вѣры въ знаменія — или война, или неурожай, или моръ. Такая вѣра въ таинственную связь между природою и дѣйствіями людей была сильно распространена въ то время, и всякое явленіе природы, казавшееся не совсѣмъ обыкновеннымъ, записывалось для памяти: такъ въ Повѣсть временныхъ лѣтъ внесены замѣтки, сдѣланныя почти за двѣсти лѣтъ до Нестора: „Въ лѣто 6419 явися звѣзда велика на западѣ копейнымъ образомъ“.

Лѣтописецъ любитъ иногда подкрѣплять свои мнѣнія и убѣжденія не только изреченіями изъ священнаго Писанія, но и историческими фактами, которые онъ заимствовалъ изъ переводныхъ греческихъ хронографовъ. А такъ какъ среди славянъ

исторіи наполнялись всевозможными сказками, то очень понятно, что принимая ихъ за дѣйствительные факты, онъ находилъ тамъ подтвержденіе своимъ взглядамъ, которые расходятся съ научными выводами. Такъ подъ 6572 годомъ онъ доказываетъ, что передъ общими бѣдствіями дѣйствительно бываютъ знаменія въ природѣ. Подъ 6618 годомъ говоря объ огненномъ столпѣ, явившемся надъ Печерскимъ монастыремъ, онъ доказываетъ, что въ такомъ видѣ является всегда ангелъ. Точно также по случаю смерти вѣщаго Олега онъ доказываетъ разными фактами изъ византійской исторіи, что отъ волхвованія многое сбывается.

Вмѣстѣ съ извѣстіями историческими лѣтопись Нестора сообщаетъ и извѣстія географическія, достоинство которыхъ признано и доказано первымъ его критикомъ Шлецеромъ (въ XVIII стол.). „Внутренность земель, говоритъ онъ, лежащихъ по сю сторону Балтійскаго моря или Вислы, была неизвѣстна: Несторъ первый открываетъ сей міръ, бывшій до тѣхъ поръ сокрытымъ; извѣстій его немного, но зато они вѣрны, опредѣленны и съ точностью означены. До Нестора не было географіи европейскаго сѣвера, которая достойна бы была сего названія“.

Стоюнинъ.

Составъ и характеръ лѣтописи.

Составъ лѣтописи обнаруживаетъ, что она не была дополненіемъ къ хронографу византійскому. Съ первыхъ же страницъ, съ извѣстія о раздѣленіи земель между народами, въ числѣ которыхъ были и славяне, главнымъ предметомъ лѣтописи является русская земля съ жителями ея и событіями, въ ней происходившими. Число извѣстій, касающихся Греціи и большею частью краткихъ, незначительно въ сравненіи съ извѣстіями русскими, изложенными съ большими подробностями. Участіе византійскихъ образцовъ въ появленіи русской лѣтописи можетъ быть до нѣкоторой степени опредѣлено формою, въ которой впервые она явилась. Во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ лѣтопись имѣетъ форму погодныхъ разсказовъ: происшествія описываются изъ года въ годъ, и впереди всегда выставленъ годъ, а за нимъ уже слѣдуетъ описаніе, какого бы

объема оно ни было. Такая форма встрѣчается и въ лѣтописяхъ византійскихъ, какъ, напримѣръ, въ Хроникѣ Өеофана, писавшаго въ началѣ IX вѣка. Въ ней счетъ годовъ идетъ отъ сотворенія міра и отъ Рождества Христова, и къ нимъ присоединяются годы царствованія государей римскаго и персидскаго и управленія епископовъ: римскаго, константинопольскаго, іерусалимскаго, александрійскаго и антіохійскаго. Такая же форма господствуетъ и въ большей части древнихъ лѣтописей, веденныхъ на югѣ и на сѣверѣ христіанской Европы. Неописанные года наводятъ на мысль о таблицахъ, послужившихъ основаніемъ для внѣшняго порядка лѣтописей.

Внимательное чтеніе лѣтописи удостовѣряетъ въ томъ, что въ ней находится единство внутреннее и единство внѣшнее. Первое заключается въ духѣ, проникающемъ повѣствованіе, независимо отъ личныхъ усилій автора. Второе состоитъ въ соблюденіи порядка, принятаго самимъ лѣтописцемъ, какъ и всѣми вообще лѣтописцами, и сохраняемаго постоянно и настойчиво. Мы говоримъ о порядкѣ лѣтъ, годовъ, имѣющемъ такое важное значеніе въ лѣтописяхъ. Всѣ повѣствованія, какого бы объема они ни были, примыкаютъ къ году, выставленному въ началѣ ихъ и объясняющему отчасти самое ихъ появленіе. Одною изъ причинъ, почему событіе занесено въ лѣтопись, остается непремѣнно годъ, въ которомъ оно случилось. Напротивъ того, годы внесены совершенно независимо отъ событій. Доказательствомъ этому служатъ сто семь лѣтъ, означенныхъ, но не описанныхъ въ древней лѣтописи. Отсюда слѣдуетъ прямое заключеніе и объ остальныхъ годахъ: значитъ и они выставлены были прежде, нежели понадобились для опредѣленія времени какого-либо событія. Рядъ пустыхъ годовъ былъ вполнѣ у мѣста только въ пасхальныхъ таблицахъ, гдѣ каждый изъ нихъ имѣетъ смыслъ по отношенію къ кругу переходныхъ праздниковъ. Такимъ образомъ здѣсь лѣтъ является древнѣйшею и существенною особенностью лѣтописи, опредѣлившею навсегда ея форму. Пасхальныя таблицы лѣтописца по [illegible] формѣ должны быть представлены безъ сомнѣнія [illegible] [illegible]

[illegible] вался позднѣе: если изъ двухъ извѣстій одно заключается въ [illegible]

то съ большою вѣроятностью можно допустить, что первое ближе къ своему начальному виду, нежели второе. Къ числу лѣтописныхъ замѣтокъ, представляющихся древнѣйшими, какъ по формѣ, такъ и по точности, которая возможна только для времени самаго описываемаго событія, принадлежатъ слѣдующія:

Въ лѣто 6416. Въ лѣто 6417. Въ лѣто 6418. Въ лѣто 6419. Явися звѣзда велика на западѣ копейнымъ образомъ.

Въ лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ. Въ лѣто 6512. Въ лѣто 6513. Въ лѣто 6514. Въ лѣто 6515. Принесени святіи (т. е. иконы) въ святую Богородицю.

Въ лѣто 6516. Въ лѣто 6517. Въ лѣто 6518. Въ лѣто 6519. Преставися царица Володимеряя Анна.

Первоначальныя краткія замѣтки мало-по-малу увеличивались въ своемъ объемѣ.

Число событій, отмѣчаемыхъ подъ однимъ и тѣмъ же годомъ, постепенно возрастало; многія изъ нихъ описывались пространно; сверхъ того дѣлаемы были извлеченія изъ различныхъ сочиненій, явившихся независимо отъ лѣтописи.

Лѣтопись дѣлалась все сложнѣе и сложнѣе посредствомъ заимствованій изъ сочиненій, излагавшихъ тѣ же предметы, о которыхъ упоминалось подъ ея годами. Еще раньше XII вѣка были у насъ описанія жизни святыхъ, поученія пастырей, памятники законодательства, и т. п. Всѣ эти произведенія въ большей или меньшей степени послужили къ обогащенію лѣтописи, къ приданію ей внѣшней полноты и внутренняго значенія. Мѣста, заимствуемыя изъ различныхъ источниковъ, находились въ прямой связи съ лѣтописнымъ разсказомъ. Такъ, къ замѣткѣ 6559 года: „постави Ярославъ Ларіона митрополитомъ Русина“, присоединена повѣсть о Печерскомъ монастырѣ, ведущемъ свое начало отъ Илариона. Въ двухъ спискахъ древней лѣтописи непосредственно за извѣстіемъ о возвращеніи оправданнаго епископа Луки Жидяты на свою паству помѣщено поученіе его — замѣчательный памятникъ русской словесности XI вѣка, и т. п. Разнородныя дополненія къ основному тексту при его внутреннемъ развитіи сообщили лѣтописи тотъ характеръ, въ которомъ является она въ древнѣйшихъ спискахъ. Разнообразіе, замѣчаемое въ ихъ составѣ, усвоило за ними названіе не лѣтописей собственно, а лѣтописныхъ сборниковъ. Изъ источниковъ, послужившихъ къ составленію лѣтописи, главнѣйшими могутъ быть названы книги св. Писанія.

Книги св. Писанія составляли постоянное и наиболѣе любимое чтеніе предковъ нашихъ. Мысль и чувство, возвышавшіяся надъ обыкновенными, облекались лѣтописцами въ слово божественныхъ писателей, въ образы библейскіе. Большею частію тексты являются сами собою, вызываемые предметомъ повѣствованія. Въ нашей лѣтописи приводятся мѣста изъ писанія ветхаго и новаго завѣта: изъ книгъ Моисеевыхъ, псалмовъ Давида, притчей Соломона, книги Іова, пророковъ: Осіи, Амоса, Даніила, евангелія Іоанна, евангелія Луки, посланія апостола Павла. Особенно часто приводятся слова Соломона, то въ видѣ изреченій, вставленныхъ въ самый разсказъ, то въ пространной выпискѣ изъ книги притчей, какъ, напримѣръ, разсужденіе о злыхъ и добрыхъ женахъ. Такое же изобиліе мѣстъ изъ св. Писанія замѣчаемъ и у другихъ лѣтописцевъ европейскихъ, отъ Георгія Амартола до Григорія Турскаго. Иногда вся рѣчь ихъ состоитъ изъ длиннаго ряда текстовъ.

Вліяніе Палеи на нашу лѣтопись также несомнѣнно. Подъ именемъ Палеи, какъ особеннаго сочиненія, извѣстно въ славянскихъ рукописяхъ изложеніе ветхозавѣтной исторіи съ дополненіями изъ книгъ апокрифическихъ и съ толкованіями. Это изложеніе имѣетъ характеръ полемики противъ іудеевъ и отчасти противъ магометанъ. Изъ ветхаго завѣта вошли въ Палею, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, книги: Моисея, Іисуса Навина, Судей, Руѳь и Царствъ. За повѣствованіемъ о Давидѣ помѣщено собраніе его пророчествъ. Большая часть лѣтописныхъ извѣстій подъ 6494 годомъ — о предложеніи вѣръ Владиміру — находится и въ Палеѣ. Отзывъ греческаго миссіонера о вѣрѣ болгаръ, приведенный въ лѣтописи, объясняется полемическими выходками Палеи противъ магометанства. За указаніемъ разности ученія магометанъ, папистовъ, іудеевъ помѣщена въ лѣтописи проповѣдь греческаго миссіонера, въ которой съ особенною подробностью излагается ветхозавѣтная исторія. Въ этомъ изложеніи основа удержана библейская, но внесено много такого, о чемъ не упоминается въ св. Писаніи. Когда убитъ былъ Авель, говоритъ лѣтопись, то Адамъ и Ева, впервые увидѣвшіе смерть, не знали, что дѣлать съ мертвымъ тѣломъ сына, пока не прилетѣли двѣ птицы, изъ которыхъ одна умерла, а другая вырыла яму и положила въ нее умершую; увидѣвъ это, Адамъ и Ева выкопали яму и погребли Авеля. Аранъ, братъ Авраама, погибъ въ пламени, спасав-

шись за полами. это былъ первый сынъ, умершій прежде отца, и съ тѣхъ поръ начали умирать сыновья прежде отцовъ и т. п. Несходство лѣтописныхъ извѣстій съ Библіею объясняется посредствомъ Палеи: въ ней встрѣчается большая часть добавленій лѣтописи сравнительно съ Библіею.

Въ нашей лѣтописи подъ 898 годомъ говорится о нашествіи угровъ и войнѣ съ моравами и чехами, принадлежащими къ племени славянскому. Для славянъ-то, прибавляетъ лѣтописецъ, переведены были св. книги, отчего и грамота прозвалась славянская, употребляемая теперь въ Россіи и въ Болгаріи. За упоминаніемъ о грамотѣ лѣтопись сообщаетъ самыя обстоятельства перевода книгъ, говоритъ о призывѣ къ этому дѣлу Кирилла и Меѳодія, объ изобрѣтеніи азбуки, о гоненіи на святыхъ братьевъ и, наконецъ, о совершеніи ими подвига, къ которому были призваны. Свѣдѣнія свои о первоучителяхъ лѣтописецъ почерпалъ преимущественно изъ такъ называемыхъ Паннонскихъ жизнеописаній. Самый богатый источникъ для знакомства съ судьбою Кирилла и Меѳодія заключается въ ихъ житіяхъ, писанныхъ по-славянски въ Панноніи. Полагаютъ, что житіе св. Кирилла писано ученикомъ его Климентомъ, епископомъ болгарскимъ. Житіе св. Меѳодія признается столь же древнимъ памятникомъ, явившимся въ той же странѣ. Начало лѣтописнаго повѣствованія сходно съ Паннонскими житіями въ общихъ чертахъ, а не въ подробностяхъ, что даетъ поводъ думать объ участіи другого какого-либо источника, доступнаго лѣтописцу. Но скорѣе можно допустить, что причина несходства заключается въ томъ, что самыя житія дошли до насъ не въ своемъ первоначальномъ видѣ, а со многими сокращеніями и дополненіями, отчасти русскими. Въ дальнѣйшемъ изложеніи сходство открывается не въ однѣхъ мысляхъ, но въ самыхъ выраженіяхъ, изъ которыхъ иныя удержаны лѣтописцемъ дословно, другія въ сокращеніи.

Разсмотрѣвши заимствованія, находящіяся въ древней лѣтописи, переходимъ къ ея содержанію самостоятельному.

Особенности древней лѣтописи, какъ произведенія литературнаго, могутъ быть наблюдаемы въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, въ самомъ содержаніи лѣтописи, въ тѣхъ данныхъ, изъ коихъ она составлена; во-вторыхъ, въ способѣ сообщенія данныхъ, излагаемыхъ въ опредѣленномъ порядкѣ.

Главный предметъ лѣтописи ясно указанъ первыми ея сло-

вами: «Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла руская земля, и кто въ ней нача первое княжити». Такъ читается начало лѣтописи [illegible] русская земля [illegible] цѣли и начала лѣтописца.

[illegible] Несторъ сообщаетъ свѣдѣнія о единоплеменныхъ русскому народу славянахъ: моравахъ, чехахъ, сербахъ и др.; затѣмъ — о племенахъ, [illegible] составъ народа русскаго: полянахъ, древлянахъ, новгородцахъ и т. д. Подъ 862 годомъ встрѣчаемъ имя [illegible] сливается съ [illegible] русскаго народа. [illegible] украинскихъ [illegible] у большей части лѣтописцевъ. [illegible] послѣдующихъ княжихъ [illegible] сообщаются [illegible] подробность, которая возрастаетъ по мѣрѣ приближенія событій ко времени жизни лѣтописца. Въ княженіи Олега отмѣчены преимущественно его походы: двинувшись къ югу, онъ покорилъ жителей Смоленска, Любеча, Кіева; потомъ — древлянъ, сѣверянъ, радимичей. Походъ Олега въ Грецію переданъ съ большою подробностью, причемъ приведенъ и пространный договоръ съ греками. Въ описаніи княженія Игоря также говорится подробно о походѣ на грековъ и договорѣ съ ними и о войнѣ Игоря съ древлянами. Вся исторія Святослава есть исторія походовъ на хозаръ, ясовъ, печенѣговъ, грековъ и другихъ народовъ, съ которыми Святославъ былъ въ постоянной враждѣ. По смерти Святослава описываются междоусобія сыновей его — Ярополка, Олега, Владиміра. Большая часть извѣстій о княженіи Ярослава состоитъ изъ описанія войны этого князя съ Святополкомъ и съ ляхами и печенѣгами, призванными Святополкомъ; борьба Ярослава съ Брячиславомъ, внукомъ Владиміровымъ, и Мстиславомъ; единоборство Мстислава съ княземъ касожскимъ; походы Ярослава на ятвяговъ, Литву, мазовшанъ и т. п. Подъ 1061 годомъ упоминается впервые о нашествіи половцевъ на Русь; подъ 1067 годомъ говорится весьма подробно о набѣгахъ половецкихъ и приводится поученіе Феодосія, объясняющее причину несчастья, постигшаго русскую землю. Начиная съ 1061 г. по 1110 г., почти при половинѣ годовъ на

ходятся извѣстія о половцахъ, то въ видѣ краткихъ замѣтокъ, то въ видѣ описаній довольно пространныхъ, каковы помѣщенныя подъ 1093, 1095, 1096, 1103, 1107 годами. Описаніе несчастныхъ событій борьбы съ непріятелями идетъ рядомъ съ описаніемъ раздоровъ княжескихъ, которыхъ самая полная, вѣрная и печальная картина представлена въ повѣсти объ ослѣпленіи Василька.

Вѣрно изображая бѣдственность, лѣтопись Нестора была бы самою грустною повѣстью, если бы не передавала другой, свѣтлой стороны жизни того времени. Эта свѣтлая сторона — вѣра, оживлявшая умомъ и чувствомъ Нестора, какъ и лучшей части его современниковъ. Самыя бѣдствія получали другой смыслъ въ воззрѣніи религіозномъ. Страданія, понесенныя во имя вѣры, представлялись не несчастіемъ, не паденіемъ, а побѣдою духа надъ силою внѣшнею, залогомъ будущаго блаженства. Примѣры подвиговъ вѣры дѣйствуютъ благотворно, а потому описаніе ихъ не могло не имѣть высокаго значенія для лѣтописца, не могло не занять мѣста въ его трудѣ, посвященномъ замѣчательнымъ событіямъ родины. Разсказъ о борьбѣ князей между собою и съ чужеземцами соединяется въ лѣтописи со сказаніемъ о борьбѣ внутренней, выдержанной подвижниками противъ враговъ ихъ душевнаго блага, силившихся поколебать ихъ усердіе къ вѣрѣ. Подъ 983 годомъ находится первое подобное сказаніе — о варягѣ и его сынѣ: они погибли за то, что остались твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ. Въ самомъ обширномъ объемѣ излагаетъ лѣтописецъ княженіе Владиміра, утвердившаго христіанство въ русской землѣ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ Владиміра можно назвать главнымъ лицомъ лѣтописи: подвиги его изображены съ наибольшею подробностью и съ живымъ сочувствіемъ. Описывая дѣйствія Владиміра, его отношенія къ новообращенному народу, лѣтописецъ не забываетъ и предметовъ внѣ области вѣры, имѣвшихъ привлекательность для современнаго Владиміру русскаго общества, описываетъ и пиры съ дружиною, сохранившею обычаи старины, и схватки съ врагами, вызывавшими русскихъ удальцовъ перевѣдаться съ ними силою. Будучи истиннымъ и ревностнымъ христіаниномъ, Несторъ вмѣстѣ съ тѣмъ писатель народный; общее не заглушаетъ въ немъ частнаго, народнаго: онъ постоянно удерживаетъ двойственный характеръ — христіанина и русскаго писателя XI вѣка. Дѣйствія силы вѣрующей всего скорѣе обна-

ружившись въ храмахъ, посвященныхъ истинному Богу: поэтому сооруженіе церкви считалось важнымъ событіемъ и тщательно отмѣчалось какъ нашими лѣтописцами, такъ и западно-европейскими. Мѣстомъ священнымъ почитаемы были также монастыри. Подобно другимъ европейскимъ лѣтописцамъ, Несторъ неоднократно упоминаетъ о созданіи церквей и учрежденіи монастырей. Однимъ изъ самыхъ счастливыхъ событій въ княженіе Ярослава, по словамъ лѣтописца, было то, что при немъ „нача вѣра хрестьяньска плодитися и расширяти, и черноризьци почаша множитися, и монастыреве починаху быти"[4].

Въ повѣствованіи о крещеніи Владиміра и всей земли русской лѣтописецъ нашъ слѣдовалъ автору „Житія блаженнаго Володимера". Оно съ вѣроятностью можетъ быть приписано монаху Іакову, русскому писателю XI вѣка. Отдѣльнымъ эпизодомъ, вставленнымъ въ лѣтопись, является житіе святыхъ Бориса и Глѣба.

Въ лѣтописи подъ 6575 (въ иныхъ спискахъ подъ 6576) и 6582 годами приводятся мѣста изъ поученій преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго († 1074). Описаніе событій перваго года начинается такъ: на русскую землю пришли иноплеменники — половцы. Изяславъ же, Святославъ и Всеволодъ выступили противъ враговъ на Альту; но, по грѣхамъ нашимъ, замѣчаетъ лѣтописецъ, попустилъ Богъ поганыхъ, русскіе князья бѣжали, а половцы побѣдили. Вслѣдъ за этими словами приводится поученіе Ѳеодосія о причинахъ, по которымъ Богъ попускаетъ нашествіе иноплеменниковъ. Поученіе передается почти дословно, что дѣлается очевиднымъ при сравненіи его съ текстомъ лѣтописи.

Въ числѣ событій, описанныхъ подъ 6605 (1097) годомъ, главное мѣсто занимаетъ ослѣпленіе князя Василька Ростиславича. При описаніи какъ самаго злодѣянія, такъ и близкихъ къ нему происшествій, лѣтописецъ пользовался письменнымъ разсказомъ того Василія, который велъ переговоры съ ослѣпленнымъ княземъ. Лѣтописецъ руководствовался своимъ источникомъ не вполнѣ, передавая по-своему его содержаніе.

Лѣтописцы наши пользовались византійскими источниками: на это указываютъ и составъ лѣтописи, и собственныя слова лѣтописцевъ, означавшихъ иногда, откуда почерпнуто ими то или другое свѣдѣніе. Между византійскими хронистами всѣхъ

ближе во многихъ отношеніяхъ къ нашимъ лѣтописцамъ — Георгій Амартолъ. Въ древней лѣтописи приводятся неоднократно мѣста изъ его хроники по разнымъ поводамъ изъ различныхъ частей ея. Отсюда слѣдуетъ заключить, что древнему лѣтописцу извѣстна была хроника Амартола во всемъ ея объемѣ. Составляя хронику, Георгій Амартолъ имѣлъ опредѣленную цѣль и придалъ труду своему опредѣленное направленіе, которыя ясно выражаются въ предисловіи. Авторъ обѣщаетъ изложить паденіе ложныхъ языческихъ ученій, начало и распространеніе монашеской жизни, борьбу истинной вѣры съ злою ересью иконоборческою и другими ересями. Дѣйствительно, во всей хроникѣ главнымъ предметомъ являются судьбы вѣры и церкви, торжество православія надъ еретиками. Преобладающая мысль сочиненія высказывается съ большею или меньшею силою, сообразно со свойствомъ описываемыхъ предметовъ. Хроника начинается краткимъ обзоромъ замѣчательнѣйшихъ лицъ древняго міра, частью историческихъ, частью мифическихъ. Потомъ излагается исторія библейская, исторія вавилонскаго царства, исторія римской монархіи въ періодъ языческій и, наконецъ, исторія византійскаго государства до смерти царя Михаила. Слѣдовательно, Амартолъ писалъ до 867 года; все же, что относится къ событіямъ послѣ 867 года, къ которымъ принадлежатъ и походы руссовъ, описано не имъ, а его продолжателями. Судьба христіанской церкви составляетъ тотъ предметъ, которымъ преимущественно занимается Амартолъ при изложеніи исторіи съ эпохи Константина Великаго.

Поэтому на первомъ планѣ является описаніе вселенскихъ соборовъ, какъ событій, упрочившихъ спокойствіе церкви, а съ другой стороны — описанія ересей, усилія лжеучителей разрушить единство церкви и положить предѣлъ распространенію истинной вѣры. Возмущенія, произведенныя иконоборцами, изложены съ особенною подробностью и энергіей. Обличая ложность началъ, руководившихъ изступленными еретиками, Амартолъ расточаетъ укоризны ихъ представителямъ и защитникамъ. Такое же мѣсто занимаютъ при описаніи другихъ царствованій повѣсти святыхъ и учителей церкви съ извѣстіемъ о чудесахъ, совершонныхъ ими.

Вмѣстѣ съ происшествіями чудесными въ собственномъ смыслѣ, Амартолъ описывалъ и вещи просто диковинныя. Такъ онъ разсказываетъ о искусникѣ, который отбиралъ кольца

у родителей, а собака возвращала каждому по принадлежности. Сравненіе соотвѣтствующихъ мѣстъ нашей лѣтописи и хроники Амартола показываетъ, что иныя заимствованы цѣликомъ, вы- лѣтописцемъ въ сокращеніи и отчасти своими словами, другія же выписаны почти дословно.

Изъ Меѳодія Патарскаго заимствовалъ лѣтописецъ свой разсказъ о нашествіи половцевъ въ 1096 году. Безбожные сыны Измаиловы, говоритъ лѣтописецъ, пришли изъ пустыни Етривской. Меѳодій свидѣтельствуетъ, что 8 колѣнъ убѣжало въ пустыню, и что сихъ 8 колѣнъ къ кончинѣ вѣка выйдутъ, нечистыя племена, заклепанныя Александромъ Македонскимъ. Отрокъ Гюряты новгородца узналъ отъ Югры о неслыханномъ чудѣ: о горахъ, заидуче луку моря, въ которыхъ слышны кричь и говоръ и люди сѣкутъ гору, хотяще высѣчися. Это и есть люди, заключенные Александромъ Македонскимъ. Затѣмъ приводится свидѣтельство о нихъ изъ сочиненія того же Меѳодія. Упоминаемый въ лѣтописи авторъ, Меѳодій Патарскій, былъ епископомъ сперва въ Олимпѣ, городѣ малоазіатской области Ликіи, потомъ въ главномъ городѣ той же области Патарѣ, наконецъ въ Тирѣ, и пострадалъ во время преслѣдованій Діоклитіана около 311 года.

Сверхъ всего этого, въ лѣтопись вошли иногда офиціальные документы, какъ договоры. По лѣтописи извѣстны четыре договора: подъ 907 годомъ приводится договоръ Олега съ царями Львомъ и Александромъ; подъ 912 г. — другой договоръ Олега съ тѣми же царями; подъ 945 г. — договоръ Игоря съ царемъ Романомъ и сыновьями его Константиномъ и Стефаномъ, подъ 971 годомъ — договоръ Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ.

Таковы главнѣйшіе источники, послужившіе къ составленію древней лѣтописи. Въ выборѣ ихъ ясно обнаруживается вкусъ и образованность лѣтописца, а въ цѣли заимствованія — искусство его, какъ писателя. Въ этомъ отношеніи замѣчательно подчиненіе всего внѣшняго главной мысли повѣствованія. Извлеченіями изъ разныхъ источниковъ объясняются тѣ явленія въ русскомъ мірѣ, которыя по своей важности или по своей необычайности нуждались въ объясненіи для людей мыслящихъ, не болѣе равнодушныхъ къ причинамъ событій. Между источниками первое мѣсто занимаютъ книги св. Писанія. Затѣмъ сами собою представляются вниманію лѣтописца

просвѣщенія его соотечественниковъ, родныя ему по слову и по духу. Въ связи съ памятниками русскими находятся памятники литературы византійской, черезъ посредство которой русское общество ознакомилось съ идеями христіанскими. Въ способѣ пользоваться источниками какъ отечественными, такъ и иностранными, замѣтны единство, одинаковость пріемовъ: лѣтописецъ обыкновенно не выписываетъ свидѣтельства своего источника дословно во всемъ его объемѣ, а приводитъ изъ него извлеченія, связывая его съ главнымъ предметомъ повѣствованія...

Перечисляя различныя событія, лѣтописецъ сообщаетъ свѣдѣнія о лицахъ, принимавшихъ участіе въ этихъ событіяхъ. Извѣстія о лицахъ состоятъ обыкновенно изъ замѣтокъ о годѣ ихъ рожденія, изъ описанія ихъ дѣйствій, преимущественно военныхъ, и изъ упоминанія о годѣ смерти и мѣстѣ погребенія. За извѣстіемъ о смерти часто слѣдуютъ отзывы, болѣе или менѣе знакомящіе со свойствами умершихъ. Отзывы о лицахъ касаются какъ внутреннихъ ихъ качествъ, такъ и наружныхъ и, несмотря на свою краткость, ясно указываютъ различіе между упоминаемыми лицами. О князѣ Ростиславѣ († 1065) лѣтописецъ говоритъ: „Бѣ же Ростиславъ мужъ добль, ратенъ, взрастомъ же лѣпъ и красенъ лицемъ и милостивъ убогымъ". О Глѣбѣ († 1078): „бѣ бо Глѣбъ милостивъ убогымъ, и страннолюбивъ, тщанье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ"*.

Вмѣстѣ съ свѣдѣніями о замѣчательныхъ происшествіяхъ и о личныхъ свойствахъ князей и другихъ общественныхъ дѣятелей, лѣтопись сообщаетъ и нѣкоторыя черты быта внутренняго: говоритъ о взаимныхъ отношеніяхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ общества, о правахъ, обычаяхъ и понятіяхъ большинства и людей съ болѣе вѣрнымъ взглядомъ на вещи. Эти черты разсѣяны по разнымъ мѣстамъ лѣтописи. Въ завѣщаніи Ярослава видно господство семейнаго начала въ древне-русскомъ княжескомъ бытѣ. Умирающій Ярославъ говоритъ своимъ дѣтямъ: „Се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои: имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере. Да аще будете въ любви межю собою, Богъ будеть въ васъ, и покоритъ вы противныя подъ вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ и которающеся, то погибнете сами и погубите землю отецъ

своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ. Но пребывайте мирно, послушающе братъ брата. Се же поручаю въ себе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кіевъ; сего послушайте, якоже послушаете мене, да то вы будеть въ мене мѣсто. а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль" и т. д. О любознательности Ярослава и мѣрахъ къ распространенію образованія свидѣтельствуютъ слѣдующія слова лѣтописи: „И бѣ Ярославъ книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне; и собра писцѣ многы, и прекладаше отъ грекъ на славянское письмо, и списаша книгы многы, ими же поучающеся вѣрнии людье, наслажаются ученья божественнаго"..

Отъ содержанія древней русской лѣтописи, въ которое вошли довольно разнообразные предметы, обращаемся къ способу изложенія этихъ предметовъ.

Несмотря на строгій хронологическій порядокъ, вслѣдствіе котораго сопоставлялись происшествія, лишенныя внутренней связи между собою, несмотря на краткость и какъ бы случайность разныхъ замѣтокъ, древнюю лѣтопись отнюдь нельзя назвать сборникомъ отрывочныхъ извѣстій, не имѣющихъ одно съ другимъ ничего общаго. Содержаніе ея не состоитъ изъ ряда сухихъ фактовъ, а изложеніе изъ безцвѣтныхъ описаній: она получаетъ жизнь и колоритъ отъ искусства лѣтописца, который, будучи человѣкомъ мыслящимъ и способнымъ сочувствовать общему горю и общей радости, многими чертами въ повѣствованіи обнаруживаетъ свои понятія и чувства, составляющія, такъ сказать, внутреннюю сторону изображаемой имъ дѣятельности. Понятія его выражаются въ указаніи причинъ происшествій и преимущественно въ объясненіи ихъ, какъ въ одной изъ самыхъ яркихъ особенностей нашей древней лѣтописи. Въ большей части приводимыхъ причинъ лѣтописецъ остался вѣренъ общему мнѣнію и духу вѣка, не стараясь толковать событія произвольно; но въ тѣхъ случаяхъ, когда молва народа не могла удовлетворить человѣка начитаннаго и разсудительнаго, лѣтописецъ, указывая ея несостоятельность, выражаетъ свое мнѣніе, основанное на свидѣтельствахъ вполнѣ достовѣрныхъ.

При сужденіи о причинѣ событій, указываемой въ лѣтописи, необходимо держаться исторической точки зрѣнія. То, что намъ

кажется маловажнымъ, для предковъ нашихъ имѣло совершенно другое значеніе, вслѣдствіе различныхъ условій ихъ быта, съ коими находился въ связи тотъ или другой взглядъ на вещи. Вышнею причиною событій, достопамятныхъ для потомства, лѣтописецъ признаетъ волю Господню, правосудны суды Божіи; благая мысль и благое чувство возникаютъ по дѣйствію небесной силы...

Не только въ событіяхъ историческихъ, въ дѣйствіяхъ людей, но и въ явленіяхъ внѣшней природы лѣтописецъ не допускаетъ случайности. По его понятію, различныя явленія на землѣ и на небѣ происходятъ не сами по себѣ, не лишены всякой связи съ судьбою человѣка; напротивъ, ихъ таинственный смыслъ можетъ быть разгаданъ только наблюденіемъ дѣлъ человѣческихъ. Такая вѣра въ родство человѣка съ природою, въ единство всѣхъ силъ вселенной, средоточіемъ которой является человѣкъ съ его замыслами и поступками, съ его ограниченными нуждами, — есть слѣдъ давно минувшаго быта, удержанный сказаніями лѣтописи. Возникнувъ во времена первобытныя, эта вѣра охватила многія поколѣнія, къ ряду коихъ принадлежитъ и поколѣніе, современное нашему лѣтописцу. Простымъ и необходимымъ явленіямъ природы онъ придаетъ значеніе высшее, какъ бы осмысляетъ ихъ, что показываетъ самое названіе: знаменіе — явленіе знаменательное, предвѣщавшее что-либо доброе или злое. „Знаменія бо бываютъ ова на зло, ова ли на добро“, говоритъ лѣтописецъ. Въ знаменіяхъ искали пророческаго смысла всѣ: и простолюдины, и люди высшаго сословія, даже духовенство; лѣтописецъ также принималъ общемнѣніе, какъ видно и изъ собственныхъ словъ его о причинѣ знаменій, и изъ одобрительнаго отзыва о людяхъ, прибѣгающихъ къ Богу съ молитвою о томъ, чтобы онъ явленія небесныя обратилъ на добро. Но не все то, чему въ простотѣ сердца вѣрили массы, признавалъ за достовѣрное и лѣтописецъ. Когда случались солнечныя затменія, народъ говорилъ, что солнце съѣдено; такъ думали во времена Нестора. Отголосокъ такого же мнѣнія сохраняется и доселѣ въ устахъ народа. Лѣтописецъ отвергаетъ толки народа, называя „невѣгласами“ тѣхъ, которые думаютъ, что солнце съѣдается. Въ самомъ же затменіи лѣтописецъ допускаетъ связь съ событіями земными, коимъ будто бы служитъ оно предзнаменованіемъ...

Мысль о событіяхъ выражается въ лѣтописи не въ отвле-

ченной формѣ, а въ живой связи съ повѣствованіемъ. Лѣтописецъ высказываетъ мнѣніе о томъ, что близко его душѣ, что имѣло вліяніе на судьбу русской земли; а потому мысли его исполнены одушевленія, соединяясь съ чувствами, вызванными тѣми же предметами, о коихъ излагаетъ онъ свое мнѣніе. Чувство лѣтописца иногда высказывается въ замѣчаніяхъ, вставляемыхъ въ разсказъ, какъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ словахъ: „Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову, мняще одолѣвше, а земли Русьскѣй много зло створше, проливше кровь хрестьяньску, ея же кровь взищетъ Богъ отъ руку ею и отвѣтъ дати има за погубленыя души хрестьяньскы". Иногда же чувства выражаются въ формѣ болѣе пространной, какъ заключеніе предлагаемаго описанія, почему встрѣчаются при извѣстіяхъ о смерти достопамятнаго лица или о совершеніи замѣчательнаго подвига. Особенное сочувствіе лѣтописца вызываютъ подвиги для блага русской земли, для улучшенія ея состоянія нравственнаго, умственнаго, общественнаго. Отзывъ объ Ольгѣ, первой изъ русскихъ, вошедшей въ царство Божіе, полонъ душевнаго участія. Изъ всѣхъ качествъ и дѣйствій Ярослава: его любовь къ просвѣщенію и мѣры къ его поддержанію наиболѣе цѣнимы лѣтописцемъ, признающимъ великую пользу отъ ученія книжнаго. Доводы его проникнуты живымъ чувствомъ, которое выражается и въ превосходномъ сравненіи заслугъ Владиміра и Ярослава. Общественное благо потрясаемо было набѣгами враждебными и междоусобіями князей: описаніе и тѣхъ и другихъ несчастій сопровождается изліяніемъ горестнаго чувства. Половцы пришли на землю русскую, и на Руси открылась печальная картина: „Овіи ведуться полонени: друзіи посѣкаеми бываютъ; друзіи на месть даеми бывають, горькую смерть пріемлюще; друзіи трепещуть, зряще убиваемыхъ; друзіи гладомъ умаряеми и водною жаждею". Внутреннія смуты тѣмъ печальнѣе мыслящаго лѣтописца. Согласіе между князьями лѣтописецъ признаетъ залогомъ счастія русской земли и по поводу [illegible] [illegible] Несторъ не увлекается [illegible] [illegible] Чувства [illegible] [illegible]

щей увлеченія чувства, составляютъ существенныя внутреннія качества Нестора. Они выразились всюду, гдѣ можетъ быть наблюдаема личность лѣтописца: въ его отзывахъ объ историческихъ лицахъ, въ описаніи событій, въ его разсказѣ вообще.

Отличительное свойство повѣствованія Нестора заключается въ ровности изложенія: у него нѣтъ порывовъ и витіеватыхъ отступленій и воззваній. Рѣчь его чужда искусственныхъ украшеній, изысканныхъ троповъ и фигуръ; но зато она исполнена внутренней силы: слова ясно и точно передаютъ мысль, и ихъ сказано не болѣе и не менѣе, какъ сколько нужно для яснаго и точнаго выраженія мысли. Описанія сраженій и побѣдъ, печальной смерти и т. п. особенно благопріятствуютъ тропамъ и фигурамъ, и у словоохотливыхъ повѣствователей самыя краснорѣчивыя страницы посвящаются подобнымъ описаніямъ. Но у Нестора и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, господствуютъ ровность и простота изложенія. Къ нѣкоторымъ событіямъ лѣтописецъ питалъ особенное сочувствіе, и оно выразилось не отрывистыми, восторженными фразами, а послѣдовательнымъ описаніемъ происшествій.

Бѣдствія, постигшія русскую землю съ нашествіемъ половцевъ, описаны, повидимому, съ большимъ спокойствіемъ; но въ этой спокойной рѣчи много такого, что можетъ вызвать чувство читателя скорѣе самыхъ затѣйливыхъ описаній.

Сухомлиновъ.

Характерныя черты нашей древней лѣтописи.

Лѣтопись вышла изъ рукъ духовенства; это обстоятельство, разумѣется, сильнѣе всего должно было опредѣлить ея характеръ. Лѣтописецъ — духовное лицо ищетъ въ описываемыхъ имъ событіяхъ религіозно-нравственнаго смысла, предлагаетъ читателямъ свой трудъ какъ религіозно-нравственное поученіе; отсюда высокое религіозное значеніе этого труда въ глазахъ лѣтописца и въ глазахъ всѣхъ современниковъ его...

Говоря вначалѣ о событіяхъ древней языческой исторіи, лѣтописецъ удерживается отъ благочестивыхъ наставленій и размышленій: поступки людей, невѣдущихъ закона Божія, не представляютъ ему приличнаго къ тому случая. Только съ разсказа объ Ольгѣ-христіанкѣ начинаются благочестивыя раз-

[illegible] женствѣ праведниковъ...

[illegible] услышать глуси словеса книжная, и ясень будетъ языкъ [illegible]

[illegible] зань Бога молити, понеже тѣмъ Бога познахомъ"....

[illegible]

нахъ главное зло и сильно противъ нихъ вооружается. Лѣтописецъ смотритъ на усобицу, какъ на слѣдствіе дьявольскаго внушенія, и нашествія иноплеменниковъ, порожденныя отъ нихъ, суть наказанія Божіи за грѣхъ усобицы: „Наводитъ бо Богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю, и тако скрушенымъ имъ въспомянути къ Богу; усобная же рать бываетъ отъ соблажненья дьяволя“.

Часто князья преступали клятвы, данныя другъ другу, отчего и происходили усобицы; по двумъ основаніямъ, религіозному и политическому, лѣтописецъ долженъ былъ сильно вооружиться противъ клятвопреступленій, которыя вмѣстѣ были кресто-преступленіями, ибо клятвы запечатлѣвались цѣлованіемъ креста. Ярославичи цѣловали крестъ Всеславу Полоцкому и тотчасъ же нарушили клятву, посадили Всеслава въ порубъ. Но Всеславъ освободился изъ заключенія вслѣдствіе изгнанія Изяслава; по этому случаю лѣтописецъ говоритъ: „Се же Богъ яви силу крестную, понеже Изяславъ цѣловавъ крестъ, и я и (Всеслава); тѣмже наведе Богъ поганыя, сего же явѣ избави крестъ честный; въ день бо Въздвиженья Всеславъ вздохнувъ рече: „О кресте честный! понеже къ тебѣ вѣровахъ, избави мя отъ рва сего“. Богъ же показа силу крестную на показаніе земли Русьстѣй, да не преступаютъ честнаго креста, цѣловавше его; аще ли преступитъ кто, то и здѣ пріиметъ казнь, и на придущемъ вѣцѣ казнь вѣчную“.

Начало усобицы между Ярославичами, изгнаніе Изяслава меньшими братьями, преступленіе заповѣди отцовской, даетъ случай лѣтописцу сказать грозное слово: „Въздвиже дьяволъ которъ въ братьи сей Ярославичахъ.... Велій бо есть грѣхъ преступати заповѣдь отца своего: ибо исперва преступиша сынове Хамове на землю Симову, и по 400 лѣтъ отмщенье пріяша отъ Бога: отъ племене бо Симова суть Евреи, же избивше Хананѣйско племя, вспріяша свой жребій и свою землю. Паки преступи Исавъ заповѣдь отца своего, и прія убійство: не добро бо есть преступати предѣла чужего“. Смерть Изяслава, положившаго голову свою за брата, даетъ лѣтописцу случай распространиться въ похвалу братолюбію: „По истинѣ аще что створилъ есть (Изяславъ) въ свѣтѣ семъ етеро согрѣшенье, отдасться ему, занеже положи главу свою за брата своего, не желая большее волости, ни имѣнья хотя

болша, но за братню обиду“. Говоря о мести Василька Теребовльскаго, сперва на невинныхъ жителяхъ города Всеволожа, а потомъ на боярахъ Давыда Игоревича, лѣтописецъ прибавляетъ: „Се же второе мщенье створи, егоже не бяше лѣпо створити, дабы Богъ отместникъ былъ, и взложити было на Бога мщенье свое“. Въ разсказѣ о борьбахъ и счетахъ княжескихъ, лѣтописецъ стоитъ за старшихъ противъ младшихъ: никогда не находитъ оправданія послѣднимъ, не разъ находитъ упрекъ имъ: такъ на югѣ лѣтописецъ вооружается противъ Ярослава Святополковича за гордость противъ дяди и тестя; на сѣверѣ, разсказавши о побѣдѣ Юрьевичей надъ племянниками, лѣтописецъ прибавляетъ: „Богу наказавшю князей креста честнаго не преступати и старѣйшаго брата чтити“....

О нашествіи варваровъ лѣтописецъ отзывается постоянно какъ о наказаніи Божіемъ за грѣхи народа: подъ 1093 годомъ: „Бысть плачь въ градѣ, а не радость, грѣхъ ради нашихъ великихъ и неправды, за умноженье беззаконій нашихъ. Се бо на ны Богъ пусти поганыя, не яко милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули отъ злыхъ дѣлъ; симъ казнитъ ны нахоженьемъ поганыхъ, се бо есть батогъ его, да негли встягнувшеся вспомянемъся отъ злаго пути своего“. Подобное разсужденіе повторяется и впослѣдствіи. Таково же воззрѣніе лѣтописца и на всѣ другія бѣдствія: „Богъ бо казнитъ рабы своя напастьми различными, огнемъ и водою и ратью и иными различными казньми, хрестьянину бо многими напастьми внити въ царство небесное. согрѣшихомъ, казними есмы, яко сотворихомъ, тако и пріяхомъ. но кажетъ ны добрѣ Господь нашъ. Но да никтоже можетъ рещи, яко ненавидитъ насъ Богъ; не буди то!“ Болѣзни, всякаго рода страданія, напрасная смерть очищаютъ человѣка отъ грѣховъ: по свидѣтельству лѣтописца князь Ярополкъ Изяславовичъ молился: „Господи Боже мой! пріими молитву мою, и дажь ми смерть, яко же двѣма братома моима Борису и Глѣбу, отъ чюжю руку, да омыю грѣхы вся своею кровью“. Сказавши о смерти князя Святослава Юрьевича, лѣтописецъ прибавляетъ: „Си же князь избранникъ Божій бѣ, отъ рожества и до свершенья мужьства бысть ему болѣзнь зла. си же болѣзни прослуть на ся святии апостоли и святии вси у Бога: кто бо пострадаетъ болѣзнью тою, яко же книгы глаголютъ, тѣло его мучится, а душа его

спасается. Такоже и сь во истину святый Святославъ, Божии угодникъ избраный въ всѣхъ князехъ: не да бо ему Богъ княжити на земли, но да ему царство небесное". Ту же мысль выражаетъ лѣтописецъ и въ разсказѣ о смерти Андрея Боголюбскаго. Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый говаривалъ дружинѣ своей передъ битвою: „Братья! ничтоже имете во умѣ своемъ, аще нынѣ умремъ за христьяны, то очистимся грѣховъ своихъ и Богъ вмѣнитъ кровь нашю съ мученикы". Лѣтописецъ держится того же мнѣнія, даже относительно христіанскихъ воиновъ другихъ исповѣданій, напр. крестоносцевъ. (Полное собраніе русскихъ лѣтописей I 139.) Успѣхъ, избавленіе отъ опасности приписывается обыкновенно послѣ милости Божіей и молитвъ святыхъ, также молитвѣ предковъ умершихъ, отца, дѣда и прадѣда; напр., описавши торжество Юрьевичей надъ племянниками, лѣтописецъ прибавляетъ: „И поможе Богъ Михалку и брату его Всеволоду, отца и дѣда его молитва и прадѣда его"....

Каждое необыкновенное физическое явленіе предвѣщаетъ что-нибудь необыкновенное въ мірѣ нравственномъ, обыкновенно что-нибудь недоброе: въ 1063 году иде Волховъ въ Новгородѣ назадъ 5 дней: сие знаменіе было не къ добру, говоритъ лѣтописецъ: на четвертый годъ князь Всеславъ пожегъ городъ. Въ слѣдующемъ году „бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучь имущи акы кровавы, выходящи съ вечера по заходѣ солнечнѣмъ, и пребысть за 7 дний. Се же проявляше не на добро: по семъ бо быша усобицѣ многы и нашествие поганыхъ на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляющи кровопролитье...

Описавъ солнечное затменіе въ 1113 г., предвозвѣстившее по тогдашнему мнѣнію смерть великаго князя Святополка, лѣтописецъ прибавляетъ: „Се же бывають знаменья не на добро, бывають знаменья въ солнци и въ лунѣ или звѣздами не по всей земли, но въ которой либо земли аще будеть знаменье, то та земля и видитъ"...

Подъ 1144 годомъ читаемъ: „Бысть знаменіе за Днѣпромъ, въ Кіевской волости, летящю по небеси до земли яко кругу огнену, и остася по слѣду его знаменье въ образѣ змья великаго, и стоя по небу съ часъ дневный и разидеся. Въ то же лѣто паде снѣгъ великъ въ Кіевской сторони, коневи до черева, на великъ день". Подъ 1161 годомъ: „Бысть знаменье

въ лунѣ страшно и дивно: идяше бо луна черезъ все небо отъ въстока до запада, измѣняючи образы своя, бысть первое и убывающе по малу, донележе вся погибе, и бысть образъ ея яко скудна, черна, и пакы бысть яко кровава, и потомъ бысть яко цѣлина имущи, едино зелено, а другое жолто, и посреди ея яко два ратныя сѣкущеся мечема, и единому яко кровь идяше изъ главы, а другому бѣло акы млеко течаше; сему же рекоша старии людие: не добро есть сякое знамение, се прообразуеть княжю смерть, еже бысть" (убитъ былъ Изяславъ Давыдовичъ). Подъ 1195 „Тоеже зимы, на Федоровъ недѣли во вторникъ въ 9-й часъ потрясеся земля по всей области Киевской и по Кыеву, церкви каменыя и деревяныя колебахуся, и вси людие видяще, отъ страху не можаху стояти, овіи падаху ници, инии же трепетаху. И рекоша игумени блаженіи: се Богъ проявилъ есть, показая силу свою за грѣхи наша, да быхомъ оставили отъ злого пути своего; инии же молвяхуть другъ ко другу: сии знамения не на добро бываютъ, но на падение многимъ, и на кровопролитие, и на мятежь много въ Руской земли, еже и сбысться" (усобица Мономаховичей съ Ольговичами)...

(Окончаніе слѣдуетъ)

Литературное значеніе лѣтописи Нестора.

Чувство религіозное и чувство патріотическое составляютъ основные мотивы, которые проходятъ по всѣмъ разсказамъ лѣтописи. Какъ благочестивый христіанинъ, воспитанный на чтеніи священныхъ книгъ, Несторъ всѣ событія въ мірѣ и явленія въ природѣ разсматриваетъ съ точки зрѣнія религіозной и объясняетъ ихъ непосредственнымъ участіемъ Божественнаго Промысла. Осуждая Святополка за то, что онъ одинъ хотѣлъ завладѣть всею Русью, онъ говоритъ: „помыслилъ такъ въ своемъ высокоуміи, не зная, что Богъ даетъ власть, кому хочетъ: ибо Вышній поставляетъ царя или князя". Если какая земля *управится* предъ Богомъ, онъ поставляетъ ей праведнаго царя или князя, любящаго судъ и правду, и властителя и судію, любящаго судъ. Если князья бываютъ праведны на земли, то прощаются многія согрѣшенія; а если бываютъ злы и лукавы, то большее зло Богъ наводитъ на землю, понеже они глава земли. Разсказывая о нашествіи на Русь

подобнѣе, онъ приводитъ слова изъ Епифанія объ ангелахъ, приставленныхъ къ каждой землѣ: „также и къ каждой землѣ приставленъ ангелъ, да сохраняетъ каждую землю, *аще и поганы* (т. е. ея жители). *Если разгнѣвается Богъ* на какую-либо землю, Онъ повелѣваетъ идти на эту землю войною ангелу какой-либо земли, и ангелъ не воспротивится повелѣнію Божію... Такъ и на насъ, за грѣхи наши, Богъ навелъ поганыхъ иноплеменниковъ, и они побѣдили насъ по повелѣнію Божію, ибо водимы были ангеломъ по повелѣнію Божію“. Всѣ бѣдствія въ народѣ: междоусобія, войны, засуха, голодъ, моръ суть наказанія Божіи за грѣхи: „за грѣхи на каждую землю Богъ наводитъ голодъ, или моръ, или засуху, или иную казнь“. Явленіе кометы, солнечное затменіе или другое какое-нибудь особенное явленіе природы суть знаменія гнѣва Божія и предвѣстники того или другого бѣдствія: „въ сіи времена (1064—65 г.), говоритъ лѣтописецъ, было знаменіе на западѣ, звѣзда превеликая, имѣвшая лучи, какъ бы кровавые; оно предвѣщало недоброе: послѣ этого были многія усобицы и нашествіе поганыхъ на русскую землю; кровавая звѣзда предвѣщала кровопролитіе... Знаменія на небѣ, въ звѣздахъ, или въ солнцѣ, птицами или другимъ чѣмъ-либо *не благо* бываютъ, но на зло бываютъ“. Такія размышленія по поводу разсказываемыхъ событій весьма часто встрѣчаются въ лѣтописи и сообщаютъ ей поучительный характеръ. Въ нихъ внушаются благочестивыя христіанскія чувства: вѣра въ промыслъ Божій, миръ, любовь, братолюбіе, почтеніе къ родителямъ и старшимъ, вѣрность крестному цѣлованію, раскаяніе во грѣхахъ, любовь къ родной русской землѣ и забота о ея цѣлости и защита отъ враговъ; при этомъ приводятся часто обширныя выписки изъ св. Писанія и примѣры изъ исторіи другихъ народовъ. При такомъ характерѣ лѣтопись, естественно, должна была имѣть высокое образовательное значеніе. Сужденія лѣтописца о дѣлахъ людей и народовъ отличаются правдивостію и безпристрастіемъ. Христіанскій взглядъ и религіозное чувство нисколько не препятствуютъ ему видѣть доброе и у народовъ нехристіанскихъ. Такъ онъ хвалитъ законы сирянъ, бактріянъ, индійскихъ брахмановъ и британцевъ; разсказывая о полянахъ, онъ одобряетъ ихъ вѣрность отеческимъ обычаямъ, кротость ихъ нравовъ, брачные уставы и обряды. Подробно и съ живымъ сочувствіемъ изображаетъ Несторъ первоначаль-

ныя языческія времена Руси и дѣла древнихъ языческихъ князей. При этомъ онъ передаетъ тѣ поэтическія сказанія о нихъ, которыя сложились, вѣроятно, въ кругу княжеской варяжской дружины и составляютъ драгоцѣнный остатокъ недошедшаго до насъ дружиннаго эпоса. Таковы сказанія объ Аскольдѣ и Дирѣ, о славномъ походѣ Олега подъ Константинополь, о его чудесной кончинѣ по предсказанію кудесника, объ оригинальномъ мщеніи Ольги надъ древлянами за смерть Игоря, о подвигахъ Святослава. Въ этихъ сказаніяхъ весь древній періодъ нашей исторіи представляется въ настоящемъ героическомъ свѣтѣ; особенно истиннымъ героемъ изображается въ нихъ Святославъ, который проводилъ жизнь свою на ратномъ полѣ. „*легко ходя аки пардусъ*..." „возъ по собѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ядяше, ни шатра имяше, но подкладъ постилавъ и сѣдло въ головахъ"... Посылаше къ странамъ, глаголя: „хочю на вы ити": который, сражаясь при Переяславцѣ съ многочисленнымъ войскомъ грековъ, говорилъ своей испугавшейся дружинѣ: „уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ землѣ рускыѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ, аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ, ни имамъ убѣжати; но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами пойду, аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою". Но передавая съ участіемъ обо всемъ, въ чемъ выражается сила и слава Россіи, Несторъ, разумѣется, съ особеннымъ одушевленіемъ разсказываетъ о временахъ христіанскихъ. Крещеніе св. Ольги, крещеніе св. Владиміра и, наконецъ, всего народа русскаго составляютъ въ лѣтописи самыя подробныя и самыя лучшія картины. Въ нихъ есть высоко лирическія мѣста, исполненныя глубокаго христіанскаго и патріотическаго одушевленія. Изображая путешествіе Ольги въ Царьградъ для принятія крещенія, онъ сравниваетъ ее съ царицею Савскою, которая приходила къ Соломону послушать его мудрости: „такъ и сія блаженная Ольга искала доброй мудрости Божіей, но та искала мудрости человѣческой, а си Божіей". Разсказывая о кончинѣ св. Ольги, онъ говоритъ: „и плакася о ней сынъ ея, и внуци ея и вси люди плачемъ великимъ..." „Она бысть предтеча въ христіанской земли, аки денница передъ солнцемъ и аки зоря передъ свѣтомъ; она

сіяла, какъ луна въ ночи, посреди невѣрныхъ людей свѣтилась какъ бисеръ... Она первая вошла въ царство небесное *отъ Руси*: ее хвалятъ русскіе сыны, какъ начальницу: она по смерти молитъ Бога за Русь". Изобразивъ картину крещенія Россіи, онъ взываетъ „благословенъ Господь Іисусъ Христосъ, который возлюбилъ новыхъ людей, русскую землю, просвѣтилъ ее святымъ крещеніемъ! Припадемъ къ Нему и скажемъ: Господи Іисусе Христе! что мы воздадимъ Тебѣ за все, что Ты воздалъ намъ, грѣшникамъ! недоумѣваемъ воздать Тебѣ воздаяніе противъ даровъ Твоихъ. Велій еси и чудна дѣла Твоя, величію Твоему нѣтъ конца, родъ и родъ восхвалитъ дѣла Твоя. Скажу съ Давидомъ: пріидите, возрадуемся Господеви, воскликнемъ Богу и Спасу нашему... исповѣдающеся Ему, яко благъ, яко въ вѣки милость Его, яко избавилъ ны есть отъ врагъ нашихъ, рекше отъ идолъ поганыхъ... Колика радость! не одинъ, не два спасаются... радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшникѣ кающемся: но вотъ не одинъ, не два, но безчисленное множество обратились къ Богу и просвѣтились святымъ крещеніемъ"... Описывая кончину св. Владиміра, онъ называетъ его новымъ Константиномъ и говоритъ: „достойно удивленія, сколько добра сдѣлалъ онъ русской землѣ... Мы же будучи христіанами, не воздаемъ ему почестей, сообразно тому, что онъ для насъ сдѣлалъ... Если бы онъ не крестилъ насъ, то мы теперь оставались бы въ прелести діавола, какъ погибли наши прародители. Если бы мы имѣли усердіе и приносили мольбы за него къ Богу, въ день его преставленія, то Богъ, видя наше усердіе къ нему, прославилъ бы его: мы должны молить за него Бога, потому что чрезъ него познали Бога". Къ подобнымъ же изображеніямъ относятся и тѣ мѣста, въ которыхъ Несторъ разсказываетъ объ основаніи Кіево-печерскаго монастыря и первыхъ его подвижникахъ, преп. Антоніи и Ѳеодосіи, о братской любви и мученической кончинѣ св. Бориса и Глѣба, о просвѣтительной дѣятельности Ярослава, который заводилъ училища, собиралъ и переводилъ книги и самъ любилъ читать ихъ днемъ и ночью. „Подобно тому, говоритъ онъ, какъ кто-нибудь вспашетъ землю, а другой засѣетъ, а иные пожинаютъ и ѣдятъ не скудную пищу, такъ сдѣлалъ и онъ (Ярославъ). Ибо отецъ его, Владиміръ, вспахалъ и умягчилъ, т. е. просвѣтилъ (землю русскую) кре-

шеницю, а онъ насѣялъ книжными словесами сердца вѣрныхъ людей. Мы же пожинаемъ, воспринимая книжное ученье. Велика бываетъ польза отъ ученья книжнаго: книгами бо кажеми (наказуемы, наставляемы) и учимы есмы пути покаянію, и мудрость бо обрѣтаемъ и воздержаніе отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣки, напаяющіи вселенную; се суть исходища мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина; сими бо въ печали утѣшаемы есмы; си суть узда воздержанію". Но любовь къ отечеству и къ своимъ людямъ предковъ не заслонила отъ лѣтописца слабыхъ сторонъ и недостатковъ ихъ характера и жизни, о которыхъ онъ говоритъ съ полною откровенностью. Сюда относятся, между прочимъ, разсказы о жизни Владимира до принятія имъ христіанства, о хитрости Ольги и жестокихъ поступкахъ ея съ древлянами, разсказы о томъ, какъ предки наши жалкимъ образомъ сами не могли установить въ своей землѣ порядка и должны были послать за море и сказать князьямъ чужимъ: *„земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да пойдите княжить и володѣти нами"*; какъ Владимиръ предъ магометанскими послами сознавался въ природномъ русскомъ недостаткѣ: *„Руси есть веселье пити, не можемъ безъ того быти"*.

Изложеніе лѣтописи Нестора отличается эпическимъ характеромъ. Разсказъ, подобно эпосу, идетъ медленно и спокойно, захватывая на пути все, что представляется важнымъ и интереснымъ, и часто заходитъ въ сторону; часто, какъ мы замѣтили, встрѣчаются вводные разсказы и отступленія, приводятся иногда довольно большія выписки изъ св. Писанія и собственныя богословскія размышленія лѣтописца. Разсказывая о важныхъ событіяхъ, лѣтописецъ часто приводитъ собственныя слова дѣйствующихъ лицъ; изложеніе лѣтописи при этомъ принимаетъ разговорную форму: не только отдѣльныя лица, но цѣлые народы и племена ведутъ у Нестора разговоры между собою. „И рѣша козари: платите намъ дань. Съдумавше поляне и вдаша отъ дыма мечь". „Рѣша древляне: [illegible]". „Рѣша Руси чюдь, словени и кривичи".

Языкъ лѣтописи церковно-славянскій, или древне-болгарскій, но въ немъ встрѣчается много словъ и древняго народнаго, собственно русскаго языка, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приводятся народныя преданія и собственныя слова или разговоры дѣйствующихъ лицъ. Такія выраженія, напр., каковы: не

въ греки; посла по варяги; и пошли за ними [illegible] Малъ, ходися по дань; за маломъ бо бѣ не дошедъ до Царяграда, должны быть отнесены къ числу русскимъ выраженіямъ. Наконецъ въ лѣтописи приводится нѣсколько народныхъ пословицъ, таковы: „аще ся вбадитъ волкъ въ овцѣ, то выноситъ все стадо"; „толи не будетъ межю нами мира, оли камень начнетъ плавати, а хмѣль начнетъ тонути"; „погибоша аки Обре"; „бѣда аки въ Роднѣ".

Порфирьевъ.

Лѣтопись Нестора предъ судомъ ученой критики.

Подвижническая жизнь Нестора — этого святаго отшельника принадлежитъ церкви, которая и причислила его къ лику святыхъ; но, кромѣ сокровенныхъ отъ насъ подвиговъ иночества, преподобный Несторъ оставилъ по себѣ безсмертный памятникъ въ своей лѣтописи. Вотъ уже восемь вѣковъ читаютъ лѣтопись Нестора, передѣлываютъ ее каждый вѣкъ по-своему. Его съ жадностію читала юная Русь, предводительствуемая Мстиславами, Изяславами, волновавшаяся въ бранныхъ тревогахъ у златыхъ вратъ Кіева; имъ утѣшала себя Россія, стенавшая подъ игомъ монголовъ; его же повѣсть перечитывала и припоминала Москва, торжествовавшая свои побѣды надъ царствами татарскими; его же старается изучить и нынѣшняя Россія, уже знакомая съ древнею наукою Греціи и Рима, съ современнымъ просвѣщеніемъ западныхъ государствъ Европы. Судьба Несторовой лѣтописи стоитъ полнаго изученія. Въ первые вѣка ея существованія большая часть его продолжателей считали трудъ Нестора неприкосновенною святынею и безъ перемѣнъ вносили его въ свои продолженія: лучшимъ свидѣтельствомъ того служатъ списки Лаврентьевскій, Ипатьевскій, Кенигсбергскій и Троицкій, въ которыхъ, если и есть вставки изъ другихъ источниковъ, но тѣмъ не менѣе основной текстъ Нестора остался почти вездѣ неприкосновеннымъ. Въ XV, XVI и XVII вѣкахъ, когда начали составляться, такъ называемые, лѣтописные сборники или энциклопедіи русскаго бытописанія, текстъ Нестора подвергся большимъ измѣненіямъ, передѣлкамъ и пополненіямъ, впрочемъ, какъ святая истина, онъ не затерялся и въ этомъ нашествіи нововведеній; это ка-

жденіи можетъ видѣть въ спискахъ *Никоновскомъ, Воскресенскомъ* и подоб. Осьмнадцатый и начало нынѣшняго вѣка, пораженные несообразностію новыхъ вставокъ и передѣлокъ, принялись очищать Несторовъ текстъ ножомъ исторической критики. И одни изъ очистителей взялись за это дѣло добросовѣстно и съ глубокою ученостію, но, къ сожалѣнію, они не были достаточно знакомы съ древнею литературою Руси, и потому по необходимости должны были опираться только на иностранныхъ свидѣтельствахъ, и увлекшись нѣкоторыми, напередъ заданными себѣ, положеніями, считая непринадлежащее Нестору наплывы, едва не счистили и самого Нестора, и вообще почти не имѣя никакого знакомства съ русскою древнею литературою, принялись судить и вкось и вкривь, и торжественно рѣшили, что вся лѣтопись Нестора — басня и позднѣйшая выдумка; наконецъ, добросовѣстность истинно ученыхъ побѣдила, и Несторъ, какъ истина, восторжествовалъ: его текстъ теперь безспорно можно принять основою исторіи первыхъ вѣковъ русскаго государства.

Причина, почему лѣтопись Нестора не затерялась въ продолженіе столькихъ вѣковъ и не уничтожилась подъ ножомъ исторической критики, доходившей до скептицизма, заключается во внутреннемъ достоинствѣ лѣтописи. Несторъ, при несомнѣнномъ дарѣ авторства, глубже и лучше всѣхъ своихъ современниковъ понималъ настоящую обязанность лѣтописателя и выполнилъ ее умно и добросовѣстно. Онъ описалъ намъ древнѣйшую Русь безъ прикрасъ и умствованій, именно такъ, какъ ее понимали ближайшіе потомки, которые наизусть помнили всѣ важнѣйшія событія своей старины и, можно сказать, жили еще подъ ихъ вліяніемъ, а потому были лучшими и вѣрнѣйшими ихъ живописцами; онъ сохранилъ важнѣйшія преданія своего времени во всей ихъ простотѣ и безыскусственности; онъ нигдѣ не рѣшался ни на произвольныя украшенія событій, ни на вставки, ни на дополненія, которыя такъ удобны и соблазнительны при описаніяхъ туманной древности. У него вездѣ слѣды неподдѣльной истины и свѣтлаго ума, къ которому правда всего дороже на свѣтѣ. Чѣмъ больше изучаемъ мы Нестора и углубляемся въ исторію описываемаго имъ времени, тѣмъ больше и больше убѣждаемся въ достовѣрности и правильности его повѣствованія, тѣмъ болѣе открываемъ въ немъ глубокаго и многосторонняго знанія описываемаго

предмета въ этомъ мудромъ отшельникѣ, который, кажется, для того только и удалился отъ суетъ міра, чтобы свободнѣе наблюдать за событіями горячо любимой родины. И послѣ сего очевидно, почему лѣтопись Нестора пережила столько вѣковъ; она переживетъ тысячелѣтія; она безсмертна, какъ голосъ истины: въ ней мы видимъ древнюю Русь какъ бы предъ глазами: это не слѣпокъ печати безъ тѣней и красокъ, это именно живое отраженіе въ зеркалѣ, удержанное мудрецомъ на память позднѣйшимъ потомкамъ и на судъ вѣковъ и народовъ.

И. Бѣляевъ.

Убѣжденія лѣтописца.

Сочинитель Повѣсти временныхъ лѣтъ провелъ въ своемъ трудѣ однѣ и тѣ же убѣжденія, и эти убѣжденія достойны вниманія, какъ отголосокъ дальняго времени, отъ котораго намъ осталось очень немногое въ этомъ родѣ.

Основаніе этихъ убѣжденій — книги св. Писанія, но не во всякомъ случаѣ исключительно.

По убѣжденію лѣтописца событія совершаются „по Божію строю и милости“ и по проныретву дьявола. По Божію строю возвеличилась Русь, какъ предсказано было Андреемъ Первозваннымъ, и какъ предугадано потомъ козарами.

„Богъ вѣсть помышленья человѣческая“ и наставляя наказываетъ людей. „Богъ наводитъ по грѣхомъ на куюждо землю гладомъ, или моромъ, ли ведромъ, ли иною казнью, а человѣкъ не вѣсть ничтоже“. „Наводитъ Богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю, и тако съкрушенымъ имъ въспомянуться къ Богу“. „Насылаетъ Богъ и моръ за грѣхъ и неправды“. Вообще „Богъ есть отместникъ за зло“.

„Но да никто не дързнетъ рещи, яко ненавидимы Богомъ есмы, да не будетъ“. „Богъ не хощетъ зла человѣкомъ“, и въ добрѣ помогаетъ имъ, особенно когда они просятъ его молитвой, какъ видно изъ разсказа о чудѣ Богородицы Влахернской.

„Творя ангелы своя духы и слугы своя огнь палящь, и шлеми суть повелѣньемъ Божіимъ, аможе хощетъ Владыка и творецъ всѣхъ“... Къ коей же твари ангелъ приставленъ, ангелъ облакамъ и мъгламъ, и снѣгѣ и градѣ и мразѣ, ангелъ глаголяи громомъ, ангелъ зимы и зноеви, и осени и

[illegible] Ангели [illegible] Божію. Ангели на благо посы-[illegible] Ангелъ человѣку [illegible] паче же христіанамъ помагаетъ и застѫ-паетъ отъ супротивьнаго діавола".

Ангелами своими посылаетъ Богъ и знаменія. Знаменія бываютъ ово на зло ово на добро. [illegible] людей невидимо.

[illegible]

[illegible] Господь [illegible] Христосъ [illegible] Господьнѣ. [illegible] зло онъ видитъ во враждѣ и въ лести, въ злыхъ женахъ, [illegible] О злѣ вообще говоритъ онъ: „[illegible] Бога [illegible] Господинъ [illegible] ся [illegible]".

На нравственныя обязанности человѣка смотрѣлъ лѣтописецъ не исключительно со стороны его личной, душевной пользы. Онъ проникнутъ былъ и любовью къ отечеству. Любовь къ отечеству заставляетъ его часто говорить о земли русской. Сквозь слова другихъ, имъ приводимыя, онъ виденъ самъ: „Молимся княже тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли. Аще бо возмете рать межю собою, погании имуть радоватися и возмуть землю нашю, иже бяша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудомъ великымъ и храборьствомъ, побарающе по Русьскыи земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую".

Не случайно приведены и слова Василька: „да любо налѣзу себѣ славу, а любо голову свою сложю за Русьскую землю". Не напрасно вспомянуто, что и Феодосій молился „за люди хрестьяньскыя и за землю Русьскую". То же чувство видимъ и въ выраженіи: „нынѣ земля оскудѣла есть отъ рати и отъ продажь", и въ словахъ Мономаха, гдѣ онъ пѣняетъ князьямъ, что они не жалѣютъ смердовъ.

Нѣсколько мѣстъ выражаютъ довольно ясно понятія лѣтописца объ обязанностяхъ, добродѣтеляхъ и дурныхъ качествахъ князя:

О Владимірѣ: „Бѣ Володимеръ любя дружину и съ ними думая о строи земленѣмъ и о ратѣхъ и уставѣ земленѣмъ, и бѣ живя съ князи околними миромъ. Живяше же Володимеръ въ страсѣ Божьи"...

О Мстиславѣ: „Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, чермьнъ лицемъ, великома очима, храборъ на рати, милостивъ, любяше дружину по велику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше".

О Ярославѣ: „При семъ нача вѣра хрестьяньская плодитися и расширяти... И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше по велику, излиха же черноризцѣ. И книгамъ прилежа и почитая е часто... и собра писцѣ многы и прекладаше отъ Грекъ на Словѣньское письмо, и списаше книгы многы, и списка, ими же поучающеся вѣрнии людье наслажаються ученья божественнаго. Церкви ставяше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ, веля имъ учити люди".

О Глѣбѣ: „Бѣ милостивъ убогымъ и страннолюбивъ, тщанье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ

Не такъ глядѣлъ лѣтописецъ на нѣкоторыхъ другихъ князей: На Святополка: „Есть же могыла его въ пустыни и до сего дне: исходитъ отъ нея смрадъ золъ. Се же Богъ показа на наказанье княземъ Русьскымъ, да аще сии еще сице створятъ, се слышавше, тажe казнь приимутъ, но и болшее сея".

На Олега: „Олегъ же въсприимъ смыслъ буи и словеса величава, рече сице: нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменомъ, ли смердомъ".

Вообще о князьяхъ высказано такое понятіе: „Аще бо князи правьдиви бываютъ на земли, то много отдаются согрѣшенья; аще ли зли и лукави бываютъ, то болше зло наводитъ Богъ на землю, понеже то глава есть земли... Лютѣ бо граду тому, въ немъ же князь унъ, любяй вино пити съ гусльми и съ младыми свѣтники".

Срезневскій.

О русскихъ лѣтописяхъ.

Лѣтописи наши — это записки, писанныя отчасти свѣтскими людьми, отчасти духовными. Было мнѣніе, что составленіе ихъ принадлежитъ исключительно послѣднимъ, но это несправедливо, ибо въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прямо замѣтно свѣтское положеніе писателей. Лѣтописей было чрезвычайное множество; большая часть ихъ издана, но многія еще до сихъ поръ находятся въ рукописяхъ, какъ напр. нижегородская, вятская, чрезвычайно важная, и тверская. Лѣтописи имѣютъ тотъ общій характеръ, что всѣ онѣ исходятъ отъ одного начала, такъ что до XII вѣка образуютъ одну общую лѣтопись, и только съ этихъ поръ развѣтвляются на мѣстныя. Въ этомъ отношеніи онѣ имѣютъ большое сходство съ исторіею русской жизни и русскаго быта: сначала въ русской землѣ сохраняется единство, которое прекращается раздѣленіемъ ея въ XII вѣкѣ на многія княжества.

Не слѣдуетъ думать, что лѣтописи и прежде были такъ написаны, какими дошли до насъ: первоначальный видъ ихъ не дошелъ до насъ, и мы имѣемъ только позднѣйшіе сборники, на которыхъ видны слѣды первоначальнаго состава. Важность и достоинство лѣтописей состоитъ, во первыхъ, въ томъ, что онѣ писались не для удовлетворенія простого любопытства, но и для спеціальныхъ практическихъ цѣлей: онѣ имѣли оффиціальный характеръ. Доказательствомъ ихъ оффиціальности

служатъ слѣдующіе примѣры: въ Ипатьевской лѣтописи говорится: „*[illegible]* ... *[illegible]*“. Это служитъ доказательствомъ того, что князья внимательно относились къ веденію лѣтописи. Въ Волынской лѣтописи говорится, что въ 1289 году князь [illegible] Мстиславичъ приказалъ лѣтописцу записать крамолу горожанъ. Слѣдовательно, слѣды этого обычая мы видимъ еще въ XIII вѣкѣ. Далѣе, когда въ XV вѣкѣ князь Василій Васильевичъ Темный судился съ Юріемъ Шемякою предъ ханомъ, то доказывалъ права свои по отечеству и дѣдовству, а Юрій „*[illegible]* ... *[illegible]*“. Когда Іоаннъ III замышлялъ уничтожить свободу Новгорода (1471 г.), то взялъ съ собою человѣка, знавшаго лѣтописную мудрость, чтобы показать новгородцамъ ихъ старинныя преступленія противъ князей и убѣдить ихъ въ томъ, что достоинство князя существовало издревле.

Что лѣтописи наши имѣли юридическое значеніе, это, наконецъ, подтверждается еще тѣмъ, что въ нихъ найдены многіе памятники нашего древняго юридическаго быта: договоры первыхъ нашихъ князей съ греками, Русская Правда, разные другіе договоры князей, духовная волынскаго князя Василька, а впослѣдствіи даже ханскіе ярлыки. Всѣ эти обстоятельства ясно показываютъ, что лѣтописи велись подъ надзоромъ князей и вообще подъ вліяніемъ правительства.

Кромѣ этихъ общихъ лѣтописей, были еще лѣтописи церковныя. При церквахъ и монастыряхъ были люди, записывавшіе событія, касавшіяся церкви вообще, и въ особенности той церкви или того монастыря, гдѣ велась эта лѣтопись. Въ такія лѣтописи вносились причины основанія, а также имена основателей, жертвователей и возобновителей церкви, для вѣчнаго поминовенія, такъ какъ монастыри и церкви обязывались молиться за нихъ при жизни и по смерти.

Въ этихъ монастырскихъ и церковныхъ лѣтописяхъ записывались разныя естественныя событія, преимущественно такія, которыя имѣли, по народному вѣрованію, связь съ предзнаменованіями. Это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] 1471 годомъ [illegible]

[illegible] Кіевѣ [illegible] Руси [illegible] посадничу [illegible] ника въ одну ночь отъ бѣса.

[illegible] владыкѣ и проч.

[illegible] говоритъ о себѣ. Такъ подъ 1051 г., объ основаніи Печерскаго монастыря [illegible] что для себя [illegible] лѣтописецъ говоритъ, что онъ пришелъ въ Кіевопечерскій монастырь къ преподобному Феодосію [illegible] худый и недостойный рабъ и [illegible] 17 отъ рождества моего». Подъ 1064 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ о разныхъ дурныхъ предзнаменованіяхъ и между прочимъ говоритъ, что онъ вмѣстѣ съ другими былъ въ Кіевѣ, когда вытащили изъ рѣки сѣтями урода, «его же позоровахомъ до вечера». Подъ 1093 годомъ, описывая погребеніе Феодосія, лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ очевидцемъ этого событія. Подъ 1096 годомъ въ разсказѣ о нашествіи половецкаго хана Боняка (прозваннаго русскими Шелудивымъ) на Печерскій монастырь читаемъ: «И придоша въ монастырь Печерскій, *намъ* сущимъ по кельямъ, почивающимъ по заутрени... *намъ* же бѣжащимъ за домъ монастыря... *ови* [illegible] оружіемъ». Ясно что писавшій былъ не только современникъ, но и очевидецъ, знающій всѣ подробности событія.

Всѣ сличенія, доселѣ сдѣланныя, доказываютъ, что извѣстія въ нашихъ лѣтописяхъ записывались современно, и это качество нашихъ лѣтописей, огромное значеніе которое онѣ имѣютъ по древности, и современность лѣтописателей описываемымъ событіямъ, составляютъ важное достоинство ихъ достовѣрности.

Лѣтописи наши, какъ мы сказали, сначала составляютъ одно цѣлое до начала XII вѣка, именно до 1110 года; съ этихъ поръ лѣтописное повѣствованіе теряетъ свое единство и начинаетъ раздробляться: образуются частныя лѣтописи, по мѣрѣ усиленія особыхъ русскихъ земель и присоединяются къ главной первоначальной лѣтописи. Такъ въ видѣ продолженія Несторовой является кіевская лѣтопись, обнимающая событія южной Руси въ XII вѣкѣ, преимущественно Кіева, и прерывается на 1200 годѣ. Съ этого времени безъ перерыва (лѣтописаніе несомнѣнно существовало, но теперь утрачено) слѣдуетъ лѣтопись, называемая волынскою, но которая вѣрнѣе всего должна быть названа галицко-волынскою: она прерывается на 1305 годѣ. Съ половины XII вѣка отъ кіевской лѣтописи отдѣляется лѣтопись суздальская, примыкающая къ позднѣйшимъ московскимъ. Ея варіантъ, доведенный до второй четверти XIII вѣка, составляетъ лѣтопись Переяславская. Въ XIV столѣтіи возникла лѣтопись тверская, которой отрывки сохранились въ нѣкоторыхъ спискахъ, перемѣшанныхъ съ частями суздальской. На сѣверѣ образуется свой особый циклъ лѣтописей, посвященныхъ почти исключительно дѣламъ Новгорода и Пскова. Смоленская земля имѣла свою особую лѣтопись, которой обломки вошли въ западнорусскія лѣтописи XIV и XV вѣка. Эти послѣднія, какъ и сѣверныя, составляютъ свой мѣстный циклъ и обнимаютъ событія со времени образованія Литовской державы. Существовали еще нѣкоторыя мѣстныя лѣтописи, не дошедшія до насъ въ ихъ первоначальномъ видѣ, но извѣстія изъ нихъ сохранились въ позднихъ редакціяхъ. Таковы лѣтописи: вятская, нижегородская, Устюга-Великаго.

По мѣрѣ того, какъ земля русская начинаетъ подходить къ единодержавному укладу, лѣтописи наши сводятся въ огромные своды, въ которыхъ отдѣльныя лѣтописи опять соединяются вмѣстѣ; таковы своды: софійскій, воскресенскій и никоновскій.

Костомаровъ.

Значеніе лѣтописи въ общественной жизни нашихъ предковъ и различныя ея виды (государственная, семейная, монастырская и литературная).

Мы имѣемъ очень много русскихъ лѣтописей: одна археографическая коммиссія ихъ собрала 168, и сколько ихъ еще хранится въ разныхъ библіотекахъ, у собирателей старинныхъ рукописей, и сколько скрывается по чердакамъ и кладовымъ въ старинныхъ домахъ или при церквахъ и въ монастыряхъ. Такое обиліе не могло быть слѣдствіемъ одного только пристрастія къ историческому чтенію; чтобы поддержать ревность къ отечественнымъ лѣтописямъ въ томъ объемѣ, въ какомъ она была у нашихъ предковъ, для этого нужно, чтобы знаніе отечественныхъ лѣтописей принадлежало къ потребностямъ жизни, чтобы оно тѣсно было связано съ условіями общественнаго быта нашихъ предковъ. Здѣсь несомнѣнно допустить, что хорошее знакомство съ лѣтописями въ прежней жизни условливало какія либо наличныя выгоды, давало какія-либо преимущества, или служило средствомъ къ защищенію личныхъ или семейныхъ правъ, что и на самомъ дѣлѣ подтверждается не только обиліемъ и разнообразіемъ дошедшихъ до насъ древнихъ лѣтописей, но и прямыми указаніями исторіи. Такъ въ 1471 году В. К. Иванъ Васильевичъ, отправляясь въ первый походъ на Новгородцевъ, признаетъ за нужное взять съ собою дьяка Степана Бородатаго, умѣвшаго говорить по русскимъ лѣтописцамъ. Могущественный государь, предводительствуя многочисленнымъ войскомъ, управляемымъ опытными полководцами, не довольствуется сими преимуществами своего дѣла, но хочетъ, чтобы оно было подкрѣплено давними правами, и указаны на его права имѣлись въ лѣтописцахъ: „Егда, рече, придутъ, и дьякъ вспомянетъ ему говорить противъ измѣны давныя, какъ они измѣняли великимъ княземъ въ прежнее время, отцемъ его, дѣдомъ и прадѣдамъ". Ясно, что въ древности отечественныя лѣтописи были доказательствомъ правъ государственныхъ; государство тѣсно связывало свою жизнь съ своею исторіею и не иначе хотѣло поступать, какъ по правиламъ, освященнымъ лѣтописями, какъ поступали отцы, дѣды и прадѣды государя.

Другой примѣръ важнаго значенія отечественныхъ лѣтописей въ дѣлахъ государственныхъ засвидѣтельствованъ исторіею княженія В. К. Василія Васильевича. По указанію московскаго боярина Ивана Дмитріевича, соперникъ Василіевъ, дядя его, Юрій Дмитріевичъ, превосхищалъ велико-княжеское достоинство у своего племянника, основываясь на лѣтописцахъ: „Князь Великій Василій Васильевичъ по отечеству и по дѣдовству искалъ стола своего, князь же Юрій Дмитріевичъ, дядя его, лѣтописцы и старыми списки и духовною отца своего Великаго Князя Дмитрія". Но и государственнаго значенія лѣтописей недостаточно для того, чтобы распространить ихъ въ такомъ объемѣ, какъ онѣ были распространены у нашихъ предковъ: ибо государственныхъ мужей всегда бываетъ немного; слѣдовательно, это значеніе лѣтописей, взятое одно, само по себѣ не имѣло бы такого обширнаго вліянія на распространеніе отечественныхъ лѣтописей; для этого нужно, чтобы лѣтописи имѣли значеніе семейное или родовое, чтобы семейство и роды видѣли въ нихъ основаніе или поддержку своихъ частныхъ правъ. И таковое значеніе точно было въ старой общественной жизни нашихъ предковъ: ибо служба родовъ и семействъ основывалась на указаніяхъ разрядовъ и лѣтописей; отечественная лѣтопись была справочною книгою въ дѣлахъ мѣстничества. Такъ въ счетномъ дѣлѣ 1592 года князь Василій Щербатый прямо говоритъ: „Православный государь, пожалуй милость, вели мнѣ на него (Полева) дати свой праведный судъ въ моемъ безчестьѣ, и вели государь насъ счести въ нашемъ отечествѣ своими государевыми разряды и лѣтописцы". Или въ томъ же дѣлѣ тотъ же Василій Щербатый прямо ссылается на лѣтописцы: „Да вѣдаешь госудáрь на лѣтописцы, каковы Оболенскіе съ Полевыми; вели государь насъ счесть лѣтописцы". Такимъ образомъ каждый родъ, каждое семейство должны были имѣть свой частный семейный лѣтописецъ для справокъ о службахъ своихъ предковъ: для каждаго семейства лѣтопись была такою книгою, которая считалась необходимою для обороны родовой чести: точно также, какъ въ каждомъ семействѣ для той же цѣли были свои частныя семейныя разрядныя книги разныхъ службъ. И это-то вседневное назначеніе лѣтописей въ прежней жизни нашихъ предковъ было одной изъ главныхъ причинъ того огромнаго числа отечественныхъ лѣтописей, которое дошло

до нашего времени. Но [illegible] государственнаго и семейнаго значенія лѣтописи имѣли [illegible] кромѣ [illegible] и семейственныя, въ древнія времена [illegible] церкви и людямъ, какъ собственно [illegible] тельности, любовь и [illegible] въ необыкновенныхъ и чрезвычайныхъ событіяхъ [illegible] такъ и для защиты разныхъ привилегій [illegible] и самыхъ имуществъ, чему есть указанія въ самыхъ лѣтописяхъ. Такъ, напримѣръ, въ Софійскомъ Временникѣ помѣщены Русская Правда и Судебникъ греческаго царя Константина; въ лѣтописи, изданной Львовымъ, [illegible] монгольскихъ хановъ, данные разнымъ русскимъ митрополитамъ. [illegible] Новгородская лѣтопись [illegible] [illegible] въ пользу народа. Такъ [illegible] сказано: что въ [illegible] Новгородъ [illegible] [illegible] серебро у Святой Софіи [illegible] Отмѣтками въ лѣтописяхъ о такихъ [illegible] ваніяхъ на пользу общую церковь Софійская всегда защищалась въ случаѣ притязаній на ея права и привилегіи, которыя были обширны и могли приходить въ столкновеніе съ правами и требованіями города. Конечно, разныя права и привилегіи церквей и монастырей утверждались особыми грамотами и другими оффиціальными документами, но это не мѣшало для большаго подтвержденія [illegible] записывать въ лѣтописяхъ. Различное значеніе лѣтописей въ общественной жизни нашихъ предковъ необходимо должно было породить и различные виды лѣтописей. Виды эти слѣдующіе: 1) лѣтопись государственная; 2) лѣтопись семейная или родовая; 3) лѣтопись монастырская или церковная; и 4) лѣтопись литературная, т. е. написанная только по исторической любознательности составителей. Къ каковымъ вообще принадлежатъ наши лѣтописные сборники: каковы, напр., Троицкій, Никоновскій, Воскресенскій и подобные. Сюда же можно отнести степенную книгу и лѣтопись Густинскаго монастыря.

Лѣтописи государственныя.

Первое мѣсто между лѣтописями, безъ сомнѣнія, должно занимать государственная лѣтопись, ибо въ ней излагаются событія цѣлаго государства съ цѣлью увѣковѣченія досто-

ныхъ повѣстяхъ [illegible] духовенство въ нужныхъ случаяхъ не было трудно тогда. Но при такомъ раздробленіи Россіи государственная лѣтопись не всегда могла быть общирна: по-она преимущественно ограничивалась событіями мѣстными; о постороннихъ же говорила только мимоходомъ, въ связи съ своими событіями. Напримѣръ, кіевская лѣтопись преимущественно говоритъ о дѣлахъ кіевскихъ, волынская о волынскихъ, новгородская о новгородскихъ. Но эта ограниченность объема съ избыткомъ всегда выкупалась полнотою содержанія: это кромѣ мѣстныхъ подробностей, лѣтописи сіи сообщаютъ своимъ сказаніямъ особый характеръ, принадлежащій той странѣ, которая производила лѣтопись, выражающій жизнь того народа, его общественное устройство. Такъ въ новгородскихъ лѣтописяхъ взглядъ на происшествія и сужденія о лицахъ совершенно не походятъ на взглядъ и сужденіе лѣтописей московскихъ и кіевскихъ.

Лѣтописи фамильныя, или частныя.

Частные или фамильные лѣтописи составлялись въ родахъ и фамиліяхъ служилыхъ людей, съ цѣлью, чтобы имѣть въ виду государственную службу составителей или ихъ предковъ и родичей, а также службу и тѣхъ родовъ, съ которыми составители могли быть въ соприкосновеніи по службѣ. Эта цѣль уже опредѣляетъ самое значеніе и составъ фамильныхъ лѣтописей. Въ сихъ лѣтописяхъ по преимуществу записывались только тѣ событія и распоряженія правительства, въ которыхъ участвовала служба и которыя какимъ-либо образомъ относились къ службѣ; слѣдовательно мы отъ нашихъ фамильныхъ лѣтописей не должны требовать ни описанія событій изъ чистой семейной жизни, ни замѣтокъ о распоряженіяхъ правительства, не относящихся къ службѣ, ни упоминанія о происшествіяхъ и лицахъ, не принадлежащихъ къ служебному кругу. Конечно, все это можетъ встрѣчаться и здѣсь, но не какъ принадлежность сихъ лѣтописей, относящаяся къ ихъ характеристическимъ чертамъ, а не больше какъ личная, частная прихоть составителя. Самое описаніе событій, часто относящихся къ службѣ, въ фамильныхъ лѣтописяхъ не можетъ быть пространно и подробно; ибо для составителя въ сущности нужны только лица, занимающія тѣ или другія должности, самыя же

[illegible] по необхо-
димости и всегда готовъ ихъ сократить донельзя и даже
[illegible] —
[illegible] что
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] как суще-
[illegible]
тописей...

[illegible]

составители фамильныхъ лѣтописей не имѣли нужды искажать и передѣлывать событія. То при помощи сихъ лѣтописей для насъ тѣмъ удобнѣе открывать всѣ передѣлки, искаженія и басни литературныхъ лѣтописныхъ сборниковъ. Въ фамильныхъ лѣтописяхъ мы видимъ событія безъ всякихъ украшеній, въ изложеніи часто небрежномъ и едва связномъ, а посему тѣмъ болѣе можемъ вѣрить ихъ свидѣтельству и не увлекаться красивыми возгласами и великолѣпными картинами лѣтописныхъ сборниковъ, а понимать дѣло, какъ оно было.

Лѣтописи монастырскія.

Третій разрядъ лѣтописей составляютъ монастырскія лѣтописи. Русскіе монастыри и церкви должны были вести свои лѣтописи, какъ по исторической любознательности иноковъ и церковно-служителей, наслѣдованной отъ византійцевъ и поддерживаемой множествомъ церковно-историческихъ книгъ, принятыхъ въ нашу церковь изъ греческой по чину церковнослуженія, такъ и по самому значенію лѣтописей въ русской общественной жизни. Когда при нашихъ монастыряхъ и церквахъ начались лѣтописи, мы не знаемъ; но нѣтъ сомнѣнія, что начало ихъ относится къ первымъ вѣкамъ введенія христіанства въ Россіи: ибо уже у Нестора, писателя первыхъ лѣтъ XII в., видно, что онъ пользовался предшествовавшими ему монастырскими записками или лѣтописями, какъ это уже доказано г. Погодинымъ. Кромѣ того въ Патерикѣ упоминается о древнемъ ростовскомъ лѣтописцѣ, гдѣ исчислены всѣ архіереи россійскіе.

Достоинство монастырскихъ или церковныхъ лѣтописей въ историческомъ значеніи, т. е. какъ источниковъ отечественной исторіи, опредѣляется по двумъ отношеніямъ: по отношенію къ достовѣрности и скудости или обилію извѣстій. Разсматривая сіи лѣтописи со стороны достовѣрности извѣстій, мы должны согласиться, что извѣстія, сообщаемыя такими лѣтописями, могутъ быть приняты какъ близкія къ истинѣ; ибо скромные составители подобныхъ лѣтописей, по преимуществу современники описываемыхъ ими событій, не могли быть намѣренными лжецами; о событіяхъ нецерковныхъ они говорили мимоходомъ, вскользь, слѣдовательно, не имѣли причинъ украшать ихъ или переиначивать; но, конечно, они могли ошибаться во многомъ, тоже и о современныхъ дѣлахъ по

[illegible] и церквей къ обществу; но все это не можетъ поставить [illegible]

Лѣтописные сборники, или лѣтописи литературные.

Послѣдній разрядъ лѣтописей составляютъ лѣтописные сборники, или лѣтописи литературные. Сюда принадлежатъ всѣ извѣстные въ разное время подъ разными названіями русскія лѣтописи или временники. Всѣ они начинаются почти одинаково по образцу первой извѣстной намъ литературной лѣтописи, приписываемой кіево-печерскому иноку Нестору.

Всѣ эти сборники составлялись по одному образцу и располагались, пополнялись и измѣнялись составителями по ихъ соображеніямъ и по источникамъ бывшимъ подъ руками. Кто первый началъ составлять русскіе лѣтописные сборники или собственно литературныя лѣтописи, мы не знаемъ и не можемъ указать прямо и положительно; но судя по самой старшей дошедшей до насъ лѣтописи, приписываемой Нестору, можно предполагать, что Несторъ первый проложилъ путь для лѣтописныхъ сборниковъ. Его временникъ или лѣтопись именно принадлежитъ къ настоящему разряду литературныхъ лѣтописей: это не оффиціальная, не фамильная, и не монастырская лѣтопись, ибо извѣстія, сообщаемыя Несторомъ, такъ разнообразны по своему составу и по источникамъ, что ни какимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ одному которому-либо изъ упомянутыхъ трехъ разрядовъ лѣтописей, но неминуемо ко всѣмъ тремъ.

Составъ и характеръ всѣхъ лѣтописныхъ сборниковъ, равно какъ и источники ихъ, совершенно одинаковы съ характеромъ и источниками временника Нестора. Стоитъ только взглянуть на любой изъ нихъ, чтобы убѣдиться въ справедливости этого

поколѣнія. Но сборники, одинаковые по своему общему характеру и часто по самымъ источникамъ, въ то же самое время чрезвычайно разнообразны по своему частному и по взгляду на события. Здѣсь въ каждомъ почти сборникѣ рѣзко высказывается или личный характеръ составителя, его умъ и степень образованія, или характеръ мѣстности, племени, къ которому принадлежалъ составитель. Такъ, напримѣръ, составитель Новгородской лѣтописи смотритъ на события какъ новгородецъ, въ Кіевской какъ кіевлянинъ, въ Суздальской какъ суздалецъ, въ Волынской какъ волынецъ, въ Московской какъ москвичъ.

Указавши на общій характеръ лѣтописныхъ сборниковъ и на неодинаковость взгляда въ разныхъ сборникахъ, смотря по степени образованія и по личному характеру составителя, а также и по мѣстности, по народному характеру того или другого племени, къ которымъ принадлежали составители, теперь слѣдуетъ упомянуть о достоинствѣ литературныхъ лѣтописей какъ источниковъ или матеріаловъ для позднѣйшаго историка или изслѣдователя отечественной исторіи. Здѣсь лѣтописные сборники или литературные лѣтописцы съ одной стороны должны нѣсколько уступить и оффиціальнымъ, и современнымъ, и монастырскимъ лѣтописямъ, ибо въ нихъ разсказъ о событіяхъ большею частію идетъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, слѣдовательно, теряетъ часть, если не достовѣрности, то, по крайней мѣрѣ, подлинности первобытнаго разсказа, принимаетъ свой особый отпечатокъ болѣе или менѣе искусственный, и что всего ощутительнѣе для позднѣйшаго историка, въ лѣтописныхъ сборникахъ нерѣдко сглаживаются мѣстныя черты выраженій первобытныхъ источниковъ, иногда рѣзко характеризующія внутренній бытъ того племени, о событіяхъ котораго разсказываетъ позднѣйшій составитель лѣтописнаго сборника.

Но лѣтописные сборники, уступая въ достоинствѣ первобытнымъ лѣтописямъ съ одной стороны, много выигрываютъ съ другихъ сторонъ. Во первыхъ, каждый изъ нихъ, представляя собою соединеніе нѣсколькихъ первобытныхъ лѣтописей, естественно дѣлается разнообразнѣе каждой изъ нихъ, взятой въ отдѣльности; но здѣсь опять встрѣчается неудобство: составитель по своимъ цѣлямъ или по личному взгляду многое могъ выпускать, или объ иномъ упоминать мелькомъ, что

[illegible] чекъ, а не съ тѣхъ, съ которыхъ смотрѣли на нихъ лѣтописи [illegible] найдетъ для себя большое пособіе, онъ откроетъ въ немъ [illegible] сличеніи сборниковъ другъ съ другомъ: ибо, какъ уже за- [illegible] никовъ, такъ что разложеніе сборниковъ на ихъ источники не представляетъ неодолимыхъ затрудненій. *Н. Бѣляевъ.*

Содержаніе Поученія Владиміра Мономаха.

Поученіе Мономаха обнимаетъ обязанности человѣка вообще и князя въ частности, религіозныя, семейныя и общественныя, и представляетъ первообразъ тѣхъ домостроевъ, которые мы видимъ въ послѣдующихъ вѣкахъ: „Страхъ имѣйте Божій въ сердцѣ и милостыню творите неоскудную, потому что это есть начало всякому добру". Такъ начинаетъ Мономахъ свое Поученіе. Потомъ онъ объясняетъ поводъ, по которому написалъ Поученіе: по окончаніи усобицы съ Давидомъ Игоревичемъ на Витичевскомъ съѣздѣ, поѣхалъ онъ на сѣверъ въ Ростовскую область и, будучи на Волгѣ, получилъ посольство отъ двоюродныхъ братьевъ съ приглашеніемъ идти на Ростиславичей Галицкихъ, которые не хотѣли исполнить общаго княжескаго приговора; двоюродные братья велѣли сказать Мономаху: „Ступай скорѣе къ намъ, прогонимъ Ростиславичей и волость у нихъ отнимемъ; если же не пойдешь съ нами, то мы себѣ, а ты себѣ". Мономахъ велѣлъ отвѣчать: „Сердитесь сколько хотите, не могу съ вами идти и преступить крестное цѣлованіе". Угроза братьевъ разъединиться съ нимъ сильно опечалила Мономаха; въ этой печали онъ разогнулъ псалтырь и попалъ на мѣсто: „Вскую печальна еси душе? вскую смущаеши мя?" и проч. Утѣшенный псалмомъ, Мономахъ рѣшился тутъ же написать своимъ сыновьямъ Поученіе, въ которомъ господствуетъ та мысль, что человѣкъ никогда не долженъ совращаться съ праваго пути и во всѣхъ случаяхъ жизни долженъ полагаться на одного Бога, который не дастъ погибнуть человѣку, творящему волю его. Выписавши изъ псалмовъ тѣ мѣста, въ которыхъ выражается эта мысль, также наставленіе изъ Василія Великаго, Мономахъ продолжаетъ: „Тремя добрыми дѣлами побѣждается врагъ нашъ дьяволъ: покаяніемъ, слезами и милостынею; Бога ради, не лѣнитесь, дѣти мои, не забывайте этихъ трехъ дѣлъ; вѣдь они не тяжелы: это не одиночество, не чернечество, не голодъ, которые терпятъ нѣкоторые добродѣтельные люди; такимъ малымъ дѣломъ можно получить милость Божію". „Послушайте меня: если не можете всего исполнить, то хоть половину. Прося у Бога оставленія грѣховъ со слезами, не только въ церкви дѣлайте это, но и ложась спать; не забывайте ни одну ночь класть поклоны [illegible]

[illegible]
Когда и на лошади сидите, да ни съ кѣмъ не разговариваете,
[illegible]
Господи помилуй! если другихъ молитвъ не умѣете, эта
молитва лучше всѣхъ. Больше же всего не забывайте убо-
гихъ, но сколько можете по силѣ кормите, больше другихъ
[illegible]
сильнымъ погубить человѣка. Ни праваго, ни виноватаго
[illegible]
[illegible]
никакой нужды; когда придется вамъ крестъ поцѣловать
[illegible]
и разъ поцѣловавши, берегитесь, чтобъ не погубить души
[illegible]
поповъ и игуменовъ, не устраняйтесь отъ нихъ, по силѣ
[illegible]
[illegible]
[illegible]
далъ намъ, не наше, а твое, поручилъ намъ на малое число
[illegible]

того не забывайте, а чего не умѣете, тому учитесь. Не лѣнитесь ни на что доброе; прежде всего же не лѣнитесь ходить въ церковь: да не застанетъ васъ солнце на постели...“ Въ заключеніе Мономахъ разсказываетъ дѣтямъ о своихъ трудахъ.

Соловьевъ.

Содержаніе и значеніе Поученія Владиміра Мономаха.

Въ Мономаховомъ Поученіи можно замѣтить *три* части, которыя имѣютъ стремленіе развить въ юномъ поселить правила истинно-христіанской жизни вообще и князя-христіанина въ особенности. Первая и самая главная часть имѣетъ опредѣлить *отношеніе человѣка къ Богу*; вторая — *отношеніе къ ближнимъ*; третья часть указываетъ на *отношеніе человѣка къ самому себѣ* и опредѣляетъ *обязанности князя*. Самый составъ и порядокъ Поученія можетъ быть представленъ въ слѣдующемъ видѣ: въ началѣ описывается случай, подавшій поводъ къ написанію Поученія. Самое Поученіе начинается выписками изъ Псалтыри, за коими слѣдуютъ размышленія о величіи Божіемъ, далѣе — общія нравственныя наставленія, потомъ — особыя наставленія, обращенныя именно къ дѣтямъ, касательно образа дѣйствій на войнѣ, во время мирныхъ отношеній съ сосѣдями, при исправленіи обязанностей судьи, въ домашнемъ быту между своими братьями князьями. Наконецъ, слѣдуетъ *автобіографія* Мономаха, въ которой находится много новыхъ обстоятельствъ, умолчанныхъ лѣтописями, а главное — представляется общее изображеніе княжеской жизни того времени, домашнія занятія, хозяйственныя распоряженія, безпрерывныя путешествія изъ города въ городъ по всѣмъ областямъ, составлявшимъ то или другое княжество.

Мысль Мономаха — указать и, по возможности, опредѣлить отношеніе человѣка къ Богу, — мысль весьма важная для того времени, когда Русь только что приняла христіанство, только что начала сознавать себя подъ вліяніемъ новыхъ христіанскихъ понятій. Во времена господства языческія отношенія человѣка къ божеству обыкновенно бываютъ слишкомъ внѣшнія.

формальны: человѣкъ даже и не предполагаетъ тогда возможности какихъ либо иныхъ, болѣе внутреннихъ, сердечныхъ отношеній къ божеству. Язычество вообще характеризуется, какъ натурализмъ: язычникъ обоготворяетъ видимую природу и ея явленія. Не подозрѣвая существованія неизмѣнныхъ законовъ, которыми управляется природа, язычникъ предполагаетъ въ ней такія же произвольныя желанія, какія онъ сознаетъ въ себѣ. Но въ то же время онъ представляетъ природу, съ одной стороны, могучею и всевластною, а потому боится ея и старается умилостивить чисто внѣшнимъ образомъ — жертвами; съ другой стороны — въ его умѣ возникаетъ мысль о возможности покорить, подчинить себѣ эту природу. Разумѣется, не всякій человѣкъ имѣетъ силу покорить природу; такую силу, по мнѣнію народа, имѣютъ только чародѣи, люди вѣщіе, знающіе. Такое внѣшнее, формальное отношеніе къ божеству, по которому человѣкъ то униженно склоняется передъ природою, то сознаетъ себя надъ нею могущественнымъ царемъ, передъ магическимъ словомъ котораго она должна преклоняться, еще болѣе усилилось въ русскомъ язычествѣ съ того времени, какъ въ немъ стала развиваться идея *рока*, судьбы. Въ русскомъ язычествѣ совершенно отсутствовала нравственная оцѣнка человѣческихъ дѣйствій. Одни люди являлись любимцами боговъ — „богатыми", другіе — „убогими" — слово, означающее отверженца боговъ. Чтобы восполнить бездну, оставленную отсутствіемъ нравственнаго содержанія въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, язычество и создало идею судьбы (рока), которая должна опредѣлять ходъ человѣческой жизни. Эту судьбу прежде соединяли съ непосредственнымъ вліяніемъ звѣздъ и планетъ; впослѣдствіи звѣзды превратились въ „роженицъ" или дѣвъ судьбы, которыя опредѣляютъ будущее.

Съ принятіемъ на Руси христіанства явилась нужда опредѣлить отношеніе человѣка къ Божеству, сообразно съ христіанскими началами; явилась необходимость разъяснить новымъ христіанамъ, что Богъ есть живое, дѣятельное, полное безконечной любви къ міру существо, которое въ свою очередь требуетъ не пустого формальнаго отношенія къ нему, а внутренней, живой, чистосердечной любви и безпредѣльной преданности его волѣ. Уже до Мономаха были люди, которые старались провести въ среду тогдашняго общества такую

[illegible]

въ той части его Слова, гдѣ онъ говоритъ о достоинствѣ

[illegible]

стовъ, посѣщенію храмовъ и т. д., а о томъ, какъ христіа-

[illegible]

совѣта о поклонахъ и молитвѣ онъ переходитъ къ дѣламъ
милосердія и правды — и говоритъ: „всего же паче убогихъ

[illegible]

[illegible]

религіозныхъ предписаній и нравственныхъ наставленій.

Въ той части своего Поученія, въ которой Мономахъ обра щается къ своимъ дѣтямъ, какъ князьямъ, правителямъ свѣ- [illegible] нюю любовь народа, которою онъ такъ славенъ въ древней [illegible] малъ, что требуется отъ князя для того, чтобы народъ былъ [illegible] никовъ и бирючей.

[illegible]

[illegible] полкомъ.

[illegible] ни повелѣвайте убити его", говоритъ онъ.

[illegible] „Аще будеть повиненъ въ смерти" — и тогда „душа не погубляется никакоже [illegible]", говоритъ Мономахъ. [illegible]! Изъ этихъ словъ [illegible] съ которою современникъ Мономаха, митрополитъ Никифоръ, печаловался предъ этимъ княземъ за осужденныхъ. Митрополитъ очень хорошо зналъ, что онъ имѣетъ дѣло съ образованнымъ и гуманнымъ княземъ-христіаниномъ, которому собственное его сердце подскажетъ правость тамъ, гдѣ слова защитника не будутъ достаточно убѣдительны. „О семь испытай, княже мой", писалъ Никифоръ въ одномъ посланіи къ Мономаху, — „о томъ помысли, о затворенныхъ отъ тебе, о осужденныхъ отъ тебе наказанья ради, о презрѣныхъ; въспомяни о всѣхъ, кто на кого изрече и кто кого оклеветалъ, и самъ суди разсуди таковыя, и якоже отъ Бога наставляемъ, всѣхъ помяни, и тако сътвори и отпусти, да и ся отпустятъ и отдадятъ, и ти ся отдасть. Аще бо не отпустимъ... грѣхопаденія человѣкомъ, ни Отецъ небесный оставитъ намъ прегрѣшеній нашихъ"... Чтобы князь не подумалъ, что митрополитъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ по какимъ-либо частнымъ обстоятельствамъ, а не по наставленію церкви, Никифоръ прибавляетъ: „Нынѣ, ради благовѣрія твоего, просто написалъ я такъ на воспоминаніе тебѣ, потому что великія власти великаго напоминанія требуютъ: великую пользу приносятъ онѣ и великимъ грѣхамъ подвержены".

[illegible]

кромѣ того, уважать и слушаться ихъ совѣтовъ.

[illegible]

номъ бытѣ, и съ этой стороны имѣетъ большое внѣшнее

[illegible]

сколько нравствененъ принципъ домостроя Мономахова, на-
столько же, можно сказать, безнравствененъ (въ смыслѣ от-

[illegible]

У Сильвестра всюду внушается уклончивость, примирительность къ злымъ и уступчивость къ сильнымъ. Множество поученій его направлены именно къ тому, чтобы научить, какъ уживаться съ разными людьми въ жизни, и при этомъ только по возможности сохранить правду, жертвуя при случаѣ ею, чтобы не поссориться съ несправедливыми людьми и тѣмъ не повредить ни своимъ добрымъ къ нимъ отношеніямъ, ни другимъ своимъ интересамъ. Такія правила уклончивости, примирительности и уступчивости людямъ, которыя въ жизни легко переходятъ въ совершенное равнодушіе къ правдѣ и неправдѣ, а затѣмъ въ потворство неправдѣ, какъ извѣстно, въ концѣ концовъ можетъ привести къ совершенному безсилію общественнаго мнѣнія и суда надъ людьми несправедливыми, къ уничтоженію прямыхъ и искреннихъ отношеній между людьми и къ совершенному ослабленію нравственной жизни общества. Совсѣмъ не таковъ взглядъ Мономаха. Не только въ разсматриваемой части Поученія, но и во всемъ этомъ произведеніи мы не находимъ ничего сходнаго съ принципомъ Сильвестра. Русскій человѣкъ XII вѣка гораздо непосредственнѣе смотрѣлъ на людскія отношенія и болѣе вѣрилъ въ искренность этихъ отношеній, нежели русскій же человѣкъ XVI вѣка, и въ противоположность послѣднему, скорѣе былъ готовъ пожертвовать собственными интересами за правду, чѣмъ примѣняться къ обстоятельствамъ, льстить и угождать несправедливымъ людямъ. Вотъ въ какую дурную сторону уклонилась нравственная жизнь XVI вѣка, очевидно, еще носившая тогда мрачные слѣды двухвѣковаго рабства азіатскимъ варварамъ. Но зато какъ свѣжи, какъ отрадны понятія молодой, еще не испорченной государственными бѣдствіями до-татарской Руси! Ея безхитростныя понятія являются подчасъ даже наивными, въ которыхъ прямо звучитъ юношеская неопытность народа сравнительно съ отталкивающею и холодною старческою разсчетливостію современниковъ Сильвестра. Сильвестръ совѣтуетъ, напримѣръ, угостить, а иногда и подарить заѣзжаго купца съ тѣмъ практическимъ расчетомъ, чтобы купцы, зная гостепріимство человѣка, „мимо его добраго товара не проѣзжали“ (гл. XL). Мономахъ также предписываетъ гостепріимство, особенно къ чужеземцамъ, но совсѣмъ не съ такимъ сухимъ матеріальнымъ расчетомъ, какой обнаруживается у Сильвестра. Какъ цѣлый человѣкъ, Мономахъ не лишенъ былъ

[illegible] предпи-сываетъ Мономахъ: „откуду же къ вамъ придетъ, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ, ти бо мимоходячи прославять человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ“.

Опредѣливши отношенія къ людямъ, Мономахъ переходитъ къ отношенію къ самому себѣ. Мономахъ требуетъ, чтобы не было гордости ни въ сердцѣ, ни въ умѣ: „паче всего гордости не имѣйте въ сердци и въ умѣ; но рцемъ: смертни есми, днесь живи, а заутра въ гробѣ“. Онъ хорошо понималъ, что гордость есть величайшій порокъ, который препятствуетъ человѣку идти по пути къ нравственному самоусовершенствованію. Гордость ума дѣлаетъ человѣка обыкновенно самомнѣннымъ, заставляетъ его кичиться нерѣдко мнимыми достоинствами и чрезъ то забывать, что всѣ люди равны, какъ по происхожденію отъ одного Творца, такъ и по одинаковой смертности всего вообще человѣчества. Вотъ почему онъ совѣтуетъ постоянно помнить о смертномъ часѣ: „смертни есмы, днесь живи, а заутра въ гробѣ“, такъ какъ памятованіе о смерти, всегда готовой встрѣтить человѣка, всего лучше убиваетъ гордость. Но еще болѣе могла казаться Мономаху недостойною христіанина — гордость въ сердцѣ, такъ какъ эта гордость окончательно уничтожаетъ христіанскую любовь къ ближнимъ, дѣлаетъ человѣка безсердечнымъ и безучастнымъ къ несчастіямъ ближнихъ. Онъ совѣтуетъ постоянно говорить себѣ: „се все что ны (ты) еси (Господи) вдалъ, не наше, но твое, поручилъ ны еси на мало дній“. И въ силу этой мысли онъ прибавляетъ: „въ земли не хороните, то есть великъ грѣхъ“, то-есть, не копите, не прячьте въ землю своихъ пріобрѣтеній, но раздавайте неимущимъ вашимъ ближнимъ, ибо прятать — великій грѣхъ.

Опредѣливши внутреннее отношеніе человѣка къ самому себѣ, Мономахъ старается указать нѣкоторыя правила внѣшняго поведенія человѣка у себя дома и въ обществѣ. Съ этой стороны Поученіе Мономаха особенно близко сходится съ Домостроемъ Сильвестра, содержащимъ, главнымъ образомъ, наставленія — какъ вести себя дома и въ людяхъ. Но и тут

нечно не одно превосходство Мономаха [illegible] стромъ. Сильвестръ [illegible] хозяйственныхъ [illegible] нихъ наставленій часто съ мелочами и [illegible]. [illegible] Сильвестра доходитъ до того, что онъ [illegible] совѣтуетъ покупать хозяйственные припасы въ свое [illegible] (гл. XL), покупать не по мелочамъ, а запасы (XLI), купленные припасы сберегать, чтобъ они не испортились или не были раскрадены. Такъ всюду и проглядываетъ [illegible] практическій и расчетливый умъ Сильвестра, который выше всего на свѣтѣ ставитъ, „чтобъ у рубля полтина сбереглась". Гораздо проще и короче высказывается объ этомъ Мономахъ. Онъ говоритъ только: „въ дому своемъ не лѣнитеся, но все видите": и этого достаточно. Тутъ ясно, что домохозяину не должно лѣниться, но за всѣмъ самому смотрѣть, а при такихъ условіяхъ само собою все будетъ въ порядкѣ. Далѣе у Мономаха прибавляется: „не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящіи къ вамъ и дому вашему, ни обѣду вашему". И затѣмъ онъ снова говоритъ противъ лѣни, особенно на войнѣ, во время которой совѣтуетъ не предаваться продолжительному сну и даже по возможности не снимать оружія во время сна, такъ какъ отъ лѣности не трудно погибнуть на войнѣ: „лѣностіами внезапу бо человѣкъ погыбаетъ". Владиміръ Мономахъ, какъ замѣтно, почему-то особенно часто говоритъ въ своемъ Поученіи противъ лѣности. Въ одномъ мѣстѣ Поученія онъ въ слѣдующихъ словахъ опредѣляетъ лѣность и указываетъ на дурные результаты этого порока: „лѣность бо всему мати, еже умѣетъ, то забудетъ, а его же не умѣетъ, а тому ся не учитъ; добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе". Не указываютъ ли такія настойчивыя и частыя повторенія наставленій не лѣниться на то, что наши предки отличались неповоротливостію, апатичностію въ веденіи своихъ дѣлъ и отсутствіемъ подчасъ необходимой энергіи? Если эта особенность русскаго характера и въ настоящее время даетъ иногда себя знать, то съ большою вѣроятностію можно предположить то же самое и у современниковъ Мономаха. Отсутствіе необходимой жизненной энергіи и лѣнивый, неподвижный характеръ древняго русскаго человѣка даже побудили русскую проповѣдь того времени употребить свое слово противъ указаннаго общаго недостатка. Въ „поученіи лѣнивымъ, иже не дѣлаютъ", между прочимъ, говорится слѣдую-

[illegible] Въ утреннее спанье и на дѣло [illegible] ихъ лѣнивыхъ. «Ахъ, о лѣнивы, убѣгаете страдъ (трудовъ) вы, то и вѣчныхъ не [illegible] благъ, ихъ же [illegible] Богъ обѣщалъ [illegible] злыма есть... кто убо на дѣло лѣнивъ, той и о души своей не подвизается»[4].

Всегда бодрыми и трезвыми представлялъ Мономахъ особенно ночныхъ поклоновъ, которые всего лучше охраняютъ отъ бѣса, имѣющаго ночью, по понятіямъ нашихъ предковъ, особенную власть и силу надъ людьми. «На ночь, — говоритъ Мономахъ, — на ночь же всѣ, аще можете, поклонитеся до земли, али вы ся начнетъ не мочи, а трижды. А того не забывайте, не лѣнитеся. Тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человѣкъ побѣждаетъ дьявола, и что въ день согрѣшитъ, а тѣмъ человѣкъ избываетъ». Убѣжденіе нашихъ предковъ въ томъ, что дьяволъ имѣетъ большую силу надъ людьми по ночамъ, сохранилось на Руси отъ далекихъ временъ язычества, по вѣрованіямъ которого темныя демоническія силы бодрствуютъ ночью и начинаютъ свою дѣятельность только при наступленіи ночи и преимущественно въ темныхъ мрачныхъ мѣстахъ, гдѣ-то въ дремучихъ лѣсахъ, топкихъ болотахъ и водяныхъ омутахъ.

Утромъ, вставая послѣ сна, Мономахъ предписываетъ тотчасъ [illegible]: «Да не застанетъ васъ солнце на постели». Пробудившись, нужно первое къ церкви и заутренюю отдавше Богови хвалу». Такимъ образомъ, Мономахъ предписываетъ начинать день молитвою во храмѣ.

[illegible] имѣя въ виду своихъ дѣтей князей, Мономахъ совѣтуетъ немедленно же послѣ молитвы «сѣсть думати съ дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати». «Спанье, — замѣчаетъ Владиміръ, — есть отъ Бога присужено полудне: отъ чина бо почиваетъ и звѣрь, и птица и человѣци». И дѣйствительно, обычай послѣобѣденнаго полуденнаго сна былъ во всеобщемъ употребленіи въ древнее время. «И приидоша (Половцы) въ монастырь Печерскій, — разсказываетъ лѣтописецъ, — намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ по заутрени», то есть, послѣ утрени, около полудня. [illegible] Өеодосія [illegible] [illegible], который [illegible]

гривны золота и злата на икону Богородицы въ монастырь Феодосія, но забылъ исполнить. И се по днехъ нѣкихъ спящу ему въ полудне", явися ему жена, напоминая о гривнахъ обѣщанныхъ. Отмѣтимъ, что суевѣріе это ведетъ свое начало изъ отдаленной древности. По старымъ поэтическимъ представленіямъ древнихъ языческихъ славянъ, въ полдень, преимущественно на поляхъ, являются какія-то духовныя существа, называемыя „полудницы", съ серпами въ рукахъ, и всякаго, замѣшкавшагося на работѣ, эти полудницы останавливаютъ, начинаютъ разспрашивать: какъ обрабатывать и прясть ленъ и т. п., и кто не успѣетъ противъ ихъ вопросовъ, тому срубаютъ голову серпомъ. Отдыхъ сонъ въ полдень — самое лучшее средство къ тому, чтобъ избѣжать пагубной встрѣчи съ полудницами.

„Лжи блюдися и пьянства, въ томъ бо душа погибаетъ и тѣло", предписываетъ Мономахъ. Ложь — порокъ весьма обычный въ то темное время, когда нравственное сознаніе настолько было еще слабо, что многіе даже не признавали и порокомъ ложь. Пьянство нужно отнести къ тѣмъ порокамъ, которые достигли высокаго развитія въ тогдашнемъ обществѣ. Понятно, что они вызвали Мономаха сдѣлать предостереженіе противъ нихъ своимъ современникамъ.

Мы замѣтили, сопоставляя Сильвестровскій Домострой XVI вѣка съ Поученіемъ Владиміра Мономаха, что въ послѣднемъ отношенія, долженствующія быть между людьми, рисуются болѣе искренними и правдивыми, сравнительно съ несовсѣмъ честною примѣнительностію и угодливостію людямъ, возведенною въ руководительный принципъ Домостроемъ XVI вѣка. Мы должны прибавить, что эта искренность и правдивость отношеній человѣка къ другимъ людямъ, предписываемая Владиміромъ Мономахомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ проникнута въ высшей степени христіанскою гуманностію, достойною человѣка, воспитавшагося и не при тогдашнемъ, еще весьма низкомъ, уровнѣ общественнаго развитія. Среди человѣческихъ отношеній, отношенія между мужемъ и женою, безспорно, самыя близкайшія и тѣснѣйшія. По понятіямъ церковнымъ, мужъ и жена составляютъ одно существо, и связь между ними должна продолжаться до самой смерти кого-либо изъ нихъ. Владиміръ Мономахъ хорошо понималъ, что такая тѣсная связь между супругами, проповѣдуемая церковью, не возможна безъ любви и потому предписываетъ: „жену свою любите".

[illegible] Мономахъ [illegible] Поученія [illegible] Мономахъ [illegible] помощнымъ бѣднякамъ.

Переходимъ теперь къ заключительной мысли Поученія Владимира Мономаха.

Въ самомъ концѣ Поученія Мономахъ проводитъ мысль о промыслѣ Божіемъ, простирающемся на каждый случай жизни человѣческой. Еще въ срединѣ Поученія онъ говоритъ, что въ основѣ всего, всѣхъ человѣческихъ дѣйствій долженъ лежать страхъ Божій, то-есть постоянная мысль о Богѣ и о томъ, что онъ видитъ всѣ дѣла и помышленія человѣка, и что потому нужно всегда остерегаться оскорбить его дурными поступками; все же въ концѣ всему — страхъ Божій имѣйте выше всего. Теперь, какъ бы дополняя прежде сказанное, онъ говоритъ, что въ жизни съ человѣкомъ даже ничего не можетъ

[illegible] читать: «напойте, накормите упе ппа», — то-есть, лучше иного кого-нибудь. Но кажется, самое лучшее толкованіе г. Аристова (Хрест. по русск. исторіи. Вар- [illegible] это послѣднее толкованіе.

[illegible] не могуть отъяти... Божье блюденье лѣплѣе есть человѣчьскаго. [illegible] потому что ничего не [illegible] Божьей [illegible] сохранит [illegible] Если же человѣкъ не станетъ [illegible] Божьимъ [illegible] лѣплѣе есть человѣчьскаго“.

[illegible]

Владимиръ Мономахъ по лѣтописи.

Лѣтопись [illegible] его самымъ добрымъ сыномъ [illegible] живота и по смерти [illegible] Позже, благоговѣйно памятуя о немъ, [illegible] образомъ чтитъ и мачеху. Приступая къ Кіеву съ войсками, для наказанія в. к. Святополка за вину его противъ Василька, онъ остановленъ вдовою Всеволода, высланнаго къ нему кіевлянами, расплакался и рече: „по истинѣ отцы наши и дѣды наши соблюли землю русскую, а мы хочемъ погубити. И приклонися на мольбу княжину“. Чувство семейное выражается въ немъ и крѣпкою любовью

[illegible] «Богъ невреженa мя съблюде».

[illegible]
Таковы отношенія его семейныя.

[illegible]
ся створи се въ русьстѣй земли и въ насъ въ братьи.... да аще сего не правимъ, то больше зло встанеть на насъ, и
[illegible]

[illegible]

народной.

О. Миллеръ.

Владимиръ Мономахъ по лѣтописи.

[illegible] вить это зло... да аще сего не правимъ, то больше зло вста- [illegible]

[illegible] въ животѣ и по смерти не ослушаяся его ни въ чемъ же". [illegible]

[illegible] щая къ нему напиташе и напаяше". Говоря о смерти Мономаха, всѣ лѣтописцы пользуются случаемъ высказать какую-нибудь похвалу князю, а Лаврентьевская, Ипатьевская и [illegible] украшенный добрыми нравы, прослувый въ побѣдахъ, его [illegible] его: понеже убо онъ всею душею възлюби Бога... Се же чуд- [illegible] страхъ вприно имѣя въ сердци... добро творяще врагомъ своимъ, отпуща я одарены. Милостивъ же баше паче мѣры... [illegible] лѣта его въ добродѣтельствѣ". Въ томъ же родѣ, только нѣ- [illegible] его же слухъ произиде по всѣмъ странамъ, наипаче же бѣ [illegible] родину — вотъ идеалъ древне-русскаго князя.

Пр[illegible]

Общее содержаніе, идея и форма Слова о полку Игоревѣ.

[illegible] ромъ авторъ, обращаясь „къ братіи", заявляетъ, что онъ [illegible] чество" Бояна.

Затѣмъ въ Словѣ рисуются четыре главныя картины.

[illegible] вызванныя этимъ пораженіемъ.

[illegible] со слезами смѣшаннымъ".

[illegible]

[illegible] дымъ съ ихъ дружиною.

Таково общее содержаніе „Слова"!

Но, рисуя эти картины, творецъ влагаетъ въ нихъ и свою политическую думу о [illegible] Руси. [illegible] чѣмъ, что-то же, единаго государства русскаго. Печальное зрѣлище представляла тогда кіевская Русь: она состояла изъ мелкихъ областей, раздробленныхъ между собою и живущихъ своими особыми интересами. Князья этихъ областей занимались только личными счетами и ковали крамолы другъ на друга. Внутри себя Русь представляла тогда совокупность лагерей, враждебно стоявшихъ другъ къ другу. Чѣмъ яснѣе было государственное сознаніе автора „Слова", тѣмъ больнѣе возмущается душа его бѣдствіями, вытекавшими изъ этой удѣльной розни и княжескихъ усобицъ. Стонетъ Кіевъ, стонетъ градъ Черниговъ, взываетъ онъ, и печаль жирная течетъ по землѣ русской. Гибнутъ вои, гибнетъ дружина, и плачь и стоны раздаются въ осиротѣлыхъ семействахъ. Со всѣхъ сторонъ скачутъ враги и зорятъ безпрестанно русскія области и города. Все больше и больше изнемогала сила русская, и

[illegible]
всѣ области кіевской Руси суть *„единная земля русская“*.

Здѣсь мы замѣтимъ, что это понятіе *„земли русской“* было [illegible]
трудахъ и страдахъ, коими отцы и дѣды наши стяжали и [illegible]

[illegible]
тую рѣчь, которую самъ же называетъ *„золотымъ словомъ“* [illegible]
ской Руси. Съ высоты кіевскаго престола Святославъ обра-
щается ко всѣмъ тогдашнимъ князьямъ, зоветъ ихъ на помощь

и умоляетъ ихъ вступиться за землю русскую, за раны Игоревы, стрѣлять того поганаго Кончака, загородить полю ворота своими острыми стрѣлами, за землю русскую, за раны Игоревы. Самъ онъ, глубокій старикъ, готовъ съ пыломъ молодого сердца стать грудью за русскую землю и напасти на враговъ подобно соколу, разъярившемуся во время мыта; но вотъ зло: князья ему не помогаютъ.

Стоя на высотѣ этого государственнаго идеала земли русской, авторъ и самъ чувствуетъ себя свободнымъ отъ внѣшнихъ стѣсненій, стоитъ выше князей, раздаетъ имъ похвалы и порицанія, и цѣломъ какъ властный носитель исторической истины и правды. Какъ дружинникъ, онъ восторгается дѣйствіями князей, насколько отражался въ нихъ идеалъ дружинный. Онъ сочувствуетъ ихъ стремленіямъ водить вои на землю половецкую; онъ благоговѣетъ предъ ихъ храбростью, безстрашіемъ и готовностью сложить свою голову; онъ дорожитъ дружинными понятіями рыцарской чести и славы. Но, какъ человѣкъ государственный, онъ скорбитъ въ то же время объ удѣльной розни, о княжихъ крамолахъ, какъ губившихъ силу русскую. Этимъ объясняется и нѣкоторая двойственность въ характерѣ Слова: пѣснь славы является въ то же время и пѣснью скорби; восторженный тонъ быстро смѣняется элегическимъ, и радость и горе здѣсь, такъ сказать, обнимаются.

Многіе видятъ Слово нестройнымъ по своей внѣшней формѣ: одни видятъ въ немъ пропуски, другіе — вставки, иные смѣшеніе фактовъ. Мы, съ своей стороны, не видимъ ничего подобнаго. Напротивъ, на нашъ взглядъ, Слово и по своей внѣшней формѣ есть произведеніе удивительно цѣльное и гармонически стройное.

Особенности формы Слова съ одной стороны обусловлены подражаніемъ пѣснотворчеству Бояна, а съ другой — личнымъ творчествомъ автора.

Подобно тому, какъ Боянъ, начиная кому пѣснь творить, уносился фантазіей ко временамъ отдаленнымъ и художественно сочеталъ свое время съ временами древними, и авторъ Слова *свиваетъ* въ немъ свою эпоху — эпоху Игоря и Святослава, съ эпохой старой, воспѣтой Бояномъ — эпохой Олега и Ярослава. Такое *свитіе* двухъ эпохъ проходитъ чрезъ все Слово, отъ начала до конца представляетъ тотъ историческій нервъ, который связываетъ его съ поэзіей Бояна и служитъ оправ

ческимъ укладомъ двухъ литературныхъ направленій. Обѣ указанныя эпохи имѣютъ внутреннюю связь: тамъ — въ княжихъ первыхъ временъ, воспѣтыхъ Бояномъ, лежитъ начало усобицъ, которыя всосали такими несчастьями въ годину Святослава и Игоря. Гранью, соединяющею обѣ эти эпохи, служитъ Владиміръ Мономахъ: его относитъ авторъ Слова къ первой годинѣ и къ первымъ князьямъ, но именно отъ него же начинаетъ онъ и свою собственную повѣсть: „почнемъ же повѣсть сію отъ стараго Владиміра". Говоритъ ли авторъ о неслыханныхъ бѣдахъ Игоря, вызванныхъ его дерзкой личной силы и начатыхъ необдуманно, онъ вводитъ въ эту картину и воспоминаніе о томъ, какъ было „въ ты рати и въ ты плъкы" въ эпоху Ярослава и Олега, при усобицахъ, пѣтыхъ Бояномъ. Обращается ли онъ затѣмъ на западъ Руси, къ славному нѣкогда Полоцкому княжеству, онъ и здѣсь усобицы своего времени связываетъ съ усобицами времени стараго и рядомъ съ Изяславомъ, княземъ нынѣшнимъ, годины Святославовой, изображаетъ Всеслава, князя первыхъ временъ, воспѣтыхъ Бояномъ. Вызывая самого Святослава какъ носителя идеи единой земли русской во время похода Игорева, онъ, при изображеніи бѣдствій, вызванныхъ этимъ походомъ, съ сожалѣніемъ вспоминаетъ и Владиміра Мономаха, который держалъ знамя этой идеи на тѣхъ же горахъ кіевскихъ въ годину первую, при первыхъ князьяхъ, пѣтыхъ Бояномъ.

При этомъ самыя характеристики князей старой эпохи по преимуществу отзываются эпическими очертаніями и видимо отражаютъ на себѣ воздѣйствіе Бояновыхъ пѣсенъ.

Такимъ образомъ тѣ мѣста, которыя нѣкоторымъ изслѣдователямъ кажутся излишними или мало умѣстными, нарушающими стройность или послѣдовательность разсказа, на нашъ взглядъ, являются въ Словѣ существенными и органически необходимыми: онѣ именно показываютъ, что авторъ его отъ начала до конца находится подъ воздѣйствіемъ Бояна и, подобно ему, связалъ въ своей пѣсни разныя эпохи. Слово, такъ сказать, соткано на основѣ Боянова пѣснотворчества: пѣснь по былинамъ отражаетъ въ себѣ форму старой исторической пѣсни на героической основѣ.

Далѣе форма Слова характеризуется свободнымъ творческимъ расположеніемъ историческихъ фактовъ. При чтеніи и художественной его оцѣнкѣ никакъ не слѣдуетъ забывать,

что авторъ является въ немъ не какъ историкъ, а какъ художникъ — поэтъ. Не преемственность фактовъ, не дробность событія имѣютъ для него значеніе, но лишь характеры дѣйствующихъ лицъ и главнѣйшіе моменты дѣйствія, въ которыхъ сказалась ихъ сила. Слово представляетъ не лѣтописное повѣствованіе о событіи, а лишь, такъ сказать, галлерею отдѣльныхъ картинъ этого событія художественно воспроизведенныхъ творческимъ геніемъ и озаренныхъ одной и той же идеей. Вслѣдъ за вступленіемъ, не касаясь никакихъ обстоятельствъ похода, авторъ прямо начинаетъ разсказъ свой съ характеристики Игоря, какъ отважнаго и рѣшительнаго героя: онъ прямо ставитъ его въ землѣ половецкой и притомъ въ самую критическую минуту его нравственной борьбы, когда онъ съ одной стороны стоитъ уже на вражеской землѣ, а съ другой — само небо заставляетъ его воротиться. Это былъ моментъ, въ которомъ наиболѣе всего сказалось его нравственное расположеніе къ воинскому подвигу. При этомъ собственными его словами авторъ характеризуетъ неустрашимый и непреклонный духъ своего героя.

Характеристику Игоря авторъ заканчиваетъ славословіемъ его дружины, достойной, по собственнымъ словамъ его, пѣснотворчества Боянова. Его творческому воображенію невольно представляется при этомъ и другой главный герой его поэмы, князь Всеволодъ съ его курянами, къ характеристикѣ которыхъ онъ и переходитъ, пользуясь совершенно другимъ моментомъ дѣйствія.

Любопытенъ и въ высшей степени своеобразенъ переходъ отъ одной характеристики къ другой. Пользуясь пѣснями Бояна, или поддѣлываясь подъ ихъ размѣръ, и недоумѣвая, какъ лучше прославить отважную рѣшимость Игоря и его дружины, онъ продолжаетъ:

Стоятъ стязи въ Путивлѣ,
Игорь ждетъ мила брата Всеволода.
И рече ему буй-туръ Всеволодъ.

Такимъ образомъ съ полей половецкихъ, отъ страшнаго солнечнаго знаменія, авторъ свободно и быстро переноситъ Игоря въ родную землю на бесѣду съ своимъ братомъ, въ тотъ моментъ приготовленія ихъ къ походу, въ который также ярко сказался нравственный образъ этого „буй-тура" и его рѣшимость дѣйствовать заедино.

При этомъ авторъ характеризуетъ его подобно Игорю, также собственными его словами. „Свѣтлый ты Игорь“ говоритъ Всеволодъ, оба мы Святославичи, т. е. одного мы племени и духу: сѣдлай своихъ борзыхъ коней, а мои давно ужъ готовы“. Итакъ, и второй герой былъ столь же рѣшителенъ и того-же желалъ, какъ и самъ Игорь. Дружина же его по собственнымъ словамъ, была свѣдома въ воинскихъ дѣлахъ и закалена въ бояхъ, она была достойна своего государя. [illegible] представить художественное описаніе [illegible].

Охарактеризовавъ подобнымъ образомъ главныхъ своихъ героевъ въ самыя рѣшительныя минуты [illegible] возбужденными къ ратному подвигу, авторъ [illegible] Игоря въ путь: солнечное затменіе [illegible] переполохъ въ степяхъ половецкихъ, взбудораженныхъ походомъ Игоря. Дальнѣйшее движеніе его описывается также кратко: Игорь къ Дону вои ведетъ и [illegible] знаменіями природы, которая предвѣщаетъ [illegible] ему на пути.

Далѣе изображается самый бой и [illegible] Игоревыхъ.

Такимъ образомъ весь этотъ разсказъ о походѣ Игоря представляетъ здѣсь рядъ живописныхъ очерковъ, изображающихъ слѣдующіе главнѣйшіе моменты событія: 1) [illegible] Игоря въ минуту страшнаго солнечнаго знаменія. 2) [illegible] Всеволодъ въ минуту приготовленія къ походу. 3) переполохъ въ земли половецкой. 4) новые успѣхи на дальнѣйшемъ пути Игоря; 5) первая удачная сѣча и несчастная [illegible]. Несмотря [illegible] времени и мѣста, [illegible] фактовъ имѣютъ при этомъ значеніе; [illegible] съ ихъ думами и ощущеніями прежде всего носятся въ творческомъ духѣ автора.

Итакъ, другая существенная особенность внѣшней формы Слова характеризуется быстрыми и неожиданными переходами отъ одного момента дѣйствія къ другому. Эти переходы [illegible], подобные перелетамъ орла или рысканію волка, но въ сущности они указываютъ на поэтическій геній автора, умѣвшаго схватить самые существенные моменты въ событіяхъ и въ немногихъ словахъ художественно очертить характеры дѣйствующихъ лицъ, не нарушая въ сущности сцены самаго дѣйствія.

Эта особенность, какъ [illegible] черта, проходитъ чрезъ все Слово отъ начала до конца. Тѣ изслѣдователи, кото-

рые смотрятъ на Слово съ точки зрѣнія лѣтописной и предъявляютъ къ нему требованія хронологіи и фактической послѣдовательности, на нашъ взглядъ, обнаруживаютъ лишь свое недомысліе художественнаго и творческаго характера Слова и значенія самого пѣвца, который характеризуетъ лица и событія, какъ поэтъ, а не описываетъ ихъ, какъ историкъ. Не слѣдуетъ отъ автора требовать того, чего онъ вовсе не думалъ.

Е. Барсовъ.

Общій характеръ и духъ Слова.

Наблюдая Игореву пѣснь относительно духа, находимъ, что отличительный характеръ оной состоитъ въ соединеніи двухъ главнѣйшихъ началъ: любви къ землѣ русской и ея славѣ, и вѣры въ жизнь природы и глубокаго съ нею сочувствія. Два начала сіи — суть основныя и господствующія въ духѣ поэзіи пѣвца Игоря: изъ нихъ уже проистекаютъ, или ими проникнуты; или подъ ихъ господствомъ раскрываются другіе виды любви и вѣры, другія чувства и понятія.

А. Духъ любви.

Любовь къ русской землѣ и ея славѣ есть первое, главнѣйшее начало въ пѣсни Игоря. Изъ сего-то родника, изъ сей общественной, родинной любви проистекаютъ: во-первыхъ, разлитый по всей пѣсни ратный духъ, соединенный съ мстительнымъ чувствомъ обиды къ поганымъ половцамъ; во-вторыхъ, любовь къ минувшему, воспоминанія о прежнихъ князьяхъ русской славы и силы; въ третьихъ, духъ скорби и гнѣва на междоусобія и крамолы удѣльныхъ князей, столь бѣдственныя для русской земли и недостойныя прежней славы ея; въ-четвертыхъ, грустный тонъ цѣлой пѣсни, который, по освобожденіи Игоря, перемѣняется на радостное движеніе. Сею главною, родинною любовью усилена личная любовь пѣвца къ героямъ его пѣсни; съ нею соединена и любовь его къ пѣснопѣнію вообще, и вѣра его въ природу; выраженіемъ оной служатъ у него и пѣсни дѣвъ, ею проникнута у него и любовь женская.

За землю русскую и ея славу — вотъ главная мысль, основная пружина дѣйствія, непрестанно повторяющееся слово въ его

пѣсни. Такимъ образомъ, Игорь исполнился ратнаго духа и навелъ храбрые полки свои на землю половецкую за землю русскую; русичи полетѣли за землю русскую; злато русское потопилъ Игорь въ половецкой рѣкѣ; русскимъ златомъ засыпаны; по русской землѣ простерлись опять половцы съ побѣдами и пламенемъ; вступилась за эту обиду пѣснь, жалѣя князя, вступилась за землю русскую и раны Игоревы, повторяя его призывы: на землю русскую навели поганыхъ своими крамолами князья половцы. О, стонать русской землѣ, вспоминая прежнее время и первыхъ князей своихъ. О русская земля! Ты уже за шеломянемъ еси! — два раза восклицаетъ пѣснь, когда русскіе перешли за предѣлы ея въ незнаемое поле земли половецкой.

а) *Ратный духъ.*

Ратный духъ воспитывался въ русскихъ племенахъ особенно набѣгами азіатцевъ, непрестанными съ ними битвами и схватками оборонительными, наступательными и союзными, — и обратился въ потребность, въ славу и честь. И уже лѣтописцы говорили: „бранная слава лучше есть мира студна“! Изображеніемъ сего ратнаго духа въ разнообразныхъ его явленіяхъ, битвами и смертью особенно богата и могуча пѣснь Игоря; и его пѣснь по сему отношенію не даромъ названа героическою. Разсмотримъ же нѣсколько мѣстъ нашей пѣсни, чтобы видѣть, какъ въ ней выражается сей боевой духъ и другіе предметы. Послушайте, во-первыхъ, главнаго героя пѣсни, князя Игоря, мужающагося на половцевъ за землю русскую: „Наполнився ратнаго духа, рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! Луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти“.

При этомъ вы, конечно, вспоминаете рѣчь Святослава предъ битвою съ греками, и въ изреченіи Игоря видите мужество, завѣщанное прежнимъ русскимъ князьямъ-воителямъ. Игорь продолжаетъ:

„А всядемъ, братіе, на свои борзыя комони, да позримъ синего Дону! ... Хощу бо, рече, копіе приломити конецъ поля половецкаго, съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону!“ Вотъ жажда, наслѣдованная Игоремъ отъ славнаго Мономаха, который „пилъ Донъ золотымъ шеломомъ“, по любимому выраженію того времени:

вотъ истинно-рыцарскій обѣтъ русскаго князя: и какъ не любить его нынѣ, исполненному любви къ земли русской и ея славѣ?

Другой герой пѣсни князь Всеволодъ, храбръ и силенъ, какъ туръ (или зуръ, красивый, дикій звѣрь, весьма уважаемый славянами) потому и прозывается онъ въ пѣсни „буй-туромъ“ или яръ-туромъ. Всеволодъ всегда готовъ къ битвѣ, и въ ней все забываетъ; но ему не чужды и нѣжность души, онъ исполненъ любви братской: „Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю! Оба есвѣ Святославличя!“ говоритъ онъ. „Сѣдлай, брате, свои бръзыя комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди.“ Всеволодъ и по словамъ Кіевской лѣтописи, „бѣ въ Олговичехъ всѣхъ удалѣе рожаемъ и возрастомъ и всею добродѣтелію и мужественною доблестію, и любовь имѣяше къ всѣмъ“.

Посмотрите же, каковъ онъ въ битвѣ: „Яръ-туре Всеволоде! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо, Туръ, поскачаше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя, отъ тебе яръ-туре Всеволоде?...

Таковы наши искатели славы — Князья сѣверскіе, у коихъ, по выраженію Святослава, храбрыя сердца изъ крѣпкаго булата скованы и закалены въ мужествѣ („въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена“), которые рано начали половецкую землю мечами опустошать, а себѣ славы искать...

Приведу теперь изображеніе курской дружины Всеволода:

„А мои ти куряни свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни, конецъ копія въскръмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени; сами скачютъ акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себѣ чти, а князю славы“.

Послѣднее выраженіе повторяется и передъ битвою съ половцами: „Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы“.

Вотъ еще примѣръ русской удалости, воззваніе къ Всеволоду Юрьевичу, великому князю владимірскому и суздальскому, старшему тогда между сѣверно-русскими князьями:

„Великый княже Всеволоде! не мыслію ти прилетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти. Ты бо можеши Волгу веслы

раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ“.

Напоминаетъ еще пѣвецъ великому кіевскому князю Святославу, побѣдителю хана Кобяка:

„Грозою бяшетъ, притрепеталъ своими сильными плъкы и харалужными мечи, наступи на землю половецкую, притопта хлъми и яругы, взмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота, а поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ половецкихъ яко вихръ выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ въ гридницѣ Святъславли“.

Любовь къ отечеству и скорбь о междоусобіяхъ.

Но любовь пѣвца къ землѣ русской и ея славѣ, какъ сказали мы, пробуждаетъ любовь его къ минувшему, духъ силы и междоусобія князей, духъ скорби о настоящемъ бытѣ земли русской и ея обидѣ отъ невѣрныхъ половцевъ. У пѣвца не сходитъ съ сердца эта обида, эта обида его времени: онъ не можетъ забыть силы былого времени, или, лучше сказать, только въ ней забывается. Потому онъ такъ часто вдается въ воспоминанія о прежнихъ князьяхъ, потому такъ часто въ его пѣсни раздается звонъ дѣдовской славы, такъ часто объ ней напоминаетъ своимъ князьямъ, указываетъ имъ на золотой отцовскій престолъ, скорбитъ объ ихъ междоусобіяхъ, негодуетъ на нихъ за то, что они стали ковать крамолу и черезъ то попустили половцамъ разорять русскую землю: поганымъ ли на обиду должна была достаться слава и сила ея?

„Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло; не было оно обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чрьный воронъ, поганый половчине!..“

Но у князей — продолжаетъ пѣвецъ, — пропала вражда на поганыхъ. Говорятъ они другъ другу: „то мое и то мое!“ и стали князья про малое говорить: это великое, и сами на себя крамолу ковать; а поганые со всѣхъ сторонъ приходятъ съ побѣдами на землю русскую.

Пѣвецъ восклицаетъ: Ярославъ и всѣ внуки Всеволодовы! опустите знамена свои, вложите свои мечи поврежденные! Вы отпали отъ дѣдовской славы! Вы своими крамолами начали наводить поганыхъ на землю русскую. на жизнь Всеслава было ли бы какое насиліе отъ земли половецкой?..

О, стонать русской земли, помянувши первую годину и первыхъ князей! Того стараго Владимира нельзя было пригвоздить къ горамъ кіевскимъ!..

Вотъ думы и печали южной Руси, когда она уже [illegible] передъ [illegible] славной жизни своей, когда [illegible] отъ [illegible] ея не удалось. И [illegible] безъ вѣры въ прочность настоящаго, безъ надежды на будущее, обращается къ минувшему, живетъ воспоминаніями.

в) *Битва и смерть.*

Въ [illegible] Игоря [illegible] картинъ битвы немного, но весьма поразительныхъ и совершенно народныхъ.

[illegible] съ которой онъ представляетъ битву на родимой земли своей: [illegible] молотьбою. [illegible] земледѣльца, потомъ увлеченнаго на войну и въ ней [illegible]...

Тогда при Олегѣ Гориславичѣ сѣялися и растяшетъ усобицами, погибашетъ жизнь Даждь Божа внука. Тогда по русской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, но часто врани граяхуть, трупія себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе. Изображая битву на рѣкѣ Каялѣ, пѣвецъ говоритъ:

„Черна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровью польяна; тугою взыдоша по русской земли“.

Вотъ еще третья картина: битва при *Немизѣ*.

На *Немизѣ* не снопы стелютъ — головы, молотятъ цѣпами булатными, на току кладутъ жизнь, вѣютъ душу отъ тѣла. Кровавыя берега Немизы не добромъ были засѣяны, засѣяны костьми русскихъ сыновъ.

Уподобленіе поля битвы пашнѣ есть черта южно-русской поэзіи, которая также оставляетъ трупъ воина въ добычу ворону.

Ой тамъ казакъ убытъ лежитъ;
Въ госовонькахъ воронъ краче,
А въ ножинькахъ коникъ плаче“.

или

Воронъ прилстае, въ очи заглядае,
Бѣле тѣло объѣдае, кости покидае.

Что касается до представленія смерти, то въ пѣснѣ Игоре находятся также несходныя, но не менѣе прекрасныя картины оной.

Въ одной изъ нихъ смерть русскихъ воиновъ въ битвѣ на Каялѣ уподоблена брачному пиру: и это уподобленіе встрѣчается также не только въ украинской и велико-русской, но и въ новогреческой народной поэзіи.

Въ пѣснѣ Игоре: „Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю русскую“.

Въ украинской пѣснѣ „Ой конь біжить, трава шумить“ умирающій козакъ посылаетъ прощальный поклонъ матери черезъ коня своего и поручаетъ не говорить, что онъ убитъ уже.

Ты скажи, коню, що я оженився,
Да понявъ себѣ панявочку —
Въ чистомъ полѣ земляночку.

Въ одной изъ лучшихъ велико-русскихъ пѣсенъ „Ужъ какъ палъ туманъ на сине море“ русскій воинъ также говоритъ коню своему:

«Ты скажи моей молодой женѣ,
Что женился я на другой женѣ,
На другой женѣ, мать сырой землѣ:
Что за ней я взялъ поле чистое,
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла».

Итакъ, это уподобленіе смерти въ битвѣ брачному пиру и усыпленію, и земли невѣстѣ, есть черта свойственная не одной нашей народной поэзіи, черта весьма поэтическая и многозначительная: воинъ за родину и славу встрѣчаетъ смерть въ бою радостно, какъ брачное веселіе!

Посмотримъ еще на одно изображеніе смерти. „Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы литовскія; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ червлеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскыми мечи. Друживу твою, княже, птицъ крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не бысть ту брата Брячеслава, ни другаго Всеволода: единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чрезъ злато ожерелье. Уныли голоси, поникле веселіе; трубы трубятъ городеньскіи“. Здѣсь опять такой же все крова-

вѣдь краски: смертною постелью князю, подъ багряными щитами, служитъ окровавленная трава; смертный покровъ дружинѣ составляютъ распростертыя надъ нею крылья хищныхъ птицъ, и кровь ея полизали звѣри.

Но обратите вниманіе на изображеніе кончины князя: онъ одинъ безъ братьевъ изронилъ свою жемчужную душу изъ храбраго тѣла чрезъ золотое ожерелье. Какое нарядное, протательное и совершенно народное изображеніе исхода души! Душа представлена какъ любимое сокровище, какъ перло многоцѣнное; ибо славяне весьма дорожили этимъ произведеніемъ природы. Въ X вѣкѣ (по свидѣтельству Фоцлана) платили 20 драхмъ золота за жемчужину для женскаго ожерелья; притомъ это сокровище печальное, ибо крупный жемчугъ, по русскому повѣрью, составляетъ примѣту слезъ (какъ и въ самой пѣснѣ Игорю).

Золотымъ ожерельемъ иносказательно названа впадина, гдѣ отъ груди начинается шея; на это мѣсто и теперь укажетъ простолюдинъ, если спросить у него: гдѣ у тебя душа? И чрезъ это-то золотое ожерелье изронилъ свою жемчужную душу князь Изяславъ, и притомъ одинъ (какъ сказано дважды), и въ этомъ одиночествѣ смерти еще болѣе печали, чѣмъ въ одиночествѣ жизни, особенно для воина южно-русскаго, какъ видно изъ народныхъ пѣсенъ. „Уныли голоса, поникло веселье; трубы трубятъ Городенскія“ вотъ похоронные звуки въ вѣчную память князя, какими и поэзія украинская обыкновенно поминала смерть казаковъ своихъ.

Такова красота здѣсь поэтическаго погребальнаго наряда, который, вмѣстѣ съ предшедшими ему кровавыми изображеніями и послѣдующимъ поминовеніемъ, составляетъ полную, совершенно народную картину смерти.

г) Любовь къ пѣснопѣнію.

Естественно, что пѣвецъ Игоря исполненъ любви къ пѣснопѣнію, не только лично, какъ пѣвецъ столь талантный, но и народно, какъ славянинъ вообще, какъ южный русинъ въ особенности. Потому прекрасное начало пѣсни своей онъ посвятилъ Бояну, котораго величаетъ именемъ вѣщаго, котораго называетъ соловьемъ стараго времени, къ которому неоднократно обращается, какъ своему вдохновителю, и приводитъ слова его, какъ изреченія вѣщей мудрости.

Но онъ такъ любитъ, такъ величаетъ Бояна, какъ пѣснотворца стараго времени прежнихъ князей и прежней славы русской, что его любовь къ пѣснотворчеству у нашего пѣвца слита съ любовью главною, родиною.

Поэтому у него и женская пѣсня служитъ орудiемъ для выраженiя общественнаго чувства. Такъ, во время плѣна Игоря Готскiя красныя дѣвы воспѣваютъ на берегу синему морю, звоня русскимъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю. Но, когда Игорь возвратился на русскую землю, дѣвицы поютъ на Дунаѣ; вьются голоса чрезъ море до Кiева; страны ради, гради весели. Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ. Воспѣвая пѣснь Донцу, пѣвецъ обращается къ минувшему, вспоминаетъ о Ростиславѣ, — въ самой пѣснѣ Ярослава находитъ славословiе побѣдителю Кобяка.

д) Любовь женская.

Но женская пѣсня собственно есть выраженiе любви женской. Въ пѣснѣ Игорю ихъ двѣ: пѣсни русскихъ женъ и плачъ княгини Ярославны.

О погибели Игорева войска „русскiя жены восплакались, аркучи (говоря): уже намъ своихъ милыхъ ладъ (мужей) ни мыслiю смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати; а злата и сребра ни мало того потрепати!“

Какъ это совершенно по-русски! И теперь еще услышите такiя же жалобныя поминальныя рѣчи жены или матери, убивающейся надъ гробомъ роднаго покойника.

Но другая пѣснь, плачъ Ярославны объ Игорѣ, отличается народно-образною, высокою красотою и замѣчательна какъ сама по себѣ, такъ по мѣсту и назначенiю своему въ составѣ цѣлой пѣсни Игорю. Между тѣмъ какъ пѣвецъ напрасно взываетъ о помощи къ князьямъ.

„Ярославнынъ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемь рано кычетъ: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: о вѣтрѣ, вѣтрило! чему, господине, насильно вѣеши? чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшетъ

горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя? Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на забороль, аркучи: о Днѣпре Словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады до плъку Кобякова. Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно еси. Чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче".

Б. Духъ вѣры.

Послѣ того какъ пѣвецъ съ напрасною надеждою взывалъ къ князьямъ и думою уносился къ минувшему, онъ обращается къ природѣ голосомъ женской любви: и природа услышала голосъ сей и отозвалась на него благотворно своими стихіями, дотолѣ враждовавшими съ Игоремъ: „Прысну море полунощи, идутъ сморци (смерчи) мглами. Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Русскую къ отню злату столу... Овлуръ свисну за рѣкою, велитъ князю разумѣти: князю Игорю не быть!“ И кто же сей Овлуръ, избавившій Игоря изъ плѣна отъ поганыхъ половцевъ? Этотъ крещеный половецъ, у лѣтописцевъ называемый Лавромъ. Итакъ, посредствомъ половца же Богъ кажетъ путь Игорю на землю русскую; и не могъ не пѣвецъ Игоря сказать вмѣстѣ съ другими нашими предками: великъ русскій Богъ! Но какая глубокая мысль пѣвца: сіе избавленіе Игоря представилъ отвѣтомъ на плачь Ярославны, вымолившей его силою любви и простосердечной вѣры въ природу.

а) Вѣрованіе въ чудесное.

Вѣра въ чудесное свойственна человѣку, такъ же какъ и самая природа не чужда онаго. Сія вѣра перерождается въ многочисленныя, разнообразныя суевѣрія — неодолимое стремленіе разгадывать будущее, склонность къ ворожбѣ, колдовству, чародѣйству, вѣру въ сны, встрѣчи и вообще въ примѣты. Суевѣрію и страсти къ чудесному разнаго рода подвержены

были почти всегда люди даже великие и образованные, вопреки силѣ своей воли, голосу разума и религіи. Суевѣріе сильнѣе было между русскими въ древности, хотя ихъ учители церковные называли оное наущеніемъ и навожденіемъ дьявольскимъ; сильно оно было и въ средніе вѣка наши, хотя и не въ такой степени, какъ было волшебство на Востокѣ, и даже на Западѣ; оно осталось и нынѣ, особенно вѣра въ сны и примѣты, которая встрѣчается даже въ высшемъ классѣ народа, преимущественно же между женщинами. Немного правды въ этихъ примѣтахъ, рѣдко сны бываютъ предзнаменательные; но эти всѣ виды суевѣрія, имѣя основаніемъ своимъ чудесное, мечтательное, тайное, заключаютъ въ себѣ много поэзіи.

Пѣвецъ Игоря воспользовался этимъ чудеснымъ въ своей пѣсни, особенно въ снѣ Святослава, когда печаль овладѣла умомъ его, или какъ говорятъ бояре „уже, княже, туга умь полонила".

Видѣлъ я, говоритъ имъ князь, въ Кіевѣ въ эту ночь одѣвали меня чернымъ покровомъ на кровати тесовой; черпали мнѣ синее вино, съ отравою (трудомъ) смѣшанное; на лоно мнѣ сыпали тощими тулами крупный жемчугъ, и нѣжатъ меня; а доски уже безъ князя (кнѣса) на моемъ златоверхомъ теремѣ, и всю ночь съ вечера каркали бѣсовы (босуви) вороны.

Въ этомъ снѣ примѣты всенародныя: черный покровъ и нынѣ считается траурною примѣтою печали; карканье ворона всегда было дурнымъ предвѣстіемъ; доски безъ матицы или верхней перекладины (называемой также конемъ или князьемъ) и нынѣ означаютъ лишеніе членовъ семейства; крупный жемчугъ и теперь есть предзнаменованіе слезъ, какъ и въ пѣснѣ Игоря, по словамъ коей (согласно съ лѣтописями): „тогда Великій Святославъ изрони злато слово слезами смѣшено". У русскихъ встарину были цѣлыя волшебныя книги (въ XVI вѣкѣ называемыя отреченными или еретическими), напр. Чаровникъ, Волховникъ, Колядникъ, Громникъ, Молніянникъ, Сносудецъ; въ нихъ излагались колдованья, гаданья сновъ и судьба по разнымъ примѣтамъ, особенно по звѣрямъ и птицамъ; было также астрологическое гаданіе судьбы по свѣтиламъ. Въ книгѣ Волховникѣ: вороновграй, стрѣтенье означали недоброе; щекотаніе сороки, вой волка, появленіе дива — считались также примѣтами, какъ и въ пѣснѣ Игоря.

б) Вѣра въ знаменія природы.

По возвышенности сихъ вѣрованій вѣра въ знаменія природы, которая была сильно распространена на Руси между самими церковными людьми. Знаменія почитали чудесными предвѣщательными явленіями природы, посылаемыми отъ Бога и къ добру, и къ худу. Къ числу ихъ принадлежитъ и полное затменіе солнца, бывшее на небѣ предъ неудачнымъ походомъ Игоря на половцевъ: Игорь воззрѣлъ на свѣтлое солнце, и видитъ, что отъ него покрылось тьмою все его воинство. Печальное знаменіе это было ему не къ добру: но ему было лучше быть изрублену, нежели полонену". Чудесное и столь рѣдкое явленіе природы, какъ полное затменіе солнца, было тогда въ самомъ дѣлѣ 1 мая, въ день пророка Іереміи: „На вечерни, говоритъ лѣтописецъ, бысть знаменіе въ солнцѣ — и мрачно вельми, яко и звѣзды видѣти человѣкомъ; въ очью яко зелено бяше, и въ солнцѣ учинися яко мѣсяцъ, изъ рогъ его яко угль жаровъ исхожаше: и страшно бѣ видѣти человѣкомъ знаменіе Божіе!" И этою чудесною дѣятельностью природы, лучшею всякаго чудеснаго вымысла, пѣвецъ воспользовался для своей исторической пѣсни: и не сама ли природа этимъ видимымъ затменіемъ увѣрила пѣвца въ той вѣрѣ, что она принимаетъ участіе въ его героѣ и въ дѣлахъ земли русской.

в) Вѣра въ природу и сочувствіе съ нею.

И эта вѣра въ жизнь и сочувствіе природы съ человѣкомъ есть господствующая вѣра у пѣвца Игоря. Потому и даешь столько вѣры, и любуешься не какъ вымысломъ, когда онъ изображаетъ столь живое и, такъ сказать, личное участіе природы въ судьбѣ дѣйствующихъ лицъ его, когда напр., описавъ смертельное упоеніе русскихъ на рѣкѣ Каялѣ, гдѣ пустыни силу прикрыли, онъ изображаетъ печаль прибрежной природы: „Ничитъ трава жалощами: а древо съ тугою къ земли приклонилось". Въ пѣснѣ Ярославны вы видѣли уже прекрасное выраженіе сей вѣры въ природу и бесѣду съ нею княгини за Игоря: теперь послушайте еще разговоръ Игоря съ рѣкою Донцомъ, привѣтствующимъ его освобожденіе, и полюбуйтесь заботливостію доброй рѣки о своемъ князѣ.

Донецъ говоритъ: князь Игорь! не мало тебѣ величья, а Кончаку досады, а русской землѣ веселья! Игорь говоритъ: о До-

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
чалью къ землѣ преклонилось.

[illegible]
[illegible]
зать, ее живописуетъ; — и про него, какъ первенствующаго
[illegible]
(къ Гёте).

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
и естественный.

Максимовичъ.

Золотое слово Святослава.

Рѣчь бояръ, изъяснившихъ Святославу видѣнный имъ сонъ, произвела на него глубокое впечатлѣніе: она коснулась самыхъ сердечныхъ его движеній и растрогала до слезъ; она подняла его духъ и заставила сказать свое слово, достойное князя, сидѣвшаго въ Кіевѣ на горахъ, столь чуткаго къ судьбамъ кіевской Руси и ея несчастіямъ. Съ одной стороны слово это было яснымъ и сознательнымъ выраженіемъ той личной печали и горя, которыя отразились предчувствіями въ его сновидѣніяхъ, а съ другой оно было такимъ же выраженіемъ высокаго политическаго ума, стоявшаго въ эту тяжелую годину на высотѣ своего призванія. По своему внутреннему смыслу и значенію, слово это было дорого не только для боярской думы, его слушавшей, но и для всей кіевской Руси изъ конца въ конецъ. Это было слово *золотое*, и трудно подыскать другой эпитетъ, который бы выражалъ его историческую цѣну лучше этого эпическаго величанія.

Когда Святославъ говорилъ, слезы крупныя, какъ жемчужины, видѣнныя во снѣ, падали изъ его очей.

«Тогда великій Святославъ
Изронилъ золотое слово
Съ слезами смѣшанное».

Слово это состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ коихъ въ первомъ выражаются горькіе упреки Игорю и Всеволоду за то, что они необдуманно, не воздержавши своей юности, пошли искать себѣ воинской славы безъ его вѣдома, и вмѣстѣ сожалѣніе о томъ, что одинъ онъ, кіевскій князь, безъ содѣйствія другихъ князей, не можетъ оказать имъ той помощи, какая требуется военными событіями. Само собою разумѣется, что эта часть рѣчи Святослава, какъ выраженіе его личнаго горя, не дѣлаетъ его слова столь цѣннымъ, чтобы можно назвать его *золотымъ*. Гораздо выше по своему внутреннему значенію стоитъ послѣдній его отдѣлъ, въ которомъ содержится воззваніе ко всѣмъ прочимъ князьямъ и призывъ ихъ вступиться за землю русскую, за раны Игоревы. Именно это-то обращеніе ко всѣмъ прочимъ князьямъ, со- стоящее всецѣло въ отмщеніи за обиды земли русской, за раны одного изъ нихъ, вполнѣ достойно великаго князя въ Кіевѣ.

на горахъ, и оно-то именно дѣлаетъ слово его словомъ „*золотымъ*“. Тотъ и другой стихъ внутренно связаны между собою и лишь въ своемъ цѣломъ представляютъ „*златое слово*“ Святослава.

Г. Б[illegible]

Характеристика Игоря и Всеволода.

Какъ поэтъ-художникъ пѣвецъ Слова не касается никакихъ обстоятельствъ приготовленія къ походу, не входитъ нигдѣ въ подробности и самаго похода, извѣстныя намъ изъ лѣтописей, и прямо начинаетъ съ характеристики главнаго своего героя. Не вдругъ, конечно, Игорь рѣшился на задуманное дѣло, не вдругъ наполнился онъ храбраго духа. Много думъ и колебаній прежде пережилъ онъ въ своемъ умѣ и сердцѣ. Авторъ рисуетъ намъ его рѣшимость прямо въ послѣдній ея моментъ. Воинъ, когда готовъ уже на бой, опоясывается и точитъ свое оружіе: таково было и [illegible] настроеніе Игоря въ крайній моментъ его рѣшимости: онъ опоясалъ умъ крѣпостію своею и сердце наточилъ мужествомъ. Игорь

И умъ стянулъ крѣпостію своею
И сердце свое наострилъ мужествомъ.

Изобразивъ такимъ образомъ его рѣшимость, авторъ [illegible] ставитъ его на землю Половецкую, въ самую критическую и страшную минуту, предъ знаменіемъ солнца, когда само небо заставляетъ его вернуться. Всюду и всегда солнечныя *затмѣнія* производили на людей подавляющее впечатлѣніе: при видѣ его герои смущались духомъ, поникали головами и говорили: „се не добро знаменіе се“. Но не таковъ былъ Игорь: не о томъ онъ думаетъ въ эту страшную минуту. [illegible] Смерти [illegible] лишь бы не плѣнъ, вотъ что представляетъ онъ своимъ боярамъ въ эту минуту и хочетъ [illegible] вмѣстѣ съ собою „позрѣть синяго Дона“. Авторъ входитъ затѣмъ въ самую душу своего героя и [illegible] его воинственный духъ, и онъ не могъ, не въ силахъ былъ [illegible] въ себѣ [illegible]. [illegible] его задуманное [illegible] его душу, заставило его пренебречь солнечнымъ затменіемъ

Хочу, говоритъ, переломить копье свое
О край поля половецкаго,
Хочу или сложить свою голову,
Или же шлемомъ напиться изъ Дона.

Предъ образомъ такого героизма, котораго не могло удержать самое небо, авторъ какъ бы изнемогаетъ въ своемъ творчествѣ и невольно обращается за вдохновеніемъ къ Бояну, призывая его, какъ соловья стараго времени, воспѣть эти полки, сочетая въ одной цѣльной пѣсни событія этой и другой эпохи

О, Бояне, соловей да ты стараго времени!
Тебѣ бы воспѣть полки эти
Порхая, о соловей, по саду фантазіи,
Умомъ летая по поднебесью,
Свивая славою объ полы сего времени.

Вдохновляясь творчествомъ Бояна, авторъ дѣлаетъ пробы подобнаго ему пѣснопѣнія во славу полковъ Игоревыхъ:

Мчась тропою Трояна
Черезъ поля на горы,
Пѣть было пѣснь Игорю — его внуку:
Не соколо́въ занесла буря,
Чрезъ поля широкія:
Стада галичьи бѣжатъ
Къ Дону великому.
Или не запѣть ли было такъ,
Вѣщій Бояне, внукъ Велесовъ:
Кони ржутъ за Сулою,
Звенитъ слава въ Кіевѣ,
Трубы трубятъ въ Новѣгородѣ.

Такова характеристика перваго и главнаго героя Слова — Игоря. Въ лицѣ его авторъ рисуетъ и духъ его полковъ. Въ его творческомъ духѣ неустрашимость князя какъ бы переливалась въ его дружину.

Воспроизведши героизмъ Игоря, пѣвецъ въ своей творческой мысли переходитъ къ характеристикѣ другого славнаго своего героя, брата Игорева, Всеволода. Это былъ столь же отважный герой, какъ и самъ Игорь; это былъ, по словамъ его, настоящій „буй туръ". Какъ творецъ-художникъ, авторъ свободно пользуется для характеристики его совершенно другимъ моментомъ дѣйствія. Переходъ въ высшей степени оригинальный и неожиданный. Послѣ второй попытки воспѣть Игоря разомъ

ромъ Бояновскаго пѣснопѣнія, авторъ такими же стихами продолжаетъ:

Стоятъ стяги въ Путивлѣ.
Игорь ждетъ милаго брата Всеволода.

За этими краткими выраженіями стоитъ цѣлый рядъ сложныхъ событій, кои проносятся въ творческомъ духѣ автора, какъ факты, извѣстные его времени, къ которому обращено Слово, и онъ, въ силу своего замысла, останавливается лишь на томъ моментѣ, въ которомъ наиболѣе рельефно сказалось геройское распаленіе этого „буй-тура“.

Это былъ моментъ, когда при сборахъ въ походъ Всеволодъ возбуждалъ Игоря къ задуманному имъ воинскому предпріятію. Возбуждая въ Игорѣ сознаніе достоинства своего происхожденія и чувство героической чести, Всеволодъ распалялъ его при этомъ успѣхомъ задуманнаго предпріятія, указывая на свою курскую, смѣлую и опытную конницу. Будь ты смѣлъ, говорилъ онъ ему, на мою дружину смѣло можно положиться. Мои куряне опытные всадники, съ младенчества сучены они ратному дѣлу: трубные звуки были для нихъ колыбельною пѣснію; тяжелые шлемы были ихъ дѣтской утѣхой; кусокъ хлѣба съ раннихъ лѣтъ доставался имъ остріемъ меча; все имъ знакомо — и дороги, и овраги, оружіе у нихъ всегда наготовѣ; рыцарская честь и княжая слава — вотъ задача ихъ жизни, въ которой не знаютъ они препятствій и не чуютъ устали; рыщутъ словно волки въ степи, ища себѣ чести, а князю славы.

Куряне мои, вѣдь, опытная конница:
Подъ трубами они пеленаны,
Подъ шеломами — взлелѣяны,
О конецъ копья вскормлены,
Дороги имъ знакомы,
Овраги имъ извѣстны;
Луки у нихъ натянуты,
Тулы отворены,
Сабли наточены;
Сами они рыщутъ,
Какъ волки въ степи,
Ища себѣ чести и князю славы.

Барсовъ.

Историческая сторона Слова.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ изображается походъ новгородъ-сѣверскаго князя Игоря Святославича противъ половцевъ въ 1185 г. До нашествія татаръ половцы были главными врагами Россіи, съ которыми она должна была вести постоянную борьбу. Предметъ Слова, взятый изъ исторіи этой борьбы, могъ быть интересенъ уже самъ по себѣ; но онъ получилъ еще особенное значеніе отъ того, что борьбу съ половцами авторъ связалъ въ немъ, какъ она и дѣйствительно была тѣсно связана, съ тогдашнимъ внутреннимъ состояніемъ Россіи, раздираемой княжескими междоусобіями. Пользуясь раздоромъ князей, половцы смѣло производили набѣги, жгли и разоряли города и села; да и сами князья, сражаясь другъ съ другомъ, часто призывали ихъ къ себѣ на помощь. Походъ Игоря противъ половцевъ былъ несчастный; онъ не только не заключалъ ничего славнаго для русскихъ, но даже окончился совершеннымъ ихъ пораженіемъ и продолжительнымъ плѣномъ того самаго князя, который его предпринималъ; но авторъ, можетъ быть, потому и сдѣлалъ его предметомъ своей пѣсни, что онъ представлялъ лучшій поводъ изобразить страданія Руси отъ половцевъ, вслѣдствіе постоянныхъ междоусобій русскихъ князей.

Въ походѣ участвовали: Новгородъ-сѣверскій (Новгородъ-Сѣверскъ — въ Черниговской губерніи) князь Игорь Святославичъ, сынъ Святослава Ольговича, князя черниговскаго; братъ его, Всеволодъ Святославичъ, князь курскій и трубчевскій (Трубчевскъ — нынѣ въ Орловской губ.), ихъ племянникъ, Святославъ Ольговичъ рыльскій (Рыльскъ — въ Курской губерніи) и сынъ Игоря, Владимиръ путивльскій (Путивль — также въ Курской губ.). Изображаемыя событія, подвиги и битвы князей, происходятъ на берегахъ Дона и близъ устья рѣки Каялы, впадающей въ Азовское море (нынѣ Кагальникъ — въ землѣ войска донского). Весь походъ или всѣ событія, составляющія предметъ Слова, описаны въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1185 г. въ слѣдующихъ чертахъ. Князь Игорь, позвавъ съ собою брата своего Всеволода, племянника Святослава и сына Владимира, отправился воевать съ половцами. Пріѣхавъ къ Донцу, онъ увидѣлъ солнечное затменіе и принялъ его за печальное предзнаменованіе. Переѣхавъ Донецъ,

онъ два дня ждалъ брата Всеволода изъ Курска. Въ пятницу они встрѣтили и побѣдили половцевъ, которые обратились въ бѣгство. Игорь, не довольствуясь побѣдою, погнался за половцами, которые между тѣмъ получили подкрѣпленіе, возвратились назадъ и въ субботу сами напали на русскихъ. Произошла битва при рѣкѣ Каялѣ и продолжалась цѣлый день; русскіе потерпѣли совершенное пораженіе. Игорь, раненый въ лѣвую руку, и Всеволодъ были взяты въ плѣнъ. Между тѣмъ какъ другіе русскіе князья воевали съ половцами, Игорь оставался въ плѣну, пользуясь, впрочемъ, нѣкоторою свободою: ему позволено было ѣздить на охоту, имѣть при себѣ священника и слугъ. Одинъ половчинъ (Лаворъ) предлагалъ ему даже бѣгство; но, не желая оставить въ плѣну своихъ мужей, Игорь сначала отказался; но потомъ, убѣжденный нѣкоторыми изъ нихъ, рѣшился и убѣжалъ въ свою землю, воспользовавшись сномъ половцевъ, упившихся кумысомъ. Другая лѣтопись (Лаврентьевская подъ 1186 г.) прибавляетъ, что князья и бояре, услышавъ о пораженіи русскихъ, восплакали. Кіевскій князь Святославъ, собравъ своихъ сыновей и другихъ князей, отправилъ ихъ на половцевъ, которые, услышавъ объ этомъ, бѣжали за Донъ. Князья возвратились и разошлись по своимъ городамъ. Половцы, узнавъ объ этомъ, напали на Ярославль и другіе города... Между тѣмъ Игорь убѣжалъ отъ половцевъ. Сравнивая слово съ этими сказаніями лѣтописей, мы находимъ въ нихъ совершенное сходство не только въ цѣломъ разсказѣ, но и въ главныхъ его подробностяхъ; единственный вымыселъ въ словѣ, о которомъ не упоминаютъ лѣтописи, есть плачъ Ярославны, подъ которой разумѣется вторая супруга Игоря (Евфросинія), дочь Ярослава Владиміровича галицкаго. Во время похода Игоря она находилась въ Путивлѣ, удѣльномъ городѣ сына Игоря, Владиміра. Кромѣ того, въ Словѣ упоминается еще супруга Всеволода, Ольга Глѣбовна. Такимъ образомъ, предметъ Слова о полку Игоревѣ историческій и изображается, въ главныхъ чертахъ, согласно съ лѣтописями. *Порфирьевъ.*

Поэтическая сторона Слова.

Разсмотрѣвъ историческую сторону Слова, взглянемъ теперь на поэтическую. Изъ собственнаго признанія автора намъ извѣстно, что онъ отказался отъ поэзіи вымысла въ пользу

важныхъ событiя времени; уступилъ право пѣсней прежнимъ поэтамъ, а себѣ предоставилъ повѣствованiе. Во всемъ характерѣ своемъ Слово обнаруживаетъ переходъ отъ поэзiи въ смыслѣ, которой представителемъ является Боянъ, къ поэзiи дѣйствительной жизни, которую изображаетъ самъ творецъ Слова; переходъ отъ пѣсни къ повѣсти, говоря его же выраженiемъ. Мы видѣли, какъ это отражается и на внѣшней формою Слова: отрывки пѣсенъ и лишь случаи оставляются цвѣты въ его рѣчи; но главный ея характеръ — проза, форма той поэзiи, которая ближе къ вопросамъ жизни и тѣснѣе связана съ дѣйствительнымъ бытiемъ нашимъ.

Въ содержанiи Слова авторъ не допустилъ ни малѣйшаго празднаго, не удалился ни на шагъ отъ современныхъ событiй. Плачъ Ярославны данъ ему положенiемъ жены, разлученной съ плѣннымъ мужемъ. Главное чувство въ Словѣ, горе, есть плодъ той же современной жизни въ душѣ честной и русской. Мысль о единствѣ земли вызывается самыми событiями. Да, тутъ все такъ живо: поэтъ благородно уступилъ ей свободу своего вымысла — и я не скажу, чтобы отъ того что-нибудь потеряло его Слово.

Поэтъ нашелъ пособiе въ красотахъ природы, всегда неизмѣнной въ мнимой своей измѣнчивости, равно отзывной и горю, и веселью, равно прекрасной въ дни скорби и радости.

Разсмотримъ же красоты природы, составляющiя главное поэтическое содержанiе Слова о полку Игоревѣ, сначала въ отношенiи къ мѣстности юга, гдѣ произведенiе родилось, потомъ въ отношенiи къ самой природѣ, какъ она представляется созерцанiю поэта.

За семь съ половиною вѣковъ прежде, чѣмъ Гоголь развернулъ намъ своею широкою кистью южно-русскiя степи, творецъ Слова о полку Игоревѣ уже далъ намъ вкусить красоту ихъ природы въ своемъ произведенiи. Стада вороновъ, галокъ, лебедей, орлы и соколы, чайки и гоголи, дятлы и соловьи, проносятся здѣсь, какъ по степямъ южнымъ. Трава зашумѣла, когда двинулись шатры половецкiе: не степная ли это трава? *Земля тутнетъ* — *клюкну, стукну* земля — не созданы ли эти выраженiя самимъ поэтомъ, который часто прислушивался къ гулу степи, къ ея чуткому отзыву на рѣзкое движенiе? *Телѣги кричатъ въ полуночи, какъ лебеди роспущенные* — эта краска не снята ли со степей малорусскихъ, гдѣ и теперь еще

скрипятъ обозы чумаковъ, и этотъ скрипъ ярче слышится въ полуночной тишинѣ ровнаго поля. Всѣ отголоски арiи въ этомъ Словѣ, какъ въ степи. Овлуръ свиснулъ за рѣкою — и черезъ свистъ переговаривается съ княземъ; степи говорятъ, когда идутъ половцы отъ Дона. Плакучiя деревья, частыя на югѣ, и здѣсь вѣрно изображаютъ скорбь. Слово также богато и растительностью, какъ южная природа. Рѣки стелютъ зеленую траву по серебряныхъ, т. е. бѣлопесчаныхъ берегахъ, и теплые туманы поднимаются отъ волнъ ихъ. Текутъ онѣ своенравно и быстрыми потоками заливаютъ кусты.

Но природа является у поэта не въ отрывочныхъ описанiяхъ, не въ отдѣльныхъ картинахъ, снятыхъ съ мѣстности и приложенныхъ къ событiю. Нѣтъ, она является живымъ, одушевленнымъ лицомъ: она заодно съ человѣкомъ; она полна сочувствiя къ человѣку; она раздѣляетъ всѣ его волненiя и особенно горе; она угрожаетъ предвѣстiями, она откликается и на радость. Всѣ явленiя природы — здѣсь разныя чувства одной и той же души, струны одного органа, члены одного тѣла. Только поэтъ истинный могъ такъ живо и цѣльно понимать природу.

Когда Игорь ѣдетъ въ походъ, солнце тьмою путь ему заступаетъ, ночь, стоная грозою, будитъ птицъ; звѣри ревутъ, дивъ кличетъ сверху дерева и велитъ слушать землѣ незнаемой, Волгѣ и Поморью, и Посулью, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тмутараканскiй болванъ! Кликъ этой зловѣщей птицы, при отъѣздѣ князя, простирается до крайнихъ предѣловъ русскаго юга. Когда половцы съ одной стороны, а Игорь съ другой подходятъ къ Дону, тогда волки воютъ по оврагамъ, орлы клектомъ на кости звѣрей зовутъ, лисицы брешутъ на червленые щиты.

Въ день пораженiя, рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ: черныя тучи идутъ съ моря, хотятъ прикрыть четыре солнца, а въ нихъ трепещутъ синiя молнiи. Быть грому великому! Вѣтры, Стрибожьи внуки, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые полки Игоревы!

Земля стучитъ, рѣки текутъ мутно, пыль поля покрываетъ.

Въ первые дни междоусобiй часто враны каркали да галки рѣчь свою говорили. Всю ночь каркаютъ вороны близъ Кiева, предвѣщая несчастiе Игоря.

Когда кончилась битва и потекли воины за русскую землю, никнетъ трава отъ жалости и дерево съ печали къ землѣ пре-

клонилось. Преклонилось оно также, когда мать Ростислава плакала по своемъ утонувшемъ сынѣ... День, предрекавшій несчастье въ началѣ похода, бросился на землю, когда оно сбылось.

Но нигдѣ такъ прекрасно не выражается это сочувствіе природы къ несчастью и къ человѣческой душѣ въ ея завѣтныхъ чувствахъ, какъ въ плачѣ Ярославны. Здѣсь, конечно, лучшая поэтическая и прекрасная человѣческая мысль творца Слова. Плачъ жены по мужѣ, — погибшемъ, плѣненномъ или отъѣхавшемъ на войну, — въ памятникахъ нашей древней поэзіи. Припомнимъ плачъ княгини Анны по убитомъ Михаилѣ Тверскомъ въ житіи сего послѣдняго, и плачъ Евдокіи по Димитріи Іоанновичѣ въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ. Первая мысль этихъ плачей, конечно, въ древнемъ обычаѣ русскихъ женъ причитать на могилахъ мужей или во время разлуки съ ними. Причитанья, которыми кончается Иліада, похожи на наши. Мысль, какъ и самый обычай, вытекла изъ нашего особенно крѣпкаго семейнаго начала. Такого мотива нельзя найти въ рыцарской поэзіи Запада: онъ наша особенность.

Но нигдѣ эта мысль не достигла такой красоты художественнаго исполненія, какъ въ нашемъ Словѣ: здѣсь она является чисто оригинальнымъ созданіемъ. Прочтемъ самый плачъ, припомнивъ то мѣсто, гдѣ онъ поставленъ. Когда послѣ гнѣвнаго воззванія къ князьямъ, поэтъ перешелъ къ грустнымъ воспоминаніямъ междоусобій и гибели князей, и вырвалось у него почти отчаянное слово: „О! стонать русской землѣ, помянувши первую годину и первыхъ князей!“ — тогда слышится голосъ Ярославны одинокой кукушкой...

Жалобный плачъ супруги Игоревой несется къ вѣтру, Днѣпру и солнцу. Лишь только раздался онъ, какъ начинается избавленіе Игоря. То, чего не сдѣлали желѣзные полки совокупныхъ князей, совершается чудомъ любви супружеской. Горькому воплю сирой жены сочувствуетъ и бездушная природа и прикрываетъ побѣгъ ея мужа. Море прыснуло въ полночь, туманы пошли отъ него столбами. Богъ кажетъ путь князю Игорю изъ земли Половецкой на землю русскую. Донецъ встрѣчаетъ его привѣтливыми словами, лелѣетъ его на волнахъ, стелетъ ему зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ, одѣваетъ его теплыми мглами подъ сѣнью зеленаго древа, стрежетъ его гоголями на водѣ, чайками на струяхъ. Когда

Гзакъ и Кончакъ, два половецкихъ хана, гонятся за Игоремъ, бѣгущимъ въ родную землю; тогда зловѣщія птицы умолкаютъ, вороны не граютъ, галки притихли, сороки не стрекочутъ, только полозы ползаютъ; дятлы же текомъ путь къ рѣкѣ кажутъ, а соловьи веселыми пѣснями зорю повѣщаютъ. Является Игорь въ русской землѣ, и солнце свѣтится на небесахъ. И на Дунаѣ раздаются дѣвичьи пѣсни, и вьются голоса черезъ море до Кіева. Игорь ѣдетъ къ образу Божьей Матери".

Эта плѣнившая мысль есть плодъ прекраснаго человѣческаго чувства и крѣпкаго семейнаго начала, присущаго нашему народу. Если прощаніе Гектора съ Андромахой причисляютъ по чистотѣ мысли къ числу чистыхъ сокровищъ греческой поэзіи, то плачъ Ярославны есть одно изъ немногихъ сокровищъ нашей поэзіи, отъ котораго не отказалась бы и богатая Греція.

Шевыр.

Образъ выраженія Слова.

О подобіяхъ.

Весьма часто у пѣвца предметъ природы служитъ одною изобразительною чертою какого-либо свойства или движенія; это подобіе называется простымъ. Сей родъ подобія принимаетъ разные обороты, кои можно привести къ тремъ видамъ: положительному, отрицательному и положительно-отрицательному.

I. Подобіе положительное или прямое, по обороту рѣчи, въ какомъ оно является, имѣетъ слѣдующія три разности:

а) При изображеніи какого-либо одного (единичнаго) предмета подобіе обыкновенно у пѣвца выражается творит. падежомъ того предмета, отъ коего оно заимствуется. То же находимъ и въ народныхъ пѣсняхъ нашихъ, и въ разговорной рѣчи; и это принадлежитъ къ свойствамъ языка русскаго.

Въ примѣръ можемъ привести бѣгство Игоря, гдѣ для каждаго его движенія пѣвецъ находитъ образъ въ предметахъ природы: „Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду; въвръжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди..."

Такимъ же образомъ пѣвецъ Игоря рисуетъ иногда и движенiе мысли. „Боянъ бо вѣщiй, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслiю по древу, влъкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы“.

б) Другой оборотъ положительнаго подобiя выражается простѣйшимъ, обыкновеннѣйшимъ образомъ, посредствомъ сравнительныхъ союзовъ: акы, яко, рци (словно). Замѣчу однакоже, что въ пѣснѣ Игоря сей оборотъ употребляется только тогда, когда употребляемый предметъ будетъ множественнаго числа, или же имени собирательнаго. Это видно изъ слѣдующихъ пяти случаевъ сего оборота, находящихся въ пѣснѣ Игоря.

„По русской земли прострошаша половцы, акы пардуже гнѣздо“. „Куряни — акы сѣрыи влъци“.

„Крычатъ тѣлѣгы (половецкiя) полунощи (т. е. о полуночи), рци лебеди распужени“. Подобiе понятное для всякаго, кто слышалъ, какъ кричатъ и поютъ арбы татарскiя.

„Ты буй Рюриче и Давыде!.. Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ, акы тури, ранени саблями калеными“.

„А ты буй Романе и Мстиславе!.. высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти“*).

в) Наконецъ, третiй оборотъ положительнаго подобiя состоитъ въ простомъ сопоставленiи или сближенiи подобныхъ предметовъ и есть простое соотвѣтствiе (параллель). Напримѣръ въ пѣснѣ Игорю. „Солнце свѣтится на небесѣ: Игорь князь въ русской земли“.

II. Другой видъ подобiя есть отрицательный, такъ называемый потому, что здѣсь подобiе принимаетъ образъ отрицанiя. Пѣвецъ Игоря разговоръ Гзака и Кончака хочетъ уподобить стрекоту сорокъ, но выражается такимъ образомъ: „А не сорокы встрекоташа — на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ“.

Отрицательныя подобiя особенно любимы великорусскою народною поэзiею. Напримѣръ:

«Не соколъ леталъ по поднебесью,
Что ходилъ — гулялъ добрый молодецъ».

---

*) Въ двухъ послѣднихъ строкахъ та грамматическая особенность, что глаголы плаваеши и рыкаютъ [illegible] согласованы не съ употребленными предметами, къ коимъ относятся, но съ числомъ предметовъ, отъ коихъ взято подобiе.

III. Наконецъ, есть еще третій видъ подобія, изъ соединенія двухъ первыхъ происходящій, который потому и называю положительно отрицательнымъ. Въ немъ сначала ставится подобіе положительное, потомъ оно повторяется въ образѣ отрицанія, наконецъ слѣдуетъ самый уподобляемый предметъ (что въ двухъ прежнихъ видахъ составляетъ вторую часть подобія).

Такой трехчленный оборотъ пѣвецъ Игоря употребилъ, продолжая вышеприведенное изображеніе Бояна слѣдующимъ превосходнымъ представленіемъ его пѣснопѣнія.

„Тогда пущашетъ (Боянъ) десять соколовъ на стадо лебедей, который дотечаше, та преди пѣснь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красному Роману Святъславличю“.

Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше,

„Нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами князем славу рокотаху!“

Всѣхъ сихъ видовъ подобіе я называть простымъ, желая черезъ то отличить другой родъ подобія, когда пѣвецъ цѣлою картиною природы хочетъ изобразить какое-либо сложное дѣяніе. Это собственно то, что называется аллегоріей. Хотите ли видѣть русскій образецъ аллегоріи и вмѣстѣ прекрасный образецъ исторической живописи картиною природы надземной? Посмотрите, какъ пѣвецъ Игоря изображаетъ шествіе половцевъ на пораженіе четырехъ русскихъ князей при рѣкѣ Каялѣ.

„Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ. Черныя тучи съ моря идутъ, хотятъ прикрыти четыри солнца: а въ нихъ трепещутъ синіи млъніи.

Быти грому великому! ити дождю стрѣлами съ Дону великаго! Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго!“

Не правда ли, что всякая подробность этой картины — красота, и эта кровавая предвѣстница грознаго дня, и вся гроза, готовая уже разразиться и грянуть дрожащими въ ней, какъ бы отъ ярости, сильными молніями и губительнымъ дождемъ стрѣлъ своихъ! И какое прекрасное и сильное движеніе рѣчи, и выраженіе образцово-русское!

Въ разсказѣ бояръ Святославу о пораженіи сѣверскихъ князей на третій день битвы продолжается эта картина

„Темно бо бѣ въ третій день: два солнца померкоста, оба багряная стлъпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Владиміръ и Святославъ, тьмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла!“

Замѣтить надобно, что уподобленіе князей и властителей свѣтиламъ весьма любимо въ народѣ русскомъ. Такъ въ стариннѣйшихъ пѣсняхъ Владиміръ Великій называется солнцемъ.

«Въ славномъ городѣ Кіевѣ
У князя Владимира,
У солнышка у краснова».

Такъ и Несторъ изображаетъ предтечу христіанства русскаго, блаженную Ольгу: „Аки денница предъ солнцемъ и аки заря предъ свѣтомъ: си бо сіяла, аки луна въ нощи“. Потому въ описаніи возвращенія Игорева начальныя слова: „Солнце свѣтится на небесѣ. Игорь князь въ русской земли“ имѣютъ красоту народно-поэтическую, особенно послѣ того, какъ передъ походомъ князя солнце закрылось полнымъ затменіемъ и покрыло тьмою воинство его.

Изъ слѣдующаго отрывка можно видѣть, что у пѣвца и аллегорія принимаетъ иногда образъ отрицанія: „Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галицы стады бѣжать къ Дону великому“. Пѣвецъ хочетъ сказать, что къ Дону бѣгутъ не русичи, но полки половецкіе. Впрочемъ, здѣсь отрицаніе не въ оборотѣ только рѣчи, не кажущееся, но настоящее отрицаніе; противоположеніе здѣсь аллегорическое, въ другихъ мѣстахъ пѣсни прямое, которое пѣвецъ любитъ употреблять для сильнѣйшаго выраженія себя.

Разсмотрѣвъ сіи опредѣленные виды подобія у пѣвца Игоря, мы можемъ изъяснить себѣ, отъ чего пѣснь его отличается вообще чрезвычайною изобразительностію выраженія.

О повтореніяхъ.

Встрѣчая частое повтореніе нѣкоторыхъ подобій, примѣчаешь, что оное не отъ бѣдности, но отъ вѣрности его воображенія. Изъ небогатой природы своей онъ выбралъ не многія, но лучшія краски для картинъ своихъ, и онѣ у него любимыя, привычныя, составляютъ отличіе и характеристику его живописи. Такое однообразіе красокъ естественно, особенно народно, но

эзіи и составляетъ въ ней красоту; хотя и въ искусственной поэзіи есть свои привычныя краски, имѣющія повсюдное и всегдашнее употребленіе, но оттого не терявшія своего достоинства, ибо оно истинное, напр. роза, лилія.

Повтореніе извѣстныхъ словъ и цѣлыхъ реченій въ народной поэзіи имѣетъ особенную значительность, есть постоянная, отличительная ея принадлежность, составляетъ иногда особенный образъ въ пѣснопѣніи. Потому слѣдуетъ обратить на него особенное вниманіе и въ пѣсни Игоря.

1) Сюда, во первыхъ, принадлежитъ постоянное повтореніе нѣкоторыхъ словъ. Я разумѣю постоянные эпитеты, усвоенные разнымъ вещамъ и лицамъ и всегда къ нимъ прилагаемые. Сей гомерическій обычай усвоенія постоянныхъ эпитетовъ есть общая принадлежность поэзіи народной. Такъ въ пѣсни Игорю встрѣчаются многіе эпитеты, совершенно народные, сохранившіеся и любимые донынѣ преимущественно въ великорусской народной поэзіи; нѣкоторые же изъ нихъ встрѣчаются у другихъ славянъ, и потому должны быть весьма древніе. Таковъ, напр., эпитетъ „красная“; въ пѣсни Игорю красная дѣвица, красныя дѣвы готскія, красныя дѣвы половецкія, красная Глѣбовна; у Нестора красныя жены. Эпитетъ сей употребителенъ въ великорусскихъ пѣсняхъ и поговоркахъ. Слѣдующіе эпитеты изъ пѣсни Игорю понынѣ остаются любимыми эпитетами великорусскими: звѣрь *лютый* (тоже въ Поуч. Моном.), конь *борзый*, море *синее*, поле *чистое*, стрѣлы *калёныя*, воронъ *черный*, орелъ названъ *сизымъ*, волкъ *сѣрый* (сравни босымъ), мечи и копья *харалужныя*; въ великорус. пѣсняхъ употребителенъ *булатный* мечь, ножъ. Донъ у пѣвца именуется иногда *синимъ*, но чаще и собственнѣе *великимъ*, а въ великорус. пѣсняхъ — *тихимъ*, иногда же *Дономъ* (или Дунаемъ) Ивановичемъ, подобно чему Днѣпръ названъ *Словутичемъ* (т. е. сынъ славы, славичъ). Половцы постоянно называются погаными, какъ послѣ называли татаръ. Къ симъ эпитетамъ принадлежатъ и прозванія разнымъ лицамъ. Боянъ наз. *вѣщимъ*. Всеволодъ *буй туромъ* (ярь туромъ и просто туромъ по разу). Ярославъ галицкій *Осмомыслъ*, три Мстиславича — *шестокрыльцами*.

Всѣ эти эпитеты происходятъ и существуютъ отъ давняго созерцанія предмета, наблюдающаго существенныя качества его свойства, и отъ народнаго понятія и вкуса. При этомъ

они, особенно у русскихъ, заимствуются иногда отъ самого имени предмета, въ коемъ заключается уже его опредѣленіе, напр.: чудо чудное, диво дивное, воля вольная; либо же составляются повтореніемъ того самаго или близкаго слова, иногда только въ другомъ видѣ, напр.: горе-гореваньице, пированье-почестный пиръ, родъ-племя, молодо-зелено, кричмя кричитъ. Къ такимъ выраженіямъ въ Словѣ о П. И. принадлежатъ слова: „заря — свѣтъ, свѣтъ-свѣтлый“.

2) Что касается до повторенія рѣчей, то оно также и естественно, и часто составляетъ красоту. Удачно сказавшееся реченіе врѣзывается въ память, становится любимымъ и привычнымъ, обращается въ поговорку. Такихъ поговорокъ въ Словѣ весьма много. При подобномъ случаѣ оно готовое уже повторяется какъ бы само собою, и этимъ припоминаніемъ производитъ удвоенное впечатлѣніе. До какой степени повтореніе есть любимо нашею народною поэзіей, это увидимъ еще въ свое время; теперь же приведу реченія, повторяющіяся въ пѣсни Игорю.

У пѣвца однажды повторилось изреченіе: „Ищучи себѣ чти, а князю славы“ объ русскихъ воинахъ, готовящихся на битву съ половцами.

„О русская земле! уже за шеломянемъ еси!“ дважды восклицаетъ пѣвецъ, по вступленіи русскихъ на чужую половецкую землю, и предъ роковою битвою; и какъ глубокъ этотъ вздохъ по русской землѣ, на которую уже не воротились воины Игоревы!

„А Игорева храбраго плъку уже не кресити!“ повторено также пѣвцомъ, при воспоминаніи о плѣнѣ Игоря и о новыхъ бѣдствіяхъ отъ половцевъ (тѣ же слова у Нестора говоритъ древлянамъ Ольга про своего Игоря: „уже мнѣ мужа своего не кресити!“

Три воззванія пѣвца къ князьямъ о помощи оканчиваются одинаково: „За землю русскую, за раны Игоревы, буего Святъславича!“

Наконецъ, печаль прибережной природы о погибели Игорева полку на Каялѣ и о смерти Ростислава въ р. Стугнѣ изображается одинаково: „и древо съ тугою къ земле преклонилось“.

Не правда ли, что все это выраженія такія, кои стоили повторенія, и въ такихъ случаяхъ, гдѣ могли повториться сами собою?

Не менѣе прекрасно и повтореніе словъ „Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ аркучи", въ началѣ каждой строфы ея пѣсни, хотя такое повтореніе относится къ наружному виду пѣсни.

Народно-поэтическая символика птицъ и звѣрей.

1) Изъ всѣхъ птицъ чаще встрѣчается въ пѣсни соколъ, почти гость избивающимъ птицъ (особенно гусей и лебедей).

Игорь нѣсколько разъ представленъ соколомъ, а вмѣстѣ съ нимъ уже и братъ Всеволодъ. „О, далече заиде соколъ птиць бья къ морю, а Игорева храбраго пълку не крѣсити". „Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крыльца припѣшали поганыхъ саблями; а самаю опуташа во путины желѣзны".

Въ погонѣ за Игоремъ Гзакъ говоритъ Кончаку о Соколичѣ, плѣнномъ сынѣ Игоря: „Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича растрѣляевѣ своими злачеными стрѣлами".

Святославъ, говоря о воинской храбрости, восклицаетъ: „А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду!"

Наконецъ и 10 вѣщихъ перстовъ Бояна у пѣвца падаютъ на живыя струны, какъ 10 соколовъ на стадо лебедей.

2) Живая струна Бояна, которая сама гремитъ пѣснь славы князьямъ, употребленная лебедю, напоминаетъ намъ лебединую пѣснь классической миѳологіи и показываетъ, что лебедь и у пѣвца нашего былъ символомъ пѣнія и звука вообще.

3) По любимому пѣвцу, по всемірному употребленію слу[illegible] лучшій [illegible] соловей [illegible] свѣта солнечнаго.

4) [illegible] „умъ" или „замышленія" Бояна.

5) [illegible] Ярославна [illegible] Птица, по природѣ своей сиротствующая, лишенная радости — высиживать гнѣздо и заботиться о семьѣ своей, есть вѣрный символъ сиротства и родственной печали.

6) Противоположное значеніе симъ птицамъ имѣетъ воронъ и однородники его — галка и сорока.

Воронъ въ нашей поэзіи всегда недобрая примѣта, всегда является на горе; его карканье („вороно-граи") всегда зловѣщій голосъ, какъ во снѣ Святославовомъ.

7 и 8) Подобное значеніе въ пѣснѣ Игорю имѣютъ галка и сорока. Вспомните, какую свою рѣчь говоряхуть галици, когда собрались ихъ вороны, дѣлили между собою трупы. Полки половецкіе также названы у пѣвца галичьими стадами въ противоположность соколамъ-русичамъ; а разговоръ половецкихъ хановъ уподобленъ стрекоту сорокъ.

Вотъ еще картина почти предъ битвою съ половцами: „Длъго ночь мрькнетъ; заря-свѣтъ запала; щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди". Вотъ противоположная картина разсвѣта предъ возвратомъ Игоря на русскую землю: „Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа; полозію ползоша только; дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ (т. е. Донцу) кажутъ, соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ".

Здѣсь весь родъ вороній представленъ въ противоположности съ соловьемъ — вѣстникомъ свѣта и дятломъ — показателемъ пути въ родную землю.

Что касается до звѣрей, то всего чаще въ пѣснѣ Игорю встрѣчается волкъ, служащій для выраженія быстроты бѣга по землѣ. Это видѣли мы уже въ изображеніи бѣгущаго Игоря, курской дружины и замышленія Бояна (какъ пѣвца историческихъ событій на землѣ русской, который, по словамъ пѣвца Игоря, „рыскалъ въ тропу Трояню чрезъ поля на горы"). Кромѣ того, по словамъ пѣвца Игоря, волкомъ скакалъ и рыскалъ Всеславъ полоцкій, бѣжалъ къ Дону Гзакъ и Влуръ слѣдомъ за Игоремъ изъ плѣна.

Несторъ въ описаніи Святослава быстроту его сравниваетъ съ пардусомъ: „легко ходя, акы пардусъ, войны многы творяше". И пѣвецъ Игоря упоминаетъ одинъ разъ о семъ звѣрѣ, говоря, что „по русской земли прострошася половци, акы пардуже гнѣздо".

Но важнѣйшій изъ звѣрей — символъ храбрости и силы есть туръ — грозный, дикій, нынѣ весьма уже рѣдкій быкъ (bonasus); онъ назывался прежде у насъ, у чеховъ, у литовцевъ туромъ (отъ лат. taurus); но также и польскимъ именемъ — зубромъ. За нимъ любили охотиться встарину, какъ видно изъ По

ученія Владиміра Мономаха, который, разсказывая о своихъ ловахъ звѣриныхъ въ Черниговѣ, говоритъ: „Тура мя два метала на розѣхъ". Въ пѣсни Игорю буй туромъ (и ярь-туромъ) называется удалый Всеволодъ, дружина Рюрикова также уподоблена туромъ. И волынская лѣтопись, описывая „великаго и памятнаго" Романа Галицкаго, говоритъ: „Храбръ же бѣ, яко и туръ; ревнова же дѣду своему Мономаху".

[illegible]

Личность и міросозерцаніе пѣвца Слова о полку Игоревѣ.

За авторомъ Слова всѣ единогласно признаютъ званіе пѣвца свѣтскаго, но намъ кажется, что званіе его еще болѣе опредѣлится, если вглядѣться въ его отношеніе къ князьямъ, дружинѣ и народу. Онъ ставитъ себя въ одинаковое положеніе съ пѣвцомъ Бояномъ, который, по его же описанію, видимо былъ пѣвцомъ или пѣсенникомъ дружины; воинственные подвиги князя и его дружины — вотъ предметъ его пѣсенъ. Тотъ дружинный эпосъ, отрывки котораго дошли въ лѣтописи, и разсказы его дружинники [illegible] родъ Бояна. Русь, особенно [illegible] какъ и у другихъ народовъ, пѣснопѣнія воинственныхъ вѣковъ, были необходимостью дружинной жизни. Понятно, что они должны были воспитаться дружиною, ея духомъ, проникнуться ея идеалами, участвовать въ ея походахъ и пирахъ. Ихъ пѣсни и память о нихъ хранились только въ дружинѣ и могли переходить, какъ бы по наслѣдству, отъ одного пѣвца къ другому. Лучшими изъ нихъ были образованные дружинники, которые лишь развивали свой поэтическій даръ. Такъ Боянъ служилъ образцомъ пѣвцу Слова о полку Игоревѣ, котораго мы также должны назвать дружиннымъ пѣвцомъ. Онъ воспѣваетъ Игоря и буй-тура Всеволода за ихъ отвагу, мужество, за добываніе воинской славы и чести, а же то, за что пѣснотворцы стараго времени восхваляютъ стараго Ярослава, храбраго Мстислава и другихъ русскихъ князей. Эти главныя свойства эпическаго Святослава Всеволодовича лѣтописи являются и здѣсь какъ лучшія и доблестныя качества князя, которыя служатъ предметомъ поэтическаго служенія. Пѣвецъ знаетъ хорошо былины своего времени, т. е. пѣсни современныхъ событій, какъ пѣвецъ дружины, онъ въ нихъ, ко-

рый считаетъ себя членомъ общей княжеской семьи, родовичемъ; но онъ знаетъ и „былины стараго времени“, знаетъ не по отрывочнымъ лѣтописнымъ сказаніямъ, а по живымъ преданіямъ, по пѣснямъ Бояна и, можетъ быть, другихъ пѣснотворцевъ стараго времени. Сочувствіе его ко всѣмъ имъ опредѣляется тѣми же самыми чертами удали, которыя дѣлали князя идоломъ дружины. Онъ описываетъ ихъ личности по удалымъ ихъ подвигамъ, по такимъ, которые доставляли князю славу, а дружинѣ честь. А эти подвиги могли совершаться только на полѣ битвы съ врагами для охраны родины. Наконецъ, близкое, какъ бы родственное отношеніе пѣвца къ дружинѣ ясно говоритъ намъ, въ какой средѣ могли развиться его идеалы. Онъ самъ одушевленъ тѣмъ ратнымъ духомъ, какимъ живетъ дружина, ищущая себѣ чести, а князю славы. „Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и мы свои сложимъ“, говорила дружина Святославу, и въ этомъ заключалась воинская честь ея. Та же самая тѣсная связь на полѣ брани между княземъ и дружиною является и у пѣвца Слова: отношенія не измѣнились. Князь говоритъ дружинѣ: „Лучше быть побиту, чѣмъ полонену“, и дружина идетъ храбро за княземъ, и пѣвецъ съ сочувствіемъ слѣдитъ за дружиною, такъ какъ всѣ ея интересы близки ему самому. Зато въ какомъ прелестномъ изображеніи онъ и представляетъ ее: это народъ опытный, подъ трубами повитый, подъ шлемами взлелѣянный, концомъ копья вскормленный; пути и овраги знакомы ему, колчаны у него отворены, сабли наточены, и цѣль всего этого добыть себѣ чести, а князю славы. Все это заставляетъ насъ предполагать, что дружинная жизнь близко знакома пѣвцу Слова. Но наше вниманіе не можетъ остановиться только на этой сторонѣ личности поэта; въ ней ярко выступаетъ еще и другая, на которой нельзя не остановиться. Поэтъ вездѣ высказываетъ самое искреннее сочувствіе народному бѣдствію и страданіямъ отъ княжескихъ крамолъ и усобицъ, отъ дикихъ набѣговъ и разоренія половецкихъ. Онъ глубоко скорбитъ и плачетъ о родной землѣ. Ее, раздѣленную на удѣлы, онъ признаетъ за страну единую, и негодуетъ на тѣхъ князей, которые говорили: „Это мое, и это мое“, за малое спорили, какъ за великое, и изъ личныхъ интересовъ проливали русскую кровь. Подвиги ихъ на этомъ поприщѣ онъ не признаетъ за доблесть, называетъ ихъ крамолами и этимъ взглядомъ руководствуется

также при оцѣнкѣ княжеской дѣятельности. Тутъ онъ является строгимъ судьею и не стѣсняется въ приговорахъ. Олегъ Святославичъ превращается у него въ Олега Гориславича; потому что, по его взгляду, много горя посѣялъ онъ на русской землѣ, указывая къ ней дорогу половцамъ. Здѣсь мы видимъ не только дружинника, занятаго одними дружинными интересами, но и русскаго человѣка, сознающаго тѣсную связь со всею землею, съ народомъ; сознаніе единства русской земли несмотря на ея раздробленность ясно высказывается поэтомъ; онъ чуждъ всякаго мѣстнаго, удѣльнаго патріотизма, онъ страдаетъ равно за всѣхъ русскихъ, терпящихъ бѣды [illegible] скія крамолы. Самыя вѣрованія его мы должны назвать народными. Въ его время они были еще въ полной силѣ [illegible] вдали отъ русско-христіанскаго центра, Кіева, хотя уже не могли быть господствующими въ дружинѣ. Эти [illegible] мифическія являются не какъ поэтическія украшенія [illegible] вѣрованія искреннія, отчего они сохраняютъ [illegible] живыхъ образовъ. Пѣвецъ самъ вѣритъ и въ Стрибога, и въ Дажбога, и въ Хорса, и въ Велеса, которыхъ въ Кіевѣ уже во времена Нестора стали забывать, почему лѣтописецъ считаетъ нужнымъ опредѣлить его эпитетомъ [illegible] какъ тутъ же рядомъ Перуна оставляетъ безъ такого опредѣленія, какъ бога, еще всѣмъ хорошо знакомаго. Поэтъ [illegible] и въ магическую силу стихій, къ которымъ заставляетъ обращаться плачущую Ярославну, какъ дѣйствительнымъ [illegible] божествамъ, на что, между прочимъ, указываетъ и эпитетъ «господине», относимый къ каждой стихіи порознь, эпитетъ, который выражаетъ живую, одушевленную силу. Наконецъ хорошее слѣдствіе этой магической молитвы [illegible] часъ же въ спасеніи князя Игоря: стихіи [illegible] будто услышали скорбное моленіе тоскующей жены и [illegible] ея мужу воротиться на родину. Все это мифическое [illegible] наше сообщаетъ поэту множество живыхъ поэтическихъ [illegible] не выходящихъ изъ круга русскихъ вѣрованій [illegible] сохраняется то же мифическое [illegible] [illegible] щанія, какія еще живо сохранялъ русскій народъ.

Во всемъ этомъ мы еще не видимъ вліянія христіанства. [illegible]

теристики самыхъ идеаловъ поэта онъ не имѣетъ никакого значенія.

Трудно сказать, въ такомъ ли видѣ вышло Слово изъ устъ поэта, и самъ ли онъ его записалъ, или оно записано кѣмъ другимъ, не умѣвшимъ сохранить пѣсеннаго размѣра. Но, по обстоятельствамъ, мы склонны предполагать это послѣднее. Грамотность была потребностью только людей религіозныхъ, слѣдственно, только они преодолѣвали трудъ ученія. Всѣмъ же другимъ умѣнье читать и писать не представляло никакого интереса. Пѣвецъ Слова, если и считался христіаниномъ, то ужъ никакъ не былъ религіознымъ человѣкомъ, проникнутымъ христіанскими идеями и стремленьями, которыя, вѣроятно, даже и не коснулись его. Итакъ, если онъ могъ быть грамотнымъ, то вслѣдствіе какой-нибудь особенной случайности, но вѣрнѣе, что онъ и не принимался за эту науку. Обыкновенно учились читать по часослову, по псалтирю или по другимъ священнымъ книгамъ, потому что иныхъ не было. Странно было бы предположить, что нашъ поэтъ, учась, конечно, по этимъ книгамъ, не принималъ оттуда никакихъ идей, а принявъ хотя нѣсколько, онъ невольно бы разрушилъ цѣльность языческаго міросозерцанія, которую мы замѣтили въ его поэмѣ. Онъ не могъ бы быть такъ наивно искреннимъ, касаясь того, другого или третьяго миѳическаго образа. Съ другой стороны, поэтъ въ то время не былъ писателемъ, и, слѣдственно, поэтическія стремленія не имѣли ничего общаго съ умѣньемъ читать и писать. Боянъ, кого хотѣлъ воспѣть, брался за гусли, а не за перо и былъ, по всей вѣроятности, безграмотный. То же мы думаемъ и о пѣвцѣ Слова. Значитъ, остается предположить, что поэма прошла черезъ чужое перо, слѣдственно, могла нѣсколько измѣниться въ формѣ изложенія.

Стоюнинъ.

Путешествіе игумена Даніила.

Біографическихъ свѣдѣній объ игуменѣ Даніилѣ пока мы не имѣемъ никакихъ. Въ своемъ Паломникѣ онъ дѣлаетъ два указанія на мѣстность, гдѣ должно полагать его родину. Во-первыхъ, описывая Іорданъ (гл. VI), онъ говоритъ, что святая рѣка всѣмъ похожа на рѣку русскую Сновь — и шириной.

и глубиною, и излучистостью теченія, и берегами. А рѣка Сновь течетъ въ сѣверо-западной части Черниговской губерніи, выходя изъ подъ Стародуба и впадая въ Десну немного выше Чернигова. Во-вторыхъ, сообщая о князьяхъ русскихъ, которыхъ имена для поминовенія о здравіи онъ записалъ въ монастырѣ святого Савы (гл. XXII, fin.), онъ называетъ вмѣстѣ съ бывшими въ его время главными князьями еще побочныхъ князей полоцко-минскихъ, изъ чего слѣдуетъ заключать, что онъ находился къ этимъ князьямъ въ какомъ-то особомъ отношеніи. Такъ какъ сѣверо-западная часть нынѣшней губерніи Черниговской смежна съ древнимъ княжествомъ полоцко-минскимъ, то по сейчасъ приведеннымъ указаніямъ Даніила о мѣстѣ его родины нужно думать одно изъ двухъ — или что онъ былъ полочаниномъ изъ юго-восточной части княжества и зналъ черниговскую рѣку Сновь по сосѣдству, или что онъ былъ сѣверо-западный черниговецъ и записалъ имена полоцко-минскихъ князей по той же самой причинѣ. Болѣе вѣроятно послѣднее, чѣмъ первое. Относительно времени путешествія Даніила въ Іерусалимъ, мы находимъ у него возможно точныя указанія. Онъ говоритъ, что отправился въ путь въ княженіе великаго князя Святополка Изяславича (гл. XXII fin.), который умеръ 16 апрѣля 1113 года; затѣмъ онъ говоритъ, что путешествіе изъ Іерусалима къ Тиверіадскому озеру онъ совершилъ подъ прикрытіемъ войскъ тогдашняго христіанскаго государя Іерусалима — Балдуина, который ходилъ въ походъ на Дамаскъ (гл. XIV), а этотъ походъ имѣлъ мѣсто въ 1115 году въ первой его половинѣ. Слѣдовательно, Даніилъ отправился изъ Россіи до апрѣля 1113 года, а предпринялъ обратный путь послѣ первой половины 1115 года.

Цѣль, съ которою Даніилъ рѣшился написать свой Паломникъ, совершенно понятна сама собою. Для благочестивыхъ русскихъ людей святой градъ Іерусалимъ и святыя палестинскія мѣста были такими же дорогими и высоко интересными предметами, какъ и для всѣхъ вообще благочестивыхъ людей, а между тѣмъ они не имѣли книги, въ которой могли бы читать ихъ описаніе и по которой могли бы составить себѣ о нихъ нѣкоторое понятіе. Такимъ образомъ Даніилъ, рѣшившись написать свой Паломникъ, хотѣлъ удовлетворить насущной нуждѣ въ подобной книгѣ.

Многочисленныя современныя хожденія въ Іерусалимъ прежде

Даніила, возвращались къ нему съ разсказами о видѣнномъ. Но съ этими разсказами было тоже, что въ настоящее время съ разсказами богомольцевъ простолюдиновъ — одни повѣствовали одно, другіе — другое, третьи — Богъ знаетъ что. Въ виду этихъ повѣствователей-сочинителей Даніилъ задался мыслію составить описаніе, по возможности, вѣрное и точное, на что онъ желалъ внушить вѣру къ себѣ, неоднократно нарочитымъ образомъ и указываетъ въ своемъ Паломникѣ (введеніе, гл. XVI, XVII fin. и XX fin.). Чтобы не только самому видѣть все собственными глазами, но и видѣть, по возможности, обстоятельно, Даніилъ не ограничился бѣглымъ посѣщеніемъ Іерусалима, какъ это дѣлаютъ обыкновенные богомольцы, осматривающіе его святыни, такъ сказать, впопыхахъ и на-бѣгу, но прожилъ въ немъ цѣлые 16 мѣсяцевъ (введеніе). Чтобы объ осматриваемыхъ святыняхъ пріобрѣтать свѣдѣнія, по возможности, вѣрныя, чтобы вездѣ видѣть именно то, что и надлежало видѣть, необходимымъ условіемъ было пріобрѣтеніе сколько можно надежныхъ и знающихъ путеводителей и руководителей. — Даніилъ приложилъ объ этомъ, какъ онъ самъ говоритъ, все свое стараніе, и такъ какъ онъ былъ человѣкъ со средствами, то вполнѣ въ этомъ и успѣлъ (ibid.).

Не ограничиваясь Іерусалимомъ и его ближайшими окрестностями, Даніилъ хотѣлъ составить возможно полное описаніе всѣхъ святыхъ палестинскихъ мѣстъ. Но въ тѣ времена по причинѣ разбойниковъ было крайне опасно путешествіе изъ Іерусалима въ древнюю Галилею, къ Тиверіадскому озеру. Энергія и счастіе помогли въ этомъ случаѣ нашему путешественнику. Въ бытность его въ Іерусалимѣ, святой городъ находился въ обладаніи крестоносцевъ, у которыхъ тогда іерусалимскимъ королемъ былъ Балдуинъ I или, какъ называетъ его нашъ паломникъ, — князь Балдвинъ. Даніилъ представлялся Балдуину, успѣлъ пріобрѣсти его полное расположеніе и прошелъ путемъ отъ Іерусалима до Тиверіады вмѣстѣ съ нимъ самимъ, когда онъ предпринялъ военный походъ въ Дамаскъ.

Послѣ желанія составить описаніе возможно вѣрное и обстоятельное, вообще возможно удовлетворительное, оставалось имѣть способность и талантъ на то, чтобы написать его какъ слѣдуетъ, чтобы дать ему литературное изложеніе, по возможности соотвѣтствующее и подходящее. „Азъ написахъ не хитро,

но просто написахъ", говоритъ Даніилъ о своемъ Паломникѣ (въ гл. XX fin.), и этими словами опредѣляетъ какъ характеръ, такъ и достоинство своего труда. Онъ несомнѣнно былъ человѣкъ настолько въ тогдашнемъ смыслѣ образованный, чтобы имѣть способность писать витіевато и хитрословесно, но природный вкусъ подсказалъ ему, что сочиненіе, подобное его Паломнику, только отличаясь совершенною, нисколько не хитрословесною, простотою, и онъ намѣренно написалъ его съ этою, составляющею величайшее достоинство его труда, простотою. Не украшая рѣчь свою цвѣтами ораторства, онъ описываетъ предметъ за предметомъ то, что видѣлъ, и болѣе ничего. Отъ этого Паломникъ Даніила выходитъ нѣсколько сухъ, но зато онъ имѣетъ величайшее достоинство описанія, именно: описаніе не затемненное и не запутанное, величайшее достоинство описанія, благодаря которому его малограмотные читатели не имѣли нужды въ томъ, чтобы его комментировать и толковать, а должны были только читать, совершенно уразумѣвая то, что описывается.

Паломникъ Даніила, какъ мы сказали, представляетъ собою не частное описаніе только нѣсколькихъ святыхъ мѣстъ Палестины, но Паломникъ палестинскій или путеводитель по ней совершенно полный, съ описаніемъ всѣхъ святыхъ мѣстъ, сколько-нибудь замѣчательныхъ для христіанъ (съ путемъ порядка, въ которомъ обозрѣвалъ святыни и который есть отчасти и топографическій показатель и самъ по себѣ). Даніилъ описываетъ 1) Іерусалимъ со всею его святынею и всѣ окрестныя къ нему святыя мѣста въ собственной Палестинѣ или древней Іудеи (послѣ святыни самого Іерусалима здѣсь читается о Виѳаніи, Геѳсиманіи, Виѳлеемѣ, Іорданѣ, Іерихонѣ, о монастыряхъ Ѳеодосія, Саввы и Харитона, о Хевронѣ и дубѣ Мамврійскомъ), 2) святыя мѣста древней Галилеи со включеніемъ немногихъ мѣстъ Самаріи (здѣсь — о Самаріи-градѣ, о верховьяхъ Іордана, о градѣ Тиверіадѣ и о морѣ-озерѣ Тиверіадскомъ, о Ѳаворѣ, о Назаретѣ и Канѣ Галилейской). Въ началѣ и въ концѣ Паломника Даніилъ представляетъ краткое расписаніе путей, которыми ѣхалъ онъ изъ Константинополя до Іерусалима и обратно. Въ видѣ приложенія онъ помѣщаетъ разсказъ о свѣтѣ святѣмъ, како сходитъ съ небесе ко гробу Господню, въ которомъ весьма обстоятельно и интересно повѣствуетъ, какъ совершилось это схожденіе при немъ самомъ.

Паломникъ Даниила несомнѣнно долженъ быть признанъ не только книгою совершенно удовлетворительною для своего времени, но и замѣчательно хорошею. Достоинство Паломника въ состоянiи были оцѣнить и наши предки, у которыхъ онъ пользовался весьма большою популярностiю, какъ о томъ ясно свидѣтельствуетъ множество дошедшихъ до насъ его списковъ.

Игуменъ Даниилъ, человѣкъ довольно чиновный, бывъ въ Iерусалимѣ, сознавалъ себя какъ бы представителемъ русской земли, почему онъ хотѣлъ ознаменовать свое пребыванiе въ немъ дѣломъ такого представительства: на день великой субботы, въ которую сходитъ на гробъ Господень небесный огонь, Даниилъ испросилъ дозволенiе у Балдуина поставить на послѣднемъ кандило за землю русскую по подобiю двухъ другихъ, поставлявшихся на немъ на сей день, кандилъ, именно греческаго и монастыря св. Саввы. „Въ пятницу великую въ 1 часъ дни, — разсказываетъ Даниилъ, — и азъ худыи идохъ къ князю Балдвину, и поклонихся ему до земли; онъ же видѣвъ мя поклонившагося и призва мя къ себѣ съ любовiю и рече ми: что хощеши игумене русьскiи? Позналъ бо мя добрѣ и любляше мя велми, яко бяше мужь благъ и смиренъ и не гордитъ ни мало. Азъ же рекохъ ему: господине княже, молю ся тебѣ Бога дѣля и князеи ради русьскихъ, хотѣлъ быхъ и азъ поставити кандило свое надъ гробомъ Господнимъ за вся князи наша и за всю русьскую землю, за вся христiане русьскыя земля. И тогда же князь повелѣ ми поставити свое кандило, и съ радостiю посла со мною мужа своего лучшаго ко иконому святаго Воскресенiя и къ тому, иже держитъ гробъ Господень. Повелѣста ми оба — иконом и ключарь гроба Господня принести кандило свое съ масломъ; азъ же поклонихся имъ съ радостiю великою и шедъ на торгъ и купихъ кандило стклянное велико и налияхъ масла древянаго чистаго безъ воды и принесохъ ко гробу Господню уже вечеру сущу и умолихъ ключаря того единаго и възвѣстихъ ему. Онъ же отверзе двери гроба Господня и повелѣ ми выступити изъ калигъ и введе мя босого въ гробъ Господень съ кандиломъ, еже несяхъ азъ руками своими грѣшныма, и повелѣ ми поставити кандило на гробѣ Господни, и поставихъ своима рукама грѣшнама въ ногахъ, идѣже лежаста пречистѣи нозѣ Господа нашего Iисуса Христа, — въ главахъ стояше кандило греческое, на персяхъ поставлено бяше кандило св. Саввы и всѣхъ мо-

настырей, яко бо обычаи имуть по вся лѣто поставляти кандило греческое и св. Саввы». По словамъ Даніила, вмѣстѣ съ двумя сейчасъ помянутыми кандилами и его кандило возжглось само, когда сниде свѣтъ святый. На третій день онъ взялъ свое кандило, чтобы нести его домой.

Е. Голубинскій.

Паломничество.

Школою русскаго иночества постоянно служилъ Востокъ. Есть извѣстіе, что еще Владиміръ I (1015) отправлялъ пословъ въ Египетъ, Іерусалимъ и другія страны, чтобы они на мѣстѣ увидѣли жизнь богоугодныхъ мужей. Уже при Ярославѣ I является русскій отшельникъ Иларіонъ, а Антоній отправляется для подвиговъ на Аѳонъ и оттуда приноситъ на Русь высшій образъ жизни аѳонскихъ отшельниковъ. При Изяславѣ странствовалъ въ Іерусалимъ и Константинополь для обозрѣнія монастырей и закупки церковныхъ вещей Варлаамъ, сперва постриженникъ печерскій, а потомъ игуменъ Дмитріевскаго монастыря. Во второй половинѣ XII в. въ тѣхъ же мѣстахъ былъ Антоній Дымскій. Въ XII в. странствованія на востокъ распространились до такой степени, что возникъ даже вопросъ, не грѣхъ ли позволять нѣкоторымъ ли странствовать; рѣшеніе было въ пользу запрещенія. Многіе давали даже присягу идти въ Іерусалимъ; и зато была назначена эпитимія, потому что, какъ сказано въ запрещеніи, присяга эта губитъ нашу землю. То же самое пришлось повторить и въ началѣ XIV вѣка, такъ какъ и тогда благочестивыя странствованія совершались въ значительныхъ размѣрахъ. Это настроеніе, вѣроятно, поддерживалось и восточными странниками, заходившими въ Россію, о которыхъ встрѣчаются извѣстія очень рано, а потомъ постоянно. Центрами, привлекавшими нашихъ путешественниковъ на Востокъ, были: Константинополь, Аѳонъ и Іерусалимъ съ его окрестностями. Тамъ можно было встрѣтить лицъ даже изъ далекаго Новгорода. Путь этотъ былъ опасенъ, потому что нерѣдко на путешественниковъ нападали морскіе разбойники, отъ которыхъ иногда приходилось терпѣть притѣсненія. Но вѣра превозмогала всѣ препятствія.

Все вниманіе путешественниковъ сосредоточивалось на религіозныхъ предметахъ и вполнѣ характеризуетъ духъ времени

Съ мельчайшими подробностями передаютъ они о мѣстахъ, освященныхъ религіозными воспоминаніями; записываютъ преданія, сложившіяся о нихъ, и стараются не пропустить ни одного изъ нихъ въ своихъ странствованіяхъ. На пути изъ Константинополя въ Іерусалимъ, игуменъ Даніилъ только мимоходомъ замѣчаетъ объ островахъ, гдѣ добываются мастика, вино, овощи, сѣра (Хіосъ, Милосъ). Ефесъ для него важенъ потому, что тамъ гробъ Іоанна Богослова, изъ котораго исходитъ персть для исцѣленій; а недалеко отъ Ефеса находится пещера семи отроковъ, спавшихъ 372 г. отъ Декія до Феодосія. Кипръ важенъ потому, что тамъ находится безчисленное множество святыхъ, а на горѣ, гдѣ поставленъ кипарисный крестъ Еленинъ, являются знаменія и чудеса. Здѣсь родится ладанъ темьянъ, который падаетъ съ небя на деревья, какъ роса. Перечисляя острова, которые лежали на его пути, Даніилъ при этомъ указываетъ, какіе святые почиваютъ на нихъ. Но особенно подробно онъ говоритъ о Іерусалимѣ и его окрестностяхъ. Тамъ онъ исходилъ всю землю: до моря Тиверіадскаго и до горы Фавора, — до Назарета, Хеврона и Іордана. Онъ отмѣчаетъ всѣ мѣста, важныя въ евангельскомъ и библейскомъ отношеніяхъ, и разсказываетъ мѣстныя подробности о нихъ. Возлѣ городской стѣны лежитъ плоская гора, которая разсѣлась во время распятія Іисуса, и то мѣсто называется — адъ. На мѣстѣ распятія Христа замѣчена также разсѣлина, чрезъ которую пролилась его кровь на главу Адама. Даніилу указывали мѣсто жертвоприношенія Авраама; столпъ Давида, гдѣ онъ составилъ псалтирь; мѣста исцѣленій Іисуса; дома, гдѣ жили извѣстныя лица священной исторіи. Содомское море отстекло далѣе на 4 версты ради крещенія Іисуса. На Іорданѣ показывали мѣсто, чрезъ которое по водѣ прошла Марія Египетская, чтобы пріобщиться у Зосимы. Даніилу случилось быть на Іорданѣ во время водоосвященія, и достойные люди, по его замѣчанію, видятъ, какъ исходитъ Духъ Св. на воды іорданскія. Въ Іерихонѣ показывали Даніилу 12 камней, взятыхъ со дна Іордана въ то время, когда разступились его воды для перехода евреевъ. Онъ видѣлъ дубъ мамврійскій, возлѣ котораго стоялъ шатеръ Авраама, когда онъ принималъ Троицу. Недалеко отъ Сихема, онъ видѣлъ колодецъ Іакова, гдѣ бесѣдовалъ Іисусъ съ самарянкою. На горѣ Фаворской есть пещера съ трапезою, куда и теперь приходитъ Мельхи-

седекъ совершалъ литургію. Особенное же вниманіе Даніилъ обратилъ вниманіе на свѣтъ, который нисходитъ съ небя во время вечерни въ великую субботу и зажигаетъ кадила. Даніилъ опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые говорили, что Духъ Св. нисходитъ на гробъ Іисуса, а также и другихъ, которые зажиганіе кадилъ объясняли дѣйствіемъ молніи: по его мнѣнію, они зажигаются отъ невидимаго дѣйствія благодати. Свѣтъ же этотъ, по замѣчанію Даніила, не похожъ на настоящій, но свѣтится какъ-то чудно и особенно, цвѣтомъ своимъ напоминающій киноварь. При томъ не всѣ кадила зажигаются отъ него, а только православныя, латинскія же горятъ инымъ свѣтомъ, и не такъ, какъ тѣ, [illegible] и чудно свѣтятся. Этотъ свѣтъ обращалъ на себя вниманіе и другихъ путешественниковъ.

Въ духѣ путешествія Даніила написаны другія странствованія по Востоку. Какъ Іерусалимъ привлекалъ къ себѣ путешественниками, такъ Константинополь — монастырями. Описаніе Константинополя Стефана Новгородца есть описаніе монастырей и ихъ святынь. И здѣсь онъ останавливается преимущественно на тѣхъ предметахъ, которые могутъ укрѣпить чувство вѣры. Разсказывая о мозаическомъ образѣ Іисуса въ Софійскомъ храмѣ, онъ замѣчаетъ, что изъ ноги его, гдѣ нарисованы язвы гвоздиныя, идетъ святая вода, и что здѣсь онъ мазался масломъ и пилъ воду. Увидѣвъ трапезу Авраама, онъ вспоминаетъ о дубѣ мамврійскомъ, видѣнномъ въ Іерусалимѣ: листья его остаются зелеными лѣтомъ и зимою, и останутся навсегда такими. Въ колоннѣ Константина В. Стефанъ видѣлъ сѣкиру Ноя; а въ церкви Апостоловъ 2 стола: одинъ — къ которому привязанъ былъ Іисусъ, а другой, у котораго плакалъ Петръ послѣ отреченія. Въ монастырѣ Спаса ему показывали чашу, изъ бѣлаго камня, въ которой Іисусъ претворилъ воду въ вино. Въ Константинополѣ вниманіе путешественниковъ останавливалось на трапезѣ Авраама, ковчегѣ Ноя и сѣкирѣ, которою онъ строилъ его; они видѣли камень, изъ котораго извелъ Моисей воду; тамъ были собраны всѣ принадлежности страданія Іисуса и остатки хлѣба, который онъ вкушалъ на вечери. Въ монастырѣ Продромѣ хранились волосы Богородицы. На Сіонѣ путешественникамъ показывали священные камни, на которыхъ, по преданію, Іисусъ бесѣдовалъ съ Моисеемъ, и другіе, на которыхъ

онъ указалъ, когда говорилъ іудеямъ, что камни возопіютъ, если онъ заставитъ молчать учениковъ. На Ѳаворѣ хранились камни, на которыхъ стоялъ Іисусъ во время Преображенія. На Сіонѣ, въ армянскомъ монастырѣ, хранился огонь, у котораго грѣлся апостолъ Петръ. Въ Египтѣ указывали знаки перехода израильтянъ черезъ Чермное море. Таково содержаніе записокъ нашихъ путешественниковъ — духовныхъ. Но и записки свѣтскихъ лицъ, каковы дьякъ Александръ и купецъ Гагара (XVII в.), не выходятъ изъ предѣловъ религіознаго описанія. Дьякъ Александръ заключаетъ: „невозможно исходити всюду и видѣти всѣ монастыри или записати его, всего тамъ тысячи тысячами, а иныхъ св. мощей и чудотвореній невозможно исповѣдати“. Только мимоходомъ наши путешественники касаются описанія зданій, природы, событій.

Изъ содержанія этихъ путешествій можно видѣть, что главнымъ побужденіемъ, которое влекло ихъ на Востокъ — было желаніе увидѣть собственными глазами то, о чемъ они читали въ своихъ книгахъ или слышали отъ другихъ. Вотъ почему они стараются не пропустить ни одного преданія о какомъ-нибудь древнѣйшемъ предметѣ, и не могутъ удержаться отъ выраженія тѣхъ чувствъ, которыя такъ долго сдерживались въ ожиданіи этой обѣтованной земли. Это чувство, постоянно поддерживаемое новыми впечатлѣніями въ томъ же родѣ, не давало путешественнику успокоиться настолько, чтобы онъ могъ сдѣлаться спокойнымъ зрителемъ человѣческихъ дѣлъ, окружавшихъ его въ шумной столицѣ имперіи. „Въ Цареградѣ ходити, говоритъ Стефанъ Новгородецъ, все равно, что въ дубраву, безъ хорошаго проводника ходить невозможно, и бѣдный или скупой не можетъ ни видѣть, ни цѣловать какого-нибудь святого, кромѣ праздника“. Уваженіе къ Востоку, какъ религіозному центру, сохранялось во все время господства религіозныхъ идей, т. е. въ эпоху древней Россіи.

Иконниковъ.

Паломничество на Руси.

Въ XII и послѣдующихъ вѣкахъ особенно распространена была на Руси страсть къ посѣщенію святыхъ мѣстъ. Толпы благочестивыхъ паломниковъ отправлялись туда, чтобы, по словамъ былины:

Святой святынѣ помолитися
Господню гробу приложитися
Во Ердань рѣкѣ искупатися.

Подвижниковъ, совершившихъ дальный и трудный путь, встрѣчало на родинѣ не одно любопытство, но и искреннее уваженіе русскихъ людей. По церковному уставу св. Владиміра странники принадлежали къ числу „людей церковныхъ“. Они становились какъ бы на ряду съ духовенствомъ. На нихъ смотрѣли, какъ на людей избранныхъ, угодившихъ Богу. Народная былина разсказываетъ, какъ атаманъ калѣкъ перехожихъ, отправлявшихся въ Іерусалимъ, Касьянъ Михайловичъ, исцѣлилъ жену Владимира —

А и дунулъ духомъ святымъ своимъ
На младу княжну Апраксѣевну...
Оградилъ ее святой рукой.

Если въ толпѣ калѣкъ перехожихъ и бывали недостойные люди, которые присоединялись къ ней „ради прокорму“, хотя бы и нищіе, если, по словамъ былины, на себя [illegible]ныхъ молодцовъ, кто крадетъ и вретъ, должны были, подъ страхомъ строгаго наказанія, налагать обѣтъ воздержанія, то общій тонъ калѣчьему обществу давался людьми искренней вѣры и благочестія. Между калѣками перехожими [illegible] лица духовныя. Даніилъ паломникъ ходилъ въ Іерусалимъ съ дружиною и были въ той дружинѣ новгородцы и кіяне, люди мірскіе: Сѣдеславъ Ивановичъ, Гордиславъ Михайловичъ и иные многіе. Калѣки группировались около церквей, пустынь, монастырей. Народныя былины сохранили воспоминаніе объ этой связи калѣкъ съ средоточіемъ книжнаго просвѣщенія древней Россіи: къ нимъ стекались калѣки изъ окрестныхъ мѣстъ, около нихъ объединялись однимъ общимъ обѣтомъ всѣ калѣки изъ окрестныхъ мѣстъ, всѣ калѣки, собиравшіеся въ святую землю:

А *изъ пустыни* было Ефимьевы
Изъ *монастыря* изъ Боголюбова
Начинали калики наряжатися
Ко святому граду Ерусалиму.

Исполнивши благочестивый обѣтъ, поклонившись святынямъ іерусалимскимъ, калѣки собираются на родину и идутъ въ путь

До *своего* монастыря Боголюбова
И до пустыни Ефимьевы.

Такъ въ кружкѣ калѣкъ перехожихъ соединялись представители народа съ грамотными людьми древней Россіи, съ духовенствомъ

И думали они думушку единую.

Эти книжные люди были „вожами и языками" кружка калѣкъ, которые естественно должны были стоять подъ вліяніемъ „своего монастыря и своей пустыни". Въ мѣстахъ земной жизни Христа паломниковъ охватывала длинная цѣпь мѣстныхъ христіанскихъ преданій, и это великое цѣлое восточно-христіанскаго эпоса, выразившееся въ апокрифическихъ евангеліяхъ, служило для нихъ лучшимъ комментаріемъ къ тому, что они видѣли въ Палестинѣ. Монументальные памятники прошедшаго остаются безмолвными камнями, если ихъ не объяснитъ живое слово. „Невозможно безъ вожа добрѣ ходити и безъ языка добрѣ испытати и видѣти всѣхъ святыхъ", говоритъ Даниилъ паломникъ. Русскій игуменъ нашелъ въ одной лаврѣ „мужа свята и стара деньми и книжна вельми". Онъ разсказалъ ему все „отъ святыхъ книгъ". Этими святыми книгами для Даниилова „вожа" были апокрифическія евангелія, преимущественно первоевангеліе Іакова. Изъ него почерпнуты почти всѣ легенды, внесенныя въ „Странникъ" Даниила и позднѣйшихъ паломниковъ русскихъ: іеродіакона Зосимы, Іоны и Трифона Коробейникова. Въ стихахъ калѣкъ перехожихъ повторяются тѣ же легенды апокрифическихъ евангелій, слышанныя ими въ Іерусалимѣ или узнанныя на родинѣ отъ грамотныхъ „языковъ"...

Тихонравовъ.

Паломничество и крестовые походы.

Многочисленность русскихъ паломниковъ въ Грецію и Палестину въ теченіе всего домонгольскаго періода находится внѣ всякаго сомнѣнія. Увлекая собой наиболѣе любознательныхъ и предпріимчивыхъ людей, паломничество не только давало матеріалъ для множества устныхъ разсказовъ, но и обогатило скудную русскую письменность нѣсколькими паломническими сказаніями, и отразилось въ народной поэзіи въ былинахъ *о Василіи Буслаевѣ и о сорока каликахъ со каликою.* По времени русское паломничество совпадало съ эпохою того

религіознаго одушевленія, которое охватило собою западную Европу и выразилось въ крестовыхъ походахъ. Есть нѣкоторое сходство между этими двумя историческими явленіями, совершившимися одновременно, но независимо одно отъ другого. Отмѣтимъ черты сходства.

а) И то, и другое явленіе совершалось подъ покровительствомъ церкви. Такъ было на Западѣ. Напр. папа Евгеній въ своемъ посланіи предъ началомъ второго крестоваго похода писалъ: „Всѣмъ тѣмъ, которые рѣшатся предпринять и исполнить благочестивый обѣтъ, дѣло столь святое и необходимое, даемъ властію, полученною отъ Бога, такое же отпущеніе грѣховъ, какое установилъ нашъ предшественникъ папа Урбанъ; жены же ихъ и дѣти, имущество и владѣнія пусть пребываютъ подъ покровительствомъ святой церкви и подъ нашею защитою, равно какъ подъ защитою архіепископовъ, епископовъ и другихъ прелатовъ Божіей церкви“. Точно также и на Руси: по церковному уставу Ярослава паломникъ считался въ числѣ церковныхъ людей. Паломники ѣздили и ходили [illegible], такъ что, по свидѣтельству памятника XII вѣка, иные и становились паломниками, чтобы ѣсть и пить готовое.

б) И русское, и западное явленіе на востокъ сходствовали между собою обширными размѣрами. Въ западной Европѣ цѣлыя мѣстности пустѣли вслѣдствіе поголовнаго стремленія на востокъ. „Изумительное стремленіе на востокъ, говоритъ современникъ 1-го крестоваго похода, одинаково воодушевляло и богатыхъ и бѣдныхъ, и мужчинъ и женщинъ, монаховъ и старцевъ, горожанъ и поселянъ. Мужья оставляли своихъ возлюбленныхъ женъ, а жены, рыдая и разставаясь съ дѣтьми и родителями, страстно желали послѣдовать за своими мужьями въ походъ. Все, до того времени дорогое, продавалось за ничтожную цѣну“. „Многіе изъ тѣхъ, которые не имѣли ни малѣйшаго желанія отправляться, прибавляетъ другой современникъ, шутили и смѣялись надъ тѣми, кто продавалъ свои земли дешево, и увѣряли, что они болѣе жалкими возвратятся домой; на другой же день они же сами, вдругъ охваченные внезапно тѣмъ же желаніемъ, отдавали все свое имущество за ничтожныя деньги и шли вмѣстѣ съ тѣми, надъ кѣмъ только что смѣялись“. При этомъ можно было увидѣть самыя забавныя приключенія, вызывавшія смѣхъ [illegible]

подковавъ быковъ, какъ то дѣлаютъ съ лошадьми, запрягали ихъ въ двуколыя телѣги, на которыхъ помѣщались ихъ малые пожитки вмѣстѣ съ малолѣтними дѣтьми, и тащили все за собою. Когда дѣти видѣли замокъ или городъ, то поспѣшно спрашивали: „не Іерусалимъ ли это, къ которому они идутъ?“ Нѣчто подобное, хотя, конечно, гораздо въ меньшей степени, совершалось и на Руси. Новгородскій епископъ Нифонтъ совѣтовалъ клиру налагать эпитимію за обѣтъ паломничества, ибо-де эта клятва „губитъ русскую землю“. Чѣмъ бы ни губила эта присяга русскую землю, тѣмъ ли, что многіе не въ состояніи были выполнить обѣтъ, или тѣмъ, что множество рабочихъ силъ покидало родину и тратилось въ далекихъ странствіяхъ, — во всякомъ случаѣ это выраженіе указываетъ на крайнее развитіе паломничества.

в) Проникнутые религіознымъ одушевленіемъ, и русскіе, и западные паломники отправлялись въ путь съ самыми благими намѣреніями. „Воры, пираты и другіе злодѣи, — говоритъ Ордерикъ Виталій, — отъ прикосновенія Духа Божія возвышались изъ глубины неправды, отказывались отъ преступленій и, примирясь съ Богомъ, отправлялись на чужбину“.

Русская былина сообщаетъ, что во время пути — дороги русскіе паломники положили промежъ себя заповѣдь великую:

А иттить намъ, братцы, дорогою неближнею,
Итти селами и деревнями,
Городами тѣми съ пригородками,
А и въ томъ-то вѣдь заповѣдь положена:
Кто украдетъ или солжетъ,
Едина оставить во чистомъ полѣ
И окопати по плечи въ сыру землю.

г) Но какъ на Западѣ, такъ и на Руси очень часто благія намѣренія оставались безъ исполненія. Толпы западныхъ крестоносцевъ часто оказывались толпами буйнаго сброда, подорожными грабителями. „Крестоносцы, — говоритъ современникъ, — не считали грековъ христіанами, и убить грека было ни почемъ, по этой же причинѣ трудно было удержать нашихъ отъ грабежа“. И еще: „За то, что жители Константинополя заперли отъ толпы городскія ворота, нельзя ихъ упрекать, ибо нашлись между нами безумцы, которые сожгли много домовъ и оливковыхъ рощъ, или по недостатку дровъ, или по дерзости, или въ пьяномъ видѣ. Король очень часто при-

казывалъ рѣзать такимъ уши, руки и ноги, но и этого было недостаточно, чтобы укротить ихъ неистовство". О русскихъ паломникахъ мы не имѣемъ подобныхъ свѣдѣній, хотя самый уговоръ: „не красть, не лгать, не пускаться на большой грѣхъ" указываетъ на возможность такихъ проступковъ.

д) И русскіе, и западные паломники сходствовали между собою формою похода: и тѣ, и другіе шли не одиночно, но дружинами. Крестоносцы должны были образовать изъ себя воинскія дружины, такъ какъ цѣль ихъ была исхитить гробъ Господень изъ рукъ невѣрныхъ. Такая организація устроялась сама собою. „Пока князья медлительно собирались въ дорогу, — говоритъ Гвибертъ Ножанскій, — чернь, бѣдная средствами, но богатая числомъ, собралась около Петра Пустынника и изъявила ему повиновеніе, какъ своему вождю".

Русскіе паломники выбирали вождя и организовались въ форму дружинъ, чтобъ удобнѣе переносить трудности и опасности далекаго странствованія. О паломнической дружинѣ говоритъ и былина „Сорокъ каликъ съ каликою" и былина „о Василіи Буслаевѣ". Игуменъ Даніилъ своихъ спутниковъ въ Царьградъ и Іерусалимъ называетъ также дружиною. Паломническая дружина бывала иногда богата физическими силами не меньше иной дружины воинской. Когда калики русской былины зычнымъ голосомъ стали просить у князя Владиміра св милостыню, то „дрогнетъ матушка сыра земля, съ деревьевъ вершины попадали, подъ княземъ конь окорачился, а богатыри съ коней попадали, съ теремовъ верхи повалилися, а съ горницъ охлопья попадали, въ погребахъ питья всколебалися".

Терновскій.

Слово Даніила Заточника.

Вліяніе на насъ пришлыхъ византійскихъ воззрѣній усиливалось довольно быстро. Это можно замѣтить по двумъ различнымъ видамъ знаменитаго произведенія, извѣстнаго подъ именемъ „Слова Даніила Заточника". Собственно это произведеніе, заключая въ себѣ не болѣе какъ рѣчь челобитную, поданную опальнымъ лицомъ своему князю и такимъ образомъ имѣя въ виду только насущный интересъ этого лица, не могло бы быть отнесено къ разряду литературныхъ произведеній

Но такъ какъ это не была челобитная, написанная по установленной разъ навсегда казенной формѣ, а просительное посланіе, въ которомъ оригинальнымъ образомъ выразился умъ просителя; такъ какъ проситель вмѣстилъ въ свое прошеніе множество разнообразныхъ изреченій, которыя могли показаться занимательными и полезными для лицъ, совершенно постороннихъ, которымъ не было никакого дѣла собственно до его просьбы, то посланіе это получило извѣстность, переписывалось, дополнялось и передѣлывалось. Такимъ образомъ, изъ частнаго, дѣлового письма оно сдѣлалось своего рода умственною пищею для всѣхъ и каждаго, а потому и получило характеръ произведенія литературнаго. Правда, съ начала и до конца оно почти исключительно состоитъ изъ заимствованій у византійской литературы, такъ что самобытно-русскаго, кромѣ нѣкоторыхъ народныхъ пословицъ, въ немъ нѣтъ или почти нѣтъ. Но самыя эти заимствованія, очевидно нравившіяся многимъ (иначе произведеніе не переписывалось бы), принадлежатъ не одному Даніилу, но вмѣстѣ съ нимъ и русскому обществу, и по нимъ можно судить о перемѣнѣ, происходившей въ его понятіяхъ. Произведеніе переписывалось, передѣлывалось — вслѣдствіе этого явились различные виды его, различные изводы, или редакціи.

О. Миллеръ.

Слово Даніила Заточника.

Кто былъ Даніилъ Заточникъ — неизвѣстно. Изъ слова видно, что онъ находился въ заточеніи на озерѣ Лачѣ (въ Олонецкой губерніи), но за какую вину, не говорится. Находясь въ заточеніи, онъ написалъ Слово къ какому-то князю, чтобы вымолить у него свободу. — Заточникъ — типическое лицо древняго русскаго книжника, воспитаннаго на чтеніи книгъ и преимущественно разныхъ сборниковъ. „Я, княже господине, говоритъ онъ, не за море ходилъ и не отъ философовъ научился, но какъ пчела, припадающая по разнымъ цвѣтамъ и совокупляющая медовый сотъ, по многимъ книгамъ *собиралъ сладость словесную и разумъ*“. Все Слово, дѣйствительно, представляетъ рядъ собранныхъ изъ разныхъ книгъ размышленій и изреченій, между которыми есть и мѣста изъ Писанія, особенно изъ премудрости Соломона и Сираха, и народныя

притчи и пословицы, и изреченія изъ разныхъ сборниковъ, между прочимъ изъ *Пчелы*. Набранная изъ разныхъ сборниковъ мудрость Заточника вполнѣ и отличается характеромъ этихъ сборниковъ: тотъ же взглядъ на все въ жизни, тотъ же поучительный тонъ и украшенный слогъ, то же, наконецъ, отсутствіе прямой связи между разными размышленіями. Размышленія Заточника касаются разныхъ предметовъ, щедрости и скупости, богатства и бѣдности, мудрости и глупости; между этими размышленіями нѣтъ непосредственной связи; они связываются между собою только тою цѣлію, для которой они собраны авторомъ, цѣлію обратить вниманіе князя на свое положеніе. Это положеніе человѣка опальнаго и свойственныя этому положенію чувства, общему типу древняго книжника, въ какомъ является предъ нами Заточникъ, естественно, должны были сообщить и частныя черты его личнаго характера. Какъ человѣкъ опальный, онъ опасается раздражить князя, и потому высказываетъ свои чувства не прямо, а въ разныхъ стороннихъ размышленіяхъ и картинахъ. Онъ, повидимому, шутитъ и смѣется надъ своимъ положеніемъ, какъ будто хочетъ повеселить князя разными смѣшными изображеніями; но сквозь его смѣхъ и шутки слышится въ то же время горькая жалоба на жизнь и глубокая скорбь человѣка страдающаго, которая часто выражается въ разныхъ сатирическихъ выходкахъ противъ разныхъ пороковъ и недостатковъ въ жизни. Это сообщило его Слову характеръ тѣхъ произведеній, которыя обыкновенно называютъ юмористическими.

Изображая свое бѣдственное положеніе, какъ человѣка опальнаго, Заточникъ сравниваетъ себя съ поблекшею травою, растущею въ такой тѣни, что на нее ни солнце не свѣтитъ, ни дождь не идетъ, и съ деревомъ при пути, которое прохожіе посѣкаютъ и бросаютъ въ огонь. Потомъ жалуется на свою бѣдность и при этомъ проводитъ такую параллель между богатымъ и бѣднымъ: богатый человѣкъ повсюду извѣстенъ и въ чужой земли имѣетъ друзей, а бѣдный и между своими *ненавидимъ ходитъ*. Заговоритъ богатый, всѣ замолчатъ и слова его превознесутъ до облаковъ; заговоритъ бѣдный, всѣ на него закричатъ и *[illegible]*, чье платье богато, у того и рѣчь хороша. *Княже мой, господине мой! избави мя отъ нищеты сея, яко серну отъ тенета, яко птицу отъ [illegible]* *(отъ силокъ)*[4]. Изобразивъ свое бѣдственное состояніе, Да-

нилъ просить князя, чтобы онъ, веселясь многими брашнами и пія сладкое вино и покоясь на мягкой постели, подъ соболиными одѣялами, вспоминалъ, что онъ, Даниилъ, въ это время ѣстъ сухой хлѣбъ, пьетъ теплую воду и умираетъ отъ холода. „Да не будетъ, княже, рука твоя согнута на подаяніе убогимъ: чашею не вычерпать моря, и тѣмъ, что мы беремъ у тебя, не истощить твоего дома. Не удерживай золота и серебра, но раздавай людямъ... Ткань, испещренная многими шелками, украшаетъ лицо: и князь честенъ и славенъ по всѣмъ странамъ многими людьми... Похвалился царь Езекія посламъ царя вавилонскаго и показалъ имъ множество золота и серебра, а они сказали ему: нашъ царь богаче тебя не множествомъ золота, но множествомъ воиновъ: „*мужи злато добудутъ, а златомъ людей не добыти*“. Потомъ слѣдуетъ нѣсколько параллелей между щедрымъ и скупымъ княземъ, мудрымъ и безумнымъ мужемъ, хорошими и дурными совѣтниками князя и доброю и злою женою. Вотъ параллель между щедрымъ и скупымъ княземъ: „князь щедрый — отецъ всѣмъ. Кто служитъ доброму господину, дослужится большей работы. Князь щедрый, какъ рѣка безъ береговъ, протекающая по дубровѣ, напояющая не только людей, но и скотовъ и звѣрей, а князь скупой, какъ рѣка, имѣющая высокій каменный берегъ: нельзя ни напиться, ни коня напоить“. При этомъ употреблены очень рѣзкія выраженія *о тіунѣ* и чиновникахъ князя: „не имѣй двора около княжескаго двора, не держи села около княжескаго села: ибо *тіунъ* князя какъ огонь, *трепетицею накладенъ* (на зажженной трещинѣ), а *рядовичи* (чиновники) его какъ искры. Если убережешься отъ огня, то не можешь уберечь своей одежды отъ искры“. Затѣмъ слѣдуетъ параллель между умнымъ и глупымъ: „станешь посылать умнаго, не много говори ему; а пошлешь глупаго, и самъ не лѣнись идти вслѣдъ за нимъ... Лучше слышать споръ умныхъ, нежели наставленіе глупыхъ... Не сѣй на бороздахъ жита, а мудрости на сердцѣ безумныхъ: *безумныхъ ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницы собираютъ, а сами ся раждаютъ* (родятся). Какъ въ худой мѣхъ воду лить, такъ и глупаго учить; мертваго не разсмѣшишь, а безумнаго не научишь“. Далѣе замѣчательно изображеніе добрыхъ и дурныхъ совѣтниковъ князя. „Княже мой, господине! не море топитъ корабли, а вѣтры, и не огонь раскаляетъ желѣзо, но *надыманіе* мѣховъ; такъ и князь не

самъ впадаетъ во многія вещи злыя. но *думцы* (совѣтники) *воюютъ. Съ добрымъ думцею князь высокаго стола додумается (достигнетъ большаго владѣнія), а съ лихимъ (дурнымъ) думцею думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ*". Отсюда до конца Слова продолжается самая рѣзкая сатира на злыхъ женъ: „лучше вола ввести въ домъ, нежели взять за себя злую жену: волъ не *молвитъ* и не мыслитъ зла, а злая жена біема бѣсится, а кротима вызится, въ богатствѣ гордится, а въ убожествѣ (бѣдности) другихъ осуждаетъ. Что есть злая жена? мірской мятежъ, ослѣпленіе ума, начальница всякой злобы... поборница грѣха, засада спасенія. Добрая жена вѣнецъ мужу своему и безпечаліе, а злая жена печаль лютая и погибель дому. Червь дерево точитъ, а злая жена домъ мужа своего растачаетъ. Лучше въ худой ладьѣ по водѣ плыти, нежели злой женѣ тайны повѣдать. Лучше долотить камени и варить желѣзо, нежели злую жену учить: желѣзо увариш, а злой жены не научишь: ибо злая жена ни ученія не слушаетъ, ни Бога не боится, ни людей не стыдится, но все укоряетъ и все осуждаетъ... У одного человѣка умерла злая жена, а онъ, по смерти ея, началъ дѣтей продавать: люди сказали ему: зачѣмъ продаешь дѣтей? Онъ отвѣчалъ: если они уродились въ мать, то, выросши, меня продадутъ". Такой мрачный типъ злой жены списанъ Заточникомъ, конечно, не съ русской женщины тогдашняго, хотя необразованнаго, но еще молодого русскаго общества, а съ разныхъ восточныхъ сказаній (повѣсти о Соломонѣ) и съ греческихъ поученій о женахъ, въ которыхъ изображается испорченная византійская женщина, и которыя начали распространяться въ нашей письменности съ самаго ея начала. Уже въ Златоструѣ Симеона и сборникѣ Святослава мы встрѣчаемъ такія поученія. Подъ вліяніемъ подобныхъ сочиненій и образовался въ древней письменности тотъ презрительный взглядъ на женщину, который перешелъ изъ нея въ жизнь и выразился здѣсь крутымъ и часто жестокимъ обхожденіемъ съ женщиной и всего больше, конечно, способствовалъ къ ея нравственному униженію.

Слово Даніила Заточника пользовалось большою извѣстностію въ древнія времена. Въ XIII в. оно было даже передѣлано. Эта передѣлка помѣщена въ одномъ спискѣ Пчелы XV в. подъ заглавіемъ *Данила заточника моленіе къ своему князю, Ярославу Всеволодовичу*". Обращаясь къ князю.

авторъ говоритъ въ своемъ Молении: „кому ти есть Переславль, а мнѣ Гореславль", и потомъ: „княже мой, господине, орелъ — царь надъ птицами, а осетръ — надъ рыбами, а левъ — надъ звѣрьми, а ты, княже, надъ Переяславцы. Изъ Моления не видно, былъ ли авторъ, подобно Даніилу, въ заточеніи, или просто былъ въ немилости у князя и приноровилъ къ своему положенію Слово Даниила Заточника; равнымъ образомъ нельзя сказать, точно ли онъ также носилъ имя Даніила, или Моленіе названо Даніиловымъ только потому, что оно составляетъ подражаніе Слову Даніила. Все главное содержаніе Моления взято изъ Слова Даниила Заточника, на котораго авторъ и ссылается въ одномъ мѣстѣ. Но кромѣ мѣстъ заимствованныхъ есть и мѣста оригинальныя, принадлежащія самому передѣлывателю. Между ними особенно замѣчательно слѣдующее мѣсто о рабскомъ состояніи: „княже, господине мой, былъ я въ великой нуждѣ; подъ работнымъ ярмомъ пострадалъ, испыталъ все это зло. Лучше было бы мнѣ видѣть свои ноги въ лыкахъ, да въ дому твоемъ, чѣмъ въ красныхъ сапогахъ, да на боярскомъ дворѣ... часто работный хлѣбъ у меня, какъ полынь во устахъ, а питье свое растворяю плачемъ. Доброму господину служа, дослужишься свободы, а злому мужу служа, дослужишься большаго рабства. Не холопъ въ холопахъ, кто у холопа работаетъ". Основываясь на этомъ сильномъ негодованіи противъ холопскаго состоянія, думаютъ, что авторъ самъ находился въ такомъ же состояніи при дворѣ какого-нибудь боярина.

Порфирьевъ.

Симонъ и Поликарпъ.

Симонъ и Поликарпъ — оба писатели XIII вѣка и современники. О первомъ изъ нихъ лѣтопись даетъ нѣсколько краткихъ свѣдѣній. Изъ черноризцевъ печерскихъ въ первыхъ годахъ XIII столѣтія онъ былъ возведенъ въ санъ игумена владимирскаго монастыря Рождества Богородицы. Великая княгиня Марія, жена Всеволода Георгіевича, была его духовной дочерью, и вообще онъ пользовался уваженіемъ и любовью всей великокняжеской семьи. Такъ, Верхуслава Всеволодовна писала къ нему самыя лестныя посланія. „Для тебя и для Поликарпа — говоритъ она въ одномъ изъ нихъ — я готова

издержать хотя до тысячи серебра". Юрій же Всеволодовичъ, братъ Верхуславы, сдѣлавшись послѣ отца своего великимъ княземъ владимірскимъ и отдѣливъ свой стольный городъ отъ ростовской епархіи, поставилъ преподобнаго Симона (въ 1214 г.) епископомъ своей области, и онъ началъ собою рядъ іерарховъ Владиміра и Суздаля. Вскорѣ (въ 1215 г.) князья заставили Юрія отказаться отъ Владиміра въ пользу старшаго брата Константина. Тогда и препод. Симонъ оставилъ свой епископскій столъ и сопутствовалъ княжеской семьѣ въ городецъ Радиловъ, которымъ долженъ былъ удовольствоваться Юрій. Въ 1217 г. препод. Симонъ пріѣзжалъ съ своимъ княземъ во Владиміръ, куда Константинъ призывалъ брата для примиренія; но потомъ опять послѣдовалъ за Юріемъ въ Суздаль, на этотъ разъ доставшійся ему въ удѣлъ. Наконецъ, когда по смерти Константина Всеволодовича сѣлъ снова на великокняжескомъ столѣ Юрій, Симонъ снова возвратился на свою епископію.

Несмотря на то, что монастырь Печерскій, мѣсто своего постриженія, препод. Симонъ любилъ больше всего и готовъ былъ отказаться отъ чести и славы епископа перваго стольнаго города сѣверной Руси, лишь бы „хотя соромъ валяться у воротъ честной Лавры", онъ до конца жизни не рѣшился, однакожъ, оставить добровольно свою епископію: поставленный разъ пастыремъ церкви, онъ не считалъ себя въ правѣ отказаться отъ возложеннаго на него бремени; онъ былъ вполнѣ преданъ заботамъ о ввѣренной ему паствѣ и для блага ея молилъ Бога о продолженіи своей жизни. Въ 1225 году окончилъ онъ построеніе суздальской Богородичной церкви, которая составляла его гордость, а въ слѣдующемъ году скончался, написавъ за годъ, или, можетъ быть, даже въ самый годъ смерти, свое прекрасное посланіе къ Поликарпу, произведеніе, которое ставитъ Симона въ ряду замѣчательнѣйшихъ писателей русской древности. Онъ погребенъ былъ первоначально во владимірской соборной церкви; но впослѣдствіи горячее желаніе его исполнилось: мощи его перенесены были въ Кіевопечерскую лавру, гдѣ и нынѣ почиваютъ. Лѣтопись называетъ препод. Симона „милостивымъ и учительнымъ".

Извѣстій о Поликарпѣ, какъ не занимавшемъ виднаго мѣста, въ лѣтописяхъ не сохранилось. Все, что можно сказать о немъ, о его жизни и характерѣ, заключается главнымъ образомъ

въ посланіи къ нему Симона и въ его собственномъ посланіи къ архимандриту Акиндину. Въ какихъ отношеніяхъ онъ былъ къ Симону? Житіе печатнаго Патерика положительно называетъ ихъ родственниками, и хоть не изъ чего не видно, чтобы составители Житія пользовались при этомъ какими-нибудь неизвѣстными источниками, но, какъ предположеніе, это весьма вѣроятно: отношенія между Симономъ и Поликарпомъ были слишкомъ близки. Ясно, напр., что Симонъ имѣлъ надъ Поликарпомъ какую-то власть. Такъ онъ позволяетъ себѣ открыто протестовать противъ назначенія молодого человѣка епископомъ: онъ говоритъ ему: „захотѣлъ ты быть игуменомъ у святого Димитрія; а не принуждалъ тебя — ни игуменъ, ни князь, ни я“. Это странное сопоставленіе Симономъ своей воли съ волей князя и игумена Поликарпова заставляетъ предположить, что Симонъ имѣлъ надъ Поликарпомъ власть старшаго родственника, потому что епископская его власть не простиралась ни на Кіевопечерскій, ни на Дмитріевскій монастыри. Далѣе въ письмѣ къ Симону княгини Верхуслава говоритъ о Поликарпѣ, какъ о лицѣ близкомъ епископу и сопоставляетъ ихъ имена и интересы: „Для тебя и для Поликарпа — говоритъ она — я готова издержать хотя до тысячи серебра“. Что же связывало юношу черноризца съ престарѣлымъ епископомъ? По разности лѣтъ и положенія въ церковной іерархіи, друзьями они не могли быть; не могъ быть Поликарпъ и въ послушаніи у Симона, не могъ быть его келейникомъ, по той простой причинѣ, что Симонъ оставилъ Печерскій монастырь прежде, чѣмъ Поликарпъ могъ поступить въ него. Такимъ образомъ естественно прійти къ заключенію, что между ними существовали отношенія родственныя. Какъ бы то ни было, однакожъ достовѣрно, что Симонъ и Поликарпъ были въ очень близкихъ отношеніяхъ, что они долго были лично знакомы.

Изъ словъ обоихъ посланій мы видимъ, что Симонъ часто бесѣдовалъ съ молодымъ человѣкомъ о Печерскомъ монастырѣ, къ которому — какъ уже сказано было — питалъ уваженіе и любовь безграничную, доходившую почти до пристрастія. Понятно, что Симонъ, который радъ бы былъ бросить богатство и честь, какими былъ окруженъ, чтобы только хоть нищимъ стоять у входа честной Лавры, коломъ торчать, соромъ валяться за ея воротами“. Симонъ, который „тужитъ, скорбитъ

и плачетъ“, что не тамъ придется лежать его костямъ. Этотъ краснорѣчивый учитель Симонъ передалъ своему ученику часть своего воодушевленія, своей любви къ святому мѣсту. Поликарпъ постригся въ Печерскомъ монастырѣ. Но и послѣ этого отношенія между нимъ и его наставникомъ не прерывались. Они продолжались посредствомъ посланій, и Поликарпъ уже изъ монастыря пріѣзжалъ во Владиміръ къ епископу. Сильно дѣйствовали на молодого человѣка пламенныя рѣчи Симона: крѣпко рѣшился онъ отказаться отъ міра и всего мірского, хотѣлъ отдать все имѣніе свое на нужды монастырскія, и на первый разъ устроилъ на свой счетъ двое дверей въ церкви Печерской. Такіе крѣпкіе подвиги предпринималъ онъ, что Симонъ былъ вынужденъ нѣсколько разъ повторять ему предостереженіе, „чтобы онъ въ высокомѣріи своемъ не начиналъ дѣла выше силы“. Но не укрѣпился еще онъ въ великихъ иноческихъ добродѣтеляхъ — послушаніи и смиреніи, и ему приходилось выдерживать постоянную борьбу своей пылкой натуры съ правилами, внушенными Симономъ. Оттого и замѣчаемъ мы въ характерѣ Поликарпа постоянныя противорѣчія: то является онъ кроткимъ и молчаливымъ, то громко высказываетъ свое неудовольствіе на начальство и ссорится съ братіей; то смиренный и робкій, съ безпредѣльнымъ благоговѣніемъ къ своему игумену, онъ „отъ стыда предъ его благочестіемъ“ не можетъ говорить спокойно, отъ страха забываетъ, что хотѣлъ разсказывать; то, нарушая монастырское правило, ходитъ по кельямъ, возстановляетъ братію противъ архимандрита, говоритъ: „чѣмъ хуже я вашихъ начальниковъ? почему не достоинъ я власти“? Самый благоустроенный въ то время, отличавшійся святостію жизни своихъ иноковъ, монастырь Печерскій не удовлетворялъ строгимъ требованіямъ молодого человѣка; не былъ онъ доволенъ ни уставами монастырскими, ни начальниками — исполнителями ихъ. Все хотѣлось ему измѣнить, передѣлать по-своему: а глубоко было въ немъ сознаніе собственнаго достоинства, глубока вѣра въ свои силы. И задумалъ онъ самъ сдѣлаться „законодателемъ“. Это не была жажда власти для власти: въ глазахъ ученика Симонова она была только средствомъ улучшить положеніе дѣлъ. Случаевъ къ исполненію намѣренія Поликарпу представлялось много. Строгая жизнь и богатыя дарованія, о чемъ свидѣтельствуетъ посланіе его, рано обратили

на него вниманіе. Многіе монастыри желали имѣть его своимъ игуменомъ. Верхуслава Всеволодовна, не жалѣя денегъ, старалась доставить ему епископскій столъ, а братъ ея Юрій хотѣлъ оставить его у себя во Владимірѣ совмѣстникомъ Симона (Посл. Сим.). Только этотъ послѣдній успѣлъ отклонить ихъ отъ такихъ намѣреній. Одинъ разъ Поликарпъ уже оставлялъ Лавру для игуменства во Владимірскомъ Козьмодаміанскомъ монастырѣ; но вліяніе Симона и здѣсь взяло верхъ: Поликарпъ возвратился въ Печеры. Однако отношенія его въ этомъ монастырѣ не измѣнились: онъ не могъ спокойно покориться начальникамъ, которыхъ не считалъ лучше себя, ни переносить обидъ отъ равныхъ. И вотъ онъ пишетъ къ своему другу и „господину епископу Симону" посланіе, въ которомъ жалуется на свои огорченія и досады, и уже снова готовъ оставить свой монастырь для игуменства у святого Димитрія (монастырь въ Кіевѣ). По этому случаю написалъ ему свое извѣстное посланіе Симонъ. Строго обличаетъ онъ заблужденія и недостатки своего ученика, убѣждаетъ остаться во святой обители, отказаться отъ исканія власти, угрожая въ случаѣ ослушанія проклятіемъ. Для большей убѣдительности онъ приводитъ разсказы изъ жизни святыхъ печерскихъ, которые (какъ разсказъ объ Онисифорѣ и Аѳанасіи затворникѣ) или прямо доказываютъ великую пользу пребыванія въ Лаврѣ свв. Антонія и Ѳеодосія, или (какъ всѣ остальные до Эразма) свидѣтельствуютъ о величіи монастыря, прославленнаго такими подвижниками. Наконецъ, когда послѣ повѣсти о Николѣ Святошѣ, строгость обличенія доходитъ до жестокости, мудрый наставникъ, чтобы не ввести своего молодого друга въ отчаяніе и ободрить его, разсказываетъ ему „о подобномъ его усердіи" (объ Эразмѣ). За этимъ, по связи мысли, переходитъ къ увѣщанію не роптать, если придется невольно лишиться имѣнія, хотя Поликарпъ и на нужды церковныя предназначилъ его. Въ подтвержденіе своей мысли Симонъ приводитъ примѣръ Арееы. Слѣдующій разсказъ (о Титѣ и Евагріи) направленъ опять противъ Поликарпа, противъ его нетерпѣливости къ обидамъ. Но заключаетъ Симонъ уже довольно мягкимъ обращеніемъ къ ученику своему. Въ концѣ своего посланія, онъ помѣщаетъ сказаніе о созданіи церкви Печерской, проникнутое общею мыслью всего произведенія о святости монастыря и благодати Божіей, присущей въ немъ.

Эту повѣсть разсказываетъ онъ, повидимому, уже съ единственною цѣлью — разсказать, «чтобы всѣ знали, что самого Господа Промысломъ и волею и Его Пречистой Матери молитвою и хотѣніемъ создалась и совершилась боголѣпная и великая церковь Печерская». Какъ ни обширно посланіе Симона, онъ радъ бы былъ еще долго бесѣдовать о любезномъ ему монастырѣ; но старость одолѣваетъ. Почти нѣжно, съ благословеніемъ прощается Симонъ съ любимымъ своимъ ученикомъ. «Въ этомъ твореніи, въ которомъ авторъ то съ увлеченіемъ истиннаго красноречія обращается къ Поликарпу, то съ истиннымъ вдохновеніемъ поэзіи повѣствуетъ о святой и разными напастями искушаемой жизни отцовъ печерскихъ, — есть что-то въ своемъ родѣ особенно привлекательное. Но самую плѣнительную часть его посланія составляетъ заключеніе, въ которомъ содержится сказаніе о созданіи церкви Печерской» (Кубаревъ).

Подѣйствовало ли это убѣдительное, повидимому, посланіе на Поликарпа — не знаемъ; не знаемъ, остался ли онъ въ монастырѣ. Этотъ вопросъ рѣшаютъ обыкновенно утвердительно, основываясь на томъ, что Поликарпъ написалъ свое посланіе къ Акиндину будто бы послѣ Симонова. Но доказательства и этого мнѣнія довольно шатки, и мы не знаемъ времени написанія посланія Поликарпова. Достовѣрно только, что оно написано въ Кіевопечерскомъ монастырѣ бывшему тогда печерскому архимандриту Акиндину. Можетъ показаться страннымъ, что изъ келіи въ келью одного монастыря пересылались посланія. Но самъ Поликарпъ объясняетъ намъ цѣль своего произведенія и поводъ къ его написанію. Симонъ, какъ видно, долго пробылъ въ Печерскомъ монастырѣ; многое о его древнихъ подвижникахъ, о чудесахъ, бывшихъ въ немъ, слышалъ онъ отъ старцевъ, многое видѣлъ самъ, что забывалось уже во времена Акиндина. Поэтому-то благочестивый архимандритъ часто призывалъ къ себѣ Поликарпа, какъ близкаго человѣка къ Симону, и заставлялъ его разсказывать слышанное отъ епископа владимірскаго. Но молодой человѣкъ, по собственнымъ его словамъ, робѣлъ, совѣстился говорить передъ игуменомъ своимъ, отъ страха забывалъ половину; то, что разсказывалъ, разсказывалъ невразумительно. И вотъ, съ одной стороны, для удовлетворенія любознательности своего архимандрита, съ другой и главнымъ образомъ — на память потомству, для пользы будущимъ инокамъ, — рѣшился онъ записать то, что

не могъ говорить, стѣсняясь присутствіемъ начальника. Предназначая свой трудъ первоначально для одного лица, онъ далъ ему форму посланія, или письма; но это письмо уже самъ онъ называетъ Патерикомъ.

Викторова.

Посланія Симона и Поликарпа и значеніе Кіево-печерскаго патерика.

Св. Симонъ, епископъ владимірскій, котораго лѣтописи называютъ „учительнымъ“, жилъ нѣсколько послѣ св. Кирилла туровскаго, но также принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ писателей Церкви, хотя и въ другомъ родѣ. Отъ него сохранилось только одно нравственно-историческое сочиненіе, которое отличается свѣтлостію взгляда на предметы, вѣрностію сужденій, простотою и безыскусственностію, какъ въ мысляхъ, такъ и въ слогѣ, и глубокою назидательностію. Это — посланіе св. Симона къ черноризцу печерскому Поликарпу. Поводъ къ написанію посланія подалъ самъ Поликарпъ. Онъ былъ молодой инокъ, постриженникъ Кіевопечерскаго монастыря; нѣсколько времени жилъ при св. Симонѣ, пользовался его расположенностію и пастырскими бесѣдами; потомъ возвратился въ родную обитель. Но здѣсь, еще не твердый въ монашескихъ подвигахъ, увлекся видами честолюбія: два раза оставлялъ св. обитель, чтобы игуменить, въ первый разъ въ монастырѣ Козьмодаміанскомъ, въ другой — въ монастырѣ Димитріевскомъ, и даже желалъ достигнуть сана епископскаго, при содѣйствіи супруги князя Ростислава Мстиславича — Верхуславы. При такомъ настроеніи мыслей, живя снова въ Печерской обители по возвращеніи изъ Димитріевскаго монастыря, Поликарпъ неохотно покорялся настоятелю, не хотѣлъ принимать участія въ общей церковной молитвѣ, былъ недоволенъ распоряженіями эконома и крайне огорчался разными оскорбленіями отъ нѣкоторыхъ братій. Всѣ эти досады свои онъ изобразилъ въ письмѣ къ св. Симону, и Симонъ съ отеческою любовію поспѣшилъ, чтобы уврачевать больную душу юнаго друга, и написалъ (1225—1226 г.) къ нему свое обширное, пастырски-наставительное посланіе. Въ посланіи можно различать три главныя части.

Первая, которая составляетъ какъ бы вступленіе въ посланіе, почти вся нравоучительная: содержитъ въ себѣ разныя наставленія, направленныя противъ душевныхъ недуговъ Поликарпа, хотя по мѣстамъ ссылается и на исторію. „Братъ, пишетъ св. Симонъ, сядь въ безмолвіи, собери умъ свой и скажи въ себѣ: о убогій иноче! Не оставилъ ли ты міра и не [illegible] родителей ради Господа? Если же, и пришедши сюда для спасенія, ты не духовное творишь: то для чего облекся въ иночество? Не избавятъ тебя отъ муки черныя ризы, если живешь не по-чернечески. Знаешь ты, какъ величаютъ тебя здѣсь князья, бояре и всѣ друзья твои, говоря: блаженъ онъ, что возненавидѣлъ міръ и славу его, уже не печется ни о чемъ земномъ, желая небеснаго? А живешь не по-монашески. Великій стыдъ объемлетъ меня за тебя. Что если убѣжающіе насъ предварятъ насъ въ царствіи небесномъ и будутъ въ покоѣ, а мы, мучимые горько, будемъ вопіять? Кто помилуетъ тебя, когда самъ ты себя погубилъ? Воспряни, братъ, и попекись мысленно о душѣ своей; работай Господеви со страхомъ и со великимъ смиренномудріемъ. Не будь — нынѣ кротокъ, а завтра яръ и золъ; ненадолго молчаливъ, а потомъ опять склоненъ къ ропщанію на игумена и его служителей. Не будь лѣнивъ и, подъ предлогомъ болѣзни, не отлучайся отъ собранія церковнаго. Ибо какъ дождь раститъ сѣмя, такъ и церковь влечетъ душу на добрыя дѣла. Что ни дѣлаешь въ кельѣ, не имѣетъ такой силы, какъ совершаемое въ церкви. Читаешь ли Псалтирь или поешь 12 псалмовъ, — это не сравнивается съ однимъ соборнымъ пѣніемъ: Господи, помилуй. Вспомни, братъ, что и верховный апостолъ Петръ, самъ церковь Бога живого, когда былъ взятъ Иродомъ и посаженъ въ темницу, не молитвами ли церковными избавленъ отъ руки Ирода? И Давидъ молитвенно говоритъ: едино просихъ отъ Господа, то взыщу, еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего и зрѣти ми красоту Господню и посѣщати храмъ святый его (Пс. 26. 4). Да и самъ Господь сказалъ: храмъ мой храмъ молитвы наречется (Матѳ. 21. 31); идѣже бо еста два или трие собрани во имя мое, ту есмь посредѣ ихъ (18. 20). А когда совершается такой соборъ — болѣе ста человѣкъ братіи, — тѣмъ болѣе вѣруй, что посреди ихъ Господь Богъ нашъ. Онъ [illegible] присутствуетъ и [illegible] ихъ, [illegible] свидѣтельствуютъ Госпо-

домъ, что не желалъ бы вкушать иного брашна, кромѣ укруха хлѣба и гороху, приготовленнаго для святой братіи. А ты, братъ, не дѣлай такъ, что нынѣ хвалишь соучастниковъ трапезы, а завтра ропщешь на повара и служащаго брата и тѣмъ оскорбляешь начальствующаго. Терпи, братъ, и досажденіе, претерпѣвый бо до конца, той спасется (Матѳ. 24, 13). Если и случится тебѣ быть оскорбленнымъ, и кто нибудь придетъ и скажетъ тебѣ: такой-то очень не хорошо говорилъ о тебѣ: скажи вѣстнику: хотя онъ и укорилъ меня, но онъ мой братъ, а достоинъ злого, и онъ не самъ собою дѣлаетъ, но врагъ его научилъ, чтобы разсорить насъ между собою. Господь да поразитъ лукаваго, а брата да помилуетъ. Скажешь: онъ въ лице оскорбилъ меня предъ всѣми. Не смущайся, чадо, и не предавайся скоро гнѣву, но, падши до земли, поклонись брату и скажи ему: прости меня. Исправь въ себѣ прегрѣшеніе, и побѣдишь всю силу вражію. Если на поношеніе будешь отвѣчать грубостію: то вдвойнѣ досадишь себѣ. Развѣ ты болѣе царя Давида, котораго Семей поносилъ въ лице? А онъ намѣревавшемуся отмстить за него слугѣ своему сказалъ: не дѣлай сего, да видитъ Господь смиреніе мое и воздастъ ми блага, клятвы его ради. Вспомни чадо и большее, какъ Господь смирилъ себя, бывъ послушливъ до смерти Отцу своему, страждя не прещаше (1 Петр. 2, 23): слыша хулы, бѣса имать, по лицу біемый, заушаемый, оплеваемый, не гнѣвался, но и за распинающихъ молился и тебя научилъ молиться за враговъ: любите, сказалъ, враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, благословите клянущія вы, молитесь за творящыя вамъ напасть (Матѳ. 5, 44). Довольно, братъ, и того, что ты сдѣлалъ по своей гордости: теперь тебѣ слѣдуетъ оплакивать то, что, оставивъ святый монастырь и св. отцовъ Антонія и Ѳеодосія и св. черноризцевъ, которые съ ними, взялся быть игуменомъ въ монастырѣ св. безмездниковъ. Хорошо ты поступилъ, когда вскорѣ оставилъ это начинаніе и не далъ плещи врагу своему, который хотѣлъ погубить тебя. Развѣ ты не знаешь, что дерево не подвигаемое, но часто пересаживаемое, скоро засыхаетъ? И ты, отлучавшись отъ послушанія отцу и братіи своей, скоро погибъ. Овца въ стадѣ безопасна, а отдѣлившись отъ стада, скоро гибнетъ отъ волковъ. Тебѣ бы прежде надлежало размыслить, для чего ты хотѣлъ выйти изъ святой, блаженной и чести и

обители Печерской, гдѣ такъ удобно всякому желающему спастись. Я думаю, братъ, что самъ Богъ попустилъ сему быть въ наказаніе твоей гордости за то, что ты не захотѣлъ служить мужу святому, своему господину, а нашему брату, архимандриту Акиндину, игумену печерскому. Печерскій монастырь, какъ море, не содержитъ въ себѣ гнилого, но извергаетъ вонъ. А что писалъ ты ко мнѣ о своей досадѣ, — горе тебѣ: ибо ты погубилъ свою душу. Спрашиваю тебя: чѣмъ ты хочешь спастися? Будь ты постникъ, всегда трезвенъ и нищъ, проводи ночи безъ сна: но если не переносишь оскорбленій, не спасешься. Порадовались было о тебѣ игуменъ и вся братія, и мы утѣшились вмѣстѣ о твоемъ обрѣтеніи. Но ты и еще попустилъ быть твоей волѣ, а не волѣ игумена: захотѣлъ еще разъ быть игуменомъ у святого Димитрія, хотя никто тебя не принуждалъ: ни игуменъ, ни князь, ни я. И вотъ теперь уже ты испыталъ... Пойми же, братъ, что Богу не угодно твое старѣйшинство, и потому Онъ послалъ тебѣ слабость зрѣнія. Но и этимъ ты не вразумился, чтобы сказать: благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, да научуся оправданіемъ твоимъ. Я вижу, что ты самолюбецъ и ищешь славы отъ людей, а не отъ Бога. Развѣ я недостоинъ, говоришь ты, такого сана? Чѣмъ я хуже, напримѣръ, эконома или кого другого?.. Пишетъ ко мнѣ супруга князя Ростислава, Верхуслава, желая видѣть тебя епископомъ въ Новгородѣ на мѣсто Антонія, или въ Смоленскѣ на мѣсто Лазаря, или въ Юрьевѣ на мѣсто Алексія, и говоритъ: я готова ради тебя и Поликарпа истратить хотя бы до тысячи серебра. Но я отвѣчалъ ей: дочь моя Анастасія! Дѣло не богоугодное хочешь сдѣлать! Если бы Поликарпъ остался въ монастырѣ и съ чистою совѣстью, въ послушаніи игумену и всей братіи, въ совершенномъ воздержаніи проводилъ жизнь, то не только во святительскую одежду былъ бы облеченъ, но удостоился бы и небеснаго царства. А ты, братъ, епископства ли пожелалъ? Добра ты желаешь, но прочитай, что говоритъ апостолъ Павелъ къ Тимоѳею, и подумай, находишь ли ты въ себѣ тѣ качества, какія должны имѣть епископъ. Если бы ты былъ достоинъ такого сана, я не пустилъ бы тебя отъ себя, но своими руками поставилъ бы тебя намѣстникомъ въ обѣ епископіи во Владимирѣ и въ Суздалѣ, какъ хотѣлъ князь Георгій. Братъ, не въ томъ совершенство, чтобы

быть славимымъ отъ всѣхъ, но о томъ, чтобы исправить свое житіе и дѣлать себя чистымъ. Изъ Печерскаго монастыря многіе поставлены во епископы. Какъ отъ самого Христа Бога нашего апостолы посланы были во всю вселенную, такъ отъ Его Матери. [illegible] монастыря [illegible] многіе поставлены были во епископы по всей земли русской. [illegible] нимъ онъ постриженъ и послѣ того сподобился священства. Поставлены изъ него епископами: Николай и Ефремъ въ Переяславль, Исаія въ Ростовъ, Германъ въ Новгородъ, Стефанъ во Владимиръ, Нифонтъ въ Новгородъ, Маринъ въ Юрьевъ, Мина въ Полоцкъ, Николай въ Тмутаракань, Өеоктистъ въ Черниговъ, Лаврентій въ Туровъ, Лука въ Бѣлгородъ, Ефремъ въ Суздаль. Если хочешь знать обо всѣхъ, прочти старую лѣтопись ростовскую и найдешь, что всѣхъ было болѣе 30, а если считать дальше и до насъ грѣшныхъ, то, думаю, будетъ около 50. Подумай же, брате, какова слава того монастыря, и, устыдившись, покайся и возлюби тихое и безмятежное житіе, къ которому Господь привелъ тебя. Я бы радъ оставить епископство и служить игумену въ томъ святомъ Печерскомъ монастырѣ. Ты знаешь, что украшаетъ меня. Кто не знаетъ, что у меня, грѣшнаго епископа Симона, соборная церковь во Владимирѣ, красота города, а другая въ Суздалѣ, которую я самъ создалъ? Сколько онѣ имѣютъ городовъ и селъ! И десятину собираютъ по всей земли той, и всѣмъ этимъ владѣетъ наша худость. Но предъ Богомъ скажу тебѣ: всю эту славу и власть за ничто вмѣнилъ бы, если бы мнѣ хоть колышкомъ торчать за воротами и соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ, и быть попираемому людьми. Одинъ день въ дому Божіей Матери лучше тысячи лѣтъ временной чести; въ немъ хотѣлъ бы я жить лучше, нежели въ селеніяхъ грѣшничихъ». Тѣмъ оканчивается первая часть посланія св. Симона.

Вторую часть можно [illegible] по чему [illegible] учитъ Поликарпа [illegible].

то самое теперь старается представить ему въ живыхъ назидательныхъ примѣрахъ, которые весь заимствуетъ изъ исторіи Печерской обители, рядя къ нему по мѣстамъ приличныя обращенія. Всѣхъ разсказовъ въ этой части девять.

Третья и послѣдняя часть посланія Симонова также вся содержитъ историческое; только обращена уже не къ одному Поликарпу, а и ко всѣмъ вѣрующимъ. Въ этой части можно различать шесть отдѣльныхъ сказаній.

Особенную цѣну посланію св. Симона, какъ сочиненію историческому, придаетъ то, что онъ почти весь указываетъ источники, которыми пользовался, и источники достовѣрные. О иныхъ лицахъ и событіяхъ онъ говоритъ, какъ очевидецъ, о другихъ какъ слышавшій отъ очевидцевъ, о третьихъ слышалъ изъ вторыхъ устъ. Въ нѣкоторыхъ разсказахъ онъ ссылается на давнія и общеизвѣстныя преданія, сохранявшіяся въ Печерской обители. Еще въ нѣкоторыхъ ссылается на свидѣтельство этой обители, на иконы, книги и другія вещи, хранившіяся въ ней отъ извѣстныхъ лицъ. Наконецъ, нѣсколько разъ указываетъ на какое-то житіе преп. Антонія, до насъ не дошедшее, и на житіе преп. Феодосія, составленное Несторомъ.

Какъ бы продолженіемъ посланія Симонова къ Поликарпу служитъ посланіе самого Поликарпа къ кіевопечерскому архимандриту Акиндину. Какъ бы продолженіемъ: потому что Поликарпъ дѣйствительно продолжаетъ писать о томъ же предметѣ, о которомъ писалъ и Симонъ, — о Кіевопечерской обители, и повѣствуетъ именно о тѣхъ печерскихъ черноризцахъ, о которыхъ Симонъ еще не писалъ, а съ другой стороны, — и потому, что въ своихъ сказаніяхъ Поликарпъ почти исключительно пользуется тѣмъ, что слышалъ прежде изъ устъ Симона, хотя, впрочемъ, однажды ссылается на неизвѣстное намъ житіе преп. Антонія. Собственно, Поликарпу принадлежитъ только одно посланіе [illegible] преимущественно Симону. [illegible] простымъ черноризцемъ, началъ повиноваться настоятелю своему Акиндину и по его-то желанію принялъ на себя и [illegible] (231) [illegible]

частей двѣнадцать отдѣльныхъ разсказовъ о великихъ подвижникахъ печерскихъ, — разсказовъ поучительныхъ и разнообразныхъ. Эти разсказы почти всѣ гораздо обстоятельнѣе и обширнѣе разсказовъ св. Симона: тогда какъ Симонъ имѣлъ въ виду опредѣленную цѣль и иногда упоминаетъ лишь объ одномъ или двухъ случаяхъ изъ жизни какого-либо подвижника, въ назиданіе Поликарпу, а Поликарпъ старался, по возможности, исчерпать полныя житія избранныхъ имъ святыхъ. Нѣкоторые разсказы Поликарповы оканчиваются обращеніями къ Акиндину и нравственными соображеніями. Такъ, въ концѣ сказанія о Лаврентіи затворникѣ, во имя котораго, по свидѣтельству одного бѣснующагося, приведеннаго въ Печерскій монастырь, было здѣсь до тридцати черноризцевъ, имѣвшихъ власть надъ бѣсами, Поликарпъ замѣчаетъ: „Вотъ почему я написалъ тебѣ, господинъ Акиндинъ, да не покроются тьмою невѣдѣнія дивныя чудеса, знаменія и исправленія тѣхъ блаженныхъ и преподобныхъ нашихъ отецъ, да увѣдятъ и прочіе ихъ святое житіе и то, что въ одно время были такіе мужи, числомъ до тридцати, которые могли словомъ изгонять бѣсовъ“. Нѣкоторые другіе разсказы Поликарповы, не имѣющіе подобныхъ приложеній въ концѣ, имѣютъ ихъ въ началѣ. Напримѣръ, житіе преп. Марка печерника начинается такъ: „Мы, грѣшные, подражаемъ древнимъ жизнеописателямъ. Но они употребили много труда, странствовали въ пустыняхъ и горахъ и пропастяхъ земныхъ, и о иныхъ изъ преподобныхъ мужей, о которыхъ писали, видѣли сами, а о другихъ — о ихъ жизни, чудесахъ и богоугодныхъ дѣлахъ слышали отъ прежде-бывшихъ отецъ, и такимъ образомъ составили патерикъ, который мы читая, наслаждаемся тѣми духовными словами. Я же, недостойный, и разума истины не постигъ, и ничего такого не видѣлъ, а только послѣдуя много слышанному отъ епископа Симона, написалъ это твоему отчеству. Я нигда не обходилъ св. мѣстъ, не видѣлъ ни Іерусалима, ни Синайской горы, дабы приложить что-нибудь къ моей повѣсти, чѣмъ обычно украшаются хитрословесники. Я же не хочу хвалиться ничѣмъ, какъ только св. монастыремъ Печерскимъ и бывшими въ немъ св. черноризцами, ихъ житіемъ и чудесами, которыя несомнѣнно съ радостію вспоминаю я, грѣшный, желаю молитвы тѣхъ св. отцевъ. Отсюда начну повѣсть о преп. Маркѣ печерникѣ“. Подобныя же краткія вступленія

[illegible]
[illegible]

Какъ памятникъ литературный, это посланіе уступаетъ [illegible] также простъ, естественъ, но менѣе проникнутъ теплотою чувства и болѣе растянутъ, слогъ не столько точенъ и правиленъ и замѣтно страждетъ многословіемъ; самыя мысли въ тѣхъ случаяхъ, когда Поликарпъ позволяетъ себѣ гово- [illegible] мона, и, при единствѣ предмета и самыхъ источниковъ, оба [illegible] они-то, какъ извѣстно, и послужили главною основою для [illegible] честивыхъ книгъ, какія предлагаетъ св. церковь для чтенія [illegible]

Патерикъ и его содержаніе.

[illegible] никъ, отечная книга, т. е. книга отцовъ или объ отцахъ — у [illegible] нія — или краткихъ, исполненныхъ чудесъ, повѣстей о подвиж- [illegible] краткихъ аскетически-нравоучительныхъ словъ этихъ отцовъ, или же того и другого вмѣстѣ. Такъ извѣстны Патерики [illegible]

[illegible] Печерскій, [illegible] въ Руси сіяли, что одни изъ нихъ упражнялись въ однихъ [illegible] шихся тѣмъ или другимъ даромъ чудотворенія.

[illegible] и монахъ Печерскаго монастыря Поликарпъ.

[illegible] преданія.

Собраніе Симона дополнилъ новымъ собраніемъ тотъ самый Поликарпъ, къ которому писалъ онъ, и который адресуетъ свой трудъ, какъ бы посланіе, тогдашнему архимандриту печерскому Акиндину. Сначала читается краткое вступленіе или введеніе, въ которомъ Поликарпъ говоритъ Акиндину, во-первыхъ, объ источникѣ своихъ свѣдѣній, во-вторыхъ о томъ, почему пишетъ ему вмѣсто того, чтобы разсказывать устно, затѣмъ слѣдуютъ самыя повѣсти, которыхъ у Поликарпа числомъ 11-ть.

Содержаніе тѣхъ разсказовъ Симона и Поликарпа составляютъ чудеса, совершившіяся въ Печерскомъ монастырѣ. Отличительная черта наибольшей части чудесъ есть ихъ исключительная великость и важность или особенная необычайность. Самъ Симонъ, указывая на эту черту ихъ Поликарпу, спрашиваетъ его: [illegible] Поликарпъ, слышалъ ли о такихъ дивныхъ чудесахъ, какія творились въ святомъ Печерскомъ монастырѣ? Разсказавъ о чудесахъ, бывшихъ при построеніи главной церкви Печерской, Симонъ пишетъ: „Читали мы книги ветхаго и новаго завѣта и нигдѣ не находили о святыхъ церквахъ такихъ чудесъ, какъ объ этой“.

Въ литературномъ отношеніи оба сочиненія, и Симоново и Поликарпово, очень удовлетворительны. Симонъ, въ особенности въ увѣщательной части въ разсказѣ или въ своемъ [illegible], а Поликарпъ даетъ видѣть въ себѣ не просто толковаго разсказчика, но вообще писателя и оратора очень замѣчательнаго.

Значительное сравнительно множество дошедшихъ до насъ списковъ Патерика Печерскаго несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что онъ былъ самою любимою четьею книгою нашихъ предковъ. Онъ во всѣ времена усердно читаемъ былъ, во-первыхъ, по причинѣ его высокаго духовнаго интереса, во-вторыхъ, потому, что тѣми чудесами Богъ благоволилъ ознаменовать святое мѣсто у насъ на Руси, и что такимъ образомъ онъ, Патерикъ, повѣствуя о сихъ чудесахъ, есть доказательство особеннаго Божія благоволенія именно къ нашей Руси.

Представляемъ краткій обзоръ собранія Симона и Поликарпа *).

*) Собственно Патерикъ Печерскій, по намѣренію писавшихъ, составляетъ собранія сказаній Симоново и Поликарпово. Но до насъ не сохранилось ни

Первое, как мы сказали, состоитъ изъ трехъ частей: обличительнаго письма къ Поликарпу, сказаній о подвижникахъ печерскихъ и сказаній о чудесахъ, бывшихъ при построеніи главной Печерской церкви. Оставляя первую часть, начнемъ прямо со второй. Она состоитъ изъ сказаній:

1) Объ Онисифорѣ пресвитерѣ и недостойномъ мнихѣ. У Они-

[illegible] сія, Несторово житіе Ѳеодосія и пр.) и кончая весьма не близкими къ нимъ [illegible] и государства. По этимъ добавочнымъ статьямъ, которыя въ однихъ спискахъ находятся въ одномъ, въ другихъ — другомъ количествѣ, послѣдніе раздѣляются на группы или на редакціи. Кромѣ того, и самыя собранія Симона [illegible] каждое изъ многихъ отдѣльныхъ повѣстей и кромѣ того первое изъ трехъ [illegible] ставляли возможность перестановки и выпуска — то и другое отдѣльныхъ ска- [illegible] бенно если брать во вниманіе и частныя отличія. Древнѣйшія и важнѣйшія [illegible]

2) [illegible]

[illegible] частями значительнымъ промежуткомъ вставочныхъ статей.

[illegible] сынъ и другъ [illegible] число мона- [illegible] что утаилось отъ его духовнаго отца. Въ одинъ день онъ [illegible]запно умеръ, и отъ тѣла его пошелъ такой смрадъ, что [illegible] былъ... никто изъ монастыря этого не будетъ осужденъ на муку.

2) Объ Евстратіи пост[illegible] [illegible] жидовъ корсунскихъ постигъ тяжкій небесный гнѣвъ.

3) О Никонѣ многотерпѣливомъ и сухомъ [illegible] Печерскій монастырь [illegible] отъ ранъ, полученныхъ въ плѣну.

4) О священномученикѣ Кукшѣ и Пименѣ постникѣ. [illegible] умеръ въ одинъ съ нимъ день.

5) [illegible]

на [illegible] день пришли хоронить его, онъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] просьбою [illegible] молился, чтобы [illegible] въ пещеръ [illegible] [illegible] послѣ того 12 [illegible] [illegible] немъ чудѣ слышано отъ самого исцѣленнаго).

6) О преподобномъ [illegible] [illegible] отъ Святослава [illegible] [illegible] онъ былъ [illegible] [illegible] [illegible] монахомъ. Принялъ монашество съ именемъ Николы въ Печерскомъ монастырѣ въ 1106 году; онъ [illegible] прожилъ въ немъ 36 лѣтъ, прошелъ различныя послушанія [illegible] [illegible] въ пещерахъ, за что удостоился дара прозрѣнія и чудотвореній.

7) О черноризцѣ Еразмѣ. Пришедъ въ монастырь съ большимъ богатствомъ, онъ все употребилъ его на оковала монастырскихъ иконъ. Истративъ все и дошедъ до нищеты, [illegible] былъ пренебрегаемъ отъ всѣхъ; сталъ онъ отчаяваться, что не получитъ и небесной награды за истраченное, потому что употребилъ его на церковь, а не на милостыню раздалъ; вслѣдствіе сего, впавъ въ искушеніе діавольское, началъ нерадѣть о жизни своемъ и проводилъ дни свои во всякомъ небреженіи и бесчинствѣ. Но, постигнутый тяжкою болѣзнію, онъ удостоился видѣнія преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія съ Божіею Матерью, изъ которыхъ двое первыхъ сказали ему, что по ихъ молитвѣ Господь даетъ ему время покаяться, а вторая сказала: за то, что ты украсилъ церковь Мою и иконами возвеличилъ ее, Я тебя прославлю въ царствѣ Сына Моего. Послѣ сего онъ исповѣдалъ предъ всѣми грѣхи свои, принялъ схиму и на 3-й день скончался съ миромъ. (Слышанное отъ очевидцевъ).

8) О черноризцѣ Арефѣ. Имѣвъ большое богатство, онъ

былъ чрезвычайно скупъ, такъ что и самого себя морилъ голодомъ. Въ одну ночь воры покрали все его богатство, отъ чего онъ впалъ въ великое отчаяніе, не хотѣлъ слышать никакихъ увѣщаній и утѣшеній братіи. Но Господь, который хочетъ всѣхъ спасти, вразумилъ его посредствомъ явленія пришедшихъ къ нему ангеловъ и діаволовъ. Послѣ этого онъ покаялся, а пропавшее серебро было вписано ангелами въ милостыню (разсказываетъ какъ очевидецъ).

9) О Титѣ священникѣ и Евагріи діаконѣ. Титъ и Евагрій сначала были великими друзьями, а потомъ по вражьему навѣту стали ожесточенными врагами. Когда первый опасно разболѣлся и былъ при смерти, захотѣлъ примириться со вторымъ, но братія никакъ не могли заставить сдѣлать это Евагрія, который сказалъ: «никогда не хочу съ нимъ примиряться ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ». За это нечаянно постигла его отъ ангела внезапная и страшная смерть (разсказываетъ какъ очевидецъ).

Третья часть о чудесахъ бывшихъ при построеніи Кіево-Печерской церкви:

1) О Шимонѣ князѣ варяжскомъ. Якунъ слѣпой, князь варяжскій, помогавшій Ярославу противъ Святополка, послѣ смерти брата своего Африкана, изгналъ двухъ его сыновей изъ ихъ областей. Одинъ изъ двоихъ изгнанныхъ, по имени Шимонъ, пришелъ служить къ Ярославу, который имѣлъ его въ чести и сдѣлалъ старшимъ бояриномъ у сына своего Всеволода. Этотъ Шимонъ началъ имѣть особую любовь къ монастырю Печерскому по тому случаю, что когда въ 1068 году сыновья Ярослава: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, отправлявшіеся въ походъ на половцевъ, пришли къ Антонію для молитвы и благословенія, то старецъ предрекъ имъ пораженіе, а Шимону, который былъ вмѣстѣ съ князьями, предрекъ дивно и спасеніе и погребеніе послѣ мирной смерти въ семъ монастырѣ, и что согласно съ симъ пророчествомъ, Шимонъ, бывъ раненъ, чудесно былъ избавленъ отъ опасности плѣна и смерти и исцѣленъ отъ ранъ. Послѣ этого случая Шимонъ, пришедъ къ Феодосію, разсказалъ ему, что отецъ его Африканъ устроилъ крестъ, на который возложилъ золотой вѣнецъ и золотой поясъ; что когда онъ, Шимонъ, собрался отнять вѣнецъ и поясъ, то къ нему былъ небесный гласъ: никогда не возлагай вѣнца на свою голову, а неси его на

уготованное ему мѣсто, гдѣ строится церковь Матери Моея преподобными, и отдай имъ въ руки, чтобы повѣсили надъ моимъ жертвенникомъ; что, плывя по морю во время великой бури, онъ видѣлъ съ спутниками на небѣ церковь и слышалъ о ней, что это есть та церковь, которая имѣетъ быть построена преподобными, и что ему дана была мѣра той церкви, измѣренная поясомъ со креста, который онъ несъ съ собой. До сихъ поръ, заключилъ Шимонъ свой разсказъ, я не зналъ, гдѣ будетъ построена видѣнная мною церковь, а теперь изъ твоихъ словъ, что буду положенъ здѣсь, въ имѣющей быть созданною церкви, я сіе узналъ. Съ этими словами Шимонъ, переименованный отъ преподобнаго въ Симона, вручилъ ему вѣнецъ и поясъ. Далѣе разсказывается, какъ этотъ Симонъ, пришедъ къ преп. Феодосію, испросилъ у него, во увѣреніе того, что онъ молится за него и за родъ его такъ же, какъ о своихъ черницахъ, писанную молитву. Затѣмъ прибавочная повѣсть, какъ сынъ этого Симона, Георгій, въ правленіе Юрія Долгорукова оковалъ гробъ преп. Феодосія, какое дѣло ознаменовалось чудомъ надъ невѣрнымъ поручникомъ Георгія, на котораго онъ возложилъ дѣло.

2) О зодчихъ и

3) О живописцахъ. И тѣ, и другіе чудесно были присланы изъ Константинополя: первые при жизни Антонія и Феодосія Божіею Матерію, приславшею и намѣстную икону для церкви, вторые самими, уже преставившимися, Антоніемъ и Феодосіемъ.

5) Объ Іоаннѣ и Сергіи. Въ Кіевѣ были два человѣка отъ великихъ града, Іоаннъ и Сергій, которые вступили въ духовное братство предъ чудною иконою Божіей Матери, присланною ею самою. Спустя много лѣтъ Іоаннъ, разболѣвшись и готовясь умереть, призвалъ Сергія и вручилъ ему на храненіе деньги, которыя оставлялъ пятилѣтнему сыну въ наслѣдство. Достигнувъ 15-тилѣтняго возраста, этотъ сынъ Іоанна пожелалъ получить отъ Сергія свое имѣніе, но тотъ заперся и не хотѣлъ отдавать. Тогда призванная во свидѣтельницы икона Божіей Матери, предъ которою заключено было духовное братство, обличила и жестоко наказала Сергія и вмѣстѣ удвоила находившіяся у него на храненіи деньги.

6) О святой трапезѣ. Когда церковь была совсѣмъ готова, долго искали мастера, который бы сдѣлалъ каменную доску

[illegible] были званы, а явились по чудесному званію.

Въ собраніи Поликарпа содержатся повѣсти:

1. [illegible] что онъ прельщенъ отъ врага. Святые отцы, собравшись къ прельщенному и помолившись надъ нимъ, прогнали отъ [illegible] себя на воздержаніе, послушаніе и смиренное житіе.

2. О Лаврентіи затворникѣ. Желая пойти въ затворъ и [illegible] изгнать его однимъ словомъ.

3. [illegible] шество въ Печерскомъ монастырѣ.

4. [illegible]

на шеѣ [illegible] келлѣ.

5. Объ Іоаннѣ затворникѣ.

6. О Моисеѣ Угринѣ.

7. О [illegible] изъ этой лебеды, которые казались получавшимъ ихъ отъ [illegible] кн. Святополка Изяславича.

8. О преп. Маркѣ Печерникѣ. Жилъ въ пещерѣ и зани- [illegible] и на своихъ плечахъ выносилъ землю. За свою богоугодную жизнь сподобился такого дара чудотвореніи, что его голоса слушались мертвые.

9. О Ѳеодорѣ и Василіи. Ѳеодоръ предъ поступленіемъ [illegible] были оклеветаны къ послѣднему демономъ.

10. [illegible] и другой обладали даромъ чудотвореній.

11. О многострадальномъ Пименѣ. [illegible] женъ былъ въ одну ночь ангелами. Пролежавъ много лѣтъ въ болѣзни, сотворилъ многія и великія чудеса.

[illegible]

издать этотъ Патерикъ на русскомъ языкѣ, подвергли его своей собственной передѣлкѣ, при чемъ не только нѣсколько измѣнили его, но и нѣсколько ухудшили. Въ первый разъ они напечатали свою новую редакцію въ 1661 г., въ архимандритство Иннокентія Гизеля или Гизела, подъ заглавіемъ: Патерикъ или отечникъ Печерскій, содержащій житія святыхъ преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ, просіявшихъ въ пещерахъ и проч. Послѣ предисловія къ читателю православному, содержащаго отвѣты противу хуленіямъ на святыхъ печерскихъ, Патерикъ раздѣляется на три части: въ первой — житія Антонія и Феодосія (второе — Несторово), сказаніе о построеніи церкви (изъ Симона), житія игуменовъ Стефана, Никона и Варлаама, житія преп. Ефрема скопца епископа переяславскаго и Исаіи епископа ростовскаго и изъ лѣтописи житія преп. Даміана, Іереміи, Матѳея и Исаакія; во второй — сказанія Поликарповы съ присоединеніемъ на конецъ ихъ начала или вступительнаго обращенія Поликарпа къ Акиндину; въ третьей — сказанія Симоновы съ присоединеніемъ на конецъ житія Нифонта епископа новгородскаго, первой или обличительной части посланія Симона къ Поликарпу и житій писателей Патерика — Нестора лѣтописца, епископа Симона и Поликарпа, котораго составители принимаютъ за одно лицо съ архимандритомъ Поликарпомъ, умершимъ въ 1182 г.

Е. Голубинскій.

Житія въ отношеніи къ другимъ литературнымъ памятникамъ.

Грамотнаго человѣка занимали не сказочные подвиги въ родѣ Добрыни Никитича или Алеши Поповича: къ этимъ, какъ созданіямъ вымысла и притомъ вымысла грѣховнаго, не могъ онъ питать сочувствія. Ему нужна была истина, а потому онъ болѣе удовлетворялся лѣтописью. Впрочемъ, разсказы о томъ, что дѣялось въ томъ или другомъ городѣ, какъ воевали между собою князья, или какъ опустошали русскую землю половцы, татары и литва, могли быть очень интересны и назидательны; но разсказы эти дѣйствовали болѣе на умъ и [illegible]

не оставляли въ покоѣ, и потому нисколько не могли обнять всѣ духовные интересы человѣка, какъ обыкновенно обхватываетъ ихъ произведеніе, собственно художественное. Даже самъ Епифаній, чтобы вполнѣ овладѣть вниманіемъ читателя, чтобы охватить все нравственное существо его, время отъ времени, переходилъ отъ святой исторіи къ житію святыхъ, отъ того, что дѣлалось просто и обыкновенно, къ тому, что совершалось въ мірѣ чудесъ по невѣдомымъ человѣку божественнымъ силамъ. Такимъ образомъ, самъ Епифаній выступалъ изъ предѣловъ дѣйствительности и проникалъ вѣрованіемъ въ чудесное, и тогда могло возносить читателя въ міръ идеальный.

Но собственное назначеніе изображать этотъ высшій, идеальный міръ принадлежитъ *иконамъ* русскихъ иконописцевъ. Начиная свой разсказъ, авторъ житія тотчасъ же переносится своимъ восторженнымъ духомъ къ высокому идеалу нравственнаго совершенства въ лицѣ того угодника, о которомъ пишетъ. Какъ старинный миніатюристъ XIII вѣка, украшая священныя рукописи изображеніями, хотя и *[illegible]* *[illegible]*, но, отъ благочестиваго умиленія, по выраженію Данта, *трепетала рука его*; такъ и авторъ житія, приступая къ своему благочестивому подвигу, признается, что онъ, взявъ трость и начавъ его писать, не разъ бросалъ ее: „трепетна бо ми десница, яко скверна сущи и недостойна къ начинанію повѣсти"; но потомъ, укрѣпясь молитвою и находя въ ней для себя и нравственную подпору, и творческое вдохновеніе, принимался писать, какъ бы въ поэтическомъ восторгѣ, весь проникнутый вѣрованіемъ и любовью къ изображаемому имъ угоднику.

Буслаевъ.

Иночество и его идеалы.

[illegible] изображаются въ [illegible] повѣстяхъ [illegible] [illegible] Ангелы съ ними бесѣдуютъ, будущее и отдаленное отъ нихъ не закрыто, равно и сокровенныя мысли простыхъ смертныхъ.

[illegible] же, чѣмъ было мученичество для церкви первенствующей. [illegible] и общежитіе. Подъ вліяніемъ политическихъ обстоятельствъ [illegible] поль и его окрестностяхъ (обитель студійская и неусыпаемыхъ); наконецъ на Аѳонѣ. Эпоха иконоборства угрожала [illegible] воскресло съ новою силою, хотя жаръ первоначальнаго [illegible] степени.

Но въ нашемъ отечествѣ иночество возродилось съ энту- [illegible] поновилъ въ своей жизни чудеса Евфимія великаго. Сходство между житіями греко-восточныхъ и русскихъ иноковъ такъ велико. что могло бы навести на мысль о литературномъ заимствованіи, если бы мы не знали, что тутъ повторялась жизнь, а не одни только житія.

Достойно замѣчанія, что и въ нашемъ отечествѣ, такъ же какъ и въ Византіи, большинство святыхъ составляли иноки, сначала изъ Кіевопечерскаго, а потомъ изъ разныхъ сѣверно-русскихъ монастырей. Всѣхъ канонизованныхъ иноковъ на Руси насчитывается до 270. Если сюда присоединить 54 канонизованныхъ русскихъ іерарховъ, то окажется, что почти всѣ русскіе святые прошли путемъ иночества.

Терновскій.

Изъ содержанія житій: Александра Свирскаго и Александра Ошевенскаго.

„Родители Александра Свирскаго помышляли о томъ, какъ бы сочетать сына законнымъ бракомъ, а божественный юноша только и помышлялъ, какъ бы убѣжать отъ міра и вручить себя Богу. Онъ слышалъ о монастырѣ Христова Преображенія на островѣ Валаамѣ, о постничествѣ въ немъ братіи, о другихъ пустынныхъ монастыряхъ, гдѣ люди работаютъ Богу и спасаются, а Богъ готовъ къ молитвѣ и желанію рабовъ своихъ. И вотъ, какъ будто подвигнутые Богомъ, пришли иноки Валаамской обители на рѣку на Оять, ради нуждъ своихъ, и случилось имъ близъ того села, гдѣ жили родители отрока, гостить у одного христолюбиваго мужа, а божественному юношѣ проходить мимо той самой веси. Увидѣлъ онъ издали монаховъ, стоявшихъ на берегу рѣки, и услышалъ ихъ псалмопѣніе. Онъ подошелъ къ нимъ, сотворилъ молитву, поклонился имъ до земли и сказалъ: благословите меня, отцы честные. Старцы удивлялись смиренію и цѣломудрію юноши и отвѣчали: Богъ да благословитъ тебя, чадо. Чего ты отъ насъ желаешь? Юноша просилъ только молитвъ ихъ. Одинъ изъ странниковъ, старецъ прозорливый, отгадалъ призваніе юноши и передалъ ему всѣ подробности общаго житія Валаамской обители. Заплакалъ юноша и загорѣлось въ немъ желаніе итти въ пустыню...

Плодотворная бесѣда послѣдовала между старцемъ и юношею, и укрѣпила въ немъ его желаніе удалиться отъ міра. „Намъ игуменъ не приказалъ отнимать дѣтей у родителей и отводить въ монастырь: иди въ домъ твой съ миромъ. Господь Самъ управитъ путь твой!“ сказалъ старецъ юношѣ, который затѣмъ пригласилъ его къ своимъ родителямъ. Имъ ста-

рецъ прислуживалъ о сынѣ великое. Юноша явился у отца и матери въ ближнее село съ какимъ-то сельскимъ дѣломъ. Отецъ отпускалъ его, также и мать, по обычаю и шутя, по обычаю молитвы и велѣли ему возвратиться скорѣе. Выходитъ изъ дому юноша, съ нимъ нѣтъ ничего, кромѣ одежды да мало хлѣба ради тѣлесной немощи. Недалеко отошедъ онъ отъ дому, оглянулся назадъ, взглянулъ на домъ свой и сказалъ: Боже! я оставилъ домъ свой для Твоего имени... и долго-долго плакалъ. Но потомъ исполнился внутренней радости и быстро устремился въ путь свой, чтобы не настигли его родители и не возвратили домой. Пришелъ онъ на рѣку Свирь, переправился черезъ нее. Дѣло склонялось къ вечеру. Наступала ночь. Видитъ юноша передъ собою озеро, подходитъ къ его краю, озеро прекрасное, небольшое, кругомъ лѣсъ окружаетъ его какъ стѣна, а вѣтви деревъ склоняются на воду, на четыре берега его лежатъ горы. Сынъ Божественныя любви возвеселился душою, сталъ на молитву, долго молился со слезами и всю ночь сидѣлъ, тогда ему голосъ свыше: Куда желаешь, юноша, идти? Иди съ миромъ. Тамъ работай Богу, подвизайся на Валаамѣ, а потомъ придешь сюда, поселишься здѣсь и многихъ научишь любви святой. Вмѣстѣ съ голосомъ свѣтъ явился на этомъ мѣстѣ, гдѣ почивалъ блаженный. Юноша смутился отъ сна, увидѣлъ божественный лучъ, осіявшій его, и подумалъ самъ въ себѣ: что это значитъ? Слезы полились изъ глазъ, радостью наполнилась душу, и онъ отправился въ путь свой".

Алексѣй (имя свѣтское Александра) услышавъ о пріѣздѣ отца (въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь), поспѣшилъ къ нему, поклонился образу Спасову и Пречистыя Его Матери, и взявъ у келаря благословеніе, палъ на землю къ ногамъ отца своего съ умиленіемъ и слезами, прося благословенія и прощенія сотворилъ. Отецъ, а не зналъ, что ты пришелъ сюда. Иноки сказали ему: Богъ проститъ тебя, чадо. Отецъ съ сыномъ, взявъ у келаря благословеніе, приходилъ въ келью сына и поклонились образу Спасову и Пречистой Его Богоматери. Отецъ видитъ жилище сына своего, какъ шуменъ и ... какой покой ему дали. Онъ восхвалилъ Бога и сказалъ про себя: о Владыко чело-

вѣколюбче! слава неизреченной милости Твоей и благоутробію! Чѣмъ воздамъ Тебѣ за Твоя то мнѣ блага? Алексѣй же палъ къ ногамъ отцу своему, проливалъ жалостныя слезы и говорилъ умильные глаголы: Отче, прости меня, я прогнѣвалъ твою старость; я огорчилъ тебя своимъ замедленіемъ и небреженіемъ, но надѣюсь на твое милосердіе и человѣколюбіе. Не знаю, отецъ, что велико согрѣшилъ рабу своему, но я хвалю Бога и величаю Господу, мнѣ благотворившему, за то, что Онъ сподобилъ меня увидѣть моего родителя, да насыщусь я еще добротою старости твоей, да возвеселюсь я, сынъ твой, и облобызаю кости твои, ими же ты за меня потрудился. И чѣмъ, отче, воздамъ тебѣ за трудъ твой, что ты за меня такой путь прошелъ, ища своего сына, заблудившагося или погибшаго? Кто же когда видѣлъ такого человѣколюбиваго отца, какъ ты, отецъ мой? И какихъ еще жалостныхъ и умильныхъ словъ не сказалъ онъ отцу своему со многимъ рыданіемъ слезнымъ. Никаноръ умилился слезами сына, обнялъ его и сказалъ: встань, чадо. Онъ всталъ, облобызалъ отца своего, отецъ же обнималъ его и долго плакалъ. Наплакались они оба, и когда перестали плакать, то сѣли. Никаноръ началъ сыну своему со слезами жалости разсказывать по порядку, какъ пришелъ къ нимъ человѣкъ съ грамотой отъ него, какъ услышали они то, что въ грамотѣ было написано, какъ стало имъ больно и жалко, что не надѣялись они уже видѣть на этомъ свѣтѣ свое чадо возлюбленное, такъ и мать его отъ того часу горевала, ни одного дня не вкусила хлѣба безъ плача и безъ скорби. Тогда лишь Господь утѣшилъ сердца ихъ, когда услышали они, что сынъ здоровъ. Началъ и Алексѣй разсказывать отцу своему то, что съ нимъ было, какъ онъ отсталъ отъ своихъ товарищей, какъ игуменъ принялъ его съ любовью, какое ему было отъ игумена и братіи береженье и покой. Онъ показалъ отцу своему различныя одежды, червленыя и багряныя, и иными различными цвѣтами украшенныя. И сказалъ Никаноръ: Вижу, чадо, что Богъ тебѣ помогаетъ. Видѣнное больше слышаннаго увѣряетъ меня. Если хочешь, пробудь здѣсь и другое лѣто. Блаженный отрокъ отвѣчалъ: не отстану отъ тебя, отецъ: ты такой путь прошелъ для меня, принудивъ свою старость. Нынѣ иду съ тобою и утѣшу печаль матери своей, и увижу любовь братьевъ своихъ, и буду съ вами до конца жизни вашей, творя вамъ угодное. Хотѣлъ

бы я, отче, пребыть здѣсь, но не смѣю и сказать о томъ, боясь твоего гнѣва. Отецъ же сказалъ ему: Чадо, я не искушая и не лукавствомъ говорю тебѣ, но истину: если хочешь, останься здѣсь. Увидѣвъ твое пребываніе, что благодать Божія на тебѣ не напрасна, благодарю о томъ Бога: пойду домой, разскажу матери твоей, что видѣлъ, отыму скорбь ея, утѣшу печаль ея и возвеселю твоихъ братьевъ. Ты же, чадо, оставайся здѣсь, пока Господь повелитъ тебѣ, и будешь намъ въ утѣшеніе въ скорбяхъ нашихъ. Алексѣй сказалъ отцу: Если такъ, отецъ мой, то Богъ совершитъ любовь твою. Когда скончали бесѣду, Никифоръ легъ отдохнуть. Алексѣй же занялся своею службою[4]. *Шевыревъ.*

Содержаніе и значеніе житія Юліаніи Лазаревской.

Во дни благовѣрнаго царя великаго князя Ивана Васильевича былъ нѣкоторый мужъ благовѣренъ и нищелюбивъ, именемъ Іустинъ, саномъ ключникъ. И имѣлъ онъ жену боголюбиву и нищелюбиву, именемъ Стефаниду. И жили они во всякомъ благовѣріи и чистотѣ; и было у нихъ много сыновей и дочерей, много богатства и рабовъ множество. Отъ нихъ же родилась и блаженная Юліана. И когда ей было шесть лѣтъ отъ роду, мать ея померла; и взяла ее къ себѣ въ предѣлы города Мурома бабка ея, и воспитывала ее шесть лѣтъ во всякомъ благовѣріи и чистотѣ. А когда исполнилось блаженной двѣнадцать лѣтъ, бабка ея преставилась отъ жизни сего. И заповѣдала она дочери своей Натальѣ взять внуку свою Юліанію къ себѣ въ домъ и воспитать ее во всякомъ благочестіи: потому что тетка ея имѣла своихъ дочерей дѣвицъ и одного сына. Блаженная же отъ малыхъ лѣтъ возлюбила Бога и Пречистую Его Матерь, премного почитала тетку свою и сестеръ, и во всемъ была имъ послушна, любила смиреніе и молчаніе, молитвѣ и посту прилежна. И за то тетка много ее бранила, а сестры надъ ней смѣялись, потому что въ такой молодости томила она свое тѣло; и говорили ей ежедневно: О, безумная! Зачѣмъ въ такой молодости плоть свою изнуряешь и красоту губишь? И часто понуждали ее съ ранняго утра пить и ѣсть; но она не вдавалась ихъ волѣ, хотя съ благодарностью все принимала; чаще же съ молчаніемъ отъ нихъ

отходила: потому что она была послушлива ко всякому человѣку, и съ дѣтскаго возраста кротка и молчалива, не величава. Отъ смѣха и всякой игры удалялась; и хотя много разъ отъ сверстницъ своихъ на игры и пѣсни пустошныя была принуждаема, однако не приставала къ ихъ сборищу, и такимъ образомъ таила свои добродѣтели. Только о прядѣ и пяличномъ дѣлѣ прилежаніе великое имѣла, и во всю ночь не угасалъ свѣтильникъ ея. А сиротъ и вдовъ, и немощныхъ въ всей той веси всѣхъ обшивала, и всѣхъ нуждающихся и больныхъ не оставляла безъ призрѣнія; и всѣ дивились ея разуму и благовѣрію. И вселился въ нее страхъ Божій.

Не было въ той веси церкви, ни вблизи ея, а была версты за двѣ. И не случилось блаженной въ такомъ возрастѣ ни разу быть въ церкви, ни слышать божественныхъ словесъ прочитаемыхъ, ни учителя, учащаго на спасеніе. Только смысломъ благимъ была наставляема нраву добродѣтельному и не учившись книгамъ, ни учителемъ наставляемая, еще всѣ заповѣди исправила, и, какъ бисеръ драгоцѣнный, свѣтилась среди тины. О благочестіи подвизалась, и желала слышать слово Божіе. И отъ невѣждъ была осмѣяна за свои добрыя дѣла.

Когда достигла блаженная шестнадцатаго года, была отдана замужъ въ предѣлы города Мурома, мужу доброродну и богату, именемъ Георгію. А вѣнчаны были отъ священника, именемъ Потапа. Этотъ священникъ научилъ ихъ страху Божію, по правиламъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ, какъ жить мужу съ своею женою, и о молитвѣ, и о постѣ, и о милостынѣ, и о прочихъ добродѣтеляхъ. Она же внятно, со всѣмъ прилежаніемъ послушала божественнаго ученія: и какъ добрая земля всѣянное въ нее съ избыткомъ возвращаетъ, такъ и она не только послушала ученіе, но и дѣломъ все исполнить старалась. Итакъ священникъ, поучивъ и благословивъ ихъ, отпустилъ въ домъ ихъ, къ свекру ея Василью: потому что отецъ и мать ея мужа были еще живы.

И былъ ея свекоръ богатъ и добророденъ и царю знаемъ, а свекровь ея, именемъ Евдокія, была тоже доброродна и смыслена. И имѣли они одного только сына и двухъ дочерей, и села, и много рабовъ и всякаго имѣнія въ изобиліи. Видя сноху свою возрастомъ и всякою добротою исполненну, и разумну, радовались о ней, и хвалу Богу воздавали. И поручили

ей править все домовное хозяйство. Она же со всѣмъ смиреніемъ послушаніе и повиновеніе имѣла къ нимъ, ни въ чемъ не ослушивалась, не перечила, но много почитала ихъ и все повелѣнное ими непреткновенно совершала; такъ что и свёкоръ и свекровь дивились, и всѣ родственники ихъ. И многіе испытывали ее въ рѣчахъ и въ отвѣтахъ; она же на всякій вопросъ давала благочинный и смысленный отвѣтъ, и всѣ дивились ея разуму и славили Бога.

Имѣла же блаженная издѣтства обычай всякій вечеръ довольно молиться Богу и колѣнопреклоненіе творить по сту поклоновъ до земли, и больше, и потомъ на сонъ преклонялась. Также и возставая ото сна своего довольно долго молилась.

Когда же мужъ ея пребывалъ въ царскихъ службахъ, лѣто или два, а иногда и три лѣта; въ то время она всѣ ночи безъ сна проводила, много Богу молилась; и не угасалъ свѣтильникъ ея всю ночь. Прилежно ночи свои на веретено упражняла и на пяличное дѣло. И продавая работу свою, деньги раздавала нищимъ. Была она хитра пяличному дѣлу. Милостыню тайно отъ свекра и свекрови творила. Только знала это одна малая рабыня, съ которою посылала милостыню нуждающимся. И все это дѣлала по ночамъ, чтобы никто не узналъ.

А днемъ домовное хозяйство безъ лѣности правила. О вдовахъ и сиротахъ, какъ настоящая мать, заботилась; своими руками кормила и поила, омывала и обшивала. И совершилось на ней премудраго Соломона слово: жену добру аще кто обрящетъ, дражайши каменія многоцѣннаго таковая, богатства не лишится, и радуется о ней сердце мужа: аще гдѣ коснитъ, не печется ни о чесомъ же. Всѣ въ дому ея были одѣты и насыщены, и каждому дѣло по силѣ его давала; а гордости и величанья не любила. Простымъ именемъ никого не называла и не требовала, чтобъ ей кто на руки воды подалъ, или отъ ногъ ея сапоги отрѣшилъ, но все сама собою творила. Развѣ по нуждѣ, когда гости приходили, тогда ей рабыни по чину предстояли и служили. Когда же уходили гости, и то она себѣ въ тяжесть вмѣняла, и всегда со смиреніемъ укоряя душу свою говорила: «кто же я сама убогая, что предстоятъ мнѣ такіе же человѣки — созданіе Божіе?»

Впрочемъ иные рабы ея были неразумны и непокорливы

и лѣнивы на дѣло, иные на словахъ перечивы. Но она все со смиреніемъ терпѣла, и все собою исправляла, и на себя вину возлагала, говоря: „Сама я передъ Богомъ всегда согрѣшаю, а Богъ мнѣ терпитъ; что же мнѣ на этихъ взыскивать? Такіе же люди какъ и я. Хоть и въ рабство намъ ихъ Богъ поручилъ, но души ихъ больше нашихъ душъ цвѣтутъ." Потому что она помнила слово Спасителя, глаголющаго: „Не обидите малыхъ сихъ, ангели бо ихъ всегда видятъ лице Отца моего небеснаго." И никого отъ провинившихся рабовъ она не оклеветала, и за то много разъ отъ свекра и отъ свекрови и отъ мужа своего бывала бранима.

Но она ни отъ чего не смущалась, а какъ столпъ непоколебимъ, непреклонно стояла, и всю надежду свою на Бога возлагала, и на Пречистую Богородицу; и великаго чудотворца Николая усердно призывала, принимая отъ него великую помощь, какъ сама она о себѣ повѣдала.

Однажды ночью встала она по обычаю на молитву, а мужа ея не было дома. Ненавидящій же добра дьяволъ, съ бѣсами своими, покушаясь отъ такого дѣла отвратить ее, своими мечтами великій ужасъ навелъ на нее. Она же была тогда еще молода и неопытна, сильно испугалась, легла опять на свою постель и окутавась одѣяломъ. И крѣпко заснула, и увидѣла во снѣ множество бѣсовъ, пришедшихъ къ ней со всякимъ оружіемъ чтобъ убить ее; и стали ее давить, говоря: „Если не перестанешь отъ такого начинанія, то убьемъ тебя тотчасъ же!" Она же, во многомъ страхѣ, возвела очи свои къ Богу и Пречистой Богородицѣ, и призвала на помощь святого отца Николая. И немедленно явился передъ нею святой Николай, держа въ рукахъ великую книгу, и началъ ею бить бѣсовъ, и разогналъ ихъ всѣхъ, и, какъ дымъ, исчезли они безъ вѣсти. Тогда воздвигъ Онъ десницу свою, и благословилъ блаженную, сказавъ: „О дочь моя! мужайся и крѣпись, и не ужасайся бѣсовскаго прещенія! потому что Самъ Христосъ повелѣлъ мнѣ хранить тебя отъ бѣсовъ и злыхъ людей." Она же, пробудившись, наяву увидѣла мужа свѣтолѣпна, какъ онъ, будто молнія, скоро вышелъ дверьми изъ храмины. Тотчасъ встала, пошла за нимъ, но никого не видала, и притворъ храмины той крѣпко былъ запертъ по обычаю.

Вскорѣ послѣ того гнѣвъ Божій постигъ русскую землю.

наказуя насъ за грѣхи наши. Наступилъ великій голодъ, отъ котораго много людей помирало. Она же многую милостыню творила, тайно отъ всѣхъ. Брала у свекрови себѣ пищу, будто бы на утреннее и полуденное ядение, и отдавала нищимъ. А сама она издѣтства только дважды въ день вкушала пищу, а до обѣда, и послѣ обѣда до ужина, никогда не ѣла. Видѣвши то, свекровь говорила ей: „радуюсь я, невѣстушка, что ты чаще стала ѣсть, но дивлюсь, какъ измѣнилась ты нравомъ! Когда хлѣба было въ изобиліи, не могли мы тебя принудить къ раннему и полуденному ядению. Теперь же въ міръ оскудѣніе пищи, а ты берешь себѣ завтракъ и полудникъ“. Она же, принимала пищу отъ свекрови, сама не ѣла, но все раздавала нуждающимся.

Когда же кто изъ нищихъ умиралъ, нанимала она обмыть его, и покупала умиральныя ризы, и на погребеніе посылала деньги, и когда видѣла въ селѣ своемъ мертвыхъ погребаемыхъ, знакомаго или незнакомаго, всегда усердно молилась о душѣ его.

Вскорѣ послѣ голода былъ на людей сильный моръ. Многіе помирали болѣзнію, прозываемою прострѣломъ. И многіе неразумные, изъ боязни, въ домахъ своихъ запирались, и заболѣвшихъ прострѣломъ къ себѣ не пущали, и къ одеждѣ ихъ не прикасались. Блаженная же тайно отъ свекра и свекрови зараженныхъ многихъ своими руками обмывала, исцѣляла.

Живя такимъ образомъ много лѣтъ у свекра и свекрови, ни въ чемъ она ихъ не преслушалась, не роптала, но какъ родная дочь своихъ родителей почитала. И преставились въ глубокой старости ея свекоръ и свекровь, въ монашескомъ чинѣ. Она же пѣснями и псалмами надгробными и благолѣпнымъ погребеніемъ почтила ихъ, и многую милостыню по нихъ монастырямъ и церквамъ раздавала, повелѣвъ по нихъ служить литургіи. И трапезы въ дому своемъ поставляла попамъ и монахамъ, и нищимъ, вдовамъ и сиротамъ. И всѣхъ приходящихъ довольно пищею угощала, и всѣхъ просила, чтобы молились Богу за души преставльшихся. И темничникамъ милостыню посылала ежедневно, даже до сорокового дня. А мужа ея тогда не было дома. Она же много имѣнія на милостыню растощила, не только въ то время, но и послѣ всегда творила память по умершимъ. Потому что помнила божественное Писаніе, яко творимая здѣ многу пользу и усладу

творить умершимъ душамъ. И все имѣніе свекра своего и свекрови по нихъ въ память раздала.

Ненавидящій же добро діаволъ всячески старался бѣду и искушеніе ей сотворить: и воздвигалъ пустыя брани между дѣтьми ея и рабами. Но она все смысленно и разумно разсуждала и усмиряла: И не могъ врагъ сотворить ей зла. И навадилъ одного изъ рабовъ: и этотъ рабъ убилъ ея старшаго сына. Или врагъ хотѣлъ ее въ отчаяніе ввести и отъ Бога отлучить, или же, думаю, было то нѣкое смотрѣніе Божіе, какъ Давидъ сказалъ: „Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, да поучуся оправданіемъ твоимъ", для того, чтобъ блаженная еще болѣе о душѣ своей прилежала. Такъ и сбылось. И злато, сказано, безъ искушенія не бываетъ совершенно. Видя сына своего умершаго, блаженная очень скорбѣла, но не о смерти его, а о душѣ его: однако не смутилась, и мужа своего утѣшительными словами увѣщевала.

Вскорѣ послѣ того и другого сына ея на царской службѣ убили. Хотя она и скорбѣла, но душевно, а не тѣлесно. Не кричала, не терзала на себѣ волосъ, какъ дѣлаютъ другія женщины, но днемъ поминала дѣтей своихъ милостынею и кормленіемъ нищихъ, а ночи безъ сна проводила, моля Бога со слезами объ отпущеніи грѣховъ своихъ умершихъ чадъ.

Тогда начала она молить своего мужа, чтобъ отпустилъ ее въ монастырь. Но тотъ никакъ не преклонялся къ ея просьбѣ. Она же, послушавъ, оставила свое намѣреніе, сказавъ: воля Господня да будетъ...

Преставился и мужъ ея. Тогда она еще больше отверглась отъ всего мірского. И говорила она своимъ дѣтямъ: „Не много скорбите, дѣти мои! Смерть отца вашего намъ грѣшнымъ на смыслъ и поученіе. Видя то, и на себѣ того же всякъ чаять долженъ. Стяжите же всякую добродѣтель, а пуще всего милостыню по силѣ творите и между собою любовь нелицемѣрную держите". И много поучала дѣтей своихъ отъ божественнаго Писанія. И такъ погребла своего мужа съ псалмами и пѣньми, и многую милостыню сотворила нищимъ, и сорокоусты по монастырямъ и по многимъ церквамъ раздавала. Она не смотрѣла на раздаяніе тлѣннаго имѣнія, но смотрѣла на собраніе правды. И всѣ ночи безъ сна проводила, моля Бога о мужѣ своемъ, чтобы даровалъ ему грѣховъ отпущеніе. Потому что слышала она Писаніе, глаголющее: добрая жена и

по смерти мужа своего спасется. Поревновала она благочестивой Феодорѣ царицѣ и прочимъ святымъ женамъ, которыя по смерти о мужьяхъ своихъ Бога умолили.

И съ того времени постъ къ посту приложила, и молитву къ молитвѣ, и къ слезамъ слезы, и милостыню паче мѣры показала. Случалось, что ни одной сребреницы въ домѣ ея не оставалось: и она занимала, и обычную милостыню нуждающимся подавала; и ежедневно ходила въ церковь на молитву.

Когда наступала зима, брала у дѣтей своихъ на теплую одежду, но и это все нищимъ раздавала, а сама безъ теплой одежды зимой оставалась. Сапоги на босыя ноги обувала, а подъ подошвы вмѣсто стелекъ орѣховыя скорлупы и острые черепки подкладывала, и такъ тѣло свое удручала. Нѣкоторые говорили ей: „что въ такой старости тѣло свое томишь?“ Она же отвѣчала имъ: „Развѣ не знаете, что тѣло душу убиваетъ? Убью же сама тѣло мое и порабощу его, да спасется духъ мой“. А другимъ говорила: „недостойны страданія нынѣшняго вѣка противъ будущей славы“. И еще говорила: „сколько усохнетъ тѣла моего, того уже не будутъ ѣсть черви въ иномъ вѣкѣ“.

Однажды была такая студеная зима, что земля разсѣдалась отъ мороза. И нѣсколько времени не ходила она въ церковь, а молилась дома. Случилось же однимъ утромъ, очень рано, придти попу въ ту церковь преподобнаго Лазаря. И былъ гласъ отъ иконы Пречистой Богородицы: „Иди и рцы милостивой вдовѣ Іуліаніи, ради чего не приходитъ въ церковь: и домовная ея молитва пріятна, но церковная выше. Почитайте Іуліанію, уже ей не меньше шестидесяти лѣтъ, и Духъ Святый почиваетъ на ней“. Попъ же пришелъ въ великій ужасъ. И отправился къ блаженной Юліаніи, палъ къ ногамъ ея, прося прощенія, и повѣдалъ ей видѣніе. И когда она послѣ того отправилась въ церковь, и со слезами молилась и цѣловала икону Богородицы, въ тотъ часъ внезапно великое благоуханіе распространилось въ церкви и по всему селу. И съ тѣхъ поръ уже ежедневно ходила она на молитву въ церковь.

Имѣла она обычай каждый вечеръ молиться въ отходной храминѣ, назначенной для пріюта заѣзжихъ проѣзжающихъ гостей. И были тамъ иконы Спасова, Пречистой Богородицы

и угодника его великаго чудотворца Николая. Однажды вечеромъ, по обычаю, пришла она въ храмину на молитву, и вдругъ наполнилась множествомъ бѣсовъ вся та храмина; и со многимъ оружіемъ бросались они на нее, чтобъ убить. Она же, надѣясь на силу Христову, не устрашилась, но, возведя очи къ Богу, со слезами молилась Ему, чтобы послалъ ей помощь угодника своего Николая. И въ то же мгновеніе явился ей святой Николай съ великою палицей въ рукѣ, и разогналъ нечистыхъ бѣсовъ, которые, какъ дымъ, исчезли. Одного же изъ нихъ поймалъ и много мучилъ, а блаженную благословилъ крестомъ, и скрылся внезапно. Бѣсъ же плакалъ, говоря: „Много горя творилъ я Юліаніи всякій день, возбуждалъ ссоры и распри въ дѣтяхъ и рабахъ ея; къ ней же не смѣлъ приближаться ради ея милостыни и смиренія и молитвы“. Потому что она безпрестанно четки въ рукахъ держала, творя Іисусову молитву, ѣла ли она, или пила или что дѣлала. Даже когда спала, уста ея шевелились и вся утроба подвигалась на славословіе Божіе; и много разъ мы видѣли, какъ она спала, а рука ея четки отдвигала.

Потомъ пришла она къ намъ въ ужасѣ, измѣнившись лицомъ. Видя ее смущенную, спрашивали мы о причинѣ; но тогда она не сказала ничего, а уже спустя долгое время повѣдала намъ все это втайнѣ.

Итакъ пожила она во вдовствѣ десять лѣтъ, многую добродѣтель во всемъ показывая, и дожила до Борисова царства Годунова. И былъ въ то время сильный голодъ по всей русской землѣ, такъ что многіе ѣли всякое скверное мясо и человѣчью плоть. И множество народу перемерло голодомъ. Тогда въ дому блаженной великое было оскудѣніе пищи; потому что не выросло сѣянное въ землю жито, а кони ея и рогатый скотъ поколѣли. Только молила она дѣтей и рабовъ своихъ, чтобы ничего чужого не трогали, не воровали; а что осталось у ней отъ скота, а также ризы, сосуды, все распродала на жито, и тѣмъ челядь свою кормила и милостыню довольную просящимъ подавала. И дошла она до послѣдней нищеты, такъ что въ дому ея ни единаго зерна жита не оставалось; но и отъ этого не смутилась, возлагая упованіе на Бога.

Когда великая нищета умножилась въ дому ея, она собрала своихъ рабовъ и сказала имъ: „Голодъ обдержитъ насъ; видите сами. Если кто изъ васъ хочетъ, пусть идетъ на сво-

боду и не изнуряется меня ради“. Благомыслящіе между ними обнищались съ нею терпѣть, а другіе отошли. Съ благословеніемъ и молитвою отпустила она ихъ, не держала на нихъ гнѣва. И велѣла оставшимся рабамъ собирать траву, рекомую лебеду, и кору древесную, рекомую илемъ, и въ томъ велѣла готовить хлѣбы, и тѣмъ сама питалась и дѣтей и рабовъ кормила. И молитвою ея былъ тотъ хлѣбъ сладокъ, и никто въ дому ея не изнемогалъ съ голоду. Отъ того же хлѣба и нищихъ питала, и, не накормивъ, никого изъ дому не отпускала; а нищихъ было въ то время безчисленное множество. Сосѣди говорили нищимъ: „Что къ Юлиании въ домъ ходите? она и сама голодомъ умираетъ.“ Нищіе отвѣтствовали: „Много селъ мы обходимъ и чистые хлѣбы собираемъ, а такъ въ сладость не наѣдаемся, какъ сладокъ хлѣбъ у этой вдовы“. И сосѣди для испытанія посылали къ ней за хлѣбомъ, ѣли его и дивились, говоря: „Горазды рабы ея печь хлѣбы“, а того не разумѣли, что молитвою ея хлѣбъ былъ сладокъ. Могла бы она умолить Бога, чтобы не оскудѣвалъ домъ ея; но не противилась смотрѣнію Божію, терпя благодарно, и вѣдая, что терпѣніемъ обрѣтается царствіе небесное. И терпѣла въ той нищетѣ два года; не опечалилась, не смутилась, не роптала и не изнемогала нищетою, но была еще веселѣе прежняго.

Когда приближалось честное ея преставленіе, разболѣлась она мѣсяца декабря въ 26 день, и была больна шесть дней. Но что была болѣзнь ея? Днемъ на постели лежала, а молитву творила непрестанно; ночью же сама вставала и молилась Богу, никѣмъ не поддержима. А рабыни ея посмѣивались, говоря: „Не въ правду хвораетъ: днемъ лежитъ, а ночью встаетъ и молится“. Она же, уразумѣвъ, говорила имъ: „Что вы меня посмѣхаете? развѣ не знаете, что и у больного истязуетъ Богъ молитвы духовныя?“ И иное многое говорила отъ святыхъ книгъ.

Января во второй день на разсвѣтѣ призвала она своего духовнаго Аѳанасія, и причастилась животворящихъ тайнъ тѣла и крови Христа Бога нашего. Сѣла на одрѣ своемъ, и призвала дѣтей своихъ, и рабовъ, и всѣхъ живущихъ въ селѣ томъ. И поучала ихъ о любви, и о молитвѣ, и о милостынѣ, и о прочихъ добродѣтеляхъ, присовокупивъ: „Желаніемъ возжелала я великаго ангельскаго образа еще отъ юности моей, но не сподобилась по грѣхамъ моимъ. Такъ угодно было Богу

„Слава праведному суду Его!“ И велѣла уготовить кадило и ѳимiамъ вложить въ него, и цѣловала всѣхъ бывшихъ при ней, и всѣмъ миръ и прощенiе подавала. Потомъ легла; трижды перекрестилась; обвила четки около своей руки и сказала послѣднее слово: „Слава Богу, въ руцѣ Твои предаю духъ мой. Аминь!“ И предала душу свою въ руки Господа, котораго измлада возлюбила. И видѣли всѣ въ тотъ часъ на головѣ ея золотой вѣнецъ и бѣлый убрусъ. Омыли и положили ее въ клѣти. И въ ту ночь видѣли тамъ горящiя свѣчи, а весь домъ наполнился благоуханiя.

И положили святое и многотрудное тѣло ея въ дубовый гробъ, и похоронили мы ее у церкви св. Лазаря въ селѣ Лазаревскомъ, гдѣ многотрудно подвизалась она.

Такъ-то жила блаженная Юлiанiя! Таковы ея подвиги и труды. Мы же о жизни ея никому не повѣдали до тѣхъ поръ, пока не преставился сынъ ея Георгiй. Тогда, копая ему могилу, обрѣли мы тѣло ея, кипящее мѵромъ благовоннымъ. И оттого понудился я написать житiе блаженной, убоявшись, чтобы смерть не предварила меня, и чтобы не предано было житiе блаженной забвенiю. А написалъ я кратко, малое отъ многаго, чтобы не дать большого труда и переписывающимъ и читающимъ.

Вы же, братiе и отцы! не зазрите мнѣ, что написалъ, будучи грубъ и нечистъ. И не думайте, что это все ложно, ради родства материнскаго. Видитъ всевидящее око, Владыка Христосъ, Богъ нашъ, что не лгу.

Желая во всей точности передать факты и боясь своими собственными замѣчанiями нарушить общее впечатлѣнiе, я привелъ повѣствованiе объ Юлiанiи вполнѣ, нѣсколько подновивши языкъ, удержавъ, впрочемъ, оттѣнки древняго, благочестиваго стиля.

Сколь ни умилительна благочестивая личность самой героини, все же нельзя не сознаться, что житье-бытье и вся внѣшняя обстановка накладываютъ темный, печальный колоритъ на весь разсказъ, даже несмотря на то, что онъ согрѣтъ непритворною, сыновнею любовью автора. Кругомъ все печально и сумрачно, какъ сѣрое непривѣтливое небо, висящее надъ темными лѣсами и пустынями муромскаго края. Не знавши

скромной жизни Юлiании ни погромы татарскiе, ни смуты бояръ, ни опала и гроза царя Ивана Васильевича. Все же досталось на ея долю много невзгоды и бѣдствiй, которыми такъ много казнилась и искупалась древняя Русь. Сначала голодъ, потомъ моровая язва, а потомъ еще голодъ, и такой страшный, что люди поѣдали человѣчье мясо. Повсюду ски-тались толпы нищихъ, просятъ хлѣба, а давать нечего. Непривѣтная и томительная жизнь, окруженная раболѣпствомъ холоповъ, которое естественно, по тогдашнимъ понятiямъ, вытекало изъ этого благосостоянiя. Много богатства и рабовъ много что имѣли родители Юлiании. Также описывается и бытъ ея семьи. Несмотря на большое богатство и благоприятную обстановку, несмотря на постоянныя утѣхи въ мелкихъ и пустыхъ благодѣянiяхъ, не видала эта достойная женщина свой утѣшенiя въ жизни семейной ни въ юности, ни въ дряхлыхъ лѣтахъ, ни подъ старость; потому что душа и сердце были томимы, семейная жизнь, лишенная болѣе твердыхъ средствъ общественнаго образованiя, и прелесть дѣлая себѣ самой въ дѣвомъ, жалкомъ кругу развлеченiй. Какое могло быть въ древне-русской семьѣ воспитанiе дѣвицы, всего лучше можно судить по жизни Юлiанiи. Это было еще замѣчательно, что она не знала грамоты и, несмотря на свое благочестiе, не успѣла выучиться. Когда вышла замужъ, она ни разу не была въ церкви во все время своего дѣвичьяго возраста, ни разу не слыхала божественной службы, ни разу не слышала, кто бы ей сказалъ или прочелъ божественное слово спасенiя. Мудрено ли, что даже ея сверстницы съ домѣ только и думали, что холили свою дѣвичью красу, въ праздности ѣли и пили, да насмѣхались надъ Юлiанiею, что она съ ранней молодости плоть изнуряла постомъ и молитвою. Единственнымъ занятiемъ русской боярыни XVI вѣка было прядиво и пяличное дѣло.

Свекоръ и свекровь Юлiании не были похожи на тѣхъ извергiвъ, которые въ русскихъ пѣсняхъ играютъ своихъ невѣстокъ. Любовь и благословенiе вмѣстѣ съ сосѣдскихъ домъ Юлiанiи, съ взаимною любовью была встрѣчена, въ любви и добромъ отъ нихъ проводила жизнь. Но не могло быть между ею и семьей, въ которую она вошла, полнаго сочувствiя. Юлiанiя не терпѣла пустаго разгула, которое вмѣстѣ съ бездѣльемъ и довольствомъ царило у своего мужа. Заступа

лась за рабовъ, и потому много переносила непріятностей и отъ свекра съ свекровью, и отъ своего мужа.

Рабство преслѣдовало ее и въ собственной ея семьѣ, спокойствіе которой непрестанно возмущалось ссорами между ея дѣтьми и рабами. Однажды, неизвѣстно изъ-за чего повздоря, холопъ убилъ ея старшаго сына. По свидѣтельству этого жизнеописанія, бѣсъ господствовалъ въ семьѣ благочестивой Юліаніи: „азъ много силу творихъ Юліаніи, по вся дни воздвизахъ брани въ дѣтехъ и въ рабѣхъ ея". Такъ говорилъ самъ бѣсъ, вселившійся въ нѣдрахъ ея семейства.

Въ домашнемъ быту, въ родной семьѣ, чудился ей враждебный демонъ, возбуждавшій распри и ссоры, побуждавшій на убійство и другія преступленія; въ быту же общественномъ видѣла она только бѣдствія, слѣпыя карающей десницы Божіей, въ моровой язвѣ и убивающемъ повсемѣстно голодѣ! Даже самая служба царская и ей самой, и сыну ея, описавшему ея житіе, представлялась не подвигомъ патріотическимъ, а какою-то несознаваемою необходимостью, невѣдомымъ рокомъ. „Другого сына ея на царской службѣ убиша" — такъ сказано въ житіи. Но гдѣ же, по какому случаю? Ни ей, русской боярынѣ XVI вѣка, ни сыну ея, человѣку грамотному, нѣтъ до того никакого дѣла. Гдѣ-то на царской службѣ — и только.

Радужное сіяніе, которымъ сыновняя любовь окружила въ этомъ повѣствованіи прекрасную личность Юліаніи, не могло придать болѣе привѣтнаго свѣта мрачной картинѣ ея жизни, но сообщило ей чувство умиленія, которое смягчаетъ сердце всякаго. Незавидной обстановкѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ печальный характеръ героини. Кроткая и благочестивая съ раннихъ лѣтъ дѣвическаго возраста, Юліанія всегда отличалась нѣжностію и теплотою чувства, восторженною набожностью и преданностью своему долгу и обязанностямъ. Съ женственною граціею умѣла она соединить твердость воли, безропотно встрѣчая невзгоды и бѣдствія, которыя предназначено было ей терпѣть въ жизни. Не рыдала, не рвала на головѣ волосъ, когда убили ея сына, но скорбѣла душою. Общественныя бѣдствія, проносившіяся надъ нею, только изощряли любящее, сострадательное сердце. Не только кормила она нищихъ и отдавала имъ послѣднюю копейку: она не страшилась ни всеобщаго голода, ни моровой язвы. Послѣдній кусокъ хлѣба готова была она отдать, когда видѣла кругомъ себя, какъ

томившеся голодомъ подбирали человѣчьи трупы. Во время моровой язвы, когда всѣ боялись одного прикосновенія къ зараженнымъ, она сама обмывала и исцѣляла ихъ, не гнушаясь язвъ, не страшась смерти. То же высокое чувство человѣколюбія внушало ея любовь и состраданіе къ усопшимъ бѣднякамъ, которыхъ она, руководимая благочестіемъ, хоронила на свой счетъ и провожала до могилы.

Ея мужъ, занятый царскою службою, хотя и зналъ грамоту, но до женитьбы своей мало упражнялся въ дѣлахъ благочестія. Жена учила его прилежно молиться, потому что видѣла въ томъ свой святой долгъ. Впослѣдствіи онъ читалъ ей священное Писаніе и благочестивыя книги, и она, не грамотная, но просвѣщенная молитвою и благодатью, не только все понимала, но и объясняла другимъ. Благочестивое чувство привело ее къ уразумѣнію высокихъ истинъ христіанства.

Аскетическая суровость жизни Юліаніи, не носившей въ трескучіе морозы теплой одежды, подкладывавшей въ сапоги вмѣсто стелекъ орѣховую скорлупу, вполнѣ соотвѣтствуетъ ея тяжелымъ темнымъ видѣніямъ. Даже священныя лица въ ея сонныхъ мечтахъ представляются ей грозными, карающими.

Все сказанное о достоинствахъ Юліаніи, съ немногими видоизмѣненіями, относится вообще къ людямъ благочестивымъ древней Руси. Подвижничество во имя Христа, постъ и лишенія, милостыня и молитва, все это общія черты древне-русскаго благочестія. Но кромѣ того, въ характерѣ Юліаніи есть одна черта, которая, несмотря на всю суровость соображенія этой женщины, придаетъ необыкновенную мягкость ея глубоко любящей натурѣ.

Человѣколюбивое ея сердце не могло не отозваться на одно изъ величайшихъ бѣдствій, которое не приходило случайно и не миновало, подобно моровой язвѣ или голоду. Бѣдствіе это, такъ жестоко отозвавшееся въ собственной семьѣ Юліаніи, было тяжелое рабство, съ которымъ никогда не могла примириться глубоко проникнутая ученіемъ Христа, возвышенная и любящая душа Юліаніи. Хотя она устранила лично отъ себя всѣ возмутительные обычаи раболѣпства, но могла ли она не смущаться душою, будучи окружена людьми, которые нисколько не могли ни понимать ея человѣколюбивыхъ идей, ни сочувствовать имъ? И хоть она, постоянно въ волненіи и страхѣ о нехристіанскихъ отношеніяхъ, въ которыхъ поза-

ественному порядку, находились ея мужъ и свекоръ съ свекровью къ домашней челяди, съ сокрушеннымъ сердцемъ повторяла слова Спасителя: „Не обидите малыхъ сихъ: ангели бо ихъ всегда видятъ лице Отца моего небеснаго“.

Не напрасно оказывала въ грубый, нечеловѣколюбивый вѣкъ свое глубокое человѣколюбіе эта достойная женщина. Если она была попрана людьми своего времени, то могла утѣшить себя тѣмъ, что могла найти себѣ сочувствіе въ подрастающемъ своемъ потомствѣ, могла радоваться, что ея же благородная душа, то же христіанское уваженіе къ человѣчеству она вселила въ сердцѣ своего сына, который, описавъ жизнь своей матери, вѣрно оцѣнилъ это истинно христіанское завѣтное ея чувство. *Буслаевъ.*

Литературный и историческій элементъ древне-русскихъ житій.

Житіе по существу своему состоитъ изъ двухъ элементовъ, которые различны по происхожденію и свойствамъ: это ораторское произведеніе, церковная проповѣдь, предметомъ которой служатъ тѣ же религіозно-нравственныя истины, какъ и въ пастырскомъ церковномъ словѣ, но разсматриваемыя не въ отвлеченномъ анализѣ или практическомъ приложеніи, а на извѣстныхъ историческихъ лицахъ и событіяхъ. Оба эти элемента, литературный и историческій, имѣли свою судьбу въ развитіи древне-русскаго житія...

Древне-русская агіобіографія, какъ литературная форма, имѣла свой историческій ростъ: измѣнялся самый взглядъ на житіе, на его задачи и пріемы, и каждая смѣна сопровождалась новой переработкой житій. Побужденія, заставлявшія часто и нѣсколько разъ мѣнять форму житія, были тѣ самыя, которыми создавались литературные пріемы агіобіографа и точка зрѣнія, съ которой онъ разсматривалъ историческія явленія.

На особенностяхъ этой точки зрѣнія и на всей литературной исторіи древне-русскаго житія замѣтно сказывается дѣйствіе среды, въ которой зародилось это житіе, и съ которой главнымъ образомъ связано было его распространеніе. Разсматривая житіе критически, не слѣдуетъ забывать, что оно входило въ составъ богослуженія, читалось въ церкви во время службы святому на шестой пѣсни канона вслѣдъ за кондакомъ и ико-

сомъ. Разсматривая содержаніе и форму этихъ кондаковъ и икосовъ, не трудно замѣтить ихъ литературное родство съ житіемъ. Кондакъ кратко передаетъ въ повѣствовательной формѣ основныя черты дѣятельности святого; икосъ на основаніи этихъ чертъ изрекаетъ похвалу святому, начиная каждую черту возгласомъ „радуйся“. Такимъ образомъ въ этихъ пѣсняхъ содержится литературная программа житія. Таковы именно по своему строю древнѣйшіе памятники сѣверно-русской агіобіографіи, житія Леонтія и Исаіи ростовскихъ, Варлаама хутынскаго, митрополита Петра: это распространенные кондаки и икосы, въ которыхъ главныя біографическія черты сопровождаются прославленіемъ святого, обыкновенно съ тѣмъ же возгласомъ „радуйся“. Объ этихъ именно житіяхъ рукописи сохранили прямыя указанія на ихъ первоначальное происхожденіе или употребленіе: ихъ помѣщали въ прологахъ или среди службы святому послѣ 6-й пѣсни канона. Здѣсь первоначальная [illegible] житія, которая всего [illegible] проложнаго [illegible] въ сѣверно-русской литературѣ до конца XIV вѣка, какъ видно по уцѣлѣвшимъ памятникамъ ростовскимъ и Новгородскимъ; [illegible] житія: пока древне-русская агіобіографія [illegible] строго-церковный стиль и не превратилась въ [illegible] фію, до тѣхъ поръ существовала потребность [illegible] съ пространнымъ украшеннымъ житіемъ и его краткое проложное изложеніе. Если въ XV—XVII в. появляется такъ украшенная редакція, почти обязательно можно предполагать при ней и проложную, очень часто помѣщаемую въ рукописяхъ рядомъ съ первой.

Потомъ литературная форма житія получила болѣе [illegible] Въ началѣ и концѣ біографіи появились части, содержаніе и цѣль которыхъ составляло не воспроизведеніе историческаго явленія: передъ біографическимъ разсказомъ является ораторское предисловіе, проложная краткая похвала въ концѣ проложнаго житія расширилась въ пространное похвальное слово и отдѣлилась отъ біографіи въ видѣ особой статьи. Чудеса сдѣлались существенною и необходимою частью житія. Въ самомъ біографическомъ разсказѣ развились именно тѣ [illegible] черты, которыя обобщали историческое мѣстное и индивидуальное явленіе, приближая его къ общему христіанскому идеалу. Церковно-ораторскіе элементы житія стали на

первомъ планѣ, закрывъ собою элементы историографическіе. Житіе превратилось въ стройное и сложное архитектурное зданіе, въ однообразныя формы котораго стремились облекать разнообразныя историческія явленія. Трудно обозначить съ точностью время, когда литературная форма житія получила такое развитіе. Можно, впрочемъ, замѣтить, что съ XV в. указанный искусственный стиль становится господствующимъ въ сѣверно-русскихъ житіяхъ.

Рядомъ съ господствующимъ стилемъ развивались пошибы, въ нѣкоторыхъ чертахъ отъ него отступавшіе. Въ группѣ житій XVI и XVII в. можно замѣтить чисто историографическую цѣль: не покидая пріемовъ искусственнаго стиля, стараясь держаться на высотѣ его риторическихъ требованій, они однакожъ стремятся расширить свое фактическое содержаніе на счетъ общихъ мѣстъ житія. Не много раньше начали появляться произведенія другого характера, въ которыхъ видно паденіе господствующаго стиля житія: мало заботясь о фактическомъ изученіи, неизвѣстные составители ихъ еще меньше думали о стилистической обработкѣ, отступали не только отъ привычныхъ въ агіобіографіи пріемовъ риторическаго изобрѣтенія, но иногда и отъ обязательнаго для нея церковнаго языка, приближаясь въ своемъ изложеніи къ живой рѣчи. Оба видоизмѣненія установившагося стиля были переходомъ отъ житія къ простой біографіи.

Изслѣдованіе происхожденія этихъ видовъ поможетъ не преувеличивая оцѣнить ихъ значеніе въ общемъ движеніи древнерусской литературы. Легко понять, что житіе должно было получить очень спеціальное литературное значеніе: не всякая біографія заслуживала названія житія и не всякое лицо, заслуживающее біографіи на нашъ взглядъ, могло стать достойнымъ предметомъ житія. Житіе было неразлучно съ представленіемъ о святой жизни, и только она имѣла право на такое изображеніе. Единственный интересъ, который привязывалъ вниманіе общества, подобнаго древне-русскому, къ судьбамъ отдѣльной жизни, былъ не историческій или психологическій, а нравственно-назидательный: онъ состоялъ въ тѣхъ общихъ типическихъ чертахъ или нравственныхъ схемахъ, которыя составляютъ содержаніе христіанскаго идеала и осуществленіе которыхъ, разумѣется, можно найти не во всякой отдѣльной жизни. Для такого изображенія судьбы лица нужна не критика, не фактическое изученіе.

Но и для древне-русскаго агiобiографа были неизбѣжны [illegible]

[illegible]

[illegible] лицѣ знакомыхъ ему чертъ идеальнаго типа, но ничто не [illegible] онъ писалъ свою повѣсть для читателей-современниковъ. [illegible] ловѣка и въ своемъ реальномъ видѣ еще не потеряли живого интереса.

[illegible]

столько назначеніемъ литературнаго труда и чисто внѣшними условіями пріемовъ слова и общихъ мѣстъ. Смотря по этому назначенію, одинъ и тотъ же предметъ или излагался просто, безыскусственной рѣчью, или наряжался въ торжественную одежду пышныхъ словъ и ухищренныхъ оборотовъ...

Обозрѣвъ условія, дѣйствовавшія на литературу житій, замѣтимъ, что они касались главнымъ образомъ перваго изъ указанныхъ выше элементовъ (церковно-ораторскаго): что вся литературная исторія древнерусскаго житія почти исчерпывается судьбою его стиля (сухая сжатая повѣсть пролога распустилась въ [illegible], далѣе напыщенныя формы церковно-[illegible] слова), но по основной мысли, по взгляду на событія и выбору біографическаго содержанія даже въ томъ [illegible] оставалось вѣрно церковной цѣли. Не вся литература житій могла держаться на трудной высотѣ такого стиля, и въ нѣкоторыхъ памятникахъ онъ падаетъ въ двухъ направленіяхъ. Одни, расширяя выборъ біографическаго содержанія, вводили въ него черты, выходившія изъ рамокъ особенной программы житія, не требовавшіяся основною мыслью церковнаго панегирика. Два условія вызывали біографа на такое отступленіе: если описываемая жизнь была тѣсно связана съ другими общественными событіями или если она [illegible] прежде, чѣмъ становилась достояніемъ церковнаго чествованія, такъ что [illegible] для біографа извѣстный выборъ фактическаго матеріала. Въ связи съ послѣднимъ условіемъ было упрощеніе ораторскихъ пріемовъ изложенія, возвращавшее житіе къ сухости проложнаго разсказа. Но оба эти уклоненія, не имѣвшія широкаго дѣйствія въ изучаемой литературѣ и мало измѣнявшія внутреннія свойства житія, существенны для исторической критики: оба удерживали тѣ же пріемы [illegible] и взгляды на явленія, какіе свойственны искусственному стилю, хотя одно внимательнѣе изображало время и обстановку дѣятельности описываемаго лица, а другое упрощало литературныя формы біографіи.

Таковъ смыслъ условій, дѣйствовавшихъ на литературную обработку житія. Остается изучить происхожденіе другого, реальнаго элемента житія, разсмотрѣть его историческій матеріалъ, свойство источниковъ, изъ которыхъ онъ почерпался. Эта сторона гораздо труднѣе: для ея разъясненія находимъ меньше ясныхъ указаній, и они труднѣе поддаются обобщенію.

Нельзя не замѣтить, что качество матеріала, какимъ могъ располагать составитель житія, было неодинаково въ разныхъ частяхъ біографіи. Обыкновенно она составлялась въ томъ мѣстѣ, гдѣ прекратилась дѣятельность описываемаго лица, и по источникамъ, какіе здѣсь могъ собрать жизнеописатель. За весьма рѣдкими исключеніями мѣсто, гдѣ епископъ или основатель монастыря находилъ покой отъ земныхъ трудовъ, видѣло лишь послѣднюю, иногда непродолжительную часть его дѣятельности и только о ней сохраняло живыя воспоминанія. Прежняя жизнь лица часто проходила совсѣмъ въ другомъ, далекомъ краѣ, и біографъ могъ найти о ней лишь смутныя и неполныя извѣстія. Весьма немногіе біографы находились въ положеніи Епифанія при составленіи имъ житія Сергія Радонежскаго, находили около себя живыхъ свидѣтелей разныхъ періодовъ жизни святого. Къ этой обычной въ житіяхъ неполнотѣ источниковъ необходимо быть тѣмъ внимательнѣе, что біографы старались скрыть ее помощью риторическаго изображенія.

Главное значеніе въ литературѣ житій, по ширинѣ [illegible] и внутреннему качеству, имѣли изустные источники. Первое мѣсто между ними занимаютъ живые свидѣтели, современники и памятухи святого, къ числу которыхъ могъ принадлежать и самъ біографъ. Послѣднее, впрочемъ, было сравнительно рѣдкимъ случаемъ. Чаще оставшіеся самовидцы передавали свои воспоминанія о святомъ біографу, который не зналъ его лично. Въ монастыряхъ дорожили остаткомъ древнихъ старцевъ, видѣвшихъ святого или помнившихъ его живые, и старались сберечь ихъ показанія. За ними слѣдуютъ достовѣрные сказатели, чрезвычайно разнообразные по степени достовѣрности: къ нимъ относились и люди, получившіе свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ отъ ближайшихъ учениковъ святого, и люди, до которыхъ эти свѣдѣнія доходили въ видѣ смутной легенды, не помнившей своего происхожденія. Впрочемъ, различное отношеніе самовидцевъ и достовѣрныхъ сказателей къ святому само по себѣ не всегда точно опредѣляло сравнительное достоинство ихъ, какъ источниковъ житія. Между извѣстнѣйшими по [illegible] древне-русскими обителями не было ничего [illegible] монастырскаго пустынническаго братства. Отъ учениковъ, раздѣлившихъ послѣдніе годы жизни старца, біографъ не могъ получить такихъ полныхъ свѣдѣній, какія хранились у [illegible]

между людьми, не знавшими святого, но слышавшими о немъ отъ болѣе раннихъ его сотрудниковъ, давно разставшихся съ нимъ или умершихъ до написанія житія. Лучшимъ указателемъ при оцѣнкѣ такихъ источниковъ можетъ служить моментъ появленія житія, хотя опредѣлить его иногда всего труднѣе. Изустный источникъ можетъ быть обильной струей, но по самой природѣ своей очень слабо защищенъ отъ скорой порчи: связь, мѣсто и время, дѣйствующія лица и мелкія, но характеристичныя подробности событія быстро исчезали или спутывались въ памяти старцевъ—очевидцевъ. Здѣсь одна изъ причинъ неопредѣленности, блѣдности черты, которой вообще отличается разсказъ искусственнаго житія.

Невозможно точно опредѣлить степень участія въ житіяхъ письменныхъ источниковъ сравнительно съ изустными; сами біографы выражаются объ этомъ не всегда ясно, и достовѣрными сказателями называютъ иногда составителей первоначальныхъ записокъ. Вообще, не ставя воспроизведенія факта главной задачей своего труда и ища самой надежной опоры для своего повѣствовательнаго авторитета не въ свойствѣ фактическихъ источниковъ, писатель житія большею частью не считалъ нужнымъ подробно разсказывать читателю, откуда добылъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія. Это равнодушіе въ значительной степени объясняется и обстоятельствами, окружавшими написаніе житія. Ближайшей публикой, которую прежде всего имѣлъ въ виду біографъ, была братія одного съ нимъ монастыря, которая сама хорошо знала, чѣмъ онъ могъ воспользоваться для своего труда. Поэтому онъ ограничивался иногда замѣчаніемъ, что отважился на такой трудъ потому, что извѣстно вѣдаетъ паче инѣхъ житіе святого и можетъ пользу сотворити, и предупреждая недовѣрчивые вопросы прибавлялъ: да не подумаетъ кто нибудь, что я не знаю истины о святомъ и писалъ неправо, что я не могъ столько лѣтъ помнить все, что написалъ; нѣтъ, не говорите такъ, ибо я писалъ со словъ достовѣрныхъ свидѣтелей, и не дай мнѣ Богъ лгать на святого, да не будетъ этого. Вообще очень немногіе говорятъ о своихъ поискахъ съ цѣлью собрать матеріалъ для житія или провѣрить свой разсказъ; повидимому немногіе даже и производили подобные поиски. Опредѣляя по этому участіе письменныхъ источниковъ въ литературѣ житій приблизительно, едва ли ошибемся, сказавъ, что имъ должно отвести сторо-

степенное мѣсто передъ изустными. Послѣ самовидцевъ и достовѣрныхъ сказателей всего чаще авторы житій ссылаются на старыя записи или свитки. Сравненіе записокъ съ позднѣйшими житіями, по нимъ составленными, позволяетъ заключить, что авторы послѣднихъ иногда сохраняли первыя почти, вставляли ихъ цѣликомъ въ свои труды среди извѣстій, заимствованныхъ изъ другихъ источниковъ.

Древне-русскій списатель житія давалъ обыкновенно свое освѣщеніе найденному разсказу старой записки и допускалъ извѣстную разборчивость въ матерьялѣ, отличая важное отъ второстепеннаго и опуская или перерабатывая ту или другую черту источника сообразно съ своей основною мыслью и съ требованіями агіобіографіи. Чтобы поставить свой разсказъ въ связь съ общими историческими событіями, въ которыхъ принималъ участіе описываемый святой, біографы обращались иногда къ лѣтописи.

Біографическій разсказъ въ житіяхъ болѣе [illegible] недостаткомъ хронологическихъ и другихъ указаній, необходимыхъ для полнаго воспроизведенія обстановки событій. [illegible] изображеніе чудесъ рѣдко [illegible] имя, возрастъ и общественное положеніе [illegible] его жительства и разстояніе отъ обители, годъ, число, мѣсто и обстоятельства, при которыхъ совершилось чудо. [illegible] біографъ обыкновенно обозначаетъ съ точностью [illegible], что онъ пользовался записью, составленною [illegible] послѣ событія, по горячимъ слѣдамъ. [illegible] живость и свѣжесть, которая [illegible] рѣзко отличается отъ однообразнаго біографическаго разсказа [illegible]

Разсмотрѣвъ [illegible] условія, [illegible] житія, [illegible] историческомъ [illegible] XV [illegible]

искусственности вышли изъ взгляда на житіе, какъ на церковное поученіе; онѣ состояли въ тѣхъ общихъ мѣстахъ, которыя въ видѣ предисловія и похвалы начинали или заканчивали собою біографическій разсказъ или въ видѣ ораторскихъ отступленій переплетали этотъ разсказъ нравственно-назидательными толкованіями излагаемыхъ событій. Эти общія мѣста древне-русская агіобіографія усвоила по чужимъ образцамъ. Но безъ преувеличенія можно сказать, что въ этомъ отношеніи русскіе ученики пошли гораздо дальше учителей. Въ переводныхъ греческихъ житіяхъ, обращавшихся въ нашей древней письменности, не найдемъ такого плетенія словесъ, какимъ старался украсить свой трудъ древне-русскій біографъ. Въ житіяхъ нѣтъ недостатка въ указаніяхъ на строгость, съ какою біографъ смотрѣлъ на свою задачу, но только съ литературной стороны. Ему было недостаточно одного умѣнья писать книжнымъ языкомъ, изложивъ свою повѣсть по-церковно-славянски, но безъ риторическаго [illegible], онъ, подобно Досиѳею соловецкому или Герману столбенскому, цѣлые годы продержитъ ее въ своей кельѣ, боясь явиться передъ читателемъ въ неустроенномъ видѣ, пока не найдетъ опытнаго мастера, который покроетъ его разсказъ блескомъ широкихъ словесъ. Зато недостатокъ біографическихъ свѣдѣній, при увѣренности въ литературномъ искусствѣ, никогда не останавливалъ древне-русскаго писателя. Общія мѣста житія не ограничиваются назидательными отступленіями; они открываются тамъ, гдѣ при первомъ взглядѣ могутъ показаться біографическіе факты. Типическій образъ святого, какъ онъ рисуется въ житіяхъ, слишкомъ извѣстенъ, чтобы воспроизводить его здѣсь во всей полнотѣ. Въ немъ, рядомъ съ чертами индивидуальными, имѣющими значеніе дѣйствительныхъ фактовъ, легко замѣтить черты общія, однообразно повторяющіяся едва ли не въ каждомъ житіи. Эти послѣднія по характеру своему двоякаго рода. Однѣ настолько широки, что не характеризуютъ живо одного лица и, разумѣется сами собою, не даютъ ничего новаго для его біографіи. Рѣдкій біографъ не начиналъ своего разсказа извѣстіемъ, что святой родился отъ благочестивыхъ, христіанскихъ родителей и въ извѣстный срокъ духовно возродился крещеніемъ, и это извѣстіе нисколько не зависѣло отъ того, зналъ или не зналъ біографъ что-нибудь о родителяхъ святого. Таковы же описанія юности

святого и его первыхъ опытовъ въ иночествѣ, очень пространно и очень однообразно излагаемыя въ житіяхъ: это отвлеченныя характеристики благонравной юности и строгаго иночества вообще. Другія черты, не столь широкія по объему, имѣютъ условное значеніе: это біографическія гипотезы, необходимыя для полноты картины. Къ числу обычныхъ чертъ такого рода относятся извѣстія, что святой, родившись въ глуши древне-русской деревни, именно на седьмомъ году выучивается грамотѣ и 12 лѣтъ уходитъ въ монастырь, внезапно увлеченный евангельскими словами о тѣхъ, кто оставляетъ родителей ради имени Христова, и біографъ вноситъ это въ разсказъ, хотя бы ничего не зналъ о дѣтствѣ святого. Черты того и другого рода проходятъ по всему житію, и ихъ такъ много у біографа, что онъ могъ изъ нихъ однѣхъ составить довольно стройный біографическій очеркъ. Есть, наконецъ, третій элементъ, входящій въ характеристику искусственнаго стиля житія: это извѣстный выборъ біографическаго содержанія. Какъ бы ни было житіе богато живыми подробностями, оно не удовлетворитъ историка. Біографъ освѣщалъ описываемую жизнь только съ нѣкоторыхъ и во всѣхъ житіяхъ все съ однихъ и тѣхъ же сторонъ, оставляя въ тѣни другія, для изслѣдователя самыя важныя. Отсюда происходитъ однообразіе впечатлѣнія, выносимаго изъ чтенія житій, различныхъ по литературной обработкѣ и по качеству біографическаго матеріала. Этимъ же объясняется въ нихъ недостатокъ внутренней стройности, плохо закрываемый архитектурною правильностью ихъ внѣшней формы. Говоря вообще, житіе есть лишь рядъ отдѣльныхъ эпизодовъ, изображающихъ торжественныя минуты въ жизни святого; будничные промежутки между ними оно обходило или нехотя бросало на нихъ бѣглый свѣтъ. Таковъ былъ разсчитанный планъ, отличавшій житіе отъ повѣствованія другого рода: если разговоръ шелъ о простыхъ житейскихъ подробностяхъ жизни Корнилія Комельскаго, біографъ его спѣшитъ остановиться замѣчаніемъ: „сказанія бо (пустошнаго разсказа) дѣло сіе, а не житія повѣсть".

Простого анализа искусственнаго стиля житія достаточно, чтобы замѣтить, что житіе и историческое повѣствованіе различно относятся къ предмету, и второе не можетъ требовать [illegible] первое. Надо посмотрѣть [illegible] біографа на историческій сюжетъ и на свою задачу, чтобы не спрашивать его о томъ, на что онъ

отвѣчать не думалъ, и не смотрѣть на вещи его глазами, которыми мы смотрѣть не можемъ.

Всѣ условія, вліявшія на литературу житій, клали въ основу житія церковно-моралистическій взглядъ на людей и ихъ дѣла. Было бы однакожъ большой ошибкой думать, что біографъ святого сходится въ точкѣ зрѣнія съ историкомъ-моралистомъ, для котораго поучительны въ исторіи и уклоненія отъ нравственнаго идеала. Древне-русское міросозерцаніе, на которомъ стоялъ біографъ, не любило подниматься на такую моральную абстракцію. Точнѣе опредѣлимъ это міросозерцаніе, сказавъ, что оно искало только непосредственнаго назиданія. Когда Епифаній спрашивалъ у старцевъ разумныхъ, писать ли ему житіе Сергія, они очень наглядно выразили эту точку зрѣнія: „якоже нелѣпо и не подобаетъ житія нечестивыхъ пытати и писати, сице не подобаетъ житія святыхъ мужъ оставляти и не писати". Біографъ Варлаама Хутынскаго подробно указываетъ, чего именно искалъ древне-русскій читатель въ житіи: „святыхъ житія страхъ Божій вселяютъ въ душу, безстрашіе отгоняютъ, ихъ бо житія зряще, въ чувство своихъ дѣлъ приходимъ; свѣтъ бо есть святыхъ житія и просвѣщеніе душамъ нашимъ". Задачей біографа передъ такими требованіями было извлечь изъ описываемой дѣятельности практическіе уроки жизни, представить въ біографическихъ чертахъ нравственныя парадигмы. Міръ, изъ котораго онъ бралъ необходимые для такого обобщенія образы, не былъ роднымъ ему по происхожденію: это было восточное пустынничество, идеальную догму котораго онъ находилъ въ твореніяхъ отцовъ церкви объ иночествѣ, а практическое осуществленіе въ патерикахъ и житіяхъ древнихъ христіанскихъ пустынниковъ.

Понятно равнодушіе, съ какимъ біографъ относился къ біографическому факту въ его дѣйствительной простотѣ. Этотъ фактъ имѣлъ для него цѣну только той стороной, которая укладывалась въ описанныя выше нормы, или общія мѣста житія. Въ житіяхъ и связанныхъ съ ними церковныхъ службахъ можно найти много убѣдительныхъ доказательствъ этого равнодушія.

Жизнь Ефрема Перекомскаго изображена почти буквально словами житія Александра Свирскаго. На Прокопія, юродиваго Устюжскаго, біографъ его перенесъ цѣликомъ разсказъ изъ житія Андрея, юродиваго цареградскаго. Въ службѣ Ефрему

Перекомскому повторены черты жизни, изложенныя въ службѣ Саввѣ вишерскому.

Такое отношеніе къ факту сообщало біографическому содержанію житія отвлеченность, которая дѣлаетъ его неуловимымъ для простого пользованія: дорожа лишь той стороной явленія, которая обращена къ вѣчному, біографъ забывалъ о подробностяхъ обстановки, мѣста и времени, безъ чего для историка не существуетъ историческаго факта. Часто бываетъ, что въ разсказѣ житія тонетъ мѣткое наблюденіе, живая черта дѣйствительности, но при этомъ остается одно общее мѣсто.

Эта точка зрѣнія опредѣляла и отношеніе біографа къ русской исторической дѣйствительности. Онъ искалъ въ послѣдней отраженія другого, хорошо знакомаго ему міра и изображалъ ее постольку, насколько она отражала этотъ міръ. Иногда онъ начиналъ житіе очеркомъ распространенія апостольской проповѣди, и въ словахъ его звучитъ чувство народной гордости, когда онъ передаетъ легенду о путешествіи на Русь апостола Андрея. Въ XIV и въ XVII вв. онъ говоритъ о русскомъ общественномъ порядкѣ одинаковыми словами, будто никакой перемѣны не произошло въ промежуткѣ. Зато онъ не былъ невнимателенъ къ судьбамъ церкви за предѣлами Руси, и съ половины XV в. мысль его часто обращается къ непрестанно умножавшемуся сонму русскихъ пустынножителей, какъ къ живому доказательству, что русская земля теперь прямая и единственная наслѣдница древняго благочестія. Дикая русская пустыня становилась продолженіемъ опустѣвшей Өиваиды. Чѣмъ эта пустыня съ ея своеобразными условіями и обитателями отличалась отъ древней египетской, это не занимало русскаго біографа. Онъ не скажетъ, хотя бы и зналъ, какъ и сколько деревень и починковъ явилось въ лѣсу подъ руководствомъ пришедшей туда братіи, но онъ подробно разскажетъ о борьбѣ основателя съ тѣми же бѣсовскими страхованіями, какія древніе отшельники встрѣчали въ восточной пустынѣ.

Указавъ, какое значеніе придавалъ біографъ историческому факту и какъ его обрабатывалъ, легко понять, что житіе и историческая біографія смотрятъ на дѣло прямо съ противоположныхъ сторонъ. Въ судьбѣ лица она замѣчаетъ болѣе всего отраженіе окружавшихъ историческихъ силъ, дѣятельности и среды, ее обусловившей: взаимное отношеніе той и другой стороны служитъ лучшей характеристикой обѣихъ. Степень

нашего интереса къ жизни лица опредѣляется тѣмъ, въ какой мѣрѣ развило оно среди этой борьбы свою внутреннюю силу и самобытность и насколько стало выше окружающихъ условій и общаго уровня. Совсѣмъ иная точка зрѣнія въ житіи. Среда, изъ которой выходилъ святой, разсматривается въ немъ только какъ случайная помѣха, ничего не давшая лицу и настолько слабая, что святой прямо изъ колыбели становился выше ея и уже въ пеленкахъ училъ родителей правильному пониманію аскетической жизни. Между общими мѣстами житія часто встрѣчаемъ сцену спора съ матерью, которой его воздержаніе въ пищѣ и молитвенное бдѣніе внушаютъ тревожныя опасенія за здоровье сына: „я не слышалъ", — отвѣчаетъ онъ на ея упреки и увѣщанія, — „я не слышалъ, чтобы родители желали зла своимъ дѣтямъ: объяденіе и многоядіе не поставитъ насъ предъ Богомъ". Въ многоразличныхъ сочетаніяхъ личныхъ и общественныхъ условій, которыя производятъ такое безконечное разнообразіе характеровъ и которыя привлекаютъ вниманіе наблюдателя къ судьбамъ людей живущихъ и отжившихъ, не имѣли никакой цѣны въ глазахъ біографа: да едва ли и жизнь, изъ которой онъ бралъ явленія, давала обильный матеріалъ для такого наблюденія. Здѣсь, какъ въ понятіяхъ біографа, высшей задачей нравственнаго развитія для лица было отрѣшиться отъ міру влекущихъ мудрованій. Паче же всего не имѣти своея воли. Для житія дорога не живая цѣльность характера съ его индивидуальными особенностями и житейской обстановкой, а лишь та сторона его, которая подходитъ подъ извѣстную норму, отражаетъ на себѣ извѣстный идеалъ. Собственно говоря, оно изображаетъ не жизнь отдѣльнаго человѣка, а развиваетъ на судьбахъ его этотъ отвлеченный идеалъ. Вотъ почему всѣ лица, жизнь которыхъ описана въ житіяхъ, сливаются передъ читателемъ въ одинъ образъ и трудно подмѣтить въ нихъ особенности каждаго, какъ по иконописнымъ изображеніямъ воспроизвести портреты. И въ древнѣйшихъ, и въ позднѣйшихъ житіяхъ непремѣнно повторяется одинъ и тотъ же строго опредѣленный агіобіографическій типъ: только въ послѣднихъ черты его иногда становятся живѣе.

Ключевскій.

Значеніе Кіево-печерскаго монастыря.

Въ глазахъ кіевскихъ и вообще южно-русскихъ обитателей стояла знаменитая обитель Кіево-печерская. Настоятели ея въ ряду другихъ настоятелей занимали всегда первое мѣсто. Они только одни во всей южной Россіи начали называться архимандритами, не оставляя, впрочемъ, и прежняго своего имени — игумена: послѣднимъ именемъ выражалось ихъ начальственное отношеніе къ своему монастырю, а наименованіемъ архимандрита — ихъ отношеніе къ прочимъ настоятелямъ и первенство надъ ними. Съ какого времени и по какому праву Кіево-печерскіе игумены усвоили себѣ имя архимандрита — неизвѣстно; но въ первый разъ, по лѣтописи, это имя встрѣчается за ними въ 1174 году.

Въ ряду архимандритовъ кіево-печерскихъ первымъ былъ Поликарпъ (съ 1164 г.). Онъ пользовался особеннымъ уваженіемъ вел. кн. ростовскаго и другихъ князей и нерѣдко исполнялъ ихъ важныя порученія. Подвергся заточенію по случаю происходившихъ тогда споровъ о постѣ въ среду и пятокъ, но весьма скоро (между 1170 и 1171 г.) возвратился съ честію въ свою обитель какъ страдалецъ невинно, и продолжалъ управлять братіею. Скончался въ 1182 году, и нетлѣнныя мощи его, досель почивающія въ ближнихъ пещерахъ, служатъ живымъ свидѣтельствомъ его высокихъ добродѣтелей. По смерти Поликарпа, случившейся 24 іюля, въ субботу, произошло въ Печерскомъ монастырѣ сильное волненіе: братія никакъ не могли избрать себѣ новаго настоятеля, и была общая скорбь и великая печаль. Потому, по вѣрѣ ихъ, Богъ вложилъ имъ въ сердце: собрались въ церковь и, помолившись Пресв. Богородицѣ, въ это время, къ общему изумленію, единодушно изрекли: „пошлемъ къ священнику Василію, что на горѣ Щековицѣ, да будетъ онъ нашимъ игуменомъ“. И пришедши, поклонились Василію и сказали: „мы, вся братія черноризцы, кланяемся тебѣ и хотимъ имѣть тебя своимъ отцемъ и игуменомъ“. Пораженный этимъ, священникъ, весьма [illegible] отвѣчалъ: „Отцы и братія! [illegible] [illegible] [illegible]“ [illegible]

сенье прибылъ туда же самъ митрополитъ Никифоръ и съ нимъ епископы: туровскій Лаврентій и полоцкій Николай, и всѣ игумены. Митрополитъ своею рукою постригъ Василія и поставилъ его игуменомъ Феодосіева монастыря. Каковъ былъ архимандритъ Василій, отчасти видно изъ посланія къ нему, съ вѣроятностію приписываемаго святителю туровскому Кириллу. Здѣсь святитель, между прочимъ, говоритъ: „всечестный, богоблаженный Василій, по истинѣ славный и великій во всемъ мірѣ архимандритъ, отецъ отцевъ, великій для всѣхъ путеводитель къ горнему, душа, проникающая тонкимъ умомъ своимъ всѣ богодухновенныя писанія, - второй Феодосій, игуменъ печерскій, хотя не по имени, но по дѣламъ и вѣрѣ равный ему святостью, но и болѣе того возвеличенный Христомъ, какъ угодный Ему рабъ и Его Матери слуга; ибо Феодосій, начавъ строить церковь, показанъ былъ Богомъ и къ нему огнемъ; тебѣ же даровалъ Богъ не только церковь устроить, но и создать каменную ограду вокругъ лавры, гдѣ жилища святыхъ и гробы преподобныхъ. Ты какъ бы спрашиваешь меня о великомъ и святомъ образѣ схимы, въ который издавна желаешь облечься. Конечно, не по невѣдѣнію вопрошаешь о семъ, но испытуешь мое убожество, какъ учитель ученика и господинъ раба. Ты въ бѣлцахъ и въ иночествѣ велъ жизнь богоугодную и душеполезную". Изъ преемниковъ Василія (сконч. послѣ 1197 г.) достопамятны Досиѳей и Акиндинъ. Первый прислалъ въ Россію съ св. горы Аѳонской чинъ о пѣніи дванадесяти псалмовъ и написалъ отвѣтъ на предложенные ему вопросы о жизни аѳонскихъ иноковъ, досель уцѣлѣвшій въ рукописяхъ. Послѣдняго, который упоминается въ 1231 году при поставленіи ростовскаго епископа Кирилла, св. Симонъ, епископъ владимірскій, называетъ „мужемъ святымъ", и по его-то порученію черноризецъ Поликарпъ написалъ извѣстное посланіе о подвижникахъ печерскихъ, въ память и назиданіе послѣдующимъ черноризцамъ.

Въ какомъ состояніи находилась жизнь иноческая въ Печерской обители, свѣдѣній почти не сохранилось. Судя по общимъ выраженіямъ св. Симона, Печерская обитель процвѣтала благочестіемъ и пользовалась высокимъ уваженіемъ въ Россіи. Онъ называетъ ее „мѣстомъ святымъ, блаженнымъ, честнымъ, спасеннымъ", уподобляетъ морю, которое „не держитъ въ себѣ ничего гнилого, но извергаетъ вонъ", и обращаясь къ Поли-

[illegible] я за уметы вмѣнилъ бы, если бы мнѣ хотя коломъ торчать [illegible] русской церкви.

Пр. Макарій.

[illegible]

ни лѣтописныя сказанія ни преданія о жизни духовныхъ мужей, которыми воспитывалась внутренняя сила отечества. Въ примѣрахъ русской святости мы видимъ, какъ народъ нашъ понималъ христіанство и переносилъ его истину во внутреннюю глубину своего духа, не употребляя никогда оной для какихъ-нибудь внѣшнихъ, практическихъ цѣлей, сопряженныхъ съ выгодами человѣческой личности. Христіанство воздѣлывало у насъ внутренняго человѣка и не обращало вниманія на блескъ внѣшняго. Желательно, чтобы въ наше время, когда образованіе обратилось на эту внѣшнюю сторону, приведено было въ яснѣйшее сознаніе то, что воспитала древняя Русь, — тотъ человѣкъ внутренній, который образуется духомъ вѣры и содержитъ въ себѣ почву для всякаго прочнаго внѣшняго развитія.

Шевыревъ.

Культурное значеніе монастырей.

Исторія развитія монастырской жизни обнимаетъ собою главныя стороны общественнаго быта. Прототипомъ монашества было отшельничество, явившееся вслѣдствіе стремленія отдѣльныхъ лицъ къ уединенной жизни; по обыкновенно это удаленіе отъ міра продолжалось не долго: вокругъ отшельника собиралось братство, полагавшее начало монастырю. Съ теченіемъ времени около монастыря являлись населенія. Благодаря религіозному уваженію къ монастырю и особенно къ его основателю, прославившемуся въ народной молвѣ чудесами, онъ обогощался, получалъ значительные вклады и земли; а льготы, которыми вообще пользовались монастыри въ отношеніи налоговъ и торговли, привлекали въ его владѣнія значительное крестьянское населеніе. Тогда монастырь становился богатымъ землевладѣльцемъ. Такимъ путемъ въ значительной степени колонизовалась сѣверо-восточная Россія. Въ этомъ отношеніи развитіе монастырской жизни на сѣверо-востокѣ имѣетъ историческое значеніе, какъ одно изъ главныхъ средствъ заселенія края и распространенія гражданственности. Съ другой стороны, вторгаясь въ инородческія поселенія на сѣверо-востокѣ, монастыри приняли на себя миссіонерскую дѣятельность — распространеніе христіанства. Близкое соприкосновеніе

монастырей съ общественною жизнію и то уваженіе, какимъ пользовались настоятели знаменитыхъ обителей въ высшей сферѣ, дали этимъ монастырямъ политическое значеніе. Это особенно выразилось въ періодъ образованія московскаго государства. Господствующее значеніе религіозныхъ идей въ эпоху древней Россіи сдѣлало монастыри воспитательною школою и средоточіемъ образованности. Въ свою очередь образовательное вліяніе монастырей давало преобладаніе въ обществѣ религіозному строю жизни. Вотъ тѣ главные моменты въ культурномъ значеніи монастырей.

Иконниковъ.

Образовательное значеніе монастырей.

Въ то время, когда Россія подчинилась вліянію Византіи, господство религіозныхъ идей достигло тамъ полнаго апогея, и монастыри давали направленіе обществу. Отсюда распространилось вліяніе византійской образованности на Россію, и потому она вполнѣ можетъ назваться монастырскою. Такое вліяніе совершалось путемъ книжнымъ, такъ какъ монастыри сосредоточили въ своихъ стѣнахъ богатыя библіотеки, и посредствомъ монастырскаго воспитанія.

Въ числѣ монастырскихъ занятій мы постоянно встрѣчаемъ живопись и списываніе книгъ. „Какъ корабль безъ гвоздей не составляется, говорили тогда, такъ инокъ не можетъ обойтись безъ чтенія книгъ". Такой взглядъ образовался вслѣдствіе религіознаго назначенія книги. „Велика бываетъ польза отъ ученія, говоритъ древній лѣтописецъ, потому что книгами мы учимся покаянію; книги учатъ мудрости и воздержанію; это рѣки, напоющія вселенную; это источники мудрости, въ книгахъ неисчетная глубина; ими мы утѣшаемся въ печали; онѣ — узда воздержанію. Если поищешь прилежно въ книгахъ мудрости, то найдешь великую пользу для души своей". Ясно, что такой характеръ книгъ наиболѣе соотвѣтствовалъ монастырскимъ потребностямъ. Поэтому въ монастыряхъ сосредоточилась вся книжная дѣятельность древней Россіи. Занятіе книгами составляло уже предметъ заботъ въ Печерскомъ монастырѣ. „Въ то время, какъ Никонъ сидѣлъ и переплеталъ книги, Өеодосій сидѣлъ вблизи его и прялъ нитки, нужныя

для этого дѣла. Въ числѣ печерскихъ монаховъ былъ весьма искусенъ въ описаніи книгъ Иларіонъ; онъ каждый день и ночь описалъ книги въ келіи Ѳеодосія*. Біографъ Авраамія смоленскаго говоритъ, что онъ выбиралъ необходимыя мѣста изъ родныхъ книгъ, самъ списывалъ ихъ или заставлялъ дѣлать это своихъ писцовъ. Сергій радонежскій, за неимѣніемъ пергамена, писалъ на берестѣ и особенно покровительствовалъ хорошимъ писцамъ. Стефанъ пермскій собственноручно списалъ много книгъ. Въ числѣ келейныхъ занятій Кирилла бѣлозерскаго и Іосифа волоколамскаго было списываніе книгъ; а первый изъ нихъ даже запретилъ своимъ ученикамъ держать въ кельяхъ что-либо, кромѣ книгъ. Въ то время, когда, вслѣдствіе односторонняго назначенія книжности, образованность общества стояла на низкой степени, въ монастыряхъ книжное дѣло велось систематическимъ порядкомъ, такъ какъ тамъ чтеніе и списываніе книгъ составляли обязанность каждаго. Германъ соловецкій, будучи самъ некнижень, поручалъ списываніе другимъ и собиралъ книги. Соловецкая библіотека обязана своимъ происхожденіемъ тамошнему монаху Досиѳею (конца XV в.), который на собираніе книгъ посвятилъ всю свою жизнь. Живя случайно въ Новгородѣ, онъ пріискивалъ писцовъ и оттуда посылалъ книги въ Соловецкій монастырь. Кромѣ того, монастыри имѣли собственныхъ писцовъ, главная обязанность которыхъ состояла въ перепискѣ книгъ для монастыря. Въ обширномъ видѣ эта дѣятельность велась въ Троицкой лаврѣ и Соловецкомъ монастырѣ. Другой способъ образованія монастырскихъ библіотекъ состоялъ въ пожертвованіяхъ. Въ числѣ приношеній и завѣщаній на монастыри мы постоянно встрѣчаемъ вклады книгами. Обыкновенно ихъ жертвовали на помянъ по душѣ и потому въ припискахъ къ нимъ вкладчики помѣщали страшныя заклятія на тѣхъ, кто похититъ или уничтожитъ пожертвованную книгу. Въ какихъ обширныхъ размѣрахъ совершались эти пожертвованія можетъ служить примѣромъ Соловецкая библіотека; количество пожертвованныхъ туда книгъ насчитывается свыше 350 экземпляровъ, а число вкладчиковъ до 150.

Въ то время книжное дѣло требовало большой опытности отъ лицъ, занимавшихся имъ. Исправность и изящество изданія зависѣли исключительно отъ нихъ. Древнѣйшіе писцы писали уставомъ, при чемъ соблюденіе всѣхъ строчныхъ и над-

строчныхъ знаковъ и украшеніе заставокъ и начальныхъ буквъ разными изображеніями требовало много времени и большихъ усилій. Упрощеніе способа письма служитъ доказательствомъ большей потребности на книги, которая усилилась вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанства. Въ XIV в. болѣе трудный способъ письма уставомъ облегчается введеніемъ полууставнаго письма, а съ половины XVI в. является уже скоропись, которая становится господствующею. Трудность работы и добыванія книжнаго матеріала было причиною, что книжное производство въ то время цѣнилось высоко. Поэтому нерѣдко въ церковномъ обиходѣ, даже въ большихъ городахъ (напр. во Псковѣ), ощущался недостатокъ книгъ. Но что было затруднительно для частныхъ лицъ и церквей, то легко удовлетворялось въ монастыряхъ, благодаря ихъ матеріальнымъ средствамъ и большему количеству свободныхъ рукъ, притомъ лучше знакомыхъ съ дѣломъ. Когда Геннадій, архіеп. новгородскій, во время своей борьбы съ ересью жидовствующихъ, не могъ отыскать даже въ Новгородѣ полнаго состава библіи и другихъ книгъ (соч. Менандра, Діонисія Ареопагита, логики Іоанна Дамаскина, посланія Фотія къ болгар. князю Борису, слова Козьмы противъ богомиловъ), онъ обращался за ними въ монастыри Бѣлозерскій, Ѳерапонтовъ и Спасокаменный. Задумавъ вслѣдъ за тѣмъ сдѣлать полное собраніе библіи, онъ опять посылалъ за списками ея по монастырямъ. Въ обществѣ существовало мнѣніе, что въ монастыряхъ хранятся всѣ необходимыя книги.

До сихъ поръ въ библіотекѣ Троицкой лавры хранится болѣе 800 рукописей и до 3000 старопечатныхъ книгъ.

За исключеніемъ произведеній, знакомившихъ съ общественною жизнію, хотя далеко не вполнѣ, въ монастыряхъ остается обширное собраніе рукописей и книгъ, исключительно посвященныхъ духовной литературѣ. Но и между ними рѣзко выдается преобладающее направленіе — аскетическое. На 2673 книги, помѣщенныя въ описи степенныхъ монастырей, приходится до 1000 экземпляровъ исключительно аскетическаго содержанія. Судя по количеству сохранившихся рукописей и древнихъ книгъ, болѣе всего цѣнились писатели и сочиненія созерцательнаго характера: Василій В., Діонисій Ареопагитъ, Исаакъ Сиринъ, Ефремъ Сиринъ, Іоаннъ Дамаскинъ, Григорій Синаитъ, Лѣствица и патерики.

Таковъ кругъ монастырской образованности. Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ ея источники, монастыри естественно сдѣлались регулирующими центрами въ общественной жизни древней Россіи. Въ ихъ стѣнахъ заключалась почти вся книжная дѣятельность, и потому не удивительно, что умственной жизни общества былъ данъ монастырскій колоритъ. До конца XVII в. вся русская образованность носила на себѣ исключительно духовный характеръ, и свѣтскій писатель, при господствѣ извѣстныхъ понятій, необходимо долженъ былъ итти по той же дорогѣ; по крайней мѣрѣ, замѣчаетъ Пыпинъ, извѣстныя намъ сочиненія бояръ и дьяковъ позднѣйшаго времени таковы, что, не зная ихъ сочинителей, мы, не колеблясь, признали бы ихъ духовными лицами. Очевидно, что такое исключительное преобладаніе извѣстныхъ понятій обусловливало и самыя формы письменности. Отношеніе монастыря къ обществу выражалось преимущественно съ нравственной стороны или вызывалось извѣстными религіозными явленіями, становившимися въ противорѣчіе съ господствующими вѣрованіями. Сообразно съ этимъ и древняя письменность принимаетъ двойственный характеръ — поучительный и полемическій, который проникаетъ во всѣ формы ея, будетъ ли это лѣтопись, посланіе, описаніе путешествія, біографія или отдѣльное изложеніе какого-нибудь факта: вездѣ преобладаетъ тотъ или другой мотивъ, а нерѣдко они находятся въ тѣсной связи между собою.

Результатомъ монастырской образованности было появленіе въ Россіи особаго рода литературы, важнаго по богатству матеріала для политической и церковной исторіи, — это житія святыхъ. Этотъ отдѣлъ письменности по своей обширности занимаетъ первое мѣсто во многихъ библіотекахъ древней Россіи.

Иконниковъ.

Нравственное вліяніе монастырей.

Нравственное вліяніе монастырей на общество совершалось двоякимъ путемъ: посредствомъ монастырскаго воспитанія и вліянія представителей монашества на семью. При нѣкоторыхъ монастыряхъ существовали училища. Въ монастыри стекались

со всѣхъ сторонъ массы народа различныхъ состояній и возрастовъ съ специальною цѣлію — принять наставленіе. Матеріалъ для поученій въ такихъ случаяхъ обыкновенно заимствовался изъ монастырскихъ уставовъ, особенно изъ сочиненія Нила сорскаго и писателей созерцательнаго направленія. Многіе такъ проникались этимъ ученіемъ, что немедленно оставались въ монастырѣ, чтобы подчиниться той же самой дисциплинѣ. Такіе обыкновенно отдавались подъ надзоръ одному изъ старцевъ, болѣе извѣстныхъ своею строгостью: почти каждый отшельникъ вышелъ изъ подобной школы и, въ свою очередь, сдѣлался руководителемъ многихъ учениковъ. Какъ въ боярскихъ и дворянскихъ фамиліяхъ, такъ и въ простомъ быту существовалъ обычай отдавать дѣтей на воспитаніе — въ монастырь. Изученіе псалтири и здѣсь составляло основу обученія: знаніе ея наизусть было весьма обыкновеннымъ явленіемъ въ монастыряхъ. Вполнѣ естественно, что лица, отданныя въ монастырь, оставались въ немъ навсегда. Но его вліяніе, при господствѣ извѣстныхъ идей, не ограничивалось этимъ. Монастырское воспитаніе сообщилось всему строю общественной жизни.

Въ той средѣ, гдѣ книжность была болѣе распространена, оно утверждалось посредствомъ книгъ. До второй половины XVII в. царскія и частныя библіотеки, по своему составу, нисколько не разнились отъ монастырскихъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ сочиненій общаго содержанія (лѣтописи, хронографы, исторія Александра македонскаго, разсказы о римскихъ цезаряхъ, Антоніи и Клеопатрѣ и т. п.), книжныя собранія бояръ состояли изъ твореній отцовъ Церкви. Въ дворцовыхъ библіотекахъ такой составъ вполнѣ сохраняется до второй половины XVII вѣка.

Если такъ было въ высшей сферѣ, то въ народномъ быту эта книжность, посредственно или непосредственно, вполнѣ господствовала. Такой характеръ книжности не остался безъ вліянія на направленіе мысли общества. Было много примѣровъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ дѣти начинали учиться (съ 7 лѣтъ) и знакомиться съ произведеніями тогдашней литературы, у нихъ начиналъ слагаться аскетическій идеалъ, и, едва прійдя въ возрастъ, они спѣшили осуществить его. Тогда нерѣдко можно было встрѣтить отшельниковъ въ 11—15 лѣтъ. Рельефный примѣръ подобнаго увлеченія книжнымъ образцомъ

представляетъ намъ Даніилъ переяславскій. Услышавъ при чтеніи житія Симеона Столпника, что тотъ тайно обвилъ себя веревкою для усмиренія плоти, и Даніилъ отрѣзалъ себѣ часть веревки, которою рыбаки привязывали къ берегу ладью, обвилъ ею такъ крѣпко свой станъ, что веревка стала въѣдаться въ тѣло. Когда родители его увидѣли этотъ мучительный поясъ и поспѣшили снять его, Даніилъ бѣжалъ въ монастырь. Другой способъ подобнаго вліянія на семью состоялъ въ наставленіи. По временамъ отшельники оставляли свои убѣжища, являлись среди общества, обходили знакомые дома, вездѣ находили ласковый пріемъ, а нерѣдко такъ умѣли подѣйствовать своими разсказами на впечатлительныя натуры, что нѣкоторые изъ членовъ семьи немедленно оставляли домъ и уходили вмѣстѣ съ своими наставниками въ отдаленный монастырь или пустыню. Но еще глубже было вліяніе духовниковъ. При господствѣ монастыря въ жизни и низкомъ положеніи бѣлаго духовенства, строгіе хранители религіозной чистоты любили избирать себѣ духовниковъ въ средѣ монастырской: чѣмъ строже кто относился къ этой сторонѣ дѣла, тѣмъ болѣе строгаго старался избрать себѣ духовника. Въ высшемъ классѣ подобный обычай былъ въ большомъ ходу. Конечно, это былъ самый прочный способъ вліянія монастыря на общественную среду.

Иконниковъ.

Православный храмъ и русское духовенство въ воспитательномъ отношеніи.

Христіанство застало нашихъ предковъ на низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія. Ихъ вѣрованія ограничивались обожаніемъ силъ и явленій видимаго міра; миѳологія была бѣдна и неразвита. Подъ вліяніемъ язычества, общественный быть отличался простотой патріархальной жизни со всѣми его неустройствами. Находясь въ такой порѣ духовнаго развитія, русскій человѣкъ ничего не могъ противопоставить сильнаго и зрѣлаго новой возвышенной религіи: его чувственное оружіе было такъ слабо, въ сравненіи съ этой духовной силой, что онъ оказался несостоятельнымъ и сдался послѣ непродолжительной борьбы. Воинственный характеръ князя

и дружины, содѣйствовавшихъ распространенію христіанства на Руси, помогъ привитію его къ народу мирнаго характера.

Сначала христіанская вѣра была мало понятна для многихъ поколѣній древней Руси, жившихъ подъ вліяніемъ стариннаго воззрѣнія и языческихъ обычаевъ; но постепенно она стала прививаться къ народу своей внѣшней обрядовой стороной. Эту вѣру можно назвать *дѣтской*, *поверхностной* (Римл. 10, 17). Принятая сердцемъ и утверждающаяся на словахъ другихъ, она обыкновенно выражается въ движеніяхъ чувства и въ игрѣ воображенія. Въ человѣкѣ, преданномъ такой вѣрѣ, не можетъ быть ни сомнѣній ни желанія испытать, изслѣдовать, поразмыслить о своихъ обычаяхъ и убѣжденіяхъ, о своихъ вѣрованіяхъ, привязанностяхъ и стремленіяхъ. Не доступны для него отвлеченныя истины, не нуждается онъ въ доказательствахъ: ему понятенъ только живой фактъ, наглядное явленіе и картина съ любимыми оттѣнками, чертами и красками, простой живописный языкъ. Образъ и дѣйствіе производятъ на него глубокое впечатлѣніе, и предъ ними онъ расточаетъ знаки своей любви и преданности; только чрезъ посредство ихъ становятся ему доступны истина и добро. Но онъ не въ состояніи дать понятія и отчета въ волнующихъ его религіозныхъ чувствахъ: онѣ неуловимы и неосязаемы для его сознанія и разсудка, не привыкшаго слѣдить за тонкими изгибами душевныхъ движеній. Повторяющіяся религіозныя впечатлѣнія, конечно, не остаются безъ слѣда на душѣ, если они искренни и глубоки; они воспитываютъ христіанское чувство и дѣтскую вѣру. Внѣшними богослужебными принадлежностями и дѣйствіями церковь увлекаетъ неразвитаго человѣка и мало-по-малу затрогиваетъ его христіанскую любознательность, его умъ и стремленія, чтобы развить въ немъ самосознаніе и поднять на высшую степень духъ его.

Такое явленіе повторялось во всѣхъ неразвитыхъ обществахъ, такъ было и у нашихъ предковъ: прежде всего внѣшняя обстановка, или выраженіе вѣры христіанской, стала дѣлать поворотъ въ жизни русскаго народа.

Храмъ являлся въ воззрѣніи нашихъ предковъ как живое лицо, исполненное благодатнаго духа. Вліянію храма приписывали часто побѣду надъ врагомъ; ему предоставляли выборъ епископовъ по жребію, и такой выборъ считался священнымъ и угоднымъ Богу и проч. Но кромѣ этого общаго священнаго

значенія, храмъ имѣлъ въ древности особенную силу. При отсутствіи способовъ просвѣщенія, онъ со своимъ многознаменательнымъ богослуженіемъ и изяществомъ былъ почти единственнымъ училищемъ истины и добра для нашихъ предковъ. Въ храмѣ они могли слышать ученіе вѣры и нравственности, въ чтеніи, пѣніи и живомъ словѣ пастырей, на понятномъ языкѣ; тамъ знакомились съ исторіею христіанства даже по священнымъ изображеніямъ. Красота церкви и богослуженія имѣла неотразимую прелесть для нихъ. Князь и народъ жаждали торжественной службы; „изъ окрестностей стекались смотрѣть на замѣчательныя церкви, и всякій возрастъ дивился; не токмо простцы, но и государь самодержецъ, святѣйшій митрополитъ, преосв. архіепископъ и епископы, и князья, и сановники видяще превеликое созданіе церкви и многочудную подпись во истину мнящеся, яко на небеси стояти“ (*Лавр. л. 173*). Такъ наши предки получали христіанское назиданіе, питались духомъ церкви во внѣшнемъ его облаченіи непосредственнымъ чувствомъ и созерцаніемъ. Повелѣвая родителямъ посылать дѣтей во храмъ, христіанство этимъ дѣлало уже обязательнымъ нравственное воспитаніе молодого поколѣнія.

Въ русскомъ обществѣ, совершенно проникнутомъ началами вѣры, храмъ имѣлъ большое значеніе и въ гражданскомъ и въ житейскомъ быту. Во время преобладанія грубой силы и кипѣнія страстей юношескихъ, которыя неудержимо стремились наружу и требовали немедленнаго удовлетворенія, — храмъ представлялъ спасительное убѣжище отъ буйной толпы мятежниковъ (*I Нов. 41, 65. II. Соф. 175*). При нападеніи внѣшнихъ враговъ въ храмъ шли защищаться, и въ случаѣ опасности — считали счастьемъ принять тамъ смерть отъ руки невѣрныхъ. Туда сносили имущество во время пожаровъ, въ надеждѣ защитить его крѣпкою постройкой отъ огня и обезпечить святыней мѣста отъ грабителей. При неустройствѣ законнаго порядка въ обществѣ и незрѣлости законодательства, въ храмахъ соблюдались важныя грамоты, заключавшія разнаго рода договоры, копіи съ заемныхъ писемъ и проч. Тамъ хранились законныя мѣры и вѣсы. Въ оградѣ церковной часто производились судебныя разбирательства. Въ случаѣ голода или общаго несчастія изъ церкви брали деньги. При церквахъ устроялись богадѣльни, въ которыхъ жили больные

и бѣдные. Поэтому на всякій храмъ, особенно на главный, смотрѣли какъ на мать и кормилицу, которая насыщаетъ душу словомъ спасенія и правды, наполняетъ сердце высокимъ чувствомъ, питаетъ тѣло въ случаѣ нужды и крайности и защищаетъ въ несчастіяхъ и опасностяхъ. Всякое построеніе, освященіе, обновленіе и украшеніе храма было значительнымъ событіемъ въ жизни нашихъ предковъ, занимало въ высшей степени всѣхъ и каждаго, сопровождалось высокою, единодушною радостію. Не напрасно лучшіе люди стараго времени „вельми болѣзновали духомъ, зря подписаніемъ неукрашену церковь", и заботились день и ночь, не щадили ни силъ, ни трудовъ, ни средствъ на созданіе и украшеніе храмовъ. Это считалось величайшимъ подвигомъ и важнѣйшею заслугою.

По словамъ древнихъ памятниковъ, этимъ они „устрояли себѣ память вѣчную и оставленіе грѣховъ и всѣмъ христіанамъ прибѣжище, и радость и веселіе, и похвалу себѣ отъ людей". Все это живо рисуетъ, какъ глубоко дорожили предки наши святынею храма, и какъ велико было его значеніе. „Аще кто къ святымъ прибѣгаетъ церквамъ, тѣмъ велику пользу пріиметъ души же и тѣлу", замѣчаетъ лѣтописецъ.

Крестные ходы совершались по случаю постигшихъ или грозящихъ народныхъ несчастій, съ цѣлью умилостивленія Бога. Въ минуты общаго бѣдствія, когда человѣкъ не ждалъ ни откуда земной помощи, крестные ходы успокоивали страждущій духъ его, вливая надежду на помилованіе и помощь небесную; они располагали къ покаянію и сокрушенію о грѣхахъ и не давали огрубѣть суровому сердцу и дойти до отчаянія и забвенія нравственныхъ обязанностей. Люди жестокосердые, которые разсчитывали воспользоваться общимъ несчастіемъ, для своихъ корыстныхъ выгодъ, напр. ростовщики во время голода, грабители во время пожара, крамольники во время мятежа,— и тѣ умилялись душою, встрѣчая въ священномъ обрядѣ строгое осужденіе своихъ дѣйствій. Этимъ вліяніемъ крестные ходы, какъ и всѣ священныя церемоніи, благодѣтельны были для неустроеннаго житейскаго быта народа. Торжественные крестные ходы предпринимались послѣ побѣды, при освященіи храмовъ, при перенесеніи чудотворныхъ иконъ и св. мощей, или въ память прежнихъ благодѣяній Божіихъ и проч. Они соединяли христіанъ въ одномъ чувствѣ радости, какъ братьевъ, разли-

вали въ душѣ кроткое спокойное чувство любви и возбуждало высокую благодарность Подателю всякаго дара.

То же высокое значеніе имѣли праздничныя торжества. При отсутствіи довѣрія другъ къ другу, при сильномъ стремленіи къ личнымъ исключительнымъ выгодамъ, праздничныя торжества наполняли душу одними общими стремленіями и чувствами, связывали тѣснѣе христіанское общество, поселяя миръ между его членами и упрочивали общественную нравственность. Введеніемъ праздниковъ и срочнаго отдохновенія установленъ порядокъ въ работѣ и сбереженіе народныхъ силъ. Праздники считали наши предки живою дѣйствующею силою: „Кто преступитъ крестъ, тотъ проклятъ 12 праздниками церковными" говоритъ іерархъ. Но это-то понятіе о праздникахъ и сопровождалось благотворнымъ вліяніемъ на народную жизнь. Въ первую пору принятія христіанства, торжества церковныя, замѣняя языческія празднества, пріучали народъ къ жизни и обычаямъ христіанскимъ. Съ этой стороны имѣли большое значеніе и пиршества, которыми сопровождались духовныя христіанскія торжества.

Какъ служители алтаря и распорядители общественнаго богослуженія, какъ орудія, чрезъ которыя Богъ изливаетъ Свою благодатную силу и освященіе, какъ истолкователи воли Божіей, выраженной во свящ. писаніи, — пастыри древней русской церкви, при господствѣ религіознаго направленія жизни, высоко стояли во взглядѣ нашихъ предковъ и, при отсутствіи прочнаго государственнаго порядка, пользовались величайшимъ вліяніемъ и значеніемъ.

Составляя высшую, образованную часть народа, духовенство русское стояло во главѣ всякаго добраго движенія общественнаго. Не говоря уже о первыхъ правителяхъ христіанскихъ, когда въ душѣ новообращенныхъ разлито было горячее желаніе подчинить всѣ отношенія и дѣйствія началу религіи, даже по раздробленіи Руси у каждаго князя было стремленіе водворить и утвердить христіанство въ своей области и по его предписаніямъ преобразовать внутренній бытъ своихъ подданныхъ. Отсюда необходимая нужда въ помощи и вліяніи духовенства на народъ; отсюда участіе его въ думахъ и бесѣдахъ о всѣхъ дѣлахъ государства; отсюда совѣты съ духовенствомъ объ устройствѣ лучшаго порядка общественнаго. Многіе изъ князей повторяли своимъ дѣтямъ завѣщаніе равноапостольнаго

Владимира — болѣе всего слушать совѣты духовенства. И оно въ высшей степени оправдывало довѣріе къ нему правителей государства. Пастыри церкви не одвѣми молитвами имѣли вліяніе на исходъ военныхъ предпріятій, — но, сообразно съ общею пользою, иногда побуждали и одушевляли князей и народъ начинать и продолжать войну, содѣйствовали всѣми силами и зависящими отъ нихъ средствами благополучному ея окончанію, или заботились о мирѣ и противились безполезнымъ предпріятіямъ. Неправыя дѣйствія самихъ князей вызывали, со стороны іерарховъ, то кроткія и слезныя моленія, то смѣлыя и сильныя обличенія, письменныя и словесныя; а иногда они пользовались правомъ отлученія отъ церкви, — и духовная сила торжествовала надъ матеріальной. Особенно благодѣтельное вліяніе ихъ обнаруживалось въ княжескихъ спорахъ и междоусобіяхъ, которыя они часто успѣвали погашать своимъ посредничествомъ и тѣмъ вносили благодатный миръ въ взволнованныя сердца и уменьшали страданія народа. На духовныхъ возлагались, большею частію, обязанности гражданскаго посольства, какъ на лицъ, пользовавшихся общимъ уваженіемъ и слѣдов. безопасныхъ въ этомъ дѣлѣ. И здѣсь они старались направить ходъ дѣла къ общему благу. Значительна также заслуга русскаго духовенства въ государственномъ отношеніи во время владычества татаръ, которые обходились довольно милостиво съ пастырями церкви. Въ эту тяжелую пору іерархи облегчали участь недоумѣвающаго правительства и убитаго народа не однимъ словомъ утѣшенія и надежды, но принимали на себя трудъ ходатайства въ ордѣ за народъ христіанскій, и въ это время особенно усилилось вліяніе духовенства. Нося въ себѣ сознаніе закона и правды, пастыри церкви дѣятельно заботились объ улучшеніи общественной нравственности. Они обращали вниманіе гражданскихъ правителей на современные имъ недостатки, для уничтоженія которыхъ необходимы были гражданскія средства. Градскія, торговыя и всякія мѣрила (спуды, извѣсы, ставила) подлежали надзору духовныхъ лицъ. Завѣдывая сами правомъ суда во многихъ случаяхъ, они ослабляли необузданное корыстолюбіе и продажное правосудіе областныхъ правителей и другіе пороки. Народныя возмущенія, сопровождаемыя грабежами и приносившія такъ много горя народу, часто подавляемы были дѣятельными пастырями при первой вспышкѣ. Они старались смягчить грубое самоуправство на-

рода и, въ случаѣ несправедливости и жестокости гражданскаго судебнаго приговора, считали своею обязанностію ходатайствовать за несчастнаго. Вообще, на этомъ поприщѣ они старались, какъ новгородскій владыка Симеонъ, по словамъ лѣтописи, „управити своя дѣти и поучати словесы духовными, со всею кротостію, иного обличеніемъ, иныя же запрещеніемъ укрощати".

Русское духовенство не усиливалось соединиться въ отдѣльно замкнутый, самостоятельный кругъ; оно, напротивъ, стояло во главѣ земства, входило въ непосредственную связь съ народомъ, старалось распространить въ средѣ его свѣтлыя понятія. Къ пастырямъ церкви обращался простой народъ, еще не ознакомившійся съ первыми правилами нравственности, по принятіи христіанства, съ простодушными вопросами: „что ѣсть и пить? Какіе поклоны творить?" Впослѣдствіи онъ искалъ разрѣшенія у пастырей въ затруднительныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, недоумѣніяхъ и сомнѣніяхъ; пастыри были единственными его руководителями на всѣхъ путяхъ жизни, защитниками и утѣшителями въ бѣдственныя минуты. Власть духовенства простиралась на семейную жизнь народа, на обычаи и привычки, и вездѣ оно поселяло миръ и мягкость, внося новыя начала въ самый домъ христіанина, при семейномъ горѣ и радости, во время праздничныхъ торжествъ, хотя эти начала прививались туго. Оно преслѣдовало вредные остатки языческаго быта, напр. кровную месть, судебные поединки, обычаи многоженства и проч. На все это образованное духовенство смотрѣло съ негодованіемъ. Духовные были попечителями общины, заботились объ улучшеніи матеріальнаго быта своихъ пасомыхъ, дѣлали пожертвованія на городскія постройки, помогали несостоятельнымъ и т. п. Понятно, что народъ видѣлъ въ пастыряхъ церкви посланниковъ Божіихъ, для умноженія его духовнаго сокровища и житейскаго благосостоянія. О благотворномъ вліяніи духовенства древніе памятники передаютъ нерѣдко дорогіе, хотя общіе, факты въ своихъ отзывахъ объ извѣстныхъ лицахъ: „Князьямъ и боярамъ и всѣмъ вельможамъ былъ на успѣхъ, и все дивно, обидимымъ помогалъ, печальныхъ утѣшалъ, нищихъ миловалъ... Былъ людямъ заступленіе, сиротамъ кормитель... Былъ обидимымъ помощникъ, вдовамъ заступникъ, избавляя отъ насильнаго, и сильныхъ не стыдился. Возлюбили житіе его бояре, и люди приходили

къ нему, поучаясь отъ него день и ночь. и многихъ утвердилъ и на разумъ истинный наставилъ", замѣчается о многихъ пастыряхъ того времени.

Монастырь, какъ пристанище душъ высокихъ, которыя порывались въ область блаженнаго успокоенія отъ заботъ жизни, стремились къ вѣчнымъ законамъ добра и правды, привлекалъ общее вниманіе нашихъ предковъ. Они смотрѣли на него съ глубокимъ уваженіемъ, какъ на мѣсто селенія славы Божіей. Русскіе монахи не чуждались дѣятельности практической, которая способствовала развитію разумно-нравственной жизни народа. Они проносили свѣтъ Христовой вѣры по окрестнымъ областямъ, въ темное царство язычниковъ съ самоотверженіемъ проповѣдывали слово Божіе и, тяжелыми трудами и усиліями, достигали святой цѣли. Въ монастыряхъ сосредоточивалось духовное образованіе, списывались книги и иконы и распространялись въ народѣ. Тамъ занимались вопросами не о матеріальныхъ средствахъ къ выгодамъ, но о высокой цѣли и назначеніи жизни человѣческой, о трудномъ пути къ достиженію этой цѣли. Тамъ были люди образованные высоко, по своему времени, развитые болѣе другихъ: они всякому страннику и посѣтителю могли дать мудрый совѣтъ, полезный урокъ для жизни, разрѣшить затрудненіе въ извѣстномъ случаѣ. Кроткая и живая бесѣда ихъ врѣзывалась въ память жаждущаго истины, стремленіе къ которой непобѣдимо въ душѣ человѣческой, особенно въ душѣ свѣжей и воспріимчивой. Тамъ русскій человѣкъ могъ изучать уроки нравственные, въ самомъ приложеніи къ дѣлу, — что ему особенно дорого (Тамъ „отъ единаго видѣнія токмо и обычая устроенію довольна преподавали зрящимъ пользу"). Въ мірѣ, большею частію, хотѣли жить и наслаждаться чужимъ трудомъ, старались насытить чувственныя страсти, руководились личными расчетами и пускали въ ходъ, для выполненія ихъ, неправду и насилія, обманъ и коварство. Въ монастырѣ, напротивъ, народъ видѣлъ добровольныя лишенія, презрѣніе богатства, страшную борьбу съ желаніями, неумолимую строгость къ своему самолюбію, встрѣчалъ правый судъ и готовность къ самообвиненію предъ вѣчною истиною и безконечнымъ благомъ. Взглядъ на эту чудную жизнь приводилъ въ изумленіе посѣтителей монастыря; а строгіе уроки, осуществляемые въ жизни, возбуждали къ возможному подражанію.

Монастырь привлекалъ всѣхъ: туда собирались князья

и вельможи и прочіе люди, за духовною пользою". Тамъ получали правители народа человѣколюбивые совѣты, а часто и угрозы судомъ Божіимъ, въ случаѣ несправедливыхъ притязаній. Монастыри служили центромъ торговли, правильнаго труда и разсадниками цивилизаціи. Около монастырей скоро собирались жители — и, такимъ образомъ, заселялись мѣста пустынныя и безплодныя. На монастырскія земли иногда бѣжали крестьяне отъ поработительнаго деспотизма, и находили тамъ жизнь льготную или защиту отъ неправды. Вообще, русскіе монахи были строгими хранителями и защитниками народныхъ интересовъ. Они принимали подъ свой убогій кровъ и не оставляли безъ утѣшенія гонимыхъ и страждущихъ всякаго рода. Въ монастырѣ находили пріютъ и отраду выходцы разныхъ областей, во время войнъ междоусобныхъ и опустошеній внѣшнихъ враговъ, особенно когда Россія стонала подъ игомъ татарскимъ.

Грозившее бѣдствіе, при вѣсти о непріятеляхъ, заставляло прятать за стѣнами монастырей, какъ въ надежномъ убѣжищѣ, все цѣнное и дорогое, — и монастырь нерѣдко превращался въ крѣпость. Въ монастырскихъ житницахъ хранились запасы, благодѣтельные во время неурожая и голода, и въ обители толпами стекались нуждающіеся, которыхъ иногда до 1000 въ день кормило; бѣдные никогда не получали здѣсь отказа въ пищѣ и одеждѣ, а больные — во врачебномъ пособіи. Устройство монастырей было великимъ благодѣяніемъ, считалось дѣломъ спасительнымъ, сопровождалось душевною радостію созидавшихъ ихъ, и на эту радость отзывались всѣ.

Конечно, народъ смотрѣлъ на всю эту обрядовую сторону, мало сознавая ея значеніе; но все-таки она имѣла на него образовательное вліяніе.

Высокое благоговѣніе къ предметамъ обрядоваго богослуженія усиливалось отъ ихъ значенія, такъ сказать, историческаго. Со многими изъ нихъ неразрывно связано было воспоминаніе великихъ событій отечества. Приписывая обнаруженіе всякаго событія непосредственному вліянію божества, предки наши смотрѣли на храмы, какъ на живыхъ, хотя безмолвныхъ, свидѣтелей небесной милости, оказанной русскому народу. Ихъ строили по обѣту, въ чувствахъ общей народной радости, въ благодарность за избавленіе отъ грозившихъ бѣдствій или въ память христіанскихъ подвиговъ въ войнѣ съ невѣр-

ными. Храмы были для нашихъ предковъ и величественными памятниками грознаго гнѣва Господня, посѣщавшаго непослушныхъ сыновъ своихъ: ихъ воздвигали какъ умилостивительныя жертвы, въ народныхъ бѣдствіяхъ, въ отвращеніе моровой язвы, голода, землетрясенія и болѣзней.

Начала вѣры, нравственныя силы, внесенныя въ общество, основанныя на преданіяхъ и обычаяхъ минувшаго, не давали спокойно и самодовольно примириться съ застоемъ жизни и подвигали юное общество впередъ на пути развитія. При неодолимомъ и необузданномъ стремленіи къ матеріальной жизни, сопротивленіе и противодѣйствіе этому влеченію представлялось страшнымъ подвигомъ, поражало всѣхъ и каждаго.

Умерщвленіе плоти особенно нужно было въ то время для людей грубыхъ, которыхъ только могли обуздывать и смягчать чувственныя средства. Всеобщее господство и разгулъ личныхъ страстей, стремленіе къ исключительному довольству міранъ, вызывали физическіе труды въ аскетахъ ради спасенія души, путешествіе по св. мѣстамъ, изнуреніе тѣла и т. п.

При частыхъ дракахъ и неурядицѣ, разорявшей народъ, сострадание къ бѣднымъ, милосердіе и щедроты считаются одною изъ величайшихъ добродѣтелей въ отношеніи къ ближнимъ: равноапостольный князь, по словамъ Нестора, милостынею разсыпалъ всѣ грѣхи. „*Дивная и славная милостыня* омываетъ всѣ прегрѣшенія отъ насъ и небесная врата отверзаетъ, и ярость Божію на кротость и на милость претворяетъ; милостыня безъ труда на небеса возводитъ и съ дерзновеніемъ у престола Божія поставляетъ". Вообще, дѣла внѣшняго милосердія выступаютъ на первый планъ въ древнее время.

Изъ „Духа Христіанина".

Объ историческихъ сказаніяхъ.

Къ борьбѣ Новгорода со шведами относится любопытный литературный памятникъ — „Рукописаніе Магнуша, короля свѣйскаго". Шведскій король, Магнусъ Ериксонъ, предпринималъ крестовый походъ противъ Новгорода: походъ этотъ, грозивший сначала большою опасностью новгородцамъ, не удался; въ отечествѣ Магнуса ждали бѣдствія. сначала онъ долженъ

былъ вести войну съ родными сыновьями, потомъ былъ свергнутъ съ престола вельможами, которые провозгласили королемъ племянника его отъ сестры, Альбрехта Мекленбургскаго; Магнусъ былъ взятъ въ плѣнъ, освободился только черезъ пять лѣтъ и кончилъ жизнь въ Норвегіи, въ 1374 году. Эти извѣстія о плачевной судьбѣ короля, который грозилъ такою опасностью православію, были причиною появленія въ Новгородѣ „Магнушева рукописанія", которое начинается обычною формою русскихъ завѣщаній: „Я, Магнусъ, король шведскій, нареченный во св. крещеніи Григорій, отходя отъ свѣта сего, пишу рукописаніе при своемъ животѣ и приказываю своимъ дѣтямъ, своей братьѣ и всей землѣ шведской: не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованіи, потому что намъ не удается". Слѣдуетъ перечисленіе неудачныхъ шведскихъ походовъ на Русь, отъ Биргерова до Магнусова. „Послѣ похода моего, продолжаетъ Магнусъ, нашла на нашу землю шведскую погибель, потопъ, моръ, голодъ и междоусобная брань. У меня самого отнялъ Богъ умъ, и сидѣлъ я цѣлый годъ задѣланъ въ палатѣ, прикованъ на цѣпи; потомъ пріѣхалъ сынъ мой изъ мурманской (норвежской) земли, вынулъ меня изъ палаты и повезъ въ свою землю мурманскую. Но на дорогѣ опять поднялась буря, потопила корабли и людей моихъ, самого меня вѣтеръ носилъ три дня и три ночи, наконецъ принесъ подъ монастырь св. Спаса въ Полную рѣку; здѣсь монахи сняли меня съ доски, внесли въ монастырь, постригли въ чернецы и схиму, послѣ чего живу я три дня и три ночи; а все это меня Богъ казнилъ за мое высокоуміе, что наступалъ на Русь вопреки крестному цѣлованію. Теперь приказываю своимъ дѣтямъ и братьямъ: не наступай на Русь на крестномъ цѣлованіи; а кто наступитъ, на того Богъ, и огонь, и вода, которыми я былъ казненъ; а все это сотворилъ мнѣ Богъ къ моему спасенію".

Сказанія, относящіяся къ борьбѣ съ татарами, начинаются рязанскимъ сказаніемъ о Батыевѣ нашествіи. Заслышавъ приходъ безбожнаго царя Батыя, великій князь рязанскій Юрій Игоревичъ послалъ за своими родственниками, за княземъ Олегомъ Игоревичемъ Краснымъ, Давидомъ Игоревичемъ муромскимъ, за сыномъ своимъ княземъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ, за пронскимъ княземъ Всеволодомъ и за прочими князьями мѣстными, боярами и воеводами. Князья рѣшили на совѣтѣ послать князя Ѳедора Юрьевича съ дарами къ Батыю, чтобы

не воевалъ рязанской земли. Князь Федоръ отправился и былъ принятъ ласково Батыемъ; но тутъ одинъ вельможа рязанскій шепнулъ хану, что у Федора жена красавица; татаринъ сталъ добиваться, чтобы Федоръ показалъ ему жену свою; но тотъ отвѣчалъ: „когда насъ одолѣешь, то и женами нашими владѣть будешь.“ Батый велѣлъ убить Федора; жена его Евпраксія стояла вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ на превысокихъ хоромахъ, когда одинъ изъ дядекъ Федоровыхъ явился къ ней съ вѣстью о гибели мужа; услыхавъ эту вѣсть, княгиня вмѣстѣ съ сыномъ бросилась съ хоромъ на землю и убилась до смерти. Тогда князь Юрій выступилъ съ братьею противъ татаръ, и произошла сѣча злая и ужасная: одинъ бился съ тысячами, двое со тьмами. Первый палъ князь Давидъ Игоревичъ; тогда князь Юрій воскликнулъ въ горести души своей: „братія моя милая, дружина ласковая, узорочье и воспитаніе рязанское! мужайтесь и крѣпитесь!“ Удальцы и рѣзвецы рязанскіе бились крѣпко и нещадно, такъ что земля стонала; наконецъ сильные полки татарскіе одолѣли: князья были всѣ перебиты, кромѣ одного Олега Игоревича, который попался въ плѣнъ, бранью отвѣчалъ на убѣжденія Батыя отатариться и былъ разсѣченъ на части; Рязань взята, вся земля рязанская опустошена. Тогда является вельможа рязанскій, Ипатій Коловратъ, бывшій все это время въ Черниговѣ, гдѣ бралъ дань на великого князя рязанскаго (²). Ипатій собралъ 1700 человѣкъ дружины и нечаянно ударилъ на татаръ, которыхъ началъ сѣчь безъ милости. Батый испугался; когда привели къ нему пятерыхъ плѣнныхъ, то онъ спросилъ ихъ: „Какой вы вѣры, изъ какой земли? зачѣмъ мнѣ такъ много зла надѣлали?“ Плѣнники отвѣчали: „мы вѣры христіанской, рабы великаго князя Георгія Игоревича, изъ полку Ипатія Коловрата, посланы отъ князя Игоря Игоревича рязанскаго, тебя, сильнаго царя, почтить и честно проводить; не сердись, государь, что не успѣваемъ чаши наливать на великую силу татарскую.“ Батый подивился отвѣту ихъ мудрому и послалъ шурина своего Таврула на Ипатія съ полками сильными. Тавруль похвалился, что приведетъ Ипатія живого, но вмѣсто того самъ былъ разсѣченъ пополамъ Ипатіемъ. Тогда татары напали на одного крѣпкаго исполина множество самострѣловъ съ нарядомъ (³), и тутъ едва одолѣли. Когда трупъ Ипатія принесли къ Батыю, то ханъ сказалъ: „ну, братъ Ипатій! гораздо ты меня попотчивалъ съ малою

дружиной многихъ богатырей побилъ: если бы ты у меня такую службу служилъ, то держалъ бы я тебя противъ своего сердца“. Князь Игорь Игоревичъ былъ въ это время въ Черниговѣ, у тамошняго князя Михаила Всеволодовича. Возвратясь въ родную землю, онъ началъ хоронить трупы, и плакалъ надъ побитою братіею.

Составилось сказаніе и о смерти Батыя. Батый пошелъ въ Венгрію и осадилъ городъ Варадинъ, стоявшій среди земли венгерской; около этого города мало простыхъ деревьевъ, но все деревья виноградныя. Среди города стоялъ столпъ высокій каменный; на столпѣ укрывался король Влаславъ или Владиславъ, король венграмъ, чехамъ и нѣмцамъ и всему поморью. Были венгры прежде въ православіи, потому что приняли крещеніе отъ грековъ; но не успѣли на своемъ языкѣ грамоты сложить, и сосѣдніе римляне присоединили ихъ къ своей ереси. И король Владиславъ повиновался римской церкви до тѣхъ поръ, пока не пришелъ къ нему св. Савва, архіепископъ сербскій, который обратилъ его къ греческому закону; но Владиславъ исповѣдывалъ этотъ законъ тайно, боясь возстанія отъ венгровъ. И вотъ когда Батый осадилъ Варадинъ, Владиславъ не пилъ, не ѣлъ, все молилъ Христа Бога, да преложитъ гнѣвъ на милость. Однажды онъ увидѣлъ со столпа, что сестра его бѣжала къ нему въ городъ, но была перехвачена татарами и отведена къ Батыю. Съ тѣхъ поръ Владиславъ началъ еще усерднѣе молиться; слезы текли изъ глазъ его, какъ быстрины рѣчныя, и, гдѣ падали на мраморъ, проходили насквозь, такъ что и теперь видны скважины на мраморахъ. И вотъ является къ нему какой-то человѣкъ, свѣтлый и страшный, и говоритъ ему: „ради слезъ твоихъ даетъ тебѣ Богъ побѣду надъ Батыемъ; ступай сейчасъ же на него“. Вѣстникъ исчезъ; но у башни стоялъ конь осѣдланный, никѣмъ не держимый, и на конѣ сѣкира. Владиславъ немедленно сѣлъ на коня, взялъ сѣкиру въ руки и повелъ дружину свою на станъ Батыевъ, а у Батыя тогда было мало войска, потому что всѣ татары его разошлись въ загоны. Находившіеся въ станѣ татары побѣжали предъ Владиславомъ, побѣжалъ и самъ Батый съ сестрою королевскою; но былъ настигнутъ Владиславомъ, который самъ сразился съ нимъ. Королевна стала помогать Батыю, тогда Владиславъ возопилъ къ Богу о помощи, одолѣлъ Батыя и убилъ его вмѣстѣ съ сестрою своею.

Венгры расположившись въ станѣ Батыевомъ и хватали та-таръ, возвращавшихся изъ загоновъ: добычу отнимали, самихъ предавали смерти, только хотѣвшихъ креститься, тѣхъ оставляли въ живыхъ. И на память послѣднему роду вѣчную было на городскомъ стѣнѣ изваяніе: самъ король Владиславъ на конѣ съ рукѣ держащъ сѣкиру, которою убилъ Батыя и сестру свою. Въ основѣ сказанія лежитъ истинное происшествіе — пораженіе татаръ при осадѣ Ольмюца чешскимъ воеводою Ярославомъ Штернбергскимъ; и по чешскому поэтическому преданію отъ руки Ярослава погибъ въ битвѣ сынъ хана Кубилая. Нѣтъ сомнѣнія, что сказаніе это составилось на югѣ и принесено къ намъ на сѣверъ извѣстнымъ сербомъ Пахоміемъ Логоѳетомъ.

Великое событіе, которымъ началось освобожденіе сѣверо-восточной Руси отъ татаръ — Куликовская битва не могла остаться безъ особеннаго описанія. И дѣйствительно, составилось первоначальное сказаніе, проникнутое религіознымъ чувствомъ: даже слогъ его приводится въ полнотѣ молитвы, которыя произноситъ главное дѣйствующее лицо, помѣщены благочестивыя разсужденія и восклицанія самого писателя; при описаніи самой битвы нѣтъ подозрительныхъ подробностей. Въ такомъ видѣ первоначальное сказаніе внесено въ нѣкоторыя лѣтописи.

Событіе это такъ велико, такъ сильно всѣхъ занимало, что однимъ сказаніемъ не могло ограничиться. О подобныхъ событіяхъ обыкновенно обращается въ народѣ много разныхъ подробностей, вѣрныхъ и невѣрныхъ; подробности вѣрныя съ теченіемъ времени, переходя изъ устъ въ уста, искажаются, перемѣшиваются имена лицъ, порядокъ событій; но такъ какъ важность событія не уменьшается, то является потребность собрать всѣ эти подробности и составить изъ нихъ новое украшенное сказаніе; при переписываніи его вносятся новыя подробности. Это второго рода сказаніе отличается отъ перваго преимущественно большими подробностями, вѣроятными, подозрительными, явно невѣрными. Но до насъ дошелъ еще третій родъ сказаній о Куликовской битвѣ. «Слово о великомъ князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ и о братѣ его Владимірѣ Андреевичѣ, яко побѣди супостата своего царя Мамая», написанное явно по подражанію древнему южнорусскому произведенію, Слову о полку Игоревѣ. Авторъ этого Слова о Димитріи говоритъ, что онъ напишетъ жалость и похвалу великому князю Димитрію

Іоанновичу и брату его, чѣмъ выражается взглядъ современниковъ на Куликовскую битву, представлявшуюся имъ съ одной стороны событіемъ славнымъ, съ другой — бѣдственнымъ, вслѣдствіе страшнаго урона убитыми съ русской стороны.

Въ какое время составились эти сказанія, мы не знаемъ. На одномъ спискѣ пространнаго сказанія означено, что оно составлено рязанцемъ іереемъ Софроніемъ; въ одной лѣтописи онъ названъ Софоніемъ рязанцемъ, брянскимъ бояриномъ; авторъ поэтическаго Слова поминаетъ рязанца Софонія какъ своего предшественника въ сочиненіи похвалъ великаго князя Димитрія.

Нашествіе Тохтамыша на Москву послужило также предметомъ особаго сказанія: „О Московскомъ взятіи отъ царя Тахтамыша и о плѣненіи земли русской“. Это сказаніе имѣетъ такой же характеръ, какъ и краткое сказаніе о Куликовской битвѣ, но отличается отъ него большею простотою и послѣдовательностью разсказа. Извѣстія о Тамерлановомъ нашествіи вошли въ „Повѣсть преславнаго чудеси отъ иконы Пречистыя Богородицы, еже нарицается Владимирская“. Здѣсь говорится о Тамерланѣ, что онъ родился между заяицкими татарами въ Самаркандской странѣ, былъ простой, бѣдный человѣкъ, ремесломъ кузнецъ, нравомъ хищникъ, обидчикъ и воръ. Въ молодости укралъ онъ овцу, хозяинъ которой перебилъ ему за это ногу желѣзомъ, отчего и былъ прозванъ желѣзнымъ хромцемъ, Темиръ Аксакомъ. Къ выходу изъ русскихъ владѣній побудилъ его сонъ, въ которомъ явилась ему на воздухѣ жена въ багряныхъ ризахъ, воспрещавшая ему идти далѣе на русскую землю. Особое сказаніе о битвѣ русскихъ подъ Рязанью съ татарами внесено въ лѣтопись подъ заглавіемъ Повѣсти о Мустафѣ царевичѣ. Битва на Ворсклѣ послужила предметомъ также особаго сказанія.

Если столкновенія съ татарами вообще, и битва Куликовская въ особенности, возбуждали сильное вниманіе народа, вслѣдствіе чего явились разнаго рода сказанія объ нихъ, то не удивительно, что жизнь того князя, который впервые вывелъ русскіе полки противъ татаръ и побѣдилъ, стала предметомъ украшеннаго сказанія. Въ этомъ сказаніи: „О житіи и преставленіи великаго князя Димитрія Ивановича царя рускаго“ мы не должны искать подробныхъ извѣстій о подвигахъ Донского, сказаніе это есть не иное что, какъ похвальное слово.

касающееся почти исключительно нравственной стороны. Авторъ начинаетъ съ происхожденія своего героя, потомъ говоритъ о его душевныхъ качествахъ, которыми онъ отличался въ мододости, когда принялъ правленіе.

Соколовъ.

Повѣданіе о Задонскомъ боѣ.

Съ первыхъ вѣковъ существованія русскаго государства ему пришлось вести непрерывную борьбу съ сосѣдними кочевниками. Сперва то были печенѣги, половцы. Затѣмъ въ первой четверти XIII в. изъ степей средней Азіи двинулись на Русь татары. Между тѣмъ какъ прежде предшественники ихъ только опустошали русскую землю, татары окончательно заполонили ее и держали подъ своимъ игомъ въ теченіе слишкомъ полутораста лѣтъ. Не красна была жизнь русскаго народа въ это тяжелое время. Князья рѣдко спасали себя и народъ отъ полона и разграбленія, [illegible] сношенія съ татарами, брали на себя доставку дани въ Орду и сборъ ея съ народа; но князьямъ необходимы были еще средства для междоусобной борьбы, которая не прекращалась и теперь, какъ въ прежній періодъ независимости, — и вотъ они увеличиваютъ назначенную монголами дань и излишекъ берутъ въ свою казну. Одинъ изъ проповѣдниковъ эпохи монгольскаго ига, Серапіонъ, говоритъ, что въ то время „села поросли травою, большая часть братьевъ и отцевъ отведена въ плѣнъ". Грамотность остановилась, какъ бы замерла, и жила въ монастыряхъ, куда часто укрывался отъ міра сего русскій человѣкъ. Велась скорбная лѣтопись скорбныхъ событій.

Къ этимъ бѣдствіямъ, такъ сказать, матеріальнымъ, былъ [illegible] присоединились и духовныя страданія. Тяжелое сознаніе господства [illegible] агарянъ надъ православными христіанами угнетало русскаго человѣка, [illegible] отъ того гнѣва Божія, посланнаго, по выраженію того же Серапіона, за грѣхи, по Божію попущенію. Воспоминанія объ этой тяжелой годинѣ породили въ нашей литературѣ особый видъ повѣствованій, героями которыхъ [illegible] съ татарами, перенося [illegible] въ эпоху Владиміра [illegible] Владиміра [illegible] Александровича или Ил[illegible]

богатыря. народъ, вполнѣ естественно, преувеличиваетъ ихъ качества и подвиги, но всѣмъ безъ исключенія богатырямъ онъ приписываетъ борьбу съ татарами, особенно удручавшими русскую землю.

Ненависть къ татарамъ такъ сильно сказалась въ народѣ, что самое имя *татаринъ* рѣдко употребляется безъ эпитета *собака*. Весьма понятно теперь то радостное чувство, то сознаніе своей силы, которымъ проникся русскій человѣкъ послѣ удачной, хотя и тяжелой по потерямъ, Куликовской битвы. Вся Русь, какъ одинъ человѣкъ, кромѣ Рязани да Литвы, встала въ этой битвѣ на защиту отечества по зову великаго князя Димитрія, получившаго въ исторіи прозваніе Донской. Татары были разбиты, и самъ „Мамай собака“, „безбожный царь“, такъ кичившійся своею силою, обратился въ постыдное бѣгство.

И вотъ забитая, приниженная, съежившаяся подъ тяжелымъ гнетомъ литература народа, его поэтическое творчество пробуждается какъ бы отъ летаргіи и начинаетъ разрабатывать эту новую тему — пораженіе татаръ, твердо помня основные факты и измѣняя лишь частности его.

Рядомъ съ массой пѣсенъ, торжествующихъ по освобожденіи Руси отъ Мамая „безбожнаго“, появляются литературныя произведенія, описывающія и нашествіе Батыя, и подвиги князей въ Ордѣ, а главное — Куликовскую битву въ связи съ личностью Мамая, съ одной стороны, и героя побѣды, Димитрія Донского — съ другой...

Вскорѣ послѣ Куликовской битвы появляется въ нашей литературѣ особое произведеніе, имѣющее своимъ предметомъ, такъ сказать, спеціальное описаніе битвы и всѣхъ предшествующихъ и послѣдующихъ, находящихся съ нею въ связи, эпизодовъ, — это „Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ“. Составляя смѣсь историческихъ фактовъ съ вымыслами и преданіями, это произведеніе, сохранившееся во многочисленныхъ спискахъ, представляетъ въ одной редакціи спокойное, прагматическое изложеніе событія, изрѣдка лишь прерываемое вставками во вкусѣ Слова о полку Игоревѣ, а въ другой, гораздо менѣе распространенной, является рабскимъ подражаніемъ Слову, его копіей и потомъ довольно блѣдною. Къ первому типу мы относимъ „Повѣданіе и сказаніе о побоищѣ великаго князя Димитрія Донского“ съ варіантами, ко второму — „Задонщину“.

напечатанную архимандритомъ Варлаамомъ, и „Слово о великомъ князѣ Димитріи Ивановичѣ“, изданное Ундольскимъ.

Содержаніе „Повѣсти“ *) таково. Въ лѣто 6888 (1380) „попущеніемъ Божіимъ, отъ наважденія діавола“ подвигнулся на Русь царь восточныя страны, по имени Мамай, „эллинъ вѣрою, идоложрецъ, иконоборецъ“. Онъ задался задачей „разорить“ православную вѣру и истребить на Руси христіанство. Завидуя своему предшественнику Батыю и прежнему отступнику Улану, онъ захотѣлъ „побить“ князя и княжество и сѣсть въ ихъ красномъ градѣ. Переправясь черезъ Волгу и дойдя до устья рѣки Воронежа, Мамай распустилъ своихъ „улусниковъ“, запретилъ имъ сѣять хлѣбъ. „Будьте готовы“, сказалъ онъ имъ, „на русскіе хлѣбы“. „Безумный Олегъ (о горе безумнымъ симъ властелемъ“) князь рязанскій, узнавъ, что „сильный и вольный царь Мамай идетъ на Москву“, посылаетъ грамоту на Литву къ Ольгерду**), предлагая ему присоединиться къ Мамаю, который дастъ Олегу Коломну и „иные“ города, а ему Ольгерду давно желанную Москву. Послѣ совѣщанія съ „панами“, Ольгердъ посылаетъ одновременно поздравительный отвѣтъ Олегу и „нѣкоего мужа чацкие земли (чешской?) Бирлага, съ „безчисленными подарками и книгами“, въ которыхъ заключается просьба: „да придетъ держава“ Мамая на князя Димитрія. Не ожидавшій помощи отъ измѣнившихъ Москвѣ князей, Мамай отвѣчаетъ имъ въ „писаніи“, что ему ихъ помощь не особенно надобна, ибо онъ, если бы только захотѣлъ, могъ бы плѣнить „и древній Іерусалимъ“. Теперь же, съ помощію ихъ, его грознымъ именемъ „расшуженъ“ будетъ Димитрій московскій. Послы, отправленные къ Мамаю, объявили „сумасшедшимъ князьямъ“, что царь благодаритъ ихъ: „Здравствуете вельми и намъ за хвалили по велику“. На вопросъ Ольгерда о Мамаѣ Бирлагъ дѣлаетъ такую характеристику послѣдняго: „человѣкъ той ростомъ средній, разумомъ же вельми твердъ, въ рѣчи не памятливъ, но гордъ вельми“. Когда „вѣстники“ сообщили

---

*) Авторъ здѣсь имѣетъ въ виду списокъ „Повѣсти о Мамаевомъ бою“ [illegible] текстъ этого памятника Русс[illegible] профессора Н. С. Тихонравова [illegible] въ слѣдующемъ заглавіи: „[illegible] о Мамаевомъ бою. [illegible] и «Похвала великому князю Димитрію Іоанновичу и его брату Владимиру Андреевичу».

**) Въ это время въ Литвѣ былъ Ягайло (1377—1434).

Димитрію о безбожномъ „нахожденіи“ татаръ, князь сильно опечалился. У Мамая было „9 ордъ“ и 70 князей. Пошелъ въ свою опочивальню и здѣсь упалъ на колѣни предъ стоявшимъ въ изголовьи образомъ. Въ молитвѣ князь считаетъ себя виновникомъ грядущей бѣды. „Вѣмы бо, Господи, яко хощеши мене ради всю землю нашу погубити, азъ бо предъ Тобою согрѣшилъ паче всѣхъ **человѣкъ**“. Подкрѣпясь въ молитвѣ, Димитрій посылаетъ по князя Владимира Андреевича, бывшаго въ Боровскѣ, и „по всѣ князи русьскіе“, чтобъ они прибыли на Москву. По прибытіи князя Владимира, Димитрій вмѣстѣ съ нимъ идетъ къ митрополиту Кипріану сообщить о грозящей бѣдѣ. По совѣту митрополита, Димитрій отправляетъ къ Мамаю посольство съ подарками „много злата“, хотя дань была исправлена не только „по преданію отецъ“, **но еще „наипаче“**.

Не успѣло посольство дойти до Орды, какъ Димитрія поразила новая вѣсть. Княжьи послы изъ рязанской земли увѣдомили князя объ измѣнѣ Ольгерда и Олега. Больше всего опечалился князь. „Сущу, Господи, межъ ими и миру“, говорилъ онъ и снова идетъ къ митрополиту. Кипріанъ утѣшаетъ князя молитвой: „Хранимаго Богомъ весь міръ не можетъ убити“. Димитрій приступаетъ къ воинскимъ распоряженіямъ и идетъ на военный совѣтъ, собранный у Миколы Васильевича. Тутъ рѣшаютъ отправить „въ поле“ сторожевые посты изъ **„крѣпкихъ окружниковъ“...**

По пріѣздѣ Захарія (посла) изъ Орды великій князь посылаетъ по городамъ грамоты съ приказомъ быть къ Успеньеву дню въ Коломнѣ всѣмъ князьямъ, боярамъ, воеводамъ и дѣтямъ боярскимъ. Но еще раньше полученія грамоты собираются на Москву князья бѣлозерскіе, ярославскіе, Глѣбъ курскій, Димитрій ростовскій и другіе: „Уже бо ратень стукъ стучитъ и громъ гремитъ, стучитъ сильная рать великаго князя Димитрія **Ивановича въ славномъ граде Москве“**.

Но не ратный шумъ, не эти воинскія приготовленія оглушаютъ князя. Онъ ищетъ подкрѣпленія духовнаго и находитъ его въ бесѣдѣ съ преподобнымъ Сергіемъ. „Господине, сказалъ отшельникъ, Христосъ Богъ будетъ ти помощникъ и заступникъ!“ „И рече ему тайно, добавляетъ Повѣствованіе — имаши побѣдити враги своя, елико довлѣетъ твоему государству“. Преподобный далъ князю двухъ иноковъ Пересвѣта и

Ослябя. Вмѣсто обыкновеннаго оружія Сергій далъ имъ схиму съ нашитымъ на ней крестомъ. Обвеселился сердцемъ Димитрій, но не сказалъ никому повѣданнаго тайно ему Сергіемъ и пошелъ въ Москву, какъ будто онъ нашелъ „нѣкое многоцѣнное сокровище".

Между тѣмъ Олегъ рязанскій, узнавъ о движеніи Димитрія съ войскомъ и о духовной ему со стороны „Сергія кудесника" помощи, устрашился сердцемъ и „распался мыслями". Бесѣдуетъ онъ съ боярами, сердится на нихъ, что они не посовѣтовали ему раньше умолить Мамая оставить Русь въ покоѣ, и утѣшается лишь тѣмъ, что не онъ одинъ „лоскутнымъ" умомъ (1). Переправились черезъ Донъ. Стражи постоянно доносятъ, что уже близко татары — ратуются русскіе удальцы.

Природа какъ и въ Словѣ о Полку Игоревѣ посылаетъ свои предзнаменованія. На мѣстѣ битвы появляется множество волковъ; воютъ они безпрестанно по всѣмъ ночамъ, страшно слышать ихъ вой, но все таки онъ придаетъ мужество храбрымъ полкамъ. Вороны собрались, неумолчно граютъ, галки свою рѣчь говорятъ; орлы съ устьевъ Дона прилетѣли; лисицы на кости брешутъ, „ждучи того грознаго, Богомъ изволеннаго", когда постанется имъ много трупа и многая кровь прольется, какъ воды морскія". Отъ такого страха, отъ такой грозы „дерева преклоняются и трава постилается". Многіе унываютъ, видя предъ глазами смерть. Сильно и страшно поганымъ, а „храбрые ликуютъ, слыша гласъ отъ Вседержителя". Вѣстники постоянно доносятъ о приближеніи „поганыхъ".

Воинство и всѣ „удальцы" одушевлены однимъ желаніемъ умереть другъ за друга; у нихъ одна общая молитва: „Боже, съ высоты призри на ны и даруй православному князю нашему, яко Моисею, покорити подъ нозѣ ему враги, яко же кроткому Давиду Голіафа". Димитрій увидѣвъ образцовый порядокъ въ войскѣ, обвеселился духомъ, сошелъ съ коня на ковыль-траву, прямо противъ великаго полка и чернаго знамени, на которомъ былъ „вообраненъ образъ Іисуса", началъ изъ глубины сердца звать со слезами: „О Владыко Вседержителю, взгляни смотрительнымъ окомъ своимъ на [illegible]. Обрати лицо твое на нечестивыхъ съ яростію: они творятъ зло рабомъ твоимъ". Окончивъ молитву [illegible]
[illegible]
[illegible]

тесь и крѣпитесь. Оставайтесь всѣ на своихъ мѣстахъ: завтра некогда снаряжаться. Гости наши уже на рѣкѣ Непрядвѣ".

Тепла и тиха наступила ночь наканунѣ праздника Рождества Богородицы, ночь „несвѣтлая невѣрнымъ, вѣрнымъ же просвѣщеніе". Димитрій волынецъ позвалъ великаго князя на поле Куликово — наблюдать примѣты, которымъ послѣдній, несмотря на свою глубокую религіозность, вѣрилъ. Съ татарской стороны слышенъ былъ стукъ и крикъ, словно торжище снималось, словно громъ гремитъ или трубы голосятъ; позади же полковъ волки грозно воютъ, справа орлы клекчутъ и вороны, и галки, а по рѣкѣ Непрядвѣ гуси и лебеди крыльями плещутъ, „необычайную грозу подавающе". Наступилъ праздникъ Рожества Богородицы, день „великому спасенію христіанскому". На разсвѣтѣ 8-го сентября начали трубить трубы и развѣвать знамена. Во второмъ же часу дня начали трубить трубы, и оба войска двинулись другъ на друга „начаша сниматися", трубы татарскія точно онѣмѣли. Застонала земля, вѣщаетъ грозу отъ востока и до запада. Поле Куликово „прегибается", рѣки выступили изъ береговъ: много было полковъ тутъ. Димитрій разъѣзжаетъ по полю, всюду разнося слово ободренія. „Отцы и братія! Господа ради подвизайтесь, ради вѣры христіанской и ради Божіихъ церквей. Эта смерть — не смерть, но животъ вѣчный. Оставимъ земное и усвоимся на свое дѣло". Послѣ этого великій князь сталъ на своемъ мѣстѣ и, воззрѣвъ на небо, обратился съ молитвой къ живоносному кресту, который носилъ на груди („за пазухою") и въ которомъ были части живоноснаго древа. Въ это время отъ игумена Сергія пришло письмо съ благословеніемъ великому князю и всему воинству; при письмѣ преподобный приложилъ еще освященный хлѣбъ". Посланіе укрѣпило князя: „аки нѣкими оружіями твердыми". Несмотря на просьбы воеводъ не принимать участія въ битвѣ, Димитрій рѣшилъ раздѣлить общую участь: или умереть съ другими, или остаться въ живыхъ и раздѣлить радость побѣды опять же съ другими.

Мамай выѣхалъ на высокое мѣсто съ тремя князьями смотрѣть на битву. Битва начинается единоборствомъ. Изъ татарскаго лагеря выѣзжаетъ богатырь „Челубей" Тебей (по всей вѣроятности описка, вмѣсто Телебей, находящаяся въ большинствѣ рукописей) „похваляясь и храбрясь, какъ и древній Голіафъ". Инокъ Александръ, называемый Пересвѣтомъ, дви

дулся противъ татарина со словами: „Игуменъ Сергій, помогай мнѣ молитвою своею“. Ударились борцы копьями такъ сильно, что „едва земля не проломилась подъ ними“; кони ихъ пали „на колѣнки“, и сами они, упавъ съ коней, тутъ скончались. Въ третьемъ часу битва сдѣлалась всеобщею, и вотъ какъ описываетъ ее сказатель, хорошо знакомый, очевидно, со Словомъ о Полку Игоревѣ: „Трещатъ копья харалужныя, звенятъ доспѣхи злаченые, стучатъ щиты червленые“. На Куликовскомъ полѣ, какъ ни велико оно, мало мѣста войску: люди погибаютъ въ свалкѣ („сами о себѣ избивахуся и отъ великія тѣсноты задыхахуся“), множество перерѣзано лошадьми. Потекли кровавыя озера; трепещутъ молніи „отъ облистанія мечнаго“, страшный шумъ идетъ „отъ мечнаго сѣченія и копейнаго ломленія“; солнца не видно, полки словно густыя облака, а оружіе — точно молнія въ нихъ; Донъ наполнился кровью, трупы „поганыхъ“ словно лѣсъ посѣченный. Проходитъ четвертый часъ, проходитъ и пятый — неослабно бьются христіане съ татарами (въ рукописи: „съ печенѣги“). Въ шестомъ часу татары „Божіимъ попущеніемъ“ и „нашихъ ради согрѣшеній“ начали одолѣвать русскихъ. Много именитыхъ русскихъ удальцовъ побиты. Самого великаго князя сильно уязвили. Много нашихъ знаменъ уже подрублено. Въ это время, по разсказу одного изъ самовидцевъ, на небѣ было замѣчено слѣдующее явленіе: на отверстомъ небѣ появилось облако, наполненное человѣческими руками: одни держали вѣнцы, другія — „древеса цвѣтная, крины благоуханныя“ — цвѣты. Въ тяжелый часъ (то-есть шестой) эти вѣнцы опустились изъ облака на головы русскихъ. Сѣча между тѣмъ усиливается: отъ человѣческихъ тѣлъ нѣтъ возможности пробраться конямъ; „бродятъ по колѣно кони въ крови“. Татары, наконецъ, окружаютъ русскихъ.

Находившійся въ засадѣ князь Владиміръ Андреевичъ, видя страшное побоище и превосходство татаръ, рвется на помощь брату, но опытный Димитрій Волынецъ сдерживаетъ его, уговаривая подождать „до времени“, до осьмого часа. Грустно рати князя Владиміра видѣть пораженіе своихъ; рвутся они, „какъ званые на пиръ вина пить“. Настаетъ и осьмой часъ. Повѣялъ южный вѣтерокъ на сидѣвшихъ въ засадѣ. Волынецъ закричалъ: „Князь Владиміръ, настало время! Дерзайте, братья, съ нами сила Святого Духа!“

Выѣхали изъ дубровы „единомысленные друзья“, какъ соколы обученые на стада журавлиныя. Съ крикомъ: „перемудрила насъ Русь, худшіе съ нами бились, а лучшіе сохранились“, татары обратились въ бѣгство („дадша плещи своя“). Словно лѣсъ, они клонятся; какъ трава отъ косы постилается, такъ татарскіе полки сѣкутся русскими мечами. Количество бѣжавшихъ было такъ велико, что, по выраженію сказателя, холмы и луга притоптаны были, рѣки и озера наполнились убѣгавшими отъ преслѣдованія и искавшими убѣжища „въ Лукоморьѣ“ татарами. Скрежетъ зубовный и проклятія сопровождаютъ Мамая со стороны его единомышленниковъ. Богатая добыча досталась побѣдителямъ: узорочье, доспѣхи, кони, верблюды, дорогіе камни, атласы. Видя пораженіе своихъ, Мамай бѣжитъ и призываетъ на помощь боговъ своихъ: Перуна, Хорса (и Салавата, Праклія и Турья) и великаго пособника своего Бахмета. Но боги помощи не подаютъ. Русскіе стали осматривать поле битвы. Князь Владиміръ, ставъ „на костехъ“, подъ чернымъ знаменемъ великокняжескимъ и, не найдя брата своего, великаго князя Димитрія, велѣлъ трубить сборъ. Прошелъ часъ, а Димитрія все нѣтъ. Въ слезахъ Владиміръ объѣзжаетъ полки и разспрашиваетъ всѣхъ и каждаго, не видалъ ли кто великаго князя. Одинъ отвѣчаетъ, что видѣлъ его въ девятомъ часу, другіе видѣли его позднѣе сражавшимся съ четырьмя печенѣгами. Нѣкто Стефанъ Новосильскій даетъ подробный отчетъ о состояніи князя: бился онъ съ четырьмя татарами и былъ „уязвленъ вельми“. Стефанъ хотѣлъ помочь ему, но конь его выбился изъ силъ, и налетѣвшіе татары отбили его отъ великаго князя. Разсыпались удальцы-воины во всѣ стороны искать виновника побѣды („побѣды побѣдителя“). Одни за великаго князя приняли убитаго Бренка, другіе — князя Θедора Семеновича Бѣлозерскаго, „занеже приличенъ бяше ему“. Наконецъ два воина уклонились направо въ дубраву и тамъ нашли Димитрія, „бита вельми и сѣчена“, отдыхающимъ подъ срубленною березой. Извѣстили о находкѣ князя Владиміра. Быстро собрались воины вокругъ раненаго вождя, и Владиміръ возвѣстилъ ему побѣду. „Сей день, иже сотвори Господь“, восклицаетъ обрадованный князь Димитрій, „возрадуемся и возвеселимся въ онь“.

Ему подвели „смирнаго“ коня, и онъ выѣхалъ на поле битвы: много побито русскаго воинства, а поганыхъ вчетверо

Князь проситъ усопшихъ помолиться за оставшихся въ живыхъ. Затѣмъ приступаютъ къ погребенію христіанъ, а нечестивыхъ „повергоша звѣремъ на съѣденіе". Мамай прибѣжалъ въ городъ Кафу. Здѣсь его признали фряжскіе купцы и убили за посягательство на русскую землю.

Въ день Воздвиженія Честнаго Креста переправляются побѣдители черезъ Донъ. Испуганный Олегъ рязанскій убѣжалъ, пока пройдетъ его землю войско, и укрылся на Литвѣ. Въ Коломнѣ великаго князя встрѣчаетъ епископъ Евфимій съ духовенствомъ — торжественнымъ крестнымъ ходомъ. На Москвѣ великаго князя встрѣтила княгиня Евдокія во Фроловскихъ воротахъ, съ князьями Василіемъ и Юріемъ. Князь отправляется въ Архангельскій соборъ, затѣмъ въ Успенскій и, наконецъ, возсылаетъ мольбы у гроба чудотворца Петра. Отдохнувъ на Москвѣ, великій князь отправился къ „молитвеннику своему", игумену Сергію, возблагодарилъ его за оказанную въ лицѣ Пересвѣта помощь и затѣмъ возвратился на Москву.

Таково содержаніе „Повѣданія". Какъ преданіе объ одномъ изъ важнѣйшихъ событій древне-русской жизни, какъ памятникъ народнаго самосознанія, оно имѣетъ значеніе для историка по своему содержанію, а по изложенію, методу его и формѣ — для критика, изучающаго древне-русскую литературу. Сочиненное кѣмъ-либо однимъ, а затѣмъ перечитываемое, исправляемое подъ вліяніемъ многоразличныхъ условій мѣста и времени, оно представляетъ намъ ясный отголосокъ быта и духа народнаго, знакомя, напримѣръ, съ переходомъ отъ древняго языка къ новѣйшему.

Какъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ сквозитъ на каждомъ шагу языческій элементъ, языческія понятія, вѣрованія и суевѣрія, такъ въ повѣданіи мы должны отмѣтить измѣненіе религіозныхъ вѣрованій народа, выразившееся со всею отчетливостью въ нашемъ памятникѣ, измѣненіе, совершившееся подъ вліяніемъ христіанскихъ учителей. Правильно, сознательно практикуемые въ Словѣ языческіе боги утратили навсегда для составителя Повѣданія свой смыслъ и свое значеніе. Такъ, напримѣръ, авторъ Повѣданія приписываетъ Мамаю знакомство съ слѣдующими богами, имена которыхъ дошли до него позднѣйшимъ, Перуномъ, Хорсомъ (перетолкованнымъ въ Гурса) и Мокошемъ (въ сп. Тимковскаго), забывъ, что эти боги исключительно славянскіе. Очевидно, эти боги утратили для автора свой національный смыслъ

Въ Повѣданіи, какъ и въ Словѣ, природа даетъ русскимъ различныя предзнаменованія, но слагатель Повѣданія былъ слишкомъ отодвинутъ отъ языческой обстановки; у него слишкомъ притупилось чутье въ истолкованіи различныхъ явленій природы, и тѣ предзнаменованія и „знаменья небесныя", которыя въ Словѣ выпадаютъ Руси погибель, здѣсь, наоборотъ, возвѣщаютъ успѣхъ ей и гибель татарамъ. Наконецъ господство христіанскаго элемента, особливо въ спискѣ профессора Тихонравова, до того уже сильно, что духовная окраска совершенно закрываетъ тотъ политическій колоритъ, который замѣчается весьма въ ничтожныхъ размѣрахъ въ Повѣданіи.

Кромѣ того, въ Повѣданіи сохранились любопытныя указанія на государственный и общественный бытъ современной ему эпохи. Повѣданіе знакомитъ насъ съ тою порой московской государственной жизни, когда идея самодержавія еще только слагалась, когда на ряду съ великимъ княземъ стояло народное вѣче, когда князь обязанъ былъ слушать дружину — въ первое время, или позднѣе — совѣтниковъ, тоже князей, какъ и онъ, когда духовенство, въ качествѣ „Божьихъ представителей", призывалось къ государеву совѣту въ тяжелыя критическія минуты; словомъ, Повѣданіе знакомитъ насъ съ эпохой до-окончательнаго освобожденія отъ татаръ.

Издатель Повѣданія, Снегиревъ, въ предисловіи къ издаваемому памятнику, говоритъ: „Эта умилная повѣсть, какъ достопримѣчательный памятникъ нашей средней словесности, достойна чтенія наравнѣ съ другими произведеніями отечественной древности, проявляя въ себѣ черты русскаго народа". Изъ нашего изложенія содержанія памятника можно выбрать массу доказательствъ справедливости словъ Снегирева.

На первомъ планѣ въ Повѣданіи стоитъ та глубокая ненависть русскихъ къ своимъ притѣснителямъ-татарамъ, которая засвидѣтельствована другими произведеніями народнаго творчества и послужила источникомъ многочисленныхъ разсыпанныхъ въ Повѣданіи прозвищъ и эпитетовъ, не лестныхъ для „безбожныхъ" агарянъ.

Горячая беззавѣтная любовь къ князю, готовность откликнуться на первый его призывъ, опасеніе потерять его въ битвѣ, — все качества народа русскаго, засвидѣтельствованныя какъ народными произведеніями, такъ равно и исторіей: любовь къ Богу,

надежда исключительно на Его святую помощь, начинаніе каждаго дѣла съ горячей молитвы къ Нему и Его святымъ, наконецъ, вѣра въ чудесное — вмѣшательство послѣднихъ и заступничество за правое дѣло, — однѣ такія характерныя черты, составляющія отличительное свойство русскаго человѣка.

[illegible]

Задонщина.

Задонщина, сочиненіе Софонія, старца рязанскаго, имѣетъ полное право на названіе его „достойнымъ и удачнымъ подражаніемъ Слову". Этотъ памятникъ найденъ архимандритомъ Варлаамомъ въ рукописномъ сборникѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и напечатанъ въ V-мъ томѣ Ученыхъ Записокъ второго отдѣленія Академіи Наукъ.

Полное заглавіе произведенія такое: „Задонщина великаго князя господина Димитрія Ивановича и брата его князя Володимера Андреевича". Съ вступленія, съ первыхъ строкъ этого несомнѣннаго произведенія, видна живая связь его съ пѣснью Слова и близкое знакомство его автора съ содержаніемъ послѣдняго. „Поидемъ, брате", начинаетъ авторъ Задонщины, — „въ полоунощною страноу [illegible] взыдемъ на горы кіевскыя, перьве всѣхъ вшедъ восхвалимъ вѣщаго бояна въ городѣ въ кіевѣ, гораздо гоудца".

У пѣвца Задонщины еще свѣжо было въ памяти, а можетъ быть даже, находилось передъ глазами (записанное гдѣ-либо) поэтическое описаніе самого Бояна и его пѣснопѣнія въ Словѣ.

„Тои бо вѣщія боянъ", говоритъ пѣвецъ Задонщины, — „воскладая свои златыя персты на живая строуны, пояше славоу роускымъ князем: первомоу князю рюрикоу, игорю рюриковичу и святославоу [illegible] ярославоу володимеровичю".

Подобно тому, какъ пѣвецъ Слова сравниваетъ Бояна, „этого соловья стараго времени", „абы" онъ „ущекоталъ" (громко воспѣлъ) храбрые полки Игоря Святославича, такъ и пѣвецъ Задонщины [illegible] прилагаетъ восхваленіе [illegible] господина князя Димитрія Ивановича и брата

его князя володимера ондреевича“ тому же „гораздоу пѣсми и гусленными буйными словесы гоудцоу“.

Причина восхваленія „пѣсенными словесы“ князей Игоря и Димитрія у пѣвцовъ Слова и Задонщины — одна и та же: воспѣваемые князья имѣли „мужество и желаніе за землю роускую и за вѣру христіаньскую поостриша сердца свои моужествоу“.

Въ порывѣ лирическаго увлеченія, подавляемый поэзіей Слова, пѣвецъ Задонщины говоритъ о поляхъ половецкихъ, на которыя, какъ „соколи съ земли роускыя, взялися оба русскіе князя“ — Димитрій Ивановичъ и Владимиръ Андреевичъ. Подобно пѣвцу Слова, начинающему „повѣсть“ свою „отъ стараго Владимера“, пѣвецъ Задонщины считаетъ необходимымъ упомянуть „прадѣда князя володимера кіевскаго, царя роускаго“.

Описаніе приготовленій и готовности русскихъ къ битвѣ съ татарами въ Задонщинѣ совершенно тожественно съ такимъ же описаніемъ въ Словѣ и, очевидно, возникло подъ вліяніемъ послѣдняго.

Въ pendant описанію приготовленій „курянъ“, дружины буй тура Всеволода, въ Задонщинѣ мы находимъ описаніе приготовленій новгородцевъ: „какъ стоятъ моуже ноугородцы оу святыя софии“, какъ орлы слетѣлись „со всея полуночныя страны“, собрались всѣ князья русскіе около Димитрія и убѣждаютъ его пойти за „быструю“ рѣку Донъ — „оукоупити землямъ диво“, такъ какъ „межю дономъ и днѣпромъ“, на рѣкѣ Мечѣ стоятъ татары, желая отнять русскую вотчину.

Мысль о русской національности, о вотчинѣ, о принадлежности всѣхъ князей одному роду, гнѣзду, объ общей солидарности проводится и здѣсь, какъ въ Словѣ. „Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо“, говоритъ пѣвецъ Слова; „гнѣздо есмя было“, говоритъ въ Задонщинѣ князь Димитрій, — „единого князя великаго ивана даниловича, … доселѣ есмя были братие никоутымъ не изобижены ни соколоу, ни ястребоу, ни бѣлоу кречетоу, ни томоу псоу поганамоу мамаю!“ Развѣ не представляютъ послѣднія слова буквальной копіи описанія гнѣзда Олгова въ Словѣ, гдѣ находимъ слѣдующее: (гнѣздо) не было обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ черный воронъ, поганый половчинѣ“.

Выраженіе Слова: „о Бояне, соловію стараго времени! абы

ты сіа плъкы ущекоталъ", — вспоминается въ Задонщинѣ и примѣняется къ Ольгердовичамъ такъ: „славие птица что бы еси выщекоталъ ся два брата два сына вольярдовы андрея половетцкаго. дмитрея бряньскаго".

Характеристика Всеволодовой дружины въ Словѣ дала автору Задонщины поводъ къ поэтическому описанію сторожевыхъ полковъ, которые „на щитѣ рожены, подъ трубами повиты, подъ шеломы възлелеяны, конецъ копія вскормлены, съ остраго меча поены". А вотъ характеристика дружины въ Словѣ: „Куряне подъ трубами повиты, подъ шеломы възлелѣяни, пути имъ вѣдомы" и проч.

Сторожевыми полками предводительствовали Андрей Половецкой и Димитрій Брянскій, которые называются тамъ два сына Вольярдовы (Ольгердъ, 1345—1377), внуки Гедиминовы (Гедиминъ, 1315—1340). Они были [illegible] бились за русскую землю съ татарами [illegible] такъ, какъ въ Словѣ [illegible] своего коня [illegible]. Дотоле сильна и великая рать Димитрія Ивановича, что выступленіе ея сравнивается съ громомъ и шумомъ, какъ то было и въ Словѣ: „Не шумъ стучитъ [illegible] гремитъ, стучитъ сильная рать великаго князя [illegible] золочеными шеломы черлеными щиты".

Какъ въ Словѣ неудача второй битвы съ половцами предсказывается дурными предзнаменованіями, въ Задонщинѣ такими же предзнаменованіями сопровождается приходъ татаръ и, слѣдовательно, и потери русскихъ въ битвѣ съ татарами: „туже бо восташа сильніи вѣтри с моря прилелѣяша тучу великоу на оусть Днѣпра, на роускоую землю не тоучи, выстоупи кровавыя облака, а из нихъ пашоуть синіе молніи быти стоукоу и громоу великоу межю Дономъ и Днѣпромъ", замѣчаетъ авторъ Задонщины, очевидно, имѣя въ виду слѣдующее мѣсто Слова: „рано кровавыя зари свѣтъ повѣдаютъ, черныя тучя съ моря идутъ, а въ нихъ трепещуть синіе млъніи, быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго".

Приходъ татаръ сравнивается съ приходомъ сѣрыхъ волковъ: „то ти были не сѣрии волци, пришедша поганые татаровя, хотятъ пройти воюючи, взяти всю землю русскую".

И здѣсь, какъ въ Словѣ, Задонщина преувеличиваетъ [illegible]

многихъ русскихъ „удальцовъ“ „вороны граютъ, галицы свои рѣчи говорятъ, орли восклекчютъ, волци грозно воютъ, лисицы часто брешютъ“. Разница въ воззрѣніяхъ автора Слова и пѣвца Задонщины та, что послѣдній считаетъ сейчасъ перечисленныя предзнаменованія благопріятными для русскихъ: животныя по его мнѣнію, „чаютъ побѣду на поганыхъ“; авторъ же Слова сокрушается при этихъ предзнаменованіяхъ „уже бо бѣды его пасетъ птицъ“, говоритъ онъ.

Тотъ же пріемъ, какой употребленъ пѣвцомъ Задонщины при описаніи выступленія полковъ князя Владимира Андреевича, употребленъ раньше въ Словѣ, при описаніи выступленія цѣлаго войска: „Не громъ гремитъ“ и т. д. Если потерпѣвшему отъ половцевъ Игорю „солнце тьмою путь заступаше“, когда онъ вступилъ въ „златъ стремень“, то великому князю Димитрію, наоборотъ, „солнце на востокѣ... ясно сіяетъ, путь ему повѣдаетъ“, когда онъ „вступилъ въ свое златое стремя“ за него молитву творятъ сродники его Борисъ и Глѣбъ.

Задонщина заканчивается плачемъ „женъ-боярынь“ „по своихъ господарѣхъ“. Этотъ плачъ, отличаясь поэтической окраской, даетъ намъ большее право уподобить его плачу Ярославны въ Словѣ.

Тимофеевъ.

Слово о Димитріи Ивановичѣ.

Въ 1852 г. М. В. Ундольскій обнародовалъ въ XIV книгѣ Временника Московскаго Общества Исторіи и древностей Россійскихъ принадлежавшую ему редакцію сказанія о Куликовской битвѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Слово о великомъ князѣ дмитрее ивановиче, и брате его князе владимере андрѣевиче ѧко побѣдили супостата своего цр҃ѧ мамаѧ“.

Этотъ текстъ гораздо полнѣе сейчасъ разсмотрѣннаго и представляетъ какъ бы подробное его изложеніе. Поэтому, при разсмотрѣніи его, необходимо остановиться на тѣхъ мѣстахъ, которыя отличаются болѣе или менѣе существенно отъ Задонщины. Слово о великомъ князѣ начинается заявленіемъ Димитрія Ивановича „на пиру“ у Микулы Васильевича о томъ, что „у быстрого дону царь мамаи пришелъ на рускую землю и идетъ въ залѣсскую землю“.

Близость пѣвца Слова о великомъ князѣ къ пѣвцу Слова о полку Игоревѣ видна изъ слѣдующаго мѣста въ началѣ памятника: „лудчи бо намъ братие начати повѣдати иными словесы отъ похвальныхъ сихъ и о нынѣшнихъ повѣстехъ похвалу великому князю Димитрию Ивановичу и брату его князю Владимеру Андреевичу... начати повѣдати по дѣломъ и по былинамъ". Извѣстно выраженіе, употребленное пѣвцомъ Игоря „начати же ся тъ пѣсни по былинамъ сего времени".

Въ описаніи хода битвы въ Словѣ о великомъ князѣ нѣтъ такихъ подробностей, какъ въ Повѣсти, хотя изложеніе болѣе обстоятельно, чѣмъ въ Задонщинѣ. Зато въ Словѣ о великомъ князѣ, какъ и въ Задонщинѣ, авторъ не заставляетъ Пересвѣта выходить на единоборство; послѣдній, вмѣсто единоборства, просто „поскакиваетъ на своемъ добрѣ конѣ" по всему полю. Здѣсь, какъ и въ Задонщинѣ, Ослябя предсказываетъ товарищу близкую вѣрную смерть: „вижу на тѣлѣ твоемъ раны великыя", говоритъ онъ Пересвѣту.

Авторъ Слова о великомъ князѣ весьма подробно излагаетъ плачъ боярынь. Кромѣ Ѳедосьи плачутъ „Тимофеева жена Валуевича" Марья, Андреева жена Марья да Михайлова жена Оксинья, и въ плачѣ ихъ мы опять находимъ выраженія, напоминающія пѣвца Игорева.

Что касается до фактовъ историческихъ, то въ Словѣ о великомъ князѣ они или опускаются вовсе, или видоизмѣняются по волѣ автора. Такъ напримѣръ, князь Владимиръ Андреевичъ, по разсказу Слова, не становится въ засаду, а просто „заворачиваетъ" вмѣстѣ съ братомъ „стяги". О переодѣваніи великаго князя Димитрія Ивановича и боярина Бренка нѣтъ и рѣчи, какъ не говорится и о примѣтахъ Волынца, а Волынецъ и вовсе не упоминается. Ничего не говорится и о походѣ великаго князя къ Троицѣ за благословеніемъ преподобнаго Сергія: очевидно, Слово о великомъ князѣ писалось на скорую руку, и авторъ его готовъ былъ скорѣе поэтизировать, чѣмъ останавливаться на историческихъ подробностяхъ; писалъ онъ, очевидно, подъ вліяніемъ минуты и увлекался успѣхомъ русскихъ.

Слово о великомъ князѣ оканчивается описаніемъ бѣгства Мамая въ градъ Хавесть, къ „фрязомъ" и его погибели: „Фрязове сташа въ вину Мамаю его посягательство на русскую землю, „орду залѣсскую". „Уподобился еси", говорятъ

 său, малому младенцу у матери своей. Вотъ та тенденція, которою такъ замѣтно окрашено Повѣданіе въ спискѣ, напримѣръ, профессора Тихонравова.

Изъ подробнаго анализа Слова о великомъ князѣ и его сравненія съ Задонщиной оказывается, по нашему мнѣнію, слѣдующее: Слово составляетъ какъ бы переходную ступень отъ Задонщины къ Повѣданію, содержа въ себѣ, при несомнѣнно сильной поэтической окраскѣ, уже сравнительно большее количество чисто историческихъ фактовъ и эпизодовъ, которые въ Повѣданіи стоятъ, въ ущербъ поэзіи, на первомъ планѣ. Даже второстепенныя личности сходятся въ Словѣ о великомъ князѣ и въ Повѣданіи своими именами. И въ первомъ, и во второмъ, напримѣръ, счетчикомъ русской убыли въ битвѣ является „московскій бояринъ, Михайло Александровичъ".

Слово заканчивается такъ: „Пойдемъ во свою залѣсскую землю", говоритъ великій князь,—сядемъ, брате, на своемъ княженіи: а что (чести) есми, брате, добыли и славнаго имени Богу нашему слава!"

Тимоѳеевъ.

Объ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ.

По неразвитости литературныхъ началъ, старая письменность наша не могла имѣть того разряда произведеній, гдѣ являлось бы поэтическое изображеніе дѣйствительности, какъ въ западныхъ поэмахъ и рыцарскихъ исторіяхъ. Единственный почти памятникъ съ чисто поэтическою задачею и соотвѣтственнымъ ей исполненіемъ, Слово о полку Игоревѣ, доказываетъ, однако, что въ древней нашей словесности были богатые залоги поэтической дѣятельности. Немного позднѣйшій памятникъ XIV—XV вѣка, сказаніе о побѣдѣ великаго князя Димитрія Іоанновича надъ безбожнымъ Мамаемъ, извѣстное во множествѣ списковъ и редакцій, приводитъ, напротивъ, къ заключенію, что дальнѣйшая судьба этого направленія была далеко не такъ счастлива, какъ его начатки. Въ сказаніи видно и сильное желаніе стать выше уровня обыкновенной исторической повѣсти, но виденъ и упадокъ поэтической силы; авторъ сказанія невозвратно уклонился отъ живого настроенія народнаго эпоса, и оставшись собственнымъ средствамъ, спо-

собой былъ только на слѣпое подражаніе. Заимствуя и передѣлывая изъ Слова о полку Игоревѣ отдѣльныя описанія, сочинитель не могъ уйти отъ обыкновенной рутины и вслѣдъ за хитросплетеннымъ описаніемъ битвы приводитъ голый списокъ именъ, годный только для лѣтописи. На всемъ изложеніи находится отпечатокъ схоластической манеры: нерѣдкое употребленіе греческихъ словъ и книжные обороты показываютъ, что авторъ подчинялся вредному вліянію литературныхъ навыковъ своего времени. Вообще сравненіе этихъ двухъ произведеній достаточно рисуетъ разницу между древнимъ и среднимъ періодомъ нашей литературы: съ теченіемъ времени трудъ нашихъ писателей болѣе и болѣе занималъ историческій разсказъ, господствовавшій и въ XVII столѣтіи. Древнѣйшія попытки его выразились почти въ одно время лѣтописью и жизнеописаніемъ: рядомъ съ Несторомъ и сказаніями Кіевскаго патерика стоятъ жизнеописанія князей: Владиміра, Бориса и Глѣба и пр. Рядъ подобныхъ сказаній безъ перерыва продолжается до послѣднихъ временъ нашей исторіи: каждое замѣчательное лицо или событіе становилось предметомъ описанія. Появились *удѣльныя* повѣсти и сказанія о нашествіи злочестиваго царя Батыя, о подвигахъ Александра Невскаго, о убіеніи Михаила, жизнеописаніе Донского, сказаніе о паденіи Новгорода, взятіи Казанскаго царства, осадѣ Пскова Баторіемъ или Абатуромъ, и о множествѣ другихъ событій. Мѣстныя историческія преданія и легенды также нашли себѣ выраженіе и повторились въ обширномъ собраніи повѣстей полуправдивыхъ, полувыдуманныхъ, которыя смѣшаннымъ характеромъ своимъ соотвѣтствовали незатѣйливымъ потребностямъ старинныхъ читателей. Съ расширеніемъ этой литературы измѣнился и характеръ лѣтописи: къ своей хронологической нити она прибавляла цѣлыя сказанія отдѣльныя и, такимъ образомъ, удалялась отъ прежней формы: впослѣдствіи она вполнѣ замѣнена была лѣтописными сборниками и компиляціями, подобными Степенной книгѣ. Позднѣйшіе историческіе разсказы о древнихъ событіяхъ, у насъ, какъ и вездѣ, вносили много такого, что неизвѣстно теперь изъ коренныхъ источниковъ. Иное могло быть вѣрно и принадлежало старымъ извѣстіямъ, до насъ не дошедшимъ, другое зависѣло болѣе или менѣе отъ вымысла, основывалось или на позднихъ представленіяхъ о старинѣ, или на народныхъ преданіяхъ. При

ствіе этого послѣдняго начала даетъ повѣстямъ особенный интересъ, независимо отъ ихъ цѣны въ качествѣ историческихъ матеріаловъ; къ сожалѣнію, онѣ до сихъ поръ очень мало разработаны съ подобной точки зрѣнія. Въ XVI—XVII столѣтіяхъ историческіе разсказы особенно страдаютъ отъ позднѣйшихъ выдумокъ, въ чемъ виновато было отчасти и знакомство съ польскими историками и лѣтописцами. Происхожденіе Руси, „зачало" Москвы и „первоначальнаго великаго Новграда", и даже послѣдующія событія облечены были глубокою древностью, привязывались или къ именамъ библейской исторіи, или другимъ знаменитымъ лицамъ древности. Извѣстная книга о „Древностяхъ Россійскаго государства" дьякона Каменевича Рвовскаго была не столько его выдумкой, сколько обширною компиляціею баснословныхъ повѣстей, прежде существовавшихъ въ литературѣ.

Другими представителями исторической повѣсти были многочисленные хронографы и палеи. Въ старинной русской библіотекѣ хронографъ занималъ первое мѣсто послѣ главныхъ душеспасительныхъ книгъ, какъ богатый запасъ чтенія и занимательнаго и назидательнаго. Этимъ объясняется чрезвычайное распространеніе хронографовъ. Будучи книгой первой необходимости, хронографъ имѣлъ и большой авторитетъ для старинныхъ грамотеевъ; составленіе хронографа было дѣломъ существенной важности, и книжники наши сдѣлали изъ него цѣлую историческую энциклопедію, въ которую попало даже много такого, что было излишне въ сочиненіи историческомъ. Хронографы имѣли много различныхъ редакцій — однѣ основныя и болѣе извѣстныя, другія — частныя, принадлежащія отдѣльнымъ собирателямъ и зависѣвшія только отъ ихъ выбора и матеріаловъ. Эти сборники играли важную роль во все продолженіе стараго періода литературы, начиная отъ Нестора, читавшаго лѣтописанье греческое и болгарскаго лѣтописца, совѣтовавшаго читателю „да почтетъ хронографа", до послѣдняго русскаго хронографа, составленнаго въ половинѣ прошедшаго столѣтія для канцлера Бестужева.

Въ хронографѣ совмѣщалась цѣлая историческая библіотека. Начинаясь сотвореніемъ міра, онъ приводилъ библейскую и церковную исторію, добавляя ее сказаніями апокрифическими, разсказывалъ о судьбахъ древнихъ народовъ, особенно римскаго и греческаго, до паденія Византіи, переходилъ къ сла-

вянскимъ племенамъ и къ Руси, исторію которой излагалъ по лѣтописнымъ сборникамъ. Отдѣльныя произведенія вносимы были въ хронографы въ извлеченіи или же цѣликомъ, напр. псевдо-Каллисѳенова исторія Александра, троянскія сказанія и многія другія повѣсти. Говоря о сотвореніи міра, хронографъ выписываетъ толкованія отцовъ церкви, вставлялъ космографическія и географическія свѣдѣнія, разсказывалъ о греческой миѳологіи. Вслѣдствіе этого состава изложеніе, большею частью, носило отрывочный, анекдотическій характеръ, потому что составители не столько заботились о внутренней связи разсказа, сколько обращали вниманіе на отдѣльные факты. Лѣтописцы наши уже давно начали пользоваться византійскими хронографами; позднѣйшіе лѣтописные сборники, какъ Никоновскій, компилировали изъ нихъ еще больше; вообще до XVII вѣка хронографъ и палея оставались главнымъ источникомъ, гдѣ русскіе авторы почерпали нужныя для нихъ историческія свѣдѣнія. Изъ отдѣльныхъ повѣстей, внесенныхъ въ хронографы, мы замѣтимъ только немногія, болѣе любопытныя въ литературно-историческомъ отношеніи.

Повѣсть о взятіи Царьграда турками распространилась, вѣроятно, вскорѣ послѣ самаго событія; въ хронографахъ ею заканчивается обыкновенное изложеніе иноземныхъ происшествій. Это событіе описано было и въ другихъ разсказахъ, какъ можно судить по несходству нашихъ лѣтописныхъ повѣствованій съ подробной исторіей „о зачатіи и взятіи Царяграда“, помѣщенной въ хронографахъ и переписанной въ царственномъ лѣтописцѣ и Никоновской лѣтописи. Всего болѣе извѣстна была эта послѣдняя исторія, очень нерѣдкая и внѣ хронографовъ. Содержаніе повѣсти касается сперва преданій объ основаніи Царяграда Константиномъ и переходитъ потомъ къ обстоятельному описанію и взятію города; въ заключеніе приводятся предсказанія о будущей гибели безбожныхъ завоевателей и возрожденіи Византіи. Важность этого сказанія заключается въ томъ, что оно было не компиляціей изъ другихъ историковъ, а разсказомъ оригинальнымъ, который составленъ если не очевидцемъ, то, безъ сомнѣнія, современникомъ событія. Точность фактовъ и вѣрныя подробности даютъ русскому сказанію ту же цѣну, какую имѣютъ для историка извѣстія Франца, Дуки и Леонарда Хіосскаго. По мнѣнію Срезневскаго, повѣсть стала извѣстна у насъ при Іоаннѣ III

когда усилились особенно связи съ греками; быть можетъ, она принесена и тотчасъ по взятіи Царьграда, когда греки стали приходить въ Россію за милостыней и вспоможеніемъ. Называя повѣсть русскою, нельзя однако принимать такое выраженіе буквально: едва ли она могла быть сочинена по-русски или пересказана русскимъ, потому что списки повѣсти сохраняютъ много признаковъ, которые могли принадлежать греческому произведенію. Притомъ, существованіе сербскихъ списковъ, довольно старыхъ, наводитъ на мысль, что сказаніе намъ доставлено уже въ готовомъ славянскомъ переводѣ; тогда сказаніе можетъ быть названо русскимъ только на томъ основаніи, что нигдѣ оно не было извѣстно въ такой степени, какъ въ нашей старинной литературѣ. Почему она столько нравилась читателямъ, объясняется самымъ дѣломъ: „повѣсть о семъ событіи, говоритъ Полевой, была однимъ изъ любимыхъ чтеній на Руси, украшенная множествомъ нравоученій на память родамъ грядущимъ; въ ней съ радостію видѣли русскіе, что послѣ паденія Греціи осталась одна земля православная — Русь, и слышали пророчества, что Руси предоставлено нѣкогда взять Седмихолмый градъ, воцариться въ немъ и возстановить православіе въ землѣ Константина.

Той же эпохѣ принадлежитъ сказаніе о Дракулѣ, воеводѣ Мутьянской земли. Дракула былъ сынъ валошскаго воеводы Милыцы, отсѣкъ голову наслѣднику его Даку и сдѣлался правителемъ Валахіи въ первой половинѣ XV столѣтія. Дракула отличался большимъ коварствомъ и хитростію и удачно поддерживалъ независимость своей страны, поставленной въ невыгодное положеніе между Венгріей и уже сильными въ Европѣ турками. Наша повѣсть рисуетъ самыми темными красками характеръ ужаснаго Дракулы, имя котораго должно означать по-русски діавола; онъ преслѣдовалъ неправду и пороки, но на всѣхъ наводилъ страхъ жестокостію, не имѣвшею предѣловъ. Повѣсть наполнена анекдотами о безчеловѣчныхъ поступкахъ Дракулы или съ подданными его, или съ иноземцами, приходившими въ его страну; всеобщій страхъ его тиранства дошелъ до такой степени, что въ его землѣ никто не осмѣливался брать чужого. Однажды онъ увидѣлъ на какомъ-то бѣднякѣ худое платье и спросилъ его, есть ли у него жена? Когда тотъ отвѣчалъ, что есть, Дракула велѣлъ вести себя въ домъ его и, увидѣвъ молодую и здоровую жену, снова

спросилъ мужа: есть ли у тебя жена? Получивъ утвердительный отвѣтъ, Дракула обратился къ женѣ и сказалъ: отчего ты лѣнишься заниматься дѣломъ? Мужъ твой долженъ пахать землю, а ты не сшила ему рубахъ — въ этомъ ты виновата, а не онъ, и затѣмъ Дракула велѣлъ отсѣчь ей руки и посадить на колъ. Чтобы испытать правдивость своихъ подданныхъ, онъ поставилъ на источникѣ драгоцѣнную чару, и никто не осмѣлился взять ее, доколѣ онъ (т. е. Дракула) пребывалъ." Подобные разсказы составляютъ и дальнѣйшее содержаніе повѣсти. Иные изъ нихъ могутъ принадлежать и не именно Дракулѣ, или перенесены были на него изъ другихъ преданій и разсказовъ.

Повѣсть о Дракулѣ занимаетъ средину между историческими сказаніями хронографовъ и тѣми повѣстями, гдѣ дана была полная свобода вымыслу, хотя и развивающемуся иногда на основѣ дѣйствительнаго факта.

Пыпинъ.

Содержаніе повѣсти о Царьградѣ и ея значеніе.

Въ числѣ древнихъ и старинныхъ памятниковъ русскихъ осталось много замѣчательныхъ и важныхъ воспоминаній о Царьградѣ, на которыхъ, большею частію, лежитъ печать современности. Такъ на первыхъ страницахъ нашихъ лѣтописей между замѣчаніями о событіяхъ IX и X вѣка записаны сказанія о мирныхъ и немирныхъ странствованіяхъ русскихъ въ Царьградъ съ припоминаніями о его великолѣпіи и богатствахъ. Позже въ одной изъ древнихъ лѣтописей новгородскихъ находимъ сказаніе о взятіи Царьграда латинами. Отъ половины XIV вѣка осталось довольно подробное описаніе Царьграда новгородца Стефана; отъ конца XIV вѣка — два описанія: одно дьяка Александра, а другое дьякона Игнатія; отъ начала XV вѣка, хотя и не подробное, но живое описаніе іеродіакона Зосимы и т. д. Въ XV вѣкѣ, когда вѣсть о паденіи Царьграда подъ ударами Магомета II разносилась по Руси, не могли у насъ не явиться описанія и этого страшнаго событія. Можно предполагать, что такихъ описаній было у насъ нѣсколько. Одно изъ нихъ, очень подробное, [illegible] другихъ и потому сохранилось въ значительномъ количествѣ списковъ въ хронографахъ, лѣто-

писяхъ и сборникахъ. Это — „Повѣсть о созданіи и взятіи Царьграда".

Повѣсть о взятіи Царьграда, занимательная по изложенію и по подробностямъ, изъ которыхъ нѣкоторыхъ вовсе нѣтъ въ другихъ сказаніяхъ, оживленная сочувствіемъ къ событіямъ и къ лицамъ, но такъ что никто изъ христіанъ того времени не обиженъ, не охуленъ. Списки этой повѣсти довольно различны — и только въ мелочахъ чтенія и правописанія, но и въ тѣхъ чертахъ, которыя могутъ повести къ отвѣту на вопросъ: когда, кѣмъ и по какому случаю она написана. Безъ сличенія возможно большаго количества списковъ нельзя рѣшить, что считать въ нихъ вставками и измѣненіями позднѣйшаго времени, и что именно было въ подлинникѣ; а безъ такого сличенія первобытнаго текста нельзя допустить и окончательныхъ выводовъ о значеніи повѣсти, какъ памятника историческаго. Впрочемъ и теперь, перечитывая ее въ спискахъ, болѣе или менѣе искаженныхъ, можно догадываться, что она составлена если и не очевидцемъ, то современникомъ, или, по крайней мѣрѣ, по разсказамъ современниковъ, и должна занять почетное мѣсто между другими современными разсказами.

Въ 5818—910 году великій Константинъ Флавій, царь римскій, отвсюду собирая христіанъ, сталъ заботиться объ укрѣпленіи и расширеніи вѣры христіанской. Въ XIII годъ своего царствованія онъ задумалъ создать городъ въ свое имя. Голосъ, слышанный царемъ во снѣ, обозначилъ мѣсто: „Въ Византіи подобаетъ Константинуграду создатися". Царь отправился въ Византію, увидѣлъ тамъ семь горъ и много морскихъ заводей („глубинъ"), велѣлъ срывать верхи горъ, засыпать низменныя удолья, на глубинахъ ставить каменные столбы, на нихъ сводить своды и такимъ образомъ равнять мѣсто. Потомъ на совѣтѣ съ вельможами начерталъ планъ городу и крѣпости, велѣлъ размѣрить мѣстность „на три угла, во всякую сторону по семи верстъ", какъ указывало пространство материка между морями Чернымъ и Бѣлымъ *). И вотъ внезапно вышелъ изъ норы змій и поползъ по площади, а на небѣ надъ нимъ явился

*) Подъ именемъ Бѣлаго моря въ повѣсти разумѣется то, что обыкновенно [illegible] весь Архипелагъ, не только Узкое, т. е. Мраморное море.

невѣсть откуда орелъ, спустился на змія, схватилъ его и поднялся съ нимъ на воздухъ. И царь и всѣ, кто тутъ былъ, это видѣли: видѣли, какъ крѣпко змій обвивался вокругъ орла, какъ орелъ летѣлъ съ нимъ все выше; оба скрылись надолго, потомъ опять показались, стремясь внизъ, — и палъ орелъ со змѣемъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ поднялся. Люди набѣжали, высвободили орла и убили змія. Испуганный царь созвалъ книжниковъ и мудрецовъ, разсказалъ имъ это знаменіе, и вотъ что они, поразмысливъ, отвѣчали царю: „Это мѣсто называется Седмихолмнымъ, прославится и возвеличится во всей вселенной болѣе всѣхъ другихъ городовъ; его межъ двухъ морей будутъ бить волны морскія, и будетъ онъ колебаться. Орелъ — знаменіе христіанства, змій — знаменіе басурманства; что змій одолѣлъ орла, это знакъ, что бусурмане одолѣютъ христіанъ; а что христіане змія убили и освободили орла — это знакъ того, что христіане одолѣютъ басурманъ, возьмутъ Седмихолмный назадъ и воцарятся въ немъ". Смутился великій Константинъ, повелѣлъ написать ихъ слова и продолжалъ свои заботы о построеніи города... Городъ устроивался, а жителей было много, и поэтому царь сталъ вызывать изъ Рима и изъ другихъ странъ вельможъ, магистановъ, сановниковъ строить ихъ домы. Онъ воздвигъ большую „палату", „дивную" ипподрому и рынокъ, т. е. крытую улицу для торга. Онъ же воздвигъ храмы: св. Софіи, св. апостоловъ, св. Ирины и много другихъ. На одной изъ площадей онъ поставилъ удивительный „багряной столпъ", перевезенный изъ Рима; три года нужно для этого, потому что онъ былъ очень великъ и тяжелъ: отъ моря къ площади перетаскивали его цѣлый годъ, и царь, приходя часто самъ смотрѣть на работы, раздавалъ много золота работникамъ, чтобы они берегли его. Въ его основаніе положены были двѣнадцать кошницъ, благословенныхъ Спасителемъ, частицы честнаго древа и мощи святыхъ „на утвержденіе и сохраненіе предивнаго единокаменнаго столпа". На немъ поставленъ былъ кумиръ, принесенный изъ Солнечнаго города фригійскаго, съ семью лучами на головѣ. Много и другихъ удивительныхъ и славныхъ вещей Константинъ принесъ въ свой городъ. Онъ назвалъ его *новымъ Римомъ*, Царьградомъ, и завѣщалъ, чтобы и преемники его заботились объ украшеніи города сооруженіемъ храмовъ и зданій. И точно хранимъ былъ этотъ завѣтъ. Юстиніанъ, Феодосій Великій, царица Евдокія и многіе

другие цари исполнили его и такъ наполнили Царьградъ „преславными и дивными вещами“, что блаженный Андрей Критскій, изумляясь его величію, сказалъ о немъ: „воистину градъ сей выше слова и разума есть“. Но и этотъ городъ за неисчетныя согрѣшенія и беззаконія пострадалъ отъ различныхъ бѣдъ и напастей. Такъ и нынѣ, въ послѣднее время, за наши грѣхи унизили его и напастенія невѣрныхъ, и голодъ, и повѣтрія, и междоусобныя брани (1453 г.).

Въ 6961—1452 году „безбожный Магметъ“, сынъ Амурата, несмотря на миръ съ православнымъ царемъ Константиномъ Мануиловичемъ, на свое обязательство и клятвы, пошелъ на него войною. Его большое войско, приведенное по сушѣ и по морю, внезапно обложило городъ. Царь послалъ къ султану пословъ для объясненій и переговоровъ о мирѣ; но „окаянный султанъ“, „безвѣрный и лукавый“, отпустилъ пословъ безъ отвѣта. Въ декабрѣ (1452 г.) онъ выслалъ войско съ тѣмъ, чтобы бить въ городъ изъ пушекъ и пищалей и изъ другихъ стѣнобитныхъ орудій, и приготовляться къ приступу. И турки обложили городъ. Тогда царь повелѣлъ вельможамъ и мегистанамъ*) распредѣлить воиновъ по стѣнамъ, стрѣльницамъ и воротамъ, назначивъ каждому свое мѣсто съ его отрядомъ и съ „ратными колоколами“**), расположивъ всюду, гдѣ было нужно, пушки и *пищали* для охраненія стѣнъ и запретивъ всѣмъ выѣзжать и выходить изъ города. А самъ онъ съ патріархомъ, съ царицею, со святителями и со всѣмъ священнымъ соборомъ, въ сопровожденіи множества женъ и дѣтей, обходилъ ежедневно храмы Господни, вознося мольбы къ Милосердому. Онъ часто объѣзжалъ и вокругъ города, подкрѣпляя стратиговъ, воиновъ и всѣхъ людей надеждою на Господа и ободреніемъ ихъ храбрости. Турки между тѣмъ на всѣхъ мѣстахъ бились день и ночь, смѣняя одни другихъ, не давая отдыха городу, стараясь утомить его защитниковъ, съ тѣмъ чтобы облегчить себѣ задуманный приступъ. Такъ прошло тринадцать дней. Въ четырнадцатый день турки возгласили свою „скверную молитву“, затрубили

* Мегистаны — (μεγιστᾶνες и μεγιστάνες (отъ μέγας, большой, μέγιστος, большій) то же, что въ срб. хорв. великаши, наше народное — набольшие вельможи.

** Колокола ратные (tintinabula), которыми созывали народъ и подавали ему какой-нибудь знакъ.

въ сурны*), варганы**) и накры***), и, подкативши много пушекъ и пищалей, начали бить городъ, стрѣляя между тѣмъ и изъ ручныхъ луковъ.

Горожане же выдерживали этотъ приступъ, защищая стѣны и только отстрѣливались, сколько могли изъ пушекъ и пищалей; а турки съ кличемъ и воплемъ приступили къ городу, одни съ огнями или съ лѣстницами, другіе съ стѣнобитными орудіями, иные съ [illegible] пушками [illegible]. Въ Царьградѣ повсюду раздался звонъ колоколовъ, по войску турецкому звуки суръ, трубъ и тимпановъ****). Началась жестокая страшная сѣча. Отъ стука пищалей, отъ звука колоколовъ, отъ треска оружія, отъ вопля и крика воиновъ, отъ плача и рыданія женъ и дѣтей казалось, что колебалась земля. Тучи дыма покрывали городъ и войско, такъ что сражавшіеся не видѣли, съ кѣмъ приходилось биться, и многіе задохлись отъ зелейнаго*****) духа. Схватывались и рубились [illegible] до тѣхъ поръ, пока ночная тьма не разлучила сражающихся. Отходя отъ стѣнъ города, турки не взяли своихъ падшихъ, а осажденные отъ утомленія пали какъ мертвые, и только на стѣнахъ осталась стража. На утро царь велѣлъ собрать и перечести мертвыхъ: ихъ было: [illegible] грековъ 1740, а фряговъ и армянъ 700. Обходя стѣны города, онъ видѣлъ стонущихъ своихъ воиновъ, видѣлъ, что рвы наполнены трупами враговъ, что громады труповъ ихъ покрываютъ и поле, и берега, и сосчитали всѣхъ убитыхъ турокъ 18,000. Онъ приказалъ сжечь стѣнобитныя орудія, и потомъ вошелъ съ патріархомъ и со всѣмъ духовенствомъ въ Софійскій храмъ и принесли благодарственный молебенъ Господу [illegible]

*) Сурна, сурма ср. нов. греч. σούρμα — одинъ изъ 19 тоновъ греч. музыки. Въ Ипат. и Воскр. лѣт. этотъ инструментъ упоминается подъ 1250 г. въ Ипат. сурны, въ Воскр. сопѣли.

**) Варганъ — ὄργανον, organum, принималось у византійцевъ въ смыслѣ fistula — флейта.

***) Накры — бубны — ἀνάκαρα, anacara.

****) Тимпанъ — барабанъ, τύμπανον, tympanum.

*****) [illegible] такъ зельемъ называли и порохъ.

лись, что „безбожный“ (Махметъ) отступитъ отъ города, увидя такую погибель своихъ. Но „звѣроподобный“ думалъ не такъ. Имъ высланы были на другой день многіе полки, чтобы собрать мертвыхъ, и они, безъ сопротивленія со стороны грековъ, какъ и желалъ царь, очистили рвы и потоки и сожгли трупы; а на седьмой день послѣ того султанъ двинулъ вновь свое войско къ городу...

На тринадцатый день послѣ перваго приступа турки прикатили пушки и пищали и другіе стѣнобитные „сосуды“. Магометъ въ ярости закричалъ: „яма, яма“! т. е. „на разграбленіе города“! Вскричало за нимъ все войско и бросилось къ приступу. Осажденные вышли на стѣны всѣ, такъ что остались только патріархъ, святители и священство, молясь въ церквахъ. Царь безъ отдыха объѣзжалъ по всему городу, плача и рыдая и умоляя стратиниковъ и всѣхъ людей мужаться, не ослабляться въ трудахъ, не падать надеждою „кладуще главы своя за православную вѣру и за святыя церкви, яко да и насъ помилуетъ и прославитъ всещедрый Господь Богъ“, и велѣлъ звонить по всему городу. И люди, услыша звонъ святыхъ храмовъ, ободрились, охрабрились и, сражаясь съ турками, говорили другъ другу: „умремъ за вѣру христіанскую“. Падали трупы съ обѣихъ сторонъ, какъ снопы, и потоки крови текли, какъ рѣки. Рвы наполнялись трупами до верху такъ, что турки ходили по нимъ къ городу какъ по ступенямъ; ихъ мертвые были имъ мостомъ и лѣстницей. Если бъ Господь Богъ не покончилъ дня, была бы тогда же городу конечная погибель, потому что осажденные совершенно изнемогли.

Спустя девять дней послѣ того „скверный Магметъ“ велѣлъ всему своему войску вновь готовиться къ приступу, вела большую пушку передѣлать крѣпче прежняго...

Осажденные днемъ бились съ турками, а ночью выходили во рвы, пробивали стѣны рва со стороны поля и „изрывали“ землю по застѣнью во многихъ мѣстахъ, задѣлывая въ нихъ порохъ и сосуды съ пушечнымъ „зельемъ“. По стѣнамъ также приготовляли сосуды съ смольемъ и съ горячей сѣрой и песковъ съ смолою и съ пушечнымъ „зельемъ“. Такъ въ ежедневной борьбѣ съ врагами провели они еще 25 дней.

Велѣлъ безбожный прикатить большую пушку. Она была обвязана желѣзными обручами и казалась отъ этого крѣпче;

но лишь только ее пустили, то, при первомъ ударѣ, она разсѣлась на части. Считая себя поруганнымъ, „безбожный“ велѣлъ придвинуть къ городу всѣми силами свои крытыя туры*) и, уставивъ ихъ по берегу рва, наполнилъ ровъ деревьями, хворостомъ, землею, придвинулъ туры еще ближе къ городу и подкапывалъ стѣну, чтобы она рухнула; но когда турки подступили ко рвамъ, осажденные зажгли зелейные сосуды, заложенные внѣ рва. Загремѣла земля, какъ громъ, и поднялась съ турами и турками къ облакамъ зелейная буря. Страшенъ былъ трескъ и порушеніе туровъ, страшенъ вопль и стонъ людской. Когда же потомъ горожане вышли на стѣну и увидѣли во рву множество турокъ, стали они зажигать бочки со смолою и бросать на нихъ. „Злопрадный Магметъ“ издали глядѣлъ на все это и не зналъ, что бы сдѣлать; а между тѣмъ его ратники, устрашенные, отступили отъ города. Греки вышли изъ-за стѣнъ, добивали во рвахъ турокъ, еще живыхъ, и, складывая „громадами“, сожгли ихъ вмѣстѣ съ остальными турами. Такъ освободился городъ въ этотъ день „отъ безбожныхъ турковъ“. Царь и патріархъ со священствомъ вознеся благодарственныя молебны, думая, что брань этимъ кончится. Мая 6-го „безвѣрный“ велѣлъ бить городъ въ то же мѣсто, гдѣ и прежде, и били изъ многихъ пушекъ въ продолженіе трехъ дней... Горожане расширили башню, укрѣпили всю „проломину“ и навели въ нее много пушекъ тайно, потому что башня была внутри города. На утро, когда увидѣли турки, что стѣна не задѣлана, напали и стали биться съ греками. Греки принуждены были отступить, отстрѣливаясь изъ однѣхъ пушекъ.

Между тѣмъ царю объявили, что турки уже вошли на стѣну и одолѣваютъ горожанъ. Царь кинулся къ стѣнамъ, вельможи и стратиги за нимъ. Царь сталъ рубить турокъ нещадно и ужасно, разсѣкая кого на двое, кого на поламъ, такъ что ничто не удерживало меча его. Они сбили отъ того изъ города къ пролому. Къ вечеру они совершенно отступили. На утро эпархъ Николай повелѣлъ вывести изъ города и изъ рва убитыхъ турокъ; ихъ было 15 000. Они были признаны невѣрными и сожжены..

Къ 26-му мая непріятели, послѣ того какъ ихъ [illegible]

*) Туръ — τέῤῥις, turris, деревянная бойница.

прокричали „свою скверную молитву“, ринулись къ городу. Прикатили пушки и пищали, туры, лѣстницы, деревянные городки и другія стѣнобитныя „козни“, съ моря придвинули катарги *) и корабли, и начали бить городъ отовсюду и строить мостъ черезъ рвы. Сбивъ воиновъ со стѣнъ, придвинули деревянные городки, высокіе туры и множество лѣстницъ и старались силой взобраться по стѣнамъ; но греки рубились съ ними крѣпко. Въ то же время „окаянный Махмедъ“, заигравъ „во всѣ игры и въ тимпаны“, съ крикомъ, какъ буря, бросился къ пролому, думая мгновенно овладѣть городомъ; но и тутъ осажденные подъ начальствомъ Юстиніана выдержали напоръ враговъ. Обороняясь отъ нападенія, греки метали на турокъ съ обѣихъ сторонъ стѣны горячую смолу, горящіе пуки смолья... Зашло солнце, а сѣча не переставала. „Безбожный“ зажегъ множество огней, самъ скакалъ во всѣ мѣста съ крикомъ и воплемъ, понуждая своихъ и надѣясь немедля пожрать городъ. Не унывали греки и ихъ сподвижники на стѣнахъ, вооружаясь храбростью, и рубились до полуночи. Они успѣли согнать турокъ съ забралъ и съ ихъ городковъ на землю. Сѣча прекратилась; но турки не отступили отъ города: „самъ окаянный“ стоялъ у стѣнъ, оберегая свои городки и другія „козни“, чтобы горожане не подожгли ихъ....

29-го мая турки, прикативъ пушки противъ пролома, начали бить въ него, и когда отбили горожанъ отъ пролома, поспѣшили очистить путь, поровнять ровъ, бросились въ проломъ и опрокинули горожанъ. Завязалась сѣча. Царь принялъ въ ней участіе, и началась сѣча упорнѣе всѣхъ прежнихъ: вельможи, мегистаны и стратиги падали одинъ за другимъ. „Окаянный Махметъ“ послалъ всю свою рать въ городъ по всѣмъ улицамъ и по всѣмъ воротамъ. Народъ на улицахъ и дворахъ защищалъ себя отъ турокъ, не желая имъ покориться; защищались и воины въ стрѣльницахъ отъ турокъ, нападавшихъ на нихъ изъ города и съ поля. Кидали на турокъ съ домовъ керемиды *), плиты **), бревна подожженныхъ деревянныхъ кровель. Паши приходили въ ужасъ. Санджакъ-

*) Катарга — галера: *κάτεργον, κάτεργα.*

**) Керемида — *κεραμίς, -ίδος*, — черепица и всякое издѣліе изъ глины.

***) Плита — *πλίνθος*, кирпичъ, плита.

беги*) послали сказать султану, что если онъ самъ не войдетъ въ городъ, то его не одолѣть. Магометъ велѣлъ искать царя и царицу; позвалъ плѣнныхъ бояръ и стратиговъ царскихъ, наградилъ ихъ дарами и послалъ съ пашами и съ санджакъ-бегами сказать гражданамъ по улицамъ и воинамъ въ стрѣльницахъ свое слово съ клятвою, что битва должна прекратиться безъ страха, убійства и плѣненія; а если не прекратится, то всѣхъ васъ предамъ, и женъ, и дѣтей вашихъ, да поразитъ мечъ». И битва прекратилась. Обрадовался султанъ и велѣлъ очищать улицы и площади...

Онъ послалъ санджакъ-беговъ по всѣмъ улицамъ съ воинами стеречь, чтобы не было измѣны и «крамолы», а самъ пошелъ черезъ ворота св. Романа къ храму Софіи, гдѣ были собраны патріархъ со всѣмъ клиромъ и много народу, женъ и дѣтей. На площади у храма онъ сошелъ съ коня, палъ на землю, посыпалъ голову землею въ знакъ благодаренія Богу, и потомъ, удивляясь красотѣ храма, сказалъ: «поистинѣ это были люди: нѣтъ ихъ и не будетъ имъ подобныхъ». Вошелъ онъ во храмъ. Вошли съ нимъ мерзости и запустѣнія въ святилище Божіе и осквернили святое мѣсто. Патріархъ, клиръ и народъ, увидя его, возопили и пали предъ нимъ. Онъ подалъ знакъ рукою, чтобы встали, и сказалъ: «Тебѣ говорю, патріархъ, и всѣмъ твоимъ, и всему народу: не бойтесь съ этого дня моего гнѣва, ни убійства, ни плѣненія». Потомъ, обратясь къ своимъ пашамъ и санджакъ-бегамъ, велѣлъ возвѣстить всему войску, чтобы никто, подъ опасеніемъ смерти, не смѣлъ трогать горожанъ. Народу, бывшему въ церкви, онъ приказалъ расходиться по домамъ, потому что хотѣлъ видѣть церковныя «уряды» и всѣ сокровища, но не могъ дождаться выхода всѣхъ и вышелъ самъ. Онъ пошелъ къ царскому двору. Тутъ встрѣтилъ его какой-то сербинъ, несъ ему голову царя. Султанъ обрадовался, но не повѣрилъ; спросилъ бояръ и стратиговъ, точно ли это голова царя, и, увѣрившись, облобызалъ ее. Онъ послалъ ее къ патріарху, чтобы тотъ обложилъ ее серебромъ и золотомъ и сохранилъ, какъ самъ знаетъ. Патріархъ положилъ ее въ серебряный позолоченный ковчегъ и скрылъ ее въ Софійскомъ храмѣ подъ престоломъ. Отъ другихъ же слышали мы, что оставшееся отъ

*) Санджакъ бегъ — dominus vexilli; военачальникъ, имѣющій свое знамя.

воиновъ, бывшихъ близъ царя, у Золотыхъ воротъ, унесли тѣло его ночью въ Галату и тамъ скрыли. О царицѣ сказали султану, что великiй дука и другiе отправили ее на корабль: султанъ казнилъ ихъ за это смертью.

Такъ совершилось за грѣхи наши, что „беззаконный Махметъ" сѣлъ на царскомъ престолѣ, на престолѣ, который благороднѣе всѣхъ, какiе есть подъ солнцемъ, и сталъ владѣть двумя частями вселенной... Но помни „окаянный": если совершилось все предсказанное при царѣ Константинѣ, и Меѳодiемъ Патарскимъ, и Львомъ Премудрымъ, если всѣ знаменiя объ этомъ городѣ исполнились: то совершится и послѣднее, какъ сказано: русскiй родъ сразится съ измаильтянами, — и возьмутъ седмихолмый съ первозаконными его обладателями и воцарятся въ немъ. *Сретевскій.*

Историческія сказанія въ нашихъ лѣтописяхъ.

Живое сознанiе тяготы и позора времени татарщины съ особенною силою проявилось въ тѣхъ отдѣльныхъ сказанiяхъ, которыя вошли въ составъ нашихъ лѣтописей. Неизвѣстные составители этихъ сказанiй очевидно были современниками описываемыхъ ими событiй. „По грѣхамъ нашимъ пришли *языци незнаеми*", говорится въ повѣсти о побоищѣ на рѣкѣ Калкѣ, доставившей намъ первое злополучное знакомство съ татарами. „Про этихъ же злыхъ татаръ — замѣчается въ концѣ лѣтописи — не знаемъ, откуда они пришли на насъ и *куда опять дѣлись*, только Богъ знаетъ". Ясно, что это написано до того второго пришествiя къ намъ татаръ тринадцать лѣтъ спустя, послѣ котораго они уже никуда не скрылись, а надолго свили себѣ гнѣздо на пути въ землю русскую — по подобiю баснословнаго Соловья-разбойника.

Печать современности сказывается въ повѣсти о Калкскомъ побоищѣ и тѣмъ, что событiе это является тутъ какъ бы подтвержденiемъ пословицы: „нѣтъ худа безъ добра". Повѣствователь радуется, что новый невѣдомый врагъ нанесъ пораженiе старому многоиспытанному. „Половцы не могли противиться имъ — говорится въ повѣсти — много зла сотворили половцы землѣ русской, того ради всемилостивый Богъ захотѣлъ отомстить имъ за кровь христiанскую". Повѣствователь не чуялъ, что гораздо болѣе зла землѣ русской нанесетъ этотъ

новый врагъ... Не вразумляютъ его и приводимыя имъ слова половцевъ русскимъ: „мы нынче иссѣчены будемъ, а вы завтра“. Онъ готовъ винить князей нашихъ за то, что они пошли на выручку къ половцамъ; не будь этого, гроза миновала бы, думается ему, землю русскую; но онъ не скрываетъ и главной причины бѣды — того, что между князьями русскими „бѣ котора*) велика“. Вотъ чего ради пришлось, наконецъ, обратиться въ бѣгство и самому Даніилу Романовичу, хотя онъ былъ „дерзъ и храбръ“ и „отъ главы и до ногъ его не было въ немъ порока“. Вотъ отчего и „была побѣда надъ всѣми князьями русскими, какой не бывало еще никогда отъ начала земли русской“. Все отъ прародительскаго грѣха — раздора, на которомъ, однакожъ, долѣе не останавливается повѣствователь. Онъ прямо переходитъ къ установившемуся у насъ обычаю, вытекавшему изъ отвлеченнаго взгляда на вещи, къ грѣхамъ нашимъ вообще, какъ постоянной причинѣ всѣхъ нашихъ бѣдствій. „Но Богъ, разсуждаетъ онъ въ заключеніе, ожидалъ покаянія христіанскаго и обратилъ татаръ вспять отъ рѣки Днѣпра на землю восточную“; повѣствователь не ждалъ, вѣдь, что они вернутся; когда же они вернулись, повѣствователямъ новыхъ бѣдъ оставалось только прійти къ заключенію, что Богъ позволилъ татарамъ вернуться вслѣдствіе общей нашей нераскаянности.

Въ новгородской IV лѣтописи битва при Калкѣ связывается уже и съ послѣдующими событіями: „то первое — сказано тутъ — выхожденіе татарское на Русь“. Такое замѣчаніе могло появиться только послѣ втораго окончательно гибельнаго для насъ „выхожденія“ ихъ, происшедшаго подъ начальствомъ Батыя.

Это второе нападеніе татаръ не могло не сдѣлаться предметомъ особой повѣсти, или вѣрнѣе, повѣстей, такъ какъ нападеніе татаръ на каждый выдающійся городъ описано было отдѣльно подъ живымъ впечатлѣніемъ, и все еще при участіи самообольщенія, будто бы, натворивъ худа, опять они скрылись и не вернутся.

Различные изводы сказанія о разореніи Батыемъ Рязани критически разобраны проф. Срезневскимъ. Въ краткомъ — на требованіе безбожными татаровями съ рязанскихъ князей

*) Котора — распря.

десятины во всемъ, князья мужественно имъ отвѣчаютъ: „если насъ не будетъ, то все ваше будетъ". Но тщетно посылаютъ они за помощью къ великому князю владимірскому. „Князь Юрій Всеволодовичъ ни самъ не пошелъ, ни силы своей не послалъ, не послушалъ мольбы рязанскихъ князей, но де хотѣ самъ о собѣ брань сотворити". Замѣчая объ этомъ обычномъ у насъ явленіи, повѣствователь однакоже не проявляетъ негодованія, объясняя этотъ княжескій грѣхъ тѣмъ „недоумѣніемъ, грозою и страхомъ", который наведенъ былъ на нашу землю Господомъ въ наказаніе за ея грѣхи вообще. „Но уже бяше Божью гнѣву не противитися", спокойно рѣшаетъ онъ со своей религіозной точки зрѣнія, прибавляя: „какъ и прежде этого Господь у насъ отнялъ силу, и крѣпкихъ сердца въ слабость женскую преложилися, и сего ради ни одинъ изъ князей русскихъ не пошелъ другъ другу на помощь".

Въ лѣтописи Лаврентьевской сохранился лучшій изводъ отдѣльнаго сказанія о взятіи Батыемъ Владиміра, сохранившій во многомъ печать современности. Разсказавъ о томъ, какъ татары подвели къ Золотымъ воротамъ владимірскимъ плѣненнаго ими князя Владиміра Юрьевича, повѣствователь восклицаетъ невольно: „умильное видѣніе и слезъ достойно! Сотворилось, говоритъ онъ далѣе, великое зло въ землѣ суздальской: такого зла не бывало отъ крещенія нашего, какое было нынѣ... Радость обратилась намъ въ скорбь, чтобы и не хотя того, всякій изъ насъ обрѣлъ милость въ будущемъ вѣкѣ, ибо душа, казнимая здѣсь, обрящетъ тамъ льготу отъ мукъ".

Въ Лаврентьевской лѣтописи слѣдуетъ далѣе разсказъ о нападеніи татаръ на другіе города, причемъ уже не замѣтно слѣдовъ отдѣльныхъ сказаній; но мѣстами ясно высказывается голосъ современника. „Тогда же былъ злой переполохъ по всей землѣ, и сами не знали куда кто бѣжитъ", говорится, повидимому, свидѣтелемъ этого паническаго страха. А Троицкая лѣтопись, сказавъ вкратцѣ о взятіи погаными Торжка, спрашиваетъ: „кто же, отцы, и братья и дѣти, видя это Божіе попущеніе на всей землѣ русской, въ состояніи будетъ не плакаться?" Оно становилось все болѣе и болѣе грустнымъ, по мѣрѣ того, какъ приходилось убѣждаться, что бѣда не ограничится только нѣкоторыми мѣстностями. Когда же окончательно убѣдились, что она общерусская, у лѣтописца сложилось слѣдующее олицетвореніе земли русской, плачущейся, подобно

рыдали о чадахъ своихъ: „сыны, сыны русскіе! Зачѣмъ ходили вы предъ Господомъ Богомъ, сотворившимъ васъ въ похотяхъ сердецъ вашихъ?“

„*Видите*, [illegible], какъ праведнымъ судомъ Божіимъ впадаете въ немилостивыя руки поганыхъ: *[illegible]*. И не бѣ васъ, моихъ чадъ любимыхъ, [illegible] (Современникъ).

О томъ, какъ гроза, наконецъ, разразилась и надъ старымъ стольнымъ Кіевомъ, въ сильныхъ выраженіяхъ разсказано въ южно-русской лѣтописи, отличающейся, какъ извѣстно, яркостію красокъ, обиліемъ подробныхъ рѣчей, нерѣдкимъ употребленіемъ пословицъ и поэтическихъ оборотовъ, и вообще участіемъ въ ней, въ большей степени, чѣмъ въ другихъ лѣтописяхъ, сѣверской стихіи. Тѣ же черты проявляются тутъ и при описаніи погрома татарскаго. Когда Батый подступилъ къ Кіеву, „не стало — по этой поэтической лѣтописи — ничего слышно отъ скрипѣнія телѣгъ, отъ рева верблюдовъ, отъ ржанія конскихъ стадъ. И исполнилась земля русская ратныхъ“. Замѣчательный современникъ слышится несомнѣнно въ описаніи первой поѣздки въ Орду Даніила Галицкаго. „О, злѣе зла честь татарская!“ восклицаетъ повѣствователь, разсказавъ объ обрядахъ, которымъ должны были подчиняться въ Ордѣ князья русскіе. А Даніила Романовича Батый хотя и отличилъ, хотя онъ и позже другихъ собрался къ нему съ челобитьемъ, угостилъ его кумысомъ и поощрилъ его словами: „ты уже нашъ, татаринъ“, Батый велѣлъ даже подать ему вина, такъ какъ онъ не привыкъ къ молоку кобылъему. „О, злѣе зла честь татарская!“ при этомъ у повѣствователя еще не смѣшивается съ такими порицаніями: „Даніилъ Романовичъ, князь великій, обладавшій русскою землею, Кіевомъ, Владиміромъ и Галичемъ, а нынѣ стоитъ сидитъ на колѣнахъ и холопомъ называется, и дани хотятъ, живота не чаетъ, и грозы на него приходятъ. О, злѣе зла честь татарская!“.

О. Миллеръ.

Содержаніе хожденія за три моря Аѳанасія Никитина.

За тридцать лѣтъ до того времени, какъ португалецъ Васко де Гама предпринялъ въ 1497 году свое славное морское путешествіе, открывшее морской путь въ Восточную Индію, нашъ

тверитянинъ отправился туда же черезъ Персію въ 1466 году, пробылъ въ Индіи четыре года, составилъ записки о своемъ пути и пребываніи и въ 1472 году, возвращаясь въ свою родную Тверь, умеръ на дорогѣ въ Смоленскъ. Тетради, его рукою писанныя, привезены были купцами въ Москву и вручены дьяку великаго князя, Василью Мамыреву, который, какъ должно думать, и внесъ ихъ въ современную лѣтопись подъ 1475 годомъ. Нашему ученому Срезневскому мы обязаны объясненіемъ этого памятника: онъ сличалъ его съ итальянскими и португальскими путешественниками, въ XV вѣкѣ описавшими Индію, и вывелъ заключеніе, что только разсказы венеціанца ди Конти (1444) и отчеты Васко-ди-Гама (1497—1499) могутъ быть поставлены вровень съ Хоженіемъ Аѳанасія Никитина (1466—1472); что если путешествіе Васко несравненно значительнѣе было по своимъ всемірнымъ послѣдствіямъ, то наблюденія ди Конти и Никитина гораздо цѣннѣе по обилію содержанія, и Никитинъ въ этомъ отношеніи долженъ быть даже поставленъ выше ди Конти.

Что побудило Аѳанасія Никитина предпринять такое отдаленное и трудное путешествіе? Должно думать, что путешественника манила ложная надежда завести большую торговлю съ индійцами. «Меня залгали, говоритъ онъ, псы бесермены, а сказывали много всего нашего товара; ано нѣтъ ничего на нашу землю, все товаръ бѣлой на бесерменскую землю, да краска — то и дешево; возить моремъ, пошлинъ много, а на морѣ разбойниковъ много». Судя по этимъ словамъ, Никитинъ, увлеченный преувеличенными разсказами жителей востока, обманулся въ своихъ торговыхъ надеждахъ.

Выѣхалъ онъ съ русскимъ посломъ Василіемъ Папинымъ и пользовался покровительствомъ посла персидскаго къ Іоанну III, Асанъ Бека. Татары на югѣ были довольно къ нимъ негостепріимны. Персія не привлекла вниманія нашего путника: видно, что все оно сосредоточилось на Индіи. Его поражали сначала нагота и чернота индійскихъ туземцевъ, которые бѣгали за нимъ толпою, удивляясь бѣлому человѣку.

Подробно описываетъ Никитинъ нравы и обычаи индійцевъ, но съ особеннымъ вниманіемъ ихъ вѣру. Замѣчательно, что когда онъ открылся имъ христіаниномъ, и они изъ Аѳанасія переименовали его въ Хоза Исусъ Хоросани, тогда перестали передъ нимъ скрываться, и женъ своихъ отъ него уже не пря-

тали. Когда онъ разспрашивалъ ихъ о ихъ вѣрѣ, они сказали ему, что вѣруютъ въ Адама, называя его Бутъ, т. е. Будда. Всѣхъ вѣръ нашелъ Никитинъ въ Индіи 84, а всѣ вѣруютъ въ Бута (Будда); а вѣра съ вѣрою ни пьетъ, ни ѣстъ, ни женится между собою; ѣдятъ барановъ, куръ, яйца, но воловъ не ѣстъ ни одна вѣра. Индійцы вола зовутъ отцомъ, а корову матерью. — Онъ былъ въ Первотѣ, индійскомъ Іерусалимѣ. Бутхана — храмъ Бута — величиною съ полъ Твери; на стѣнахъ расписаны дѣянія Будды, какія чудеса онъ творилъ и какъ являлся въ образахъ полу-человѣческихъ и полу-животныхъ. Въ этотъ городъ съѣзжается вся страна индійская на чудо Бутово. Старые жены, дѣвки брѣютъ себѣ волосы передъ тѣмъ, какъ входятъ въ Бутхану. Подробно описанъ каменный идолъ Бута: здѣсь сидящій, съ лицомъ обезьяны, правую руку поднялъ высоко, какъ царь Юстиніанъ въ Царьградѣ, а въ лѣвой копье. Передъ нимъ стоитъ волъ огромный, вырѣзанный изъ черного камня и весь позолоченный; его цѣлуютъ въ копыто и сыплютъ на него цвѣты, такъ же какъ и на Будду.

Замѣтилъ Афанасій обрядъ похоронный, какъ сожигаютъ тѣла умершихъ и пепелъ сыплютъ въ воду; какъ отецъ даетъ имя сыну и мать дочери. Вотъ подробное описаніе торжественнаго выѣзда Султана на праздникъ Байрама въ Бедери. Съ двадцатью визирями онъ выѣхалъ. Триста слоновъ, наряженныхъ въ доспѣхи булатные, съ окованными городками на нихъ, а въ каждомъ городкѣ по шести человѣкъ, также въ доспѣхахъ, съ пушками и пищалями, а на великомъ слонѣ двѣнадцать человѣкъ; на всякомъ слонѣ по два большихъ прапора (знамени); къ зубамъ привязаны великіе мечи, къ рылу желѣзныя тяжелыя гири; человѣкъ сидитъ на доспѣхѣ промежъ ушей, крюкъ у него желѣзный великій, и тѣмъ онъ правитъ; коней простыхъ тысяча въ золотыхъ убранствахъ, верблюдовъ сто съ нагарами (барабанами), трубниковъ 300; плясуновъ 300. На султанѣ кафтанъ весь саженъ яхонтами; на шапкѣ чечакъ, алмазъ огромный; саадакъ золотой съ яхонтами; три сабли на немъ золотомъ окованы, сѣдло золотое; передъ нимъ бѣжитъ кафаръ пѣшій, играетъ теремцомъ (зонтикомъ); за нимъ пѣшихъ много, а тутъ [illegible] слонъ идетъ, весь наряженъ въ камку, большая желѣзная цѣпь во рту, отбиваетъ коней и людей, чтобы на султана не наступали близко. Братъ султановъ и ханъ Махмудъ составляли свиту султана.

выѣзды султана и его приближенныхъ на потѣхи или увеселительныя зрѣлища, описаны равно подробно. Сообщены также свѣдѣнія о войскѣ Бедерскаго султана и другихъ владѣтельныхъ хановъ.

Природа Индіи привлекла также вниманіе нашего путешественника. Онъ обозначилъ разницу въ климатѣ многихъ мѣстностей. Въ Бедери, въ Великую ночь, т. е. на Пасху, онъ дѣлалъ свои астрономическія наблюденія надъ небомъ Индіи, называя созвѣздія русскими народными именами: волосыни, кола и лось. Изъ животныхъ слоны особенно не поразили его, потому, конечно, что онъ видалъ ихъ и прежде. Обезьяны, напротивъ, показались ему особеннымъ народомъ, имѣющимъ свой языкъ и своего обезьянскаго князя, который ходитъ съ ними ратью и мститъ людямъ за обижаемыхъ подданныхъ: замѣчательны здѣсь миѳическія преданія объ обезьянахъ изъ индійской поэмы Рамаяна и о князѣ ихъ Гануманѣ. Упоминаетъ Никитинъ о ночной птицѣ гукукъ, такъ названной по крику своему, птицѣ зловѣщей, которая, по мнѣнію индійцевъ, садясь на кровлю дома, предвѣщаетъ въ немъ мертвеца. Въ Бедери на улицахъ видѣлъ онъ змѣя длиною въ двѣ сажени. Мускусовые олени были ему также извѣстны. Изъ растительнаго царства Никитинъ замѣтилъ тѣ плоды, изъ которыхъ готовятся водки и питья въ родѣ вина, и пряности Индіи въ географическомъ отношеніи, гдѣ родятся. Драгоцѣнные камни, и особенно алмазныя копи, съ обозначеніемъ цѣны лучшаго алмаза въ пять тысячь фунтовъ золота, были также имъ замѣчены.

Пристани Индійскаго моря: Гурмызъ, Камбатъ, Дабыль и Келекотъ, Силанъ (Цейлонъ), Шабатъ, описаны имъ подробно и вѣрно въ отношеніи къ произведеніямъ природы и къ торговлѣ, какую тогда вели.

Сокрушала Никитина невозможность исполнять со всею строгостью всѣ предписанія православной вѣры касательно постовъ и главныхъ праздниковъ. Но, сколько могъ, онъ соблюдалъ православные обычаи древняго русскаго человѣка съ удивительною настойчивостью. Правительство восточное было придирчиво къ его вѣрѣ и хотѣло насиліемъ обратить его къ своей. Никитинъ съ отчаянія восклицаетъ: „Ино братие, русьтии христьяне, кто хощеть поити въ Индѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да воскликнувъ Махмета да поиди въ Гундустаньскую землю“. Желая въ пути своемъ соблюдать за-

конъ своей вѣры. Никитинъ запасся было еще на Руси книгами, для того нужными, но его на дорогѣ ограбили, и книги тѣ всѣ у него взяли. Несмотря на то, онъ держался своего расчета, соблюдалъ посты, особенно Великій, ѣлъ тогда по два раза въ день хлѣбъ и воду, да молился Христу Вседержителю, кто сотворилъ небо и землю, а иного не призывалъ никотораго имени. Нѣсколько разъ въ описаніи своего многолѣтняго странствія онъ выражаетъ душевную тоску по родной вѣрѣ и отдаетъ отчетъ своимъ соотчичамъ въ томъ, какъ проводитъ онъ святые дни поста и гдѣ встрѣчаетъ великій день. „Уже проидоша Великыа дни четыре въ Бесерменьской землѣ, а христьянства не оставихъ; далѣ Богъ вѣдаетъ что будетъ. Господи Боже мой, на тя уповахъ, спаси мя, Господи Боже мой“. Отдавая отчетъ въ послѣдній разъ о постѣ и празднованіи Пасхи, онъ съ отчаянія уже такъ выражается: „правую вѣру Богъ вѣдаетъ, а правая вѣра Бога единаго знати и имя его призывати на всякомъ мѣстѣ чистѣ чисто. А о Велика дни христьянскаго не вѣдаю Христова Въскресенія, а говѣйное же ихъ говѣхъ съ бесермены, и разговѣхся съ ними и Великъ день взялъ въ Келбери“... Вотъ наконецъ мысль, которая заставила его послѣ шестилѣтняго отсутствія возвратиться въ отечество. Когда онъ пріѣхалъ въ городъ Дабилъ, пристань на Индійскомъ морѣ, онъ раздумался о вѣрѣ христіанской, о крещеніи Христовомъ, о постахъ святыми отцами устроенныхъ, о заповѣдяхъ апостольскихъ и устремился умомъ итти на Русь.

Въ описаніи своего хожденія Аѳанасій Никитинъ вставилъ много выраженій, цѣлыхъ реченій и даже отрывковъ на персидскомъ, тюркскомъ (татарскомъ) и арабскомъ языкахъ, которые онъ во время странствія своего, а частью, можетъ быть, и прежде себѣ усвоилъ. Всѣ эти восточныя вставки изслѣдованы и переведены на русскій языкъ нашимъ оріенталистомъ Казембекомъ. Здѣсь иногда восточными языками Никитинъ прикрываетъ то, что совѣстится сказать по-русски. Но большею частію вставляетъ на этихъ языкахъ молитвенныя выраженія восточныхъ народовъ, которымъ сочувствуетъ. Въ одномъ мѣстѣ молится за русскую землю. Вотъ смыслъ этой молитвы: „Да сохранитъ Богъ землю русскую! Боже сохрани (ее)! Въ семъ мірѣ нѣтъ подобной ей земли. Да устроится русская земля. О Боже, Боже, Боже (Боже) Боже!

Послѣдніе пять воззваній „о Боже“ — на арабскомъ, персидскомъ, два на русскомъ и одно на тюркскомъ языкахъ. Хожденіе свое онъ заключилъ магометанскою молитвою на арабскомъ языкѣ, называемой „асмаул-лахъ“. Въ молитвѣ изложены общія свойства Бога какъ существа совершеннаго; но Аѳанасій вставилъ въ эту молитву имя Іисуса, драгоцѣнное для христіанъ. *Шевыревъ.*

Значеніе хожденія за три моря Аѳанасія Никитина.

Не можемъ разстаться съ Хожденіемъ нашего странника безъ сожалѣнія, что на долю его не досталось пожить еще нѣсколько лѣтъ. Если бы онъ успѣлъ отдохнуть отъ своихъ бѣдъ въ родной Твери, то, можетъ быть, оставилъ бы на память о себѣ не только краткія записки, но и подробное описаніе чудесъ природы, имъ видѣнныхъ.

Какъ однако ни кратки записки, оставленныя Никитинымъ, все же и по нимъ можно судить о немъ, какъ о замѣчательномъ русскомъ человѣкѣ XV вѣка. И въ нихъ онъ рисуется какъ православный христіанинъ, какъ патріотъ, какъ человѣкъ не только бывалый, но и начитанный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ любознательный наблюдатель, какъ путешественникъ-писатель, по времени очень замѣчательный, не хуже своихъ собратовъ торговцевъ XV вѣка. По времени, когда писаны, его записки принадлежать къ числу самыхъ важныхъ памятниковъ своего рода: разсказы ди-Конти и отчеты Васко-де-Гама одни могутъ быть поставлены въ ровень съ Хожденіемъ Никитина. Не ниже ихъ это Хожденіе ни по слогу, хотя и можетъ онъ намъ теперь казаться слишкомъ мало-литературнымъ, ни по простодушію и отрывочности замѣчаній, ни по довѣрчивости къ разсказамъ туземцевъ, заставлявшей его иногда повторять и невѣроятное. А что умно-разнообразна была наблюдательность Никитина, въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться. И въ этомъ отношеніи Никитинъ не ниже, если не выше его современниковъ. Приведу нѣсколько строкъ, гдѣ оно обозначилось довольно рѣзко...

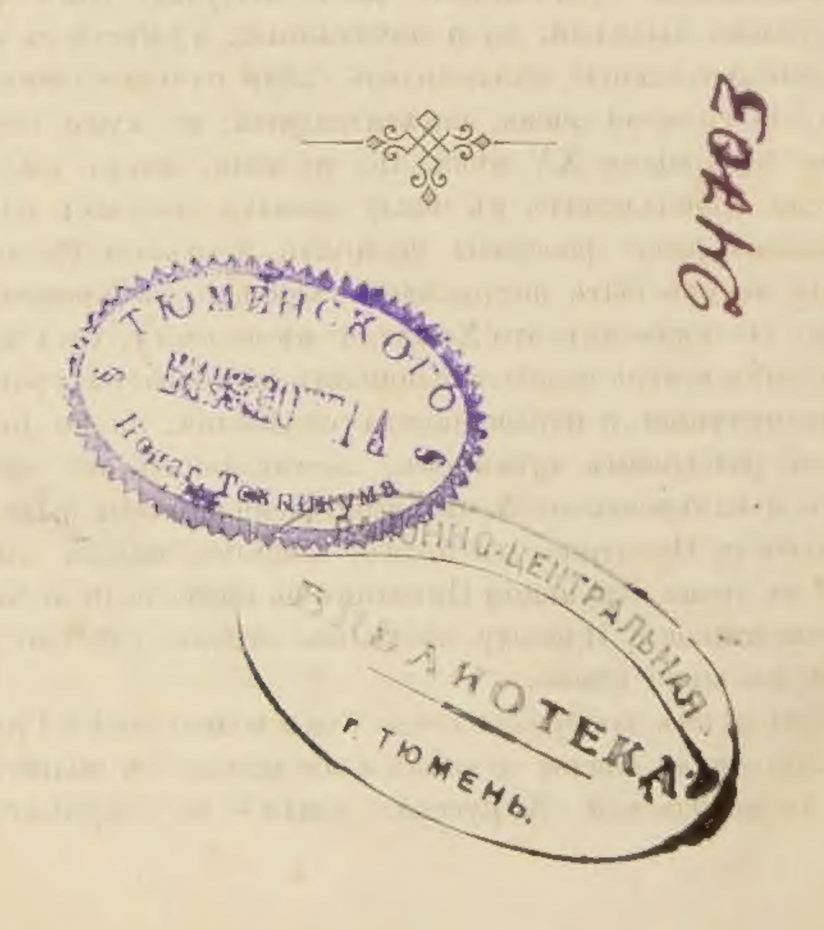
„Обильны всѣмъ побережье губы Севастопольской и Грузія, и турецкая земля, обилье во всемъ и все дешево въ волошской землѣ и въ подольской. А русская земля — да сохранитъ ее

Богъ. Боже, сохрани ее! Въ этомъ мірѣ нѣтъ такой прекрасной страны. Да устроится русская земля“.

Это припоминаніе говоритъ само за себя. Читая его, нельзя не сказать, что обширенъ былъ кругозоръ Никитина, что его вниманіе привлекали къ себѣ земли самыя отдаленныя отъ Руси въ такой же мѣрѣ, какъ и близкія. Былъ ли онъ во всѣхъ земляхъ, о которыхъ тутъ вспомнилъ? Если не былъ, то замѣтка его еще важнѣе, какъ доказательство, что память свою любилъ онъ обогащать разными свѣдѣніями, вычитывая ихъ изъ книгъ и выспрашивая отъ людей знающихъ и очевидцевъ, и умѣлъ ихъ припомнить. По этой одной замѣткѣ можно судить, какъ многое, достойное любопытства, нашло бы мѣсто въ запискахъ Никитина, если бы онъ имѣлъ случай переглядѣть ихъ на досугѣ, дома, отдохнувъ отъ заботъ странническихъ.

Невольное уваженіе вселяютъ къ себѣ такіе люди старой Руси — и, вѣроятно, мы найдемъ ихъ со временемъ не мало, когда будемъ искать съ любовью къ дѣйствительнымъ достоинствамъ людей, а не къ фантастическимъ идеаламъ, не забывая о времени, когда они жили.

И. Срезневскій.

Козьминъ, К. Орѳографическія прописи. Пособіе при изученіи орѳографіи. Тетрадь первая. М. 1885 г. Ц. 35 к.

— Логико-стилистическіе разборы образцовъ прозы и поэзіи. Пособіе при практическомъ изученіи стилистики, теоріи прозы и поэзіи и при веденіи объяснительнаго чтенія на высшей его ступени. Для среднихъ классовъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и старшихъ классовъ городскихъ училищъ. Одобрено Учен. Комит. М. Н. Пр. М. 1882 г. Ц. 1 р.

Козьминъ, К. и *Покровскій, В.* Теорія словесности. Сводъ теоретическихъ положеній, выведенныхъ изъ разборовъ образцовъ прозы и поэзіи. Одобрена Учен. Ком. М. Н. Пр. М. 1883 г. Ц. 30 к.

— Біографіи и характеристики отечеств[illegible]ихъ образцовыхъ писателей, для городскихъ училищъ и учительски[illegible]арій. Одобрено Учен. Комит. М. Н. Пр. М. 1883 г. Ц. 50 к.

Краткая грамматика французскаго языка по Ноэлю, Шапсалю и др., приспособленная къ примѣрной программѣ, напечатанной въ учебныхъ планахъ предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ М. Н. Просвѣщенія. Одобрена Ученымъ Комитетомъ Минист. Народн. Просвѣщ., какъ руководство для преподаванія французскаго языка. М. 1880 г. Ц. 60 к.

Любутовъ. Пособіе при изученіи теоріи словесности. М. 1883 г. Ц. 25 к.

Млинаричъ, И., преподаватель 1-й Московской гимназіи. Lucianus Samosatensis. Разговоры боговъ и разговоры въ царствѣ мертвыхъ. Текстъ съ словаремъ и объясненіемъ собственныхъ именъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. М. 1880 г. Ц. 70 к.

— Этимологія греческаго языка для гимназій. Одобрена Учен. Ком. М. Н. Пр. М. 1881 г. Ц. 1 р.

— Синтаксисъ греческаго языка для гимназій. Одобренъ Учен. Ком. М. Н. Пр. въ видѣ руководства по греческому языку для гимназій и прогимназій. М. 1880 г. Ц. 65 к.

Никитинъ, С., преподаватель 1-й и 4-й Московскихъ женскихъ гимназій. Элементарный курсъ географіи по синтетическому методу. Для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и элементарныхъ школъ. Выпускъ 3-й — Отечествовѣдѣніе и выпускъ 4-й — Міровѣдѣніе. Изд. 3-е. М. 1880 г. Ц. 50 к.

Николаевскій, Н., директоръ Несвижской учительской семинаріи. Руководство къ изученію главныхъ основаній педагогики въ учительскихъ семинаріяхъ М. Н. Пр. Дидактическая пропедевтика, курсъ II класса. Одобрено Уч. К. М. Н. Пр., какъ руководство для учительскихъ семинарій и институтовъ и для учительскихъ библіотекъ начальныхъ училищъ. М. 1883 г. Ц. 50 к.

— Педагогическая пропедевтика, курсъ III класса. М. 1885 г. Ц. 50 к.

Покровскій, В. Историческая хрестоматія, пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и преподавателей. Вып. I. М. 1887 г. Ц. 1 р.

— Тоже. Вып. II. Ц. 1 р. 50 к.

Покровскій, В. О педагогическомъ значеніи класснаго чтенія отрывковъ изъ образцовыхъ писателей. Ц. 60 к.

— Поэзія, какъ главный факторъ эстетическаго развитія. М. 1885 г. Ц. 1 р.

Покровскій, П. Справочный словарь русскаго правописанія, съ обозначеніемъ корней, указаніемъ происхожденія словъ и приложеніемъ правилъ русскаго правописанія. М. 1885 г. Ц. 50 к.

— Русская хрестоматія для приготовительнаго класса средне-учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ церковно-славянскаго текста и орѳографическихъ упражненій. Одобрена Уч. Ком. М. Н. Пр. Ч. I-я. Изд. 2-е. М. 1886 г. Ц. 50 к.

— Русская хрестоматія для [illegible]хъ первыхъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, съ приложені[illegible]рковно-славянскаго текста. Одобрена Уч. К. М. Н. Пр. [illegible] 1886 г. Цѣна 75 коп.

Преображенскій, [illegible] [illegible]даватель Московской 4-й гимназіи. Наука о величинахъ. Основані[illegible] и ариѳметики. Ч. I. М. 1884 г. Ц. 80 к.

— Руководство къ ариѳметик[illegible]ѣлыхъ, отвлеченныхъ и именованныхъ чиселъ. Для старшихъ и среднихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій. М. 1885 г. Ц. 30 к.

— Ариѳметика дробныхъ чиселъ. М. 1884 г. Ц. 25 к.

— Приложеніе 1-й и 2-й части ариѳметики. М. 1885 г. Ц. 20 к.

Савинъ, Н., преподаватель 1-й Московской военной гимназіи. Приготовительный курсъ геометріи, съ чертежами въ текстѣ. Для военныхъ гимназій, женскихъ институтовъ, гимназій и народныхъ школъ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М. 1879 г. Ц. 50 к.

Шапошниковъ, Н. А., преподаватель университета, 4-й гимназіи и женскихъ курсовъ въ Москвѣ. Курсъ ариѳметики. Ариѳметика цѣлыхъ чиселъ. М. 1882 г. Ц. 40 к.

— Основанія теоріи детерминантовъ. 1882 г. Ц. 60 к.

СВЕРХЪ ТОГО ПЕЧАТАЕТСЯ:

Литвиненко, К. А. Записки по грамматикѣ русскаго языка. Методическое руководство и учебное пособіе для городскихъ, приходскихъ и сельскихъ училищъ.

Павловъ, А. и ***Ивановъ, П.***, преподаватели Моск. Учит. Инстит. Курсъ линейной перспективы съ атласомъ чертежей для реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и другихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается рисованіе.

Покровскій, В. Историческая хрестоматія, пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и преподавателей. Вып. III. М. 1887 г.

Свирѣлинъ, Ал., протоіерей. Чтенія изъ книгъ ветхаго и новаго завѣта и чтеніе миней по предмету свящ. исторіи для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ съ объясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій.

Гг. иногородные могутъ выписывать изъ моего магазина всѣ книги, кѣмъ бы и отъ кого бы то ни было публикованныя; требованія исполняются немедленно. Учебнымъ заведеніямъ, земскимъ управамъ, народнымъ школамъ и книгопродавцамъ дѣлается уступка. Адресъ: *въ Москву, книгопродавцу Михаилу Дмитріевичу Наумову, на Мясницкой улицѣ, д. Духовной Консисторіи.*